Лю Цысинь

ВЗГЛЯД СО ЗВЕЗД

От создателя романа
ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ

FANTZON

Взгляд со звезд
Лю Цысинь

Аннотация
Лю Цысинь. Взгляд со звезд
Достаточно времени для любви. Вместо предисловия
1. Взгляд в будущее
Электронный поэт
Обратная экспансия цивилизации
Поднять паруса!
Мир через пятьдесят лет
Почему людей стоит спасать?. Лю Цысинь против Цзян Сяоюаня
О будущем человечества
Технологическая сингулярность
В ожидании пришествия ИИ
Сто тысяч и одна Земля
Навстречу межзвездной цивилизации
От реального города к виртуальному
2. Взгляд на фантастику
По ту сторону нарциссизма. Что научная фантастика может предложить литературе?
Фантастика в состоянии хаоса
Дорога к идеалу. Научная фантастика и идеаль-

ное общество
Война научной фантастики и фэнтези
Радость, которую дарит фантастика
Фантастика накануне сингулярности. Предисловие к первой книге серии «Фантастика сингулярности»
Мое мнение о современной китайской научной фантастике
Иссякший поток. Китайская фантастика в 1980-х
Завтра вечером покажут кино
Мы – фанаты научной фантастики
Забытые шедевры
С днем рождения, Лю Вэньян!
Столетие Западных ветров. О влиянии зарубежной научной фантастики на китайскую фантастику
Ежегодная антология китайской научной фантастики – 2007. Предисловие
Когда фантастика превращает научпоп в литературу
Тридцать лет магии. В честь юбилея «Мира научной фантастики»
Переходный год для научной фантастики
3. Взгляд в зеркало
Храм фантастики. Описание Вселенной в науч-

но-фантастических произведениях

Неизбежные и прекрасные ошибки. Обзор недостатков в научной фантастике

Увидеть каплю воды в океане. Об элементах традиционной литературы в фантастике

«Многомерное пространство» беседует с Лю Цысинем

Возвращение в Эдем. Оглядываясь на десять лет, в течение которых я пишу фантастику

4. Взгляд со звезд

Мы строим нашу пирамиду. Размышляя о премии «Млечный Путь»

Речь по случаю вручения премии. Премия «Млечный Путь» за 2000 год и премия Пекинского педагогического университета в категории «Фантастика»

Путь в поисках дома. По случаю включения «Блуждающей Земли» в юбилейное приложение к «Миру научной фантастики»

Воспоминания фаната фантастики первого поколения. Посвящается публикации «Эпохи Сверхновой»

«Эпоха Сверхновой». Послесловие

«Шаровая молния». Послесловие

Интервью с Лю Цысинем. О «Шаровой молнии»

Худшая из всех возможных Вселенных, лучшая

из всех возможных Земель. «Задача трех тел» и китайская научная фантастика
«Задача трех тел». Послесловие к американскому изданию
«Темный лес». По случаю завершения работы
Теория «темного леса»
«Вечная жизнь Смерти». По случаю завершения работы
Восстановление доверия к научной фантастике. О «Вечной жизни Смерти»
5. Взгляд на книжную полку
«Королевская битва» и «Неумолимое уравнение»
Научная фантастика, которая нам нужна. О «Черном солнце» Джека Уильямсона
Боги, возрожденные на границе фантастики. О «Князе Света» Роджера Желязны
Юность и мечты фантастики. Предисловие к «Хрустальному небу» Чжао Хайхун
Путешествие в Америку Судного дня. О «Марсе над Америкой» Хань Суна
Рэй Брэдбери. Вместо некролога
Великолепная карта облачности Вселенной. О «Скрытой реальности» Брайана Грина
Зачем мы шли сюда три миллиарда лет?. Предисловие к книге «Привет! У нас свидание с

космосом!» Чжао Яна
Драгоценный опыт апокалипсиса. Предисловие к «Побегу из родной Вселенной» Ван Цзинькана
Поэтическая фантастика. О Кене Лю
Поденка в море звезд. Предисловие к «Году Страшного суда» Хэ Си
Третье измерение Хань Суна
Современная американская фантастика. Взгляд через призму двух премий
Несколько книг на моем пути в фантастике
Рекомендованные произведения в жанре фантастики
Письмо для моей дочери. Вместо послесловия

Аннотация

Иногда то, каким фантасты представляют будущее человечества, оказывается не менее интересным и увлекательным, чем их художественные произведения. Лю Цысинь, известнейший китайский фантаст, автор бестселлеров, лауреат как китайских премий «Туманность» и «Млечный Путь», так и международных премий «Локус» и «Хьюго», как раз из числа таких авторов.

Перед вами сборник, в который вошли почти все эссе и статьи «Азимова из КНР». Они проливают свет на опыт Лю Цысиня как ученого, писателя, читателя и любителя научной фантастики на протяжении всей его жизни.

Из книги вы узнаете:

что Лю Цысинь думает о будущем человечества, общества и Вселенной;

мысли писателя о своих книгах, о истории своей любви к фантастике и о самом себе;

статьи, посвященные коллегам и их произведениям.

«Важный сборник, который не боится задавать большие вопросы». – *Publishers Weekly*

«Обязательна для прочтения всем начинающим писателям-фантастам. Все включенные в сборник произведения являются жемчужинами как с точки зрения мастерства повествования, так и с точки зрения впечатлений». — *Kirkus Reviews*

Лю Цысинь
Взгляд со звезд

Liu Cixin
THE WORST OF ALL POSSIBLE UNIVERSES
AND THE BEST OF ALL POSSIBLE EARTHS
(A Collection of Essays)
Copyright © by [illegible] (Liu Cixin)
Russian language translation rights authorized by FT Culture (Beijing) Co., Ltd
Co-published by Chongqing Media & Publishing Co., Ltd
All Rights Reserved

Перевод М. Головкина
Иллюстрация К. Гусарева
Под редакцией А. Валдайского
Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Достаточно времени для любви[1]

Вместо предисловия

Это произошло более сорока лет назад. Стоял удушающе жаркий вечер; в домике, в котором жила наша семья, не было ни одного вентилятора, а кондиционеры и телевизоры, которые вполне могли показаться нам технологиями из будущего, появились в округе лет через десять после того дня. Взрослые собрались на улице и болтали, обмахивая себя чем попало, а я сидел дома и, обливаясь потом, читал первое в моей жизни фантастическое произведение — роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли». Вдруг кто-то заставил меня покинуть мир грез, вырвав книгу из моих рук. Это был мой отец. Я слегка занервничал, ведь всего несколько дней

[1] Примечания: 1

В названии отсылка к роману Роберта Хайнлайна «Достаточно времени для любви, или Жизни Лазаруса Лонга» (1973). (*Здесь и далее — прим. ред.*)

назад он увидел, что я читаю «Красный утес»[2], и, отругав меня, отобрал книгу. (Сегодня это сложно себе представить, но в то время даже такие прокоммунистические, революционные книги, как «Красный утес» и «Песнь молодости»[3], были запрещены.) Но на этот раз отец ничего не сказал, а просто вернул мне книгу. Я нетерпеливо ждал момента, когда смогу вернуться в мир Верна, но отец, который направился было к выходу, внезапно остановился у двери и сказал:

— Это называется «научная фантастика».

В тот день я впервые услышал термин, который изменит всю мою жизнь. (Пройдет еще десять лет, прежде чем появится аббревиатура «НФ».) Я четко помню свое удивление — мне казалось, что это правдивая история! Верн писал так реалистично, а на большой части изданий «Путешествия», которые вышли в Китае до «культурной революции», не стояла пометка «фантастика» — как и на моем экземпляре.

— То есть все это выдумка? — спросил я.

---

[2] Примечания: 2

«Красный утес» (1961) — роман Гуанбинь Ло и Иянь Яна, описывающий борьбу коммунистических подпольщиков во время Китайской гражданской войны 1949 года.

[3] Примечания: 3

«Песнь молодости» (1959) — роман Ян Мо, посвященный революционной борьбе китайских студентов.

— Да, но она основана на науке.

Этот простой диалог из трех реплик стал фундаментом для концепции, которая позднее будет направлять меня как писателя-фантаста.

Раньше я говорил, что пишу фантастику с 1999 года, когда было опубликовано мое первое произведение. Но на самом деле мой творческий путь начался на двадцать лет раньше. Первое научно-фантастическое произведение я написал в 1978 году: это был рассказ о том, как на Землю прибыли инопланетяне. В конце рассказа они подарили главному герою маленький мягкий комок, сделанный из какой-то мембраны, и сказали, что это воздушный шар. Герой принес его домой и надул — сначала ртом, потом велосипедным насосом, а затем мощным компрессором, и шар превратился в огромный город, который больше Пекина. Рукопись я отправил в «Новый порт», литературный журнал, который выходил в Тяньцзине; с тем же успехом я мог бы выбросить ее в старом порту, потому что ответ я так и не получил.

За двадцать лет, пока не вышел рассказ «Песня китов», я писал лишь время от времени, делая долгие перерывы. Традиционная концепция научной фантастики, которая для меня воплоти-

лась в том коротком разговоре с отцом, в Китае подверглась пересмотру уже в начале 80-х годов, и вскоре была отброшена. Из-за границы, особенно в 80-е, хлынул мощный поток новых идей, и китайская фантастика впитывала их, словно губка. Мне казалось, что я — одинокий часовой на забытой границе, который бродит по пустошам, иногда натыкаясь на заросшие травой и кустарником руины. Это ощущение изолированности до сих пор свежо в моей памяти. Когда мне стало совсем тяжело, я разработал стратегию и стал действовать в соответствии с ней. Я создал такие экспериментальные произведения, как «Китай 2185» и «Эпоху Сверхновой», но затем бросил писать романы и продолжил писать рассказы, которые соответствовали моим представлениям о том, какой должна быть фантастика.

После того как мои произведения начали выходить в «Мире научной фантастики»[4], я с восхищением обнаружил, что граница — не такая уж пустошь, как мне казалось. Там были и другие люди, и с ними я не встретился только потому, что недостаточно настойчиво их окли-

[4] Примечания: 4

Ежемесячный китайский журнал фантастики, основанный в 1979 году в Чэнду, Сычуань. Средний тираж 300 000 экз., что делает его самым массовым и популярным в мире.

кал. В дальнейшем я выяснил, что таких людей немало; они появлялись целыми толпами, и, как я узнал, они живут не только в Китае, но и в США. Они — легион, который поддерживает небосвод фантастики.

В Китае фантастика занимает необычное положение. Она как жанр гораздо чаще становится объектом пристального исследования и анализа, и она же содержит гораздо больше новых идей и концепций, чем любая другая форма литературы. Мы, фанаты данного жанра, обсуждаем некоторые темы уже тридцать или сорок лет, и в то же время постоянно появляются новые вопросы и проблемы. Именно нас больше, чем кого бы то ни было, интересуют теории и идеи, и именно мы больше всех остальных боимся отстать от времени. И в результате произошло нечто странное.

В течение месяца после того, как меня наградили премией «Хьюго», я говорил с самыми разными людьми — с заместителем председателя КНР, мэром моего города, школьными учителями, одноклассниками моей дочери, полицейскими, курьерами, мясником из моего квартала… и поэтому я начал ощущать эту странность еще сильнее.

Странность эта такова: то, что мы, фэны и ис-

следователи, называем «фантастикой», и то, что считают фантастикой обычные люди, — это разные вещи.

С одной стороны, есть сообщество — фэны, сотни фанатов фантастики; с другой стороны, есть мясники, курьеры, полицейские, одноклассники дочери, учители, мэры и заместители председателя, число которых составляет около 1,3 миллиарда. Какая из двух групп ошибается? Скажу честно: я не думаю, что это мы, фэны, однако подобные чувства заставляют меня сомневаться в своей правоте.

Один знаменитый писатель сказал, что классическая литература — Толстой, Бальзак и другие — это стена, которую строили по кирпичику, а современная литература и литература в жанре «постмодерн» — это лестница, которая ведет сразу наверх.

Это высказывание весьма точно описывает настроения, царящие в сообществе фанатов фантастики. Нам очень хочется преодолеть последнее препятствие — и это желание заставляет нас забыть о том, что некоторые препятствия перепрыгнуть невозможно. Их нужно испытать. Например, невозможно пропустить детство и юность и сразу перейти к взрослой жизни. Что

же касается литературы в жанре фантастики, то нам нужна та кирпичная стена; если ее убрать, то нам будет не к чему прислонить нашу лестницу.

В сборник вошло большинство моих эссе, написанных за последние пятнадцать лет — из тридцати с лишним лет, в течение которых я пишу фантастику. В течение оставшегося времени я статей не писал, и даже в дневниках ни разу не упоминал про фантастику.

Если посмотреть на эти статьи, то можно обнаружить определенную траекторию, сдвиг от паранойи к терпимости, от фанатизма к трезвому взгляду на вещи. Я понял, что существуют самые разные виды фантастики и что фантастическое произведение необязательно должно содержать в себе научные элементы. Наука может повернуться от космоса и будущего к банальной реальности, и даже сфокусироваться исключительно на внутреннем мире человека. Каждый такой вид фантастики появился неспроста, и в любом из них могут быть созданы классические произведения.

Но даже при этом мысль, которая лежала в основе того короткого разговора с отцом, по-прежнему в моем сердце. Она — фундамент, благодаря которому существует фантастика. И все мои эссе

пытаются выразить еще и это.

Хотя китайская фантастика существует уже сто лет, ее история только начинается. Будущее зовет нас. Достаточно времени для любви.

Янцюань,
21 сентября 2015 г.

1
Взгляд в будущее

Электронный поэт

Наступает новое столетие, мои дорогие друзья — любители фантастики, и вы, несомненно, хотите взять с собой в новый век пару сувениров. Я подумал об этом, и мне в голову пришло вот что: поэты. Они, разумеется, не являются продуктом XX века, однако в следующем столетии, скорее всего, исчезнут. Века поэзии ушли безвозвратно; даже если в следующем веке и будут поэты, они станут такой же редкостью, как и яйца динозавров.

Весной этого года я прочел «Путешествие первое А, или Электрувер Трурля» Станислава Лема. Настоящий шедевр, убедитесь в этом сами. Данное произведение так меня восхитило, что, прочитав его, я неделю не отходил от компьютера, превращая часть фантазий автора в реальность. Я создал электронного поэта, или, если позаимствовать термин из «Нейроманта» Уильяма Гибсона, «конструкт» поэта.

И мой «конструкт», и я прекрасно осознаем свои недостатки. Мы не пытаемся превзойти Ли Бая или Шелли, но определенно можем посоревноваться с поэтами-модернистами. Насколько я

понимаю, современные поэты делают акцент на загадочность и свободу. Ну что ж, посмотрим, как они покажут себя в состязании с моим процессором. Давайте узнаем, кто из них более загадочен и свободен!

Когда вы будете читать эти стихи, вам, возможно, покажется, что у поэта пары нейронов не хватает. Но разве не такого эффекта добиваются современные поэты? Кроме того, это же компьютерная поэзия, человек никогда бы такого не написал! Если не верите, попробуйте сымитировать его стиль — да вас инфаркт хватит!

Однако главное преимущество электронного поэта — это его скорость. По данным последнего испытания, которое я провел, он создает поэзию со скоростью 200 строк в секунду (без рифм) и 150 строк в секунду с рифмами. Такой результат он показал на моем древнем *Pentium 166 MMX*, а если бы я запустил его на *Pentium III 500*, хе-хе… Кроме того, творческий процесс электронного поэта полностью автоматизирован: просто укажите количество строк, а все остальное он сделает сам. Два дня назад ко мне в гости зашли друзья, и, чтобы позабавиться, мы решили испытать поэта — задали ему поэму из 300 000 строк. Не успели мы выпить и половину бутылки дешевой водки

байцзю, как он уже закончил работу. К сожалению, мы не смогли прочесть даже сотой доли процента данного произведения, но мы знаем одно — благодаря математическому аппарату поэта, а также функции RAND ()[5], ни одна из 300 000 строк не повторяется!

Электронного поэта я программировал в *Visual FoxPro*. У него пять модулей, шесть словарей и библиотека синтаксиса. Я только что слегка «подровнял» его, убрав весь графический интерфейс, и теперь он стал совсем некрасивым, похожим на DOS, но очень легким — всего 75 килобайт. Своего сайта у меня нет, так что я буду очень благодарен, если кто-то выложит его в Сеть, чтобы другие могли его скачать.

Представьте себе: в вашей жизни уже наступила поздняя осень, вы со своими правнуками стоите под экощитом, из космоса на вас ярко светят двадцать искусственных солнц, а вы рассказываете потомкам о том, каким романтичным и сентиментальным было наше время. Приглушенным голосом вы поведаете им о том, что когда-то была такая вещь, как «ночь», такая вещь, как «луна», а также объекты под названиями

---

[5] Примечания: 5
Функция, которая генерирует случайные числа.

«деревья» и «трава»… А затем, когда правнуки начнут недоверчиво переглядываться, вы сообщите им о том, что когда-то была такая штука, как поэзия!

В этот момент вы врубите свой наручный компьютер, которому уже почти тридцать лет, и из него польется бесконечный поток… новых стихов! Только представьте себе лица ваших правнуков… хе-хе…

Ниже приведены несколько стихотворений, которые я отобрал. Чтобы меня не приняли за спамера, я выложу только парочку, да и то коротких.

Произведение № 75509

Я вижу черных художников и шипастые волны

Я видел, что колючее сердце заснуло,

а программный код колотил игровую площадку

На этой оливково-зеленой игровой площадке

нет грузовиков, есть только бабочки

Я хочу принимать препараты. Я хочу слабо

пожелтеть

Я видел яркий зимний снег

и гиперболизированное сияние

Я видел летящую по небу синюю грудь и мыло,

слушающее моржей

В этом слабом весеннем дожде нет Бетховена,

есть только мать

Я хочу встать, я хочу петь своим дыханием

Я видел большой корабль и прозрачный

микроволновый луч

Я видел лающие мертвые рыбацкие лодки

и овец, копающих дистиллированную воду

В этом пористом мхе нет Евы, есть только

учитель

Я хочу впасть в спячку. Я хочу сиять.

Я вижу кровавые легенды и далекие костры

Я видел яркие боевые корабли в тишине
и прозрачную юбку, ласкающую
игровую площадку
В этой криволинейной борьбе нет лунных
танцев, есть только песок
Я хочу размахивать, я хочу грубо паниковать

Произведение № 28610

Ха, руины так раздражают
О, как я хочу вздремнуть хрустально чисто
Повсюду мох, повсюду рассудительность,
Повсюду восьмиугольные первые аккорды
и твердая ранняя весна
Эх, в летнем лагере столько волн!
О, как я хочу играть в кислоту
Повсюду математика, повсюду интегралы,
Все наполнено закругленной Венерой

и смещенным льдом

Ах, ребра так заблудились!

Ха, как я хочу звездный поцелуй.

Повсюду диско, повсюду стеклянные крыши,

Повсюду яркие сигнальные огни и грязная пыль

О, виски так далеко распространяется!

Эх, как я хочу любить танцующие поцелуи.

Повсюду гром и молния, повсюду общество

рабов,

Повсюду высокие книги песен и щедрое золото.

Произведение № 46

Глядя на темный Дворцовый музей,

я промахиваюсь

Залипаю, гадаю, погружаюсь в спячку,

смотрю наверх, новый год имеет форму лука

Призрачный дезинфектант гонится

за подозрительным мустангом

Рыцари грязные

Если океан в отчаянии, вообрази себе его!

Компас врет, он сделан из серебра.

Я вижу, гравитация молока стареет,

фотосинтез запускает раскачивающихся амеб,

я хочу ударить тебя

Время потока скучное, маленькое, словно

песчинка, плотное, мелкое и искусственное!

Длинная сухая антенна, словно мощный

энергетический луч

Крошечный, появляется в тележке,

которую тянет вол

Ха, мой костер, мой лед, мой полярный круг

О, эта бесконечная ограда, эта прекрасная

логика!

Ядерная сила превращается в облако

О ха-ха-ха-ха-ха?!

Парусник проклинает небесную рубашку,

О, гром и молния

Отряд был загрязнен

Произведение № 28611

Астероиды звали

Рядом с твердым веществом есть только

желеобразные рисовые поля

Нет, я не хочу летать!

Мне этого не хватает

Тригонометрические функции под наблюдением!

Рядом с Андромедой есть только гигантская

живая река

Нет, я не хочу сожрать самого себя!

Я конденсируюсь

Стрекозу ущипнули!

Рядом с Восточным экспрессом есть только лук

и свистящая стрела

Нет, я не хочу курить!

Я говорю

Это комната предупреждения!

Рядом с мечом есть лишь скрипящее время

Нет, я не хочу гулять во сне!

Я загниваю

Произведение № 28612

Повсюду философы, повсюду мокрый ветер,

повсюду Индийский океан,

повсюду великолепное бешенство

Пока весна увлекает, чувство будет курить

Все отталкивает друг друга, все падает,

все портится, ах

Пока пастух в коме, бездна не нагреется

Повсюду место назначения, повсюду

вертикальная линия, повсюду резаный табак,

повсюду прелестный треугольный парус

Пока Орион чист, команда будет мигать

Все плачет друг другу, все краснеет,

все говорит, ах

Пока бассейн кружится, старика еще можно

изменить

Повсюду лилии, повсюду будильники,

повсюду сфинксы, морские пауки,

наполненные фантазией

Пока синьтянью[6] имеет форму яйца,

команда будет кислой

Все желтеет, все думает, все пьет, ах,

Пока ученые катятся, запал будет мутной водой

---

[6] Примечания: 6

Синьтянью — форма народной песни из провинции Шаньси, род частушек.

Произведение № 47

Плевательница бежит

Среди цветов бесчисленное множество звезд

презрительно смотрит

Я ругаю черную смерть, заменяя гормоны,

индуцируя звезды, убивая деревья-фениксы

и целуя «Боинг-747».

О, как я хочу повесить точно

Ты – моя трагедия, я – твой частный детектив

Ха-ха-ха-ха! Жуткий, молчаливый,

бесконечный Замок

Мороз считает рыбу

Пока потаскушка великолепна, весенний

гром будет плакать

Произведение № 86

Я сражаюсь

Ты – моя черная петля

Нежная, болезненная, зловещая

За форт говорят пулеметы

Я видел, как ионизируются отчаявшиеся девы,

как утки сверкают на камнях

Произведение № 28614

Подумай о том, какой идеальной была Цайюнь

Свеча далеко от зеркала

Утренняя роса печали подобна радуге

О, она – мой черный купальник

Подумай о том, каким черным был снег

Хромосомы грациозно следуют за Утопией

Полукруглая лужа подобна телефону

О, она – моя высокая дуга

Подумай о том, какими зазубренными

были взрыватели

Дорога органично дарит свободу кровати

Крестообразные берега подобны коже

О, она – мое солнце в облаках

Подумай о том, каким твердым был лодочник

Казино заставили стены сверкать

Береза в форме пагоды подобна телеге

Ш-ш-ш, она – мой удивительный оберег.

Произведение № 38

Промах, галоп, вспышка, сотрясение,

полусферическая грязь!

Я хочу кипеть, я хочу любить, я хочу качать

головой, я хочу увядать, я хочу конвульсировать!

Мороз, разговор, вздох, хрипение, Зевс!

Я буду танцевать, я буду танцевать диско,

я буду вести переговоры, я буду ругаться,

я буду кричать!

Поцелуй, изумление, отражение, писк,

широкий муж!

Я хочу врезаться друг в друга, я хочу посмотреть

вверх, я хочу бродить, я хочу размножаться,

я хочу улыбаться друг другу!

Объятия, разговоры во сне, дрожь,

аплодисменты, холодная вершина!

Я хочу повернуться, я хочу покраснеть,

я хочу нести бред, я хочу взлететь высоко!

Разложение, расширение, вращение, сон,

слабая общая относительность!

Я буду тушить огонь, я буду ржаветь,

я буду крутиться, я буду дергаться,

я буду ионизироваться!

Плач, фантазии, падение, пожирание,

кислая молотящая земля!

Я буду петь, я буду произносить речи,

я буду дремать, я проснусь,

я буду махать руками!

Опубликовано на форуме «Научная фантастика»
сервера университета Цинхуа,
7 января 2001 г.

Обратная экспансия цивилизации

Когда представители иной цивилизации, которых люди искали и звали в течение многих лет, наконец-то прибудут на Землю, человечество, мечтавшее о встрече с инопланетянами, возможно, окажется в неловкой ситуации. Возможно, инопланетяне проигнорируют протянутую руку дружбы и предпочтут общаться с муравьями.

Это заставляет задаться вопросом: кто на Земле глава семьи?

Если вы считаете очевидным ответ «мы», то вы заблуждаетесь: мы слезли с деревьев лишь чуть более миллиона лет назад, а самая древняя цивилизация, которую мы можем назвать своей, появилась всего пять с небольшим тысяч лет назад. Муравьи же строят свои великие империи на каждом континенте Земли уже сотни миллионов лет. По сравнению с ними мы всего лишь бездомные сироты, которые только что забрели в комнату и попросили стакан воды. До звания хозяина дома нам еще далеко.

Вы, несомненно, возразите: «Это же когда было! У нас есть цивилизация, а ведь именно она повышает статус Земли во Вселенной».

Однако пока что доказательств тому нет. Самым ужасным периодом жизни на этой планете мы считаем конец мелового периода, когда в Землю врезался астероид, после чего на планете погибла бóльшая часть живых существ, и в том числе динозавры. Но, возможно, вы не знаете, что сейчас, в эпоху цивилизации, виды вымирают куда быстрее. Самый жуткий период в истории жизни на Земле — это наше время! Возможно, именно благодаря цивилизации жизнь сохранится в течение многих поколений… а может, она — ловушка, тупик, в конце которого ждет уничтожение всего живого, и нас в том числе.

Отличительной чертой современной технологической цивилизации является ее стремление расширяться. Цивилизация постоянно раздвигает свои границы, растет, словно воздушный шар, который люди надувают, не думая о том, когда он лопнет.

Подумайте об эпохе Великих географических открытий, наполненной мечтами о море. В тот короткий период европейская цивилизация, которую Возрождение вывело из забытья, распространилась по всему земному шару, словно стая саранчи.

А что ждет нас впереди? Если цивилизация

сохранится, то она по необходимости будет увеличиваться в размерах и превратится в огромную макроцивилизацию. Фантасты уже создали много ярких описаний подобных цивилизаций. В романе «Мир-кольцо» Ларри Нивена, например, изображена огромная, созданная цивилизацией структура, которая опоясывает звезду. В цикле Айзека Азимова «Академия» люди расселились по всему Млечному Пути, а в романе «2001: Космическая одиссея» Артура Ч. Кларка сверхцивилизация использует структуры гиперпространства — то, что человечество даже не в состоянии понять.

Но то, что мы пишем, это *научная* фантастика: если мы собираемся сделать чуть более серьезные прогнозы относительно ультрадалекого будущего, то должны оставаться в пределах математики и законов физики. В противном случае мы будем не строить предположения, а создавать мифы.

Когда цивилизация начинает расширяться во Вселенной, естественным первым шагом на этом пути является освоение собственной звездной системы. Скорее всего, вам известно, что геометрическое увеличение биома — жуткая штука. Представьте себе, что поверхность Земли — питательная среда: если вы поместите невидимую

крупицу бактериальной культуры в любую точку на поверхности Земли, а затем отправитесь в отпуск, то он еще не дойдет до середины, а вся планета уже будет покрыта слоем бактерий. Если технологии людей разовьются в достаточной степени, то человечество под воздействием неумолимых законов экономики стремительно пронесется по всей Солнечной системе. Тогда вы поймете, что наша система весьма мала — нам не хватит ни металлов Меркурия и пояса астероидов, ни территорий Венеры и Марса, ни жидкого и твердого водорода на Юпитере, ни сырья на Европе и на кольцах Сатурна и Урана, ни метана Плутона! В Солнечной системе — как и на Земле — человечество столкнется с экологическим и экзистенциальным кризисом. Следующим шагом для цивилизации станет распространение за пределами Солнечной системы, и в этот момент она наткнется на непробиваемую стену — предел скорости света.

Нет ни теоретических, ни полученных в ходе наблюдения доказательств того, что в пространстве-времени существуют «червоточины», а свертывание пространства — это просто фантазия. В этот момент в соответствии с нашими теориями ничто не может двигаться быстрее

скорости света. Как я уже сказал, если мы хотим отделить наши предсказания от обычных мифов, то должны придерживаться данного ограничения. Действительно, любым средствам технологии межзвездных перелетов, появление которых можно предсказать — двигателям на термоядерной энергии, солнечным парусам и так далее, — будет сложно разогнать космический корабль приличных размеров даже до одной десятой от скорости света. Полет к ближайшей звезде и обратно с такой скоростью может занять почти сто лет; путешествие к звезде, в системе которой есть значительное количество ресурсов, продлится несколько тысяч лет или даже больше. Быстро растущая экономика развитого в технологическом отношении общества никогда не смирится с подобными временны́ми рамками. Поэтому глобальная цивилизация будет распространяться практически так же, как одуванчик распространяет свои семена; ветер уносит их прочь, они приземляются далеко друг от друга, и из них вырастают новые одуванчики. Семена цивилизации никак не смогут поддерживать связь друг с другом и никогда не сольются в единое целое. Если бы Галактическая Империя Айзека Азимова действительно существовала, она была

бы огромным паралитиком — если ее мозг хотел бы двинуть пальцем, потребовался бы миллион лет для того, чтобы отдать сигнал пальцу, и еще миллион лет понадобился бы мозгу, чтобы узнать, действительно ли палец пошевелился.

Из этого мы можем заключить, что никакой межзвездной сверхцивилизации во Вселенной не существует. Иными словами, неограниченная экспансия в пространстве не годится для того, чтобы развивать цивилизацию.

Теперь давайте подумаем о противоположном направлении и вернемся к нашей первой теме — муравьям. Как они выжили? Почему они не вымерли, словно динозавры? Один из ключевых факторов — малые размеры. Экологическому сообществу, состоящему из небольших существ, нужно мало пространства и мало ресурсов, и поэтому оно более приспособлено к выживанию. Пространство, занятое динозавром, который прилег отдохнуть, было бы огромной территорией для города-государства муравьев, а то, что тираннозавр съел бы за один укус, стало бы годовым запасом пищи для целого мегаполиса муравьев. Поэтому виды, представители которых невелики, обладают очевидным преимуществом. Возможно, это заметила и сама природа: если посмотреть

на тенденции в естественном отборе, станет ясно, что в ходе эволюции организмы уменьшаются.

Уменьшение размеров равносильно увеличению жизненного пространства. Это можно назвать «обратной экспансией» цивилизации.

В долгосрочной перспективе обратная экспансия, возможно, станет единственным способом развития человеческой цивилизации. Это технически более реалистичный метод, чем преодоление барьера скорости света. Людям просто понадобится изменить ход эволюции с помощью технологий и постепенно уменьшить самих себя. Сейчас проще всего представить себе, как достичь этого с помощью генной инженерии. Данная сфера развивается невероятно быстро, и несложно вообразить себе, что однажды люди научатся манипулировать генами, словно частями компьютерной программы, и тогда биология станет творить чудеса, которые невозможно себе представить. Самыми маленькими млекопитающими, отчасти похожими на людей, являются грызуны. С помощью генной инженерии человечество сможет однажды уменьшить человека до размеров белой мыши, и если мы это сделаем, то облик мира для нас радикально изменится! Только представьте: обычный современный дом с

двумя спальнями станет для них огромным величественным дворцом! А ведь Земля *уже* кажется людям невообразимо огромной. Вот еще мысль, которая, возможно, покажется вам нелепой: если все будут в равной степени маленькими, девочки перестанут смеяться над невысокими мальчиками.

Возможно, именно так начнется обратная экспансия, и это будет первый шаг к истинной микроцивилизации. Подобное уменьшение размеров не решит все проблемы: чтобы создать достаточно свободного места для сверхцивилизации будущего, людям, возможно, придется уменьшить себя до размеров бактерий! Кому-то эта идея покажется безумной — для того чтобы воплотить ее в жизнь, понадобятся значительно более продвинутые технологии, чем генная инженерия, наномеханика и другие, которые мы пока не можем себе представить — но в отличие от полетов со сверхсветовой скоростью и искривлением пространства они, по крайней мере, не нарушают основополагающие законы физики, насколько мы их понимаем в этот момент. Числа атомов и их квантовых состояний в массе размером с бактерию достаточно для того, чтобы хранить и обрабатывать всю информацию,

которая в настоящее время хранится и обрабатывается в мозге человека. Возможно, мои слова покажутся вам бредовыми, но подумайте о том, что бы произошло, если бы вы перенеслись на сто лет в прошлое, показали местным жителям чип Pentium 4 и поведали о том, что содержит эта крошечная штучка. Вас наверняка увезли бы в психушку.

На что будет похожа цивилизация, состоящая из существ, каждое из которых размером с бактерию? Каким для них станет мир? Поразмыслите над этим — и скоро вы поймете, что это необычно увлекательное упражнение для ума. Вот одна из моих скромных попыток, взятая из рассказа «Микро-эра»:

...Предшественник наслаждался теплым счастьем воображения: он мог представить себе безумную радость микролюдей, когда они впервые увидят колоссальную зеленую травинку, вздымающуюся в небеса. А что они скажут про лужок? Что значит для микрочеловечества целый луг?

А целая равнина? Что для них равнина? Зеленый космос для микрочеловечества! А ручей на равнине? Чистый поток, который, извиваясь, ползет по равнине, покажется микролюдям величественным чудом. Лидер Земли сказал, что

скоро выпадет дождь. Если это так, то равнина и ручей оживут! И тогда наверняка вырастут деревья! О боже, деревья!

Предшественник представил себе группу микролюдей-разведчиков, которая выходит из-под корней дерева и начинает свой эпический путь наверх. Каждый лист станет зеленой равниной, протянувшейся до горизонта.

Возможно, там будут бабочки. Их крылья похожи на яркие облака, закрывающие собой небо. А каждый крик птицы будет подобен ангельскому трубному гласу.

Обсуждая вопрос о том, как могут вести себя инопланетные цивилизации и какие следы они могут оставить, ученые по традиции предполагают, что данные цивилизации являются макроскопичными. Известная гипотеза гласит, что, как только межзвездная цивилизация достигает определенного этапа развития, она будет вынуждена максимальным образом использовать энергию звезды в своей родной системе. И в результате мир этой цивилизации примет форму колец, которые окружают звезду или даже полностью ее закрывают! Из этого можно сделать вывод, что мы можем найти инопланетную цивилизацию, если искать звезду с такими

признаками. Но, размышляя о существовании других цивилизаций, давайте начнем с микромасштабов: как только цивилизации достигнут определенного этапа развития, они будут вынуждены миниатюризировать себя. Это не поможет нам их найти, но, по крайней мере, станет ясно, почему мы их еще не обнаружили. Микроцивилизация неизбежно не будет выделять во внешний мир большое количество энергии (хоть намеренно, хоть нет), и поэтому нам будет сложнее ее заметить. Представьте себе расу инопланетян, каждый из которых размером с бактерию: они могут устроить свои Олимпийские игры прямо у вас под носом, и вы никак не сможете их увидеть.

Но миниатюризация сама по себе не является последним этапом развития цивилизации. Возможно, что сверхцивилизация сумеет, как пишет Кларк в романе «2001: Космическая одиссея», «заморозить себя в решетке света». Такие цивилизации полностью выйдут за границы наших представлений о масштабе; при желании они могли бы уменьшиться до размеров атома или увеличиться до размеров галактики. Размышления о подобных цивилизациях все чаще появляются в фантастике. *The Gravity Mine* [«Гравитационная шахта»], рассказ Стивена Бакстера,

номинированный на премию «Хьюго» в 2001 году, описывает человеческую цивилизацию далекого будущего, состоящую из силовых полей и излучения. Такие мысли можно найти даже в серьезных научных работах: блестящим примером является научно-популярный труд Пола Дэвиса *The Last Three Minutes* [«Последние три минуты»]. Однако для нас подобная цивилизация будет философским или даже метафизическим вопросом, и по сравнению с ней микроскопическая цивилизация, которая секунду назад была такой загадочной, теперь становится для вас гораздо более осязаемой.

Мы можем представить себе еще один вид идеальной цивилизации, которая кажется величественной и несравненной даже по сравнению с той — бесплотной и почти божественной. Необходимым следствием экспансии микроцивилизации во Вселенной является новая экспансия в макромасштабах, но таким образом, который качественно отличается от предыдущих макроцивилизаций — тех, которые состояли из больших существ. В результате новой экспансии цивилизация выйдет на новый уровень: это будет самая славная симфония жизни во Вселенной! Я нарисую вам картинку подобной цивилизации, а

остальное вы вообразите себе сами:

Огромный флот космических кораблей выплывает в Солнечную систему. Хотя каждый корабль размером с Луну, им управляют всего несколько тысяч астронавтов размером с бактерию; даже если собрать всех их вместе, мы смогли бы увидеть их только в микроскоп.

Когда речь заходит о будущем живых существ и цивилизаций во Вселенной, все наши фантазии действительно кажутся жалкими.

Ущелье Нянцзы,
14 сентября 2001 г.
Опубликовано в «Мире научной фантастики» № 2, 2003 г.

Поднять паруса!

Для данной статьи я позаимствовал идею из научно-фантастического произведения, написанного американцем Филипом Хосе Фармером. Это удивительная история о том, как Колумб путешествовал по плоской Земле на корабле, в который электричество подавалось без проводов. На самом деле дух научной фантастики тесно связан с эпохой географических открытий. Путешествия по вселенным, придуманным фантастами, — это трехмерные версии старых историй о морских путешествиях. Маленький космический корабль, словно металлическая пуля, плывущая по космосу, — вот сцена, на которой разворачивается сюжет фантастических произведений, посвященных межзвездным перелетам.

Но истинное межзвездное путешествие может быть совершенно иным, ведь в этих путешествиях в море выходят не парусники, направляющиеся из Ливерпуля в Роттердам, а сам Ливерпуль или Роттердам.

Путешествие во вселенных научной фантастики чаще всего основано на развитых технологиях, позволяющих быстро преодолевать расстояния в

многие световые годы; к числу таких технологий относятся сверхсветовые двигатели и квантовые скачки через пространство-время. На этот момент существование сверхсветовых скоростей, не говоря уже о квантовых скачках, не доказано — ни в теории, ни на практике. Сила науки и техники очевидна, однако есть минимальный предел законов природы, а это значит, что мы не можем получить все, что пожелаем. Возможно, и в 20 000-м году теория относительности Эйнштейна все еще будет действовать, скорость света так и не удастся превзойти, а нашим самым мощным источником энергии останется термоядерная реакция. Но если люди по-прежнему останутся людьми, то они наверняка отправятся к звездам.

Поэтому давайте возьмем за основу современные теории и предположим, что технологии сделали пару шагов вперед, а затем вообразим, какими будут межзвездные перелеты.

Представьте себе, что наши корабли могут развивать от двух-трех тысячных (это очень много) до одной сотой от скорости света: тогда полет до ближайшей звезды и обратно все равно займет тысячу лет. Если бы корабль отправился в путь

в правление династии Сун[7], то скоро он уже должен был вернуться обратно. Вряд ли экипаж корабля смог бы взять с собой достаточное количество пищи и воды, как это сделал Колумб. Конечно, можно подумать об анабиозе (соответствующие технологии уже есть); маленький корабль, на борту которого двое-трое человек находятся в анабиозе, прибудет на место через пятьсот лет и, возможно, доставит их домой тоже в анабиозе. В этом случае можно взять с собой достаточно пищи и воды (если она не должна быть слишком свежей). Но в ходе такого полета можно лишь провести разведку, а главные цели человечества, как и в эпоху Великих географических открытий, состоят в том, чтобы освоить далекие новые миры. Кроме того, в дальних звездных системах нет аборигенов, которых можно обманом заставить работать на нас в обмен на стеклянные бусы. Поэтому число строителей нового мира должно быть велико. И даже если они будут лететь, находясь в анабиозе, после прибытия на место назначения этим людям придется проснуться и осваивать новый фронтир, и прежде чем планеты станут пригодны для

[7] Примечания: 7
Государство в Китае, существовавшее с 960 по 1279 год.

жизни, первым поселенцам нужно будет жить на корабле, а этот период может затянуться на несколько столетий. В рассказе Аллена Стила *The Days Between* [«Промежуточные дни»], который стал финалистом премии «Небьюла» в 2002 году, космический корабль с сотнями пассажиров на борту летит к звезде, находящейся в сорока восьми световых годах от места старта, чтобы основать колонию в системе. Полет продлится двести лет, и все это время пассажиры должны находиться в анабиозе. Но из-за неожиданного события один пассажир проснулся вскоре после старта и уже никак не мог снова погрузиться в анабиоз и поэтому был вынужден провести остаток жизни в одиночестве на борту корабля. Он прожил еще шестьдесят лет, съел значительную часть припасов, предназначавшихся для межзвездных мигрантов, и за это просил прощения у них в предсмертной записке. Но даже если бы спящий не проснулся, сколько могли храниться пайки для сотни или более поселенцев? Писатель об этом умалчивает. Таким образом, метод путешествия с зерном на борту годится только для Солнечной системы, а для межзвездных перелетов у корабля должна быть своя собственная автоматизированная экосистема.

Для создания подобной закрытой экосистемы требуются крайне сложные инновационные технологии, и об этом ярко пишет Ким Стэнли Робинсон в романе *Icehenge* [«Айсхендж»]:

Решение проблем в биологической системе жизнеобеспечения похоже на игру. На самом деле это одна из лучших интеллектуальных игр. Во многом она напоминает шахматы… И чем больше я об этом думал, тем больше появлялось маленьких проблем, дополнявших крупные, и все эти проблемы громоздились друг на друга, создавая большую, взаимосвязанную сеть причин и следствий — в основном доступных для оценки, но не всегда… Игра. Самая сложная игра. И на сей раз люди решили играть наверняка.

На самом деле человечество уже предприняло такую попытку, запустив в 1991 году проект «Биосфера-2». Но этот эксперимент с искусственной экосистемой был прекращен менее чем через год, и ученые, которые находились внутри, были вынуждены выйти наружу. Из-за высокой концентрации углекислого газа в атмосфере закрытой экосистемы исследователи чувствовали снижение интеллектуальных способностей и ощущали слабость, словно просидели целый

год в темнице. Более того, позднее выяснилось, что сами организаторы проекта участвовали в финансовых махинациях.

Было много причин, которые привели «Биосферу-2» к провалу, и главной из них оказались недостаточные размеры комплекса. «Только экосистема, сравнимая по размерам с Землей и обладающая соответствующими мощными и сложными экологическими циклами, способна поддерживать жизнь в долгосрочной перспективе», — написал я в «Блуждающей Земле». Это означало, что межзвездные перелеты, вполне возможно, будут осуществляться в больших масштабах.

Если мы рассматриваем крупномасштабный космический полет, то прежде всего думаем о том, чтобы превратить в корабль всю планету. Это грандиозная идея, но также самая нелепая, ведь в таком сценарии значительная часть тяги будет использована, чтобы придать ускорение материи, ускорять которую бессмысленно — материю в ядре планеты. Она нужна только для того, чтобы создать силу тяжести, но ведь на корабле ее можно заменить центробежной силой. Это быстрое и дешевое решение; да, центробежная сила — не настоящая гравитация, но она позво-

лит кораблю сохранить атмосферу.

Второй план, естественно, заключается в том, чтобы построить огромный корабль. Мы можем представить себе корабль размером с Нью-Йорк или Шанхай, но если учесть время, в течение которого экосистема корабля должна поддерживать экипаж, а также вспомним про огромное количество растительности и жидкой воды, то станет ясно, что корабль станет больше этих городов — он должен быть небольшим миром, таким как «Рама» из одноименного романа Артура Кларка. Но для того чтобы создать такой корабль, понадобятся продвинутые технологии. Насколько нам известно, структура тонких корпусов соответствует одному правилу: чем больше тело, тем менее прочна поверхность. Грецкий орех — твердый объект, но если увеличить его диаметр в сто тысяч раз, то толщину его скорлупы нужно увеличить пропорционально, но при этом он, скорее всего, утратит прочность, если находится в поле тяготения Земли. И действительно, ученые и инженеры уже давно работают над проектами подобных больших космических городов, но у космических городов есть одно важное отличие от кораблей: корабли должны ускоряться, а при этом у них возникает та же самая проблема, что

и у грецкого ореха в поле тяготения Земли. Как бы равномерно ни была приложена движущая сила, гигантский корабль должен создавать соответствующую гигантскую силу противодействия. Если брать в расчет технологии, которые можно вообразить на этот момент, становится ясно, что ни один материал не выдержит воздействия такой силы. Кроме того, этот план нарушает одно из главных табу подобных рискованных проектов: в соответствии с ним мы должны «положить все яйца в одну корзину», и, если произойдет катастрофа, которую не удастся избежать (как это часто бывает в космосе), все погибнет.

Недавно американский астронавт Джерри М. Линенджер написал книгу о своем пребывании на космической станции «Мир». Эта книга — классический образец надменности и предвзятого отношения, она наполнена злостной клеветой на русскую космическую программу. В ней, в частности, есть такой эпизод: когда космический шаттл «Атлантис» пристыковался к «Миру», атмосфера «Атлантиса» улучшила плохую атмосферу «Мира». Само по себе это не является доказательством, позволяющим очернять «Мир», ведь эта станция уже долго работала в независимом режиме. Но как бы то ни было, эта

мысль подводит нас к третьему плану широкомасштабных космических перелетов: создание космического поезда. Представьте себе огромную группу, состоящую из большого числа кораблей стандартного размера; все они оснащены независимыми экосистемами и двигателями и могут летать самостоятельно. Конечно, каждая из этих маленьких экосистем обладает ограничениями и поэтому не способна поддерживать саму себя в долгосрочном периоде. Но в ходе путешествия все эти корабли организуются в единое целое, формируя огромную общую экосистему, которая может поддерживать себя в течение длительного времени. В то же время каждый корабль при необходимости может быстро отсоединиться от комплекса и лететь самостоятельно. Кроме того, корабли могут присоединяться в разных сочетаниях, больших и малых. Таким образом, если произошла катастрофа, она повлияет только на часть комплекса. И обратите внимание, что эта структура исключительно полезна для ведения боевых действий в космосе. Это совсем как воображаемый галактический поезд, но от обычного он отличается тем, что каждый вагон может стать локомотивом. И его части необязательно должны быть составлены в цепь; скорее всего,

он будет иметь форму сферы или кольца. Можно предположить, что при длительных перелетах будет применен принцип тотальной респирации. Чтобы каждый корабль мог обеспечивать своих пассажиров в течение долгого времени, у него должны быть сложнейшие системы безопасности. При такой системе организации общая поверхность структуры может быть не меньше, чем у планеты, но благодаря структуре, похожей на улей, ее масса будет значительно меньше. Внутренняя структура комплекса, вероятно, не будет широкой и просторной, как у огромного корабля, а, скорее, должна напоминать большой лабиринт. Как смогут объединиться мини-экосистемы и как корабли будут координировать работу своих двигателей — интересная и сложная тема, но если мы обратим внимание на то, в каком направлении развиваются технологии в этот момент, станет ясно, что именно этот план, скорее всего, будет реализован.

Когда речь идет о масштабных космических перелетах, нужно учитывать еще и параметр времени. Возможно, этим огромным кораблям понадобится более десяти тысяч лет на то, чтобы добраться до звездной системы, а поиски систем, в которых есть пригодные для жизни планеты,

могут занять тысячи лет, а может, даже сотни тысяч. Это, вероятно, изменит всю нашу концепцию космических путешествий. Космические перелеты перестанут быть путешествием, у которого есть начало и конец, но станут контекстом долгой истории, и корабли, летящие через космические глубины, превратятся в столь же вечный мир, как и тот, который они покинули — в единственный дом человечества. На корабле, где время идет медленно, пассажиры могут эволюционировать в совершенно другом направлении — в среде, которая совершенно не похожа на условия на Земле. Что бы ни было написано в некоторых романах, Землю не забудут окончательно, но когда сменится несколько сотен поколений, вечный полет станет нормальным состоянием людей во Вселенной. Даже если люди найдут пригодную для жизни систему, они воспользуются ее ресурсами для того, чтобы построить новые корабли и увеличить экипаж, и в конце концов он достигнет таких размеров, которое человечество не могло себе и представить.

Сейчас у нас есть четвертый план космических перелетов: «снежный ком». Предыдущие три требуют большого количества ресурсов, и неясно, готова ли Земля потратить их, чтобы отправить

своих детей в полет, из которого они не вернутся. Но мы можем сначала построить корабль средних размеров и оснастить его так, чтобы он добрался до ближайшей звездной системы. Затем мы используем ресурсы этой системы, чтобы дополнить и увеличить корабль и экипаж. И так корабль — «снежный ком» полетит от одной остановки к другой, постепенно увеличиваясь в размерах, пока в конце концов не превратится в огромный мир… Но подождите, это слишком нереальный вариант, а сегодня мы говорим только о тех сценариях, которые с наибольшей вероятностью будут воплощены в жизнь.

Самые восхитительные мечты — те, которые могут сбыться, и именно такими являются мечты, о которых пишут фантасты. Пусть вероятность составляет один на десять тысяч, но это все равно бесконечно лучше нуля из десяти тысяч. По данным современных физиков и биологов, шанс на появление человечества во вселенной был всего один на несколько сотен миллионов, но человечество все-таки появилось, и, более того, мы воплотили в жизнь многие из наших самых безумных проектов.

Более того, шанс осуществить описанные выше мечты больше чем один на десять тысяч. Теоре-

тическое обоснование необходимых технологий уже есть. Осталось лишь упорно работать.

Как я написал в «Я услышал это утром»: «Тот древний человек, который посмотрел на Вселенную, увидел драгоценный камень. Все, что вы потом назвали человеческой цивилизацией, просто пыталось этот камень поднять».

Опубликовано в «Мире научной фантастики»
№ 3, 2003 г.

Мир через пятьдесят лет

Путешественник во времени, оказавшийся в Китае времен династии Сун, по неосторожности забыл там свой фонарик. Какой-то простолюдин нашел фонарик и подарил его императору. В конце концов батарейки сели, и реликвия перестала светить, что немало озадачило людей и привело их в смятение.

Это сюжет одного научно-фантастического произведения. Слегка перефразируя известное изречение Артура Ч. Кларка, можно сказать, что для человека, живущего в технологически неразвитом обществе, современная наука ничем не будет отличаться от магии. Правда, оказалось, что Кларк слегка ошибся: продукты современной науки уже превзошли магию. Во-первых, наука работает с такими уровнями энергии, которые гораздо выше всего, что есть в мире волшебства. В древней мифологии нет ничего, что сравнилось бы с термоядерной боеголовкой мощностью двадцать мегатонн. Исполняющий желания золотой посох Сунь Укуна, молнии Зевса — по уровню энергии все это на порядок ниже бомбы. Во-вторых, космос мифов гораздо меньше пространства,

в котором работает современная наука. Границы мифа редко выходят за орбиту Луны, в то время как зонды людей уже близки к тому, чтобы покинуть Солнечную систему.

Писатели-фантасты представляют себе мир не так, как футурологи. И те и другие рисуют разнообразные варианты будущего, но ученые и футурологи в конце концов выбирают те варианты, которые, по их мнению, наиболее вероятны, в то время как фантасты любят сценарии, обладающие максимальным эстетическим потенциалом. Роль фантастики в предсказании будущего слегка преувеличена: первую подводную лодку построили задолго до того, как о них написал Жюль Верн, а Артур Ч. Кларк лишь чуть-чуть опережал науку, когда описывал спутники связи. Но вместе с тем стал очевиден потрясающий факт: ученые и футурологи тоже ошиблись в своих прогнозах. Основываясь на принципах динамики жидкостей, ученые XIX века пришли к выводу о том, что скорость поезда не может быть больше 90 миль в час — ведь в противном случае из вагонов улетит весь воздух. В начале XX века многие физики полагали, что человечество уже полностью разобралось в строении материи, но теперь мы знаем, что во Вселенной есть целый

океан истин, а мы — просто дети, собирающие ракушки на его берегу, и у нас даже обувь еще не намокла. В 1960-х годах один знаменитый ученый заявил, что миру нужен всего один — огромный — компьютер. А теперь посмотрите на «Третью волну» Элвина Тоффлера и «Мегатренды» Джона Нейсбита — опубликованные в начале 1980-х книги, которые считались основополагающими работами в области футурологии; их предсказания — как на макро-, так и на микроуровнях практически не сбылись. Эта история ошибок в последние годы изменила курс футурологических исследований, сместив фокус на анализ краткосрочной политики развития. Футурологи больше не исходят из того, что способны предсказать будущее, которое отстоит от современности более чем на двадцать лет.

На самом деле это очень интересно: основанные на научных данных предсказания ученых и футурологов и фантазии писателей практически в равной степени (не) точны! Доказательством того служит реальность — ни один метод не может предсказать то, что случится, так почему бы не дать волю фантазии?

Воображение писателя-фантаста способно перепрыгнуть через десять квадриллионов лет

к моменту смерти Вселенной, однако в данной статье мы преодолеем лет пятьдесят, не больше, чтобы не выходить за рамки эпохи, которую увидит большинство читателей. Не забывайте: это просто догадки… но помните, что научно обоснованные предсказания имеют приблизительно те же шансы сбыться.

Энергия

Давайте начнем с одного события, которое, несомненно, случится в нашем воображаемом будущем: у нас действительно закончится нефть — и уголь тоже, несмотря на то, что его запасы больше. Основные альтернативы ископаемым видам топлива — это солнечная энергия, энергия ветра, гидроэнергия, энергия приливов и ядерная (как от расщепления, так и от синтеза ядер). Первые четыре источника, хотя и являются возобновляемыми, не производят очень большое количество энергии, а это означает, что они не подходят для будущего, в котором человечеству потребуется колоссальное количество энергии. Таким образом, самый многообещающий вариант — это ядерная энергия. Мы уже умеем использовать расщепление ядер, но термоядерный синтез обещает более высокую эффективность и, в отличие от расщепления, не создает проблему

радиоактивных отходов. Применение управляемых термоядерных реакций пока не является экономически обоснованным, однако день, когда оно таким станет, уже близок — сейчас мы уже в одном шаге от прорыва. Лет через двадцать пять люди наверняка поймут, что истощение запасов ископаемого топлива создает кризисную ситуацию, и сделают управляемый термоядерный синтез реальностью, вложив в его исследования огромные средства.

Эффективность термоядерного синтеза на порядок выше, чем у расщепления ядер, а сырье для него можно добыть из морской воды, так что недостатка в нем не будет. Коммерческое распространение термоядерного синтеза сделает электричество крайне дешевым товаром, и это приведет к огромным, кардинальным изменениям в обществе, похожим на те, которые произошли, когда пар уступил место электричеству и бензину.

Прежде всего появится мобильная энергия, также известная как «беспроводная передача энергии» — метод передачи энергии не по проводам, но в виде микроволн, из которых пользователи извлекают энергию. Возможно, это произойдет уже на данном уровне разви-

тия технологий. Более того, это уже произошло, хотя и для сомнительных целей — для прослушки: во время «холодной войны» американцы неоднократно посылали в советское посольство СВЧ-лучи, чтобы подзарядить установленные в здании «жучки». Данная технология не получила широкого распространения по двум причинам. Первая — в том, что данная технология неэффективна — значительная часть излученной энергии рассеивается. Этот недостаток исчезнет, когда мы начнем производить огромные объемы практически даровой энергии с помощью термоядерного синтеза. Вторая причина — электромагнитное загрязнение среды. Пока что у нас нет способов его устранить, но это не значит, что они не появятся в будущем. Не забывайте: это всего лишь фантазия.

Благодаря беспроводной передаче энергии мы сможем получать электричество там, где нам нужно и когда нужно — точно так же, как сейчас получаем сигналы мобильной связи. Это перевернет всю нашу жизнь, и особенно в сфере транспорта…

Транспорт

Когда ископаемое топливо закончится, сами автомобили превратятся в ископаемых существ. Их

исчезновение, наряду с появлением термоядерного синтеза, позволит нам исправить ошибку, которую мы допустили в начале прошлого века.

Как только люди изобрели самолеты и их производство стало экономически обоснованным, в качестве основного метода транспортировки человечество должно было выбрать именно полет. Трехмерное пространство дает доступ к скоростям и объемам трафика, которые немыслимы на двухмерной земле. Многофункциональные, летающие на малых скоростях автомобили — например, вертолеты с щитами для лопастей — позволили бы осуществлять даже короткие перелеты в пределах одного города. Главный барьер, мешающий распространению летательных средств, — большой расход топлива: самолеты обычно тратят в десятки раз больше топлива, чем наземная техника. Но уравнять расход топлива летательных аппаратов и наземного транспорта поможет уже существующая техника: дирижабли и парасейлы. Дирижабли легче воздуха и поэтому им не нужны двигатели для вертикального перемещения, а парасейлы, хотя они и похожи по принципу на обычные самолеты, обладают большими крыльями и малым весом, а это значит, что для взлета им не нужна большая тяга.

Конечно, оба способа полета обладают серьезными недостатками: у дирижаблей, например, есть проблема с размерами, а парасейлам нужны площадки для взлета, но если бы на создание летающей машины люди потратили столько сил и средств, сколько на разработку наземных видов транспорта, то могли бы решить эти проблемы и даже изобрести более эффективные способы личных перелетов. Кроме того, полеты сэкономили бы нам целое состояние на строительстве дорог. Оглядываясь назад, можно сказать, что именно стремительное развитие наземного транспорта убило воздушные перевозки в колыбели; из-за него летательные аппараты не смогли заменить собой автомобили.

Термоядерный синтез сделает потребление энергии личными летательными средствами экономически обоснованным, а благодаря беспроводной передаче энергии аппараты смогут подзаряжаться во время полета, и поэтому им будут не нужны тяжелые аккумуляторы. Эти машины будут легкими и маневренными, а их радиус полета — неограниченным.

Возможно, в будущем также появятся «небесные поезда» — огромные машины с большой дальностью полетов. Мощные самолеты, играю-

щие роль двигателей, будут тянуть за собой тросы с подцепленными к ним глайдерами-«вагонами». Имеющаяся у нас техника уже позволяет это осуществить — более того, во время Второй мировой союзники отбили у немцев один из мостов через Сену именно с помощью такого «поезда»; в его «голове» находился обычный самолет, а «хвост» состоял из глайдеров, с которых за линию фронта были успешны сброшены солдаты и снаряжение. Обеспечить взлет и посадку такой составной структуры непросто, поэтому благодаря беспроводной передаче энергии небесный поезд будет вечно оставаться в полете, а подвозить и увозить пассажиров будут легкие «челноки».

Подобный метод транспортировки людей, а также личные летательные аппараты полностью заменят собой автомобили. Эти устройства в своем наиболее компактном виде, возможно, будут не больше зонтика. Возможно, каждый человек будет летать на работу, используя личный маленький зонтик-пропеллер.

Создать этот мир летающих чудес можно только при достаточном уровне развития технологий, связанных с термоядерным синтезом и передачей энергии. Если мы истратим наши запасы ископаемого топлива, а прорыва в области расщепления

ядер не произойдет, и если лимитирующие факторы термоядерного синтеза — добыча расщепляющихся материалов, загрязнение среды и так далее — окажутся непреодолимыми, то в истории человечества, возможно, начнется эпоха дефицита энергии. Конечно, существует и возможность того, что, даже овладев нужными технологиями, человечество — чтобы защитить окружающую среду или по другим причинам — заранее введет ограничения, которые также положат начало эпохе нехватки энергии. В такой период полеты, естественно, не смогут стать обычным делом. Но если работающие на бензине машины исчезнут, то как люди будут перемещаться по Земле?

Почти очевидно, что у нас появятся машины, снабженные источниками солнечной и другими видами возобновляющейся энергии, но это нельзя назвать фантазией. Давайте добавим немного безумия и заглянем в мир, где транспорт приводят в движение животные.

У «доавтомобильной» эпохи, когда по дорогам ездили повозки, запряженные лошадьми, есть определенный романтический ореол, и, кроме того, подобный транспорт обладает большим количеством значительных преимуществ над

автомобилями — преимуществ, которые станут играть еще более важную роль в будущем. Навоз меньше загрязняет среду, чем выхлопные газы, и с ним легче управляться; у лошадей несравнимо более высокий КПД, чем у автомобилей, а проблемы, связанные с необходимостью кормить и ухаживать за лошадьми, уменьшатся в результате коммерциализации гужевого транспорта, который снова станет огромной и прибыльной отраслью.

Конечно, будущая эпоха гужевого транспорта не сведется просто к возврату в исходную точку: лошади и повозки будут оснащены новой техникой. Самым очевидным недостатком таких повозок, по сравнению с автомобилями, является скорость. Эту проблему *можно* решить. В голову сразу приходит мысль о велосипедах: велосипедист прикладывает те же усилия, что и пешеход, но развивает скорость в три-четыре раза быстрее. Из этого следует, что вполне возможно создать велосипед для лошадей, адаптированный под их копыта — если правильно подобрать передачи и колеса, скорость лошади увеличится в три-четыре раза, и тогда гужевая повозка будет двигаться практически с той же скоростью, что и автомобиль. У повозки может быть три или

четыре колеса, а один всадник обойдется двумя. В любом случае, такой транспорт будет двигаться по шоссе с приемлемой скоростью, а новые материалы помогут сделать его легким и гибким.

Сама лошадь также будет модифицирована с помощью технологий. Генетически модифицированная лошадь, возможно, станет такой же сильной, как и обычная, но по размерам будет не больше крупной собаки.

Теперь давайте еще больше углубимся в мир фантазий: а что, если в мире будущего появятся *летающие* гужевые повозки? Летательный аппарат, который меньше всего нуждается в двигателе, это дирижабль, поскольку он обладает подъемной силой. Лошадь вполне способна стать источником энергии для пропеллера дирижабля. По мере того как появляются новые материалы, вполне возможно, что нам удастся создать маленький, легкий и быстрый летательный аппарат, который приводят в действие лошади — ведь летательные аппараты, которые приводят в действие люди, уже существуют. Посмотрим, куда заведет нас эта мечта: можем ли мы с помощью генетических модификаций создать большую птицу — например, альбатроса, — на которой мог бы летать человек? А может (я только что это

придумал), нам удастся модифицировать гены лошади и сделать ее крылатой? Не отметайте эту идею сразу. В древности люди представляли себе тех, кто летает по небу на птицах и крылатых лошадях, однако ни разу не придумали нечто, похожее на автомобиль. Если мы создали то, что выходит за пределы воображения наших предков, то почему мы не можем создать то, что они считали частью реальности?

Теперь наша фантазия переносится в другую сферу будущего, которая полна чудес…

Медико-биологические науки

Медико-биологические науки, которые возглавляет молекулярная биология, находятся в одном шаге от прорыва, который позволит ученым манипулировать генетическим материалом так же, как программисты манипулируют кодом. Данная технология обещает нам чудеса, сравнимые с теми, которые описаны в Книге Бытия.

Прежде всего, посмотрим, куда приведет нас эта мысль. Ученые могли бы создать биологический двигатель, который фактически был бы просто парой сильных мышц, соединенных с нервами. Все питательные вещества и необходимую энергию он получит от неодушевленной механической системы, а в качестве топлива

будет использовать органическую «пищу» — например, растение, которое можно выращивать в больших количествах. Эту пищу он будет превращать в энергию гораздо эффективнее, чем старый механический двигатель. Если карета с лошадьми вам не по душе, просто садитесь в живой автомобиль.

Кроме того, мы научимся синтезировать пищу на фабриках. Данная технология полностью изменит облик мира: огромные сельскохозяйственные угодья превратятся в леса и луга, и у человечества внезапно появится огромное количество пространства, пригодного для жизни. Централизованный синтез пищи положит начало истинному «возвращению к природе».

Но те, кто возделывает землю, не исчезнут. Посреди огромных новых пустошей останутся люди, рассевающие семена, и их урожай потрясет нас до глубины души: они будут сажать города.

С помощью генетического программирования нам, возможно, удастся выращивать растения того размера и формы, которые нам нужны. Данная технология все еще находится в самом начале своего развития. Вначале мы, возможно, будем создавать деревья, которые принимают форму инструментов и предметов мебели; позднее мы,

возможно, начнем выращивать величественные здания с самыми разнообразными структурами и интерьерами. Когда мы доберемся до этого этапа, архитекторы также будут играть роль садовников. Дома-деревья будут пригодны для жилья, даже когда они еще живы, и лес, в котором они растут, будет не чем иным, как городом, настоящим *экополисом*, неотъемлемой частью природы.

Многие другие открытия в области медико-биологических наук коренным образом изменят нашу жизнь. Одно из них — это сохраняющая жизнь технология гибернации. Если вам не нравится эпоха, в которой вы живете, вы можете просто заснуть и проснуться уже в будущем. Разумеется, поначалу подобная технология будет запредельно дорогой, но также ясно, что вокруг нее сложится мощная индустрия, и в результате цены станут доступными простому человеку. В мире этого будущего проснувшиеся спящие образуют отдельную социальную касту, что, несомненно, создаст проблемы для людей тех эпох. Возможно, появление данной технологии радикальным образом изменит структуру общества — из-за нее, например, может возникнуть ситуация, когда дед младше своих внуков. А если

спящих окажется много, разве нам не придется думать о том, смогут ли будущие эпохи принять их? Подобные проблемы общества не только завораживают, но и тревожат.

Медико-биологические науки даже обладают потенциалом изменить морфологию людей и дать им возможность выбирать направление своей эволюции. Например, комбинация генов человека и рыбы, возможно, позволит людям жить под водой. На первый взгляд данная идея может показаться нереалистичной, но ведь всего лишь три года назад ученые успешно вырастили человеческое ухо на теле лабораторной крысы. Подобное развитие событий еще больше увеличит обитаемую зону на нашей планете.

Еще одно, более значимое, изменение произойдет, когда мы найдем гены, которые управляют ростом человека. Уменьшая рост и объем человека — наши собственные размеры, — мы фактически увеличиваем наше жизненное пространство. Если люди уменьшились бы в три раза от текущих размеров, мы бы стали потреблять значительно меньше ресурсов, и для нас Земля стала бы гораздо больше, чем раньше. Самыми маленькими по объему млекопитающими, относительно похожими на людей, являются грызуны.

Возможно, с помощью манипулирования геномом людям в конце концов удастся уменьшить себя до размера домовых мышей — вероятно, так, чтобы наши интеллектуальные способности при этом не пострадали. Если каждый отдельный человек уменьшится настолько, мир для нас изменится радикальным образом. Представьте себе обычную квартиру с двумя спальнями — уменьшенным людям она покажется величественным дворцом! Земля для них станет невообразимо огромной. Если вы… (м-м, господин) считаете эту идею дурацкой, не забывайте, что в этом мире *все* будут маленькими, и девочки перестанут смеяться над вашим ростом.

Люди неизбежно начнут изменять свою биологию, и поэтому медико-биологические науки являются самыми страшными из всех наук. Они изменят само представление людей о самих себе; кроме того, границы между человеком и другими животными — и даже между людьми и растениями — начнут расплываться. Сложно сказать, как это повлияет на культуру и дух людей. Человечество все больше начнет задумываться о том, какие именно люди являются *людьми*. Однако прежде чем этот вопрос станет смертельно опасным, его будет затмевать другая проблема,

которая связана с жизнью людей. Теперь мы рассмотрим ее. Генетическая инженерия способна создать великое множество жутких штук — например, ракеты с системой наведения на определенные гены. Если кто-то захочет ликвидировать определенного человека или группу, ему просто нужно узнать его генотип. После этого он сможет распространить в соответствующей стране крайне заразный патоген, который вызывает легкое недомогание у обычных людей, но смертельно опасен для жертвы.

Здесь наше воображение добралось до сферы, которую, несмотря на наше сопротивление, нужно изучить со всей серьезностью.

Война

Мы почти уверены, что за ближайшие пятьдесят лет война не исчезнет. Но, как это ни странно, когда наша фантазия устремляется к полям сражений будущего, туда, где когда-то текли реки крови, мы в какой-то степени успокаиваемся. Война сама по себе — это всегда варварство, но методы ведения войны могли бы стать чуть более гуманными. Сейчас применение нелетального оружия считается банальной и заезженной идеей, но в будущем, возможно, появится более гуманный способ ведения войны — такой, кото-

рый позволит вообще избежать кровопролития и жертв.

Прежде всего, нам нужно найти метод, который может заменить или симулировать войну. Он должен удовлетворять двум критериям: во-первых, он должен с достаточной точностью представлять объединенные силы враждующих государств, и, во-вторых, данная симуляция должна проходить в соответствии с протоколом, который признают враждующие стороны и международное сообщество, чтобы на исход события в какой-то степени могли влиять решимость и воля к борьбе одной из сторон. Представьте себе Олимпийские игры: результат страны в одном соревновании — например, футболе — мало связан с политической, экономической или военной мощью страны, однако общие показатели самых разных олимпийских дисциплин довольно точно отражают силу этой страны. Кроме того, преимущество спорта в том, что он — одна из древнейших забав человечества, и общепризнанные правила соревнований существуют уже давно. Эти факторы могли бы сделать Олимпийские игры идеальным заменителем для войн. Конечно, слабые страны обречены проиграть на Олимпийских войнах… но не забывайте, что

в ходе обычной войны слабые страны тоже обречены на поражение, и все участники боевых столкновений, особенно слабые, заплатят чудовищно высокую цену в человеческих жизнях. Однако Олимпийские войны не будут поводом для слабых стран просто капитулировать — каждая золотая медаль, которую побежденная страна выиграла в отдельном состязании, даст стране определенные права. Например, если сборная слабой страны отстанет от сильной всего на одну золотую медаль, то да, эта страна проиграет войну, но соотношение медалей может значительно повлиять на исход войны. Возможно, эта страна не будет оккупирована, или сохранит свое правительство, или ей разрешат сохранить армию и т. д. Все, что ей придется сделать, — уничтожить все свое биохимическое оружие и заплатить треть от общей суммы компенсаций, указанной в ультиматуме. Олимпийские войны наконец-то позволят человечеству отвергнуть варварство и стать по-настоящему цивилизованным. Отныне успехи страны в спорте станут важным индикатором ее мощи, и чтобы иметь возможность соревноваться на самом высоком уровне, странам понадобятся развитые в физическом отношении граждане; поэтому страны

будут тратить огромные суммы не на оружие, а на улучшение физической формы людей, и это приведет к появлению более здоровых и цивилизованных видов сообщества и международных отношений. А когда война лишится смерти и кровопролития, она сможет пройти немыслимую трансформацию — на первый план выйдет ее ценность как спектакля. Олимпийские войны, очевидно, куда более увлекательные и значимые, чем Олимпийские игры, а это значит, что они обладают огромным коммерческим потенциалом. Создание системы Олимпийских войн станет крупнейшим политическим проектом в истории человечества. Создание правил, наблюдение за войнами и оценка их результатов — все это долгая и сложная работа, но, двигаясь по пути прогресса, общество преодолеет все препятствия. Если люди готовы умереть на войне, то разве они будут против того, чтобы выжить на Играх?

Если идея Олимпийских войн — это горячечный бред (…и в каком-то смысле это так и есть), то гораздо больше шансов есть у другого вида войны с небольшим числом жертв — у цифровой оккупации. Цифровая оккупация, как я ее называю, означает полный контроль над информационными системами страны-противника, без перехода

ее суверенных границ. В будущем основанные на интернете информационные системы станут крайне важны для выживания государства. У страны есть два вида территории: традиционная территория на земле и наложенная на нее цифровая территория. В будущем вторая из них, возможно, станет для страны важнее первой — захватите ее, и вы фактически будете контролировать политику и экономику страны противника. Более того, есть два вида цифровой оккупации: первая достигается в результате боевых действий в Сети в военное время, а вторая — после обычной войны; с ее помощью победитель оккупирует территорию побежденного противника. Если страна, оккупированная таким образом, попытается освободиться, уничтожив все свои информационные системы, то в цифровую эпоху подобное решение обрушит экономику и лишит правительство контроля над страной. В стране возникнет вакуум власти. Разрушение своих собственных информационных систем ничем не будет отличаться от нанесения урона здоровья самому себе или самоубийства. Поэтому в достоверном будущем возможен странный, кошмарный сценарий: вы просыпаетесь утром и видите, что вокруг все как обычно — по улицам

едут машины, в парке гуляют родители с детьми. Не слышно ни сигналов тревоги, ни выстрелов, и рядом ни одного вражеского солдата… но вдруг вам сообщают, что теперь вы — порабощенный житель захваченной страны.

И, наконец, мы добрались до компьютеров и интернета. Они не просто сформируют цифровые территории стран, а поставят перед всей цивилизацией важную проблему — проблему цифровой жизни.

Цифровая жизнь

В процессе цифровизации жизни судьба человечества сделает такой крутой поворот, которого не было ни в одном мифе и легенде. Цифровизация ознаменует собой либо конец цивилизации, либо ее возрождение. Прежде чем перейти к данному вопросу, давайте представим себе следующую фазу распространения компьютеров и интернета.

В настоящее время можно сделать компьютер размером с мобильный телефон или даже наручные часы. Проблема заключается в дисплее: есть предельные размеры обычных дисплеев, и они никак не связаны с технологиями — если экран слишком маленький, вы его не разглядите. Чтобы решить эту проблему, мы, возможно, раз-

работаем совершенно новый вид изображения — проекцию на сетчатку. Прежде всего нужно создать микропроектор, сравнимый по размерам с волосом. Если учесть наши достижения в сфере наномеханики, никаких технологических барьеров тут нет. Далее нам нужно установить этот проектор на хрусталик глаза и сделать так, чтобы проектор передавал изображения прямо на сетчатку. Это превратит наши глаза в компьютерные экраны; поле зрения станет таким большим, а изображения такими четкими, что глаз будет воспринимать их иначе, чем в реальном мире — настолько, что в отсутствие других стимулов человек с таким проектором не сможет отличить реальный объект от компьютерной проекции. (К тому времени компьютеры будут носить на запястье, или в виде кулона, или серьги.) Подобная технология, наряду с быстро развивающимися технологиями мобильной связи, позволит встроить компьютеры и интернет в каждого человека — и это станет еще одним шагом к цифровому миру.

Проекция изображений на сетчатку — всего лишь один из прорывов, которые мы увидим в сфере интерфейсов «человек-машина». Компьютеры научатся понимать естественный язык,

и кроме видео– и аудиоинтерфейсов появятся интерфейсы, основанные на запахах, вкусах и прикосновениях — и, возможно, даже эндокринные. Благодаря им люди будут взаимодействовать с виртуальным миром интернета так же, как и с реальным миром. Постепенно их ощущения от виртуального мира станут неотличимыми от «настоящих» — настолько, что однажды человек в виртуальном мире сможет насладиться высокой кухней или заняться любовью.

Количественные изменения в какой-то момент приведут к качественным. Как только большинство людей станет проводить больше времени в Сети, в виртуальном мире, а не в реальном, человеческое общество переместится из реального мира в интернет, и начнется Цифровая Жизнь. Представьте себе: города постепенно затихнут, улицы опустеют; люди сидят в своих комнатах, закрыв глаза (чтобы изображения из физического мира не смешивались с проекциями на сетчатку). Люди будут жить в виртуальных мирах интернета — бороться с трудностями и наслаждаться жизнью — до конца своих дней.

Мы пока не можем оценить преимущества такого нового образа жизни, но прежде чем попытаться это сделать, мы не должны списывать

данную идею со счетов как абсурдную. Цифровая жизнь уже зарождается в бесчисленном множестве переполненных интернет-кафе наших городов.

Мы видим в них подростков, с головой ушедших в интернет. Эта картина — заря или сумерки эры цифровой жизни. Когда она настанет, увлеченность ребенка иным миром будет волновать родителей, и они попытаются ограничить его взаимодействие с ним. Эта серьезная проблема станет темой для постоянных дискуссий. Но родители будут ограничивать не время перед экранами устройств — а время, проведенное в реальном мире.

Цифровая жизнь радикально изменит облик общества. Все его сферы изменятся до неузнаваемости, в том числе…

Правительство, экономика, образование, культура

Как только люди и интернет сольются, превратившись в единое целое, появится возможность в любое время проводить национальные или даже международные референдумы. Это радикальным образом изменит работу правительств. Если по мере развития компьютерных технологий будет сделан такой прорыв в области обработки дан-

ных и в создании искусственного интеллекта, что веб-серверы смогут быстро анализировать и синтезировать всю полученную информацию, тогда подавляющее большинство граждан одной страны, или даже все они, смогут изложить свое мнение одновременно. Это позволит правительству общаться со всеми жителями города, или страны, или даже с миллиардами обитателей Земли одновременно, словно с одним человеком или небольшой группой.

Виртуальные продукты — объекты, которые существуют только в виде чисел, составят значительную долю экономики. Уже сегодня люди, которые играют в сетевые игры, обмениваются виртуальным снаряжением, и это можно считать зарождением виртуальной экономики. В будущем у каждого товара в реальном мире, возможно, появится цифровая версия, и у каждой из этих версий будет своя стоимость.

Возможно, что в виртуальном мире также появятся неожиданные и специфические товары.

Есть три четко очерченных этапа цифровизации жизни. Первый — этап отделения человека от машины, и он уже начался. Второй, описанный выше, заключается в интеграции человека и машины. Третий — чистая цифровизация жизни,

когда человек сможет загрузить в интернет свое сознание и воспоминания. Пока неясно, какие технологии понадобятся на этом этапе, но как только они появятся, воспоминания и ощущения каждого человека, возможно, станут доступны для всех остальных. Сама жизнь человека может превратиться в товар, и легендарная, наполненная романтическими событиями жизнь будет цениться очень дорого. Тот, кто многое повидал и выжил, определенно сможет продать свою жизнь за астрономическую сумму; сбудется поговорка «кто пережил несчастье, разбогатеет». В эту эпоху производство ценных жизней наверняка станет профессией: люди будут прикладывать максимум усилий, чтобы найти приключения или любовные связи. Возможно, их можно считать преемниками современных писателей, только их пером станет сама жизнь, невообразимо сложная и опасная. В этой индустрии, возможно, тоже появятся корпоративные игроки; компании будут использовать все находящиеся в их распоряжении средства и ресурсы, чтобы сделать часть своих работников максимально счастливыми — только для того, чтобы создать партию счастливых жизней, которые можно продать.

На определенном этапе развития интерфей-

сов «человек-машина» связь между мозгом и компьютером станет прозрачной. Знание, хранящееся в компьютере, поступит к подключенному к Сети человеку в виде чистого воспоминания. Более того, мы сможем подключить прямо к мозгу способности компьютера обрабатывать информацию и действовать по алгоритмам, и в результате компьютер станет усилителем интеллекта и мышления. Человеческая мысль выйдет на новый, более высокий уровень. Это, наряду с описанными выше технологиями загрузки данных в мозг, возможно, превратит образование в нечто выходящее за пределы нашего воображения: глубина мысли, идеальные психология и характер, доведенный до совершенства художественный и эстетический вкус и так далее — все это станет товаром, который можно купить.

Все самые крупные и самые невообразимые изменения, возможно, произойдут в области культуры. Но в одном мы можем быть уверены: человеческая культура идет курсом на увеличение разнообразия. Даже притом, что наша культура становится более консолидированной, литература и искусство становятся еще более децентрализованными настолько, что в конце концов может появиться «пиринговая» культура

— та, в которой произведение, созданное одним человеком, предназначено только для одного другого человека, или даже та, в которой работы многих людей служат для того, чтобы порадовать только одного человека…

Наша фантазия, похоже, слишком разгулялась, однако эти предсказания — всего лишь разумные экстраполяции, сделанные на основе сведений об уже существующих технологиях. И если технологии продолжат развиваться с той же скоростью, что и сейчас, то большинство картин, которые мы изобразили здесь, действительно воплотятся в реальности.

Но существует еще одна возможность, которая может внезапно перевернуть мир людей. И благоприятные условия для подобных потрясений создадут…

Открытия в области прикладной фундаментальной физики

В том, что касается изучения самых фундаментальных законов природы, достижения современной физики в области теории значительно превзошли их практическое применение. Если внезапно появится какой-то канал, который соединит передовые достижения в физике с миром технологий, человечество станет на-

столько могущественным, что сможет изменить Вселенную.

В соответствии с одной из теорий современной физики — теории суперструн — материя на своем самом фундаментальном уровне существует в одиннадцати измерениях. До восьми из этих измерений относятся исключительно к миру микрокосмоса. Важный индикатор технологического уровня цивилизации — то, в какой степени она может использовать эти микроизмерения.

Первый случай использования микроизмерений материи произошел, когда наши голые, волосатые предки впервые развели костер в пещере: управление химическими реакциями является одним из видов манипуляций элементарными частицами на микроуровне. Конечно, с тех пор наше управление этим измерением улучшилось, от огня мы перешли к паровым двигателям, а от них — к электрическим генераторам. Теперь, с появлением компьютеров, управление элементарными частицами достигло своего зенита… но все это — контроль лишь над одним микроизмерением. Для цивилизаций более высокого порядка костер и компьютер практически не отличаются друг от друга — они оба относятся к одному виду контроля. Вот поче-

му, несмотря на прогресс человечества, они будут считать людей примитивными существами, чем-то вроде насекомых.

Люди уже начали контролировать два и три измерения в сфере термоядерных реакций, в которых частицы уже являются объектами, внутренней структурой которых мы можем управлять. Но это все еще примитивный вид контроля, эквивалент контроля над одним измерением в ходе разведения костра. На переднем крае физики люди уже установили предварительный контроль над элементарными частицами в четырех измерениях, хотя лишь в пределах ускорителя частиц, и до какого-либо практического применения данных технологий еще очень далеко. Вполне возможно, что крупные открытия в данной области произойдут в течение следующих пятидесяти лет, точно так же, как в первой половине XX века словно ниоткуда появилась атомная бомба.

Когда человечество научится использовать более высокие измерения материи, мы получим силу, которая полностью выходит за рамки понимания. Возможно, как это представлял себе Артур Ч. Кларк, люди смогут размещать информацию в структуре самого пространства и вечно хранить

свои мысли в застывших решетках света. В этот момент человек уже ничем не будет отличаться от Бога.

Здесь наш полет фантазии подходит к концу. Можете считать создание этих картин просто развлечением, но думать, что они никак не связаны с реальностью, было бы опрометчиво. В конце эпохи правления династии Цин люди уже пользовались электричеством. Вдовствующая императрица Цыси дожила до появления кинематографа, и до открытия электромагнитных волн и их использования в устройствах связи было рукой подать. Но если бы какой-то пророк, живший в ту эпоху, предсказал, что в течение следующих ста лет появится небольшой гаджет, чуть больше табакерки, владелец которого может говорить с любым другим владельцем подобного устройства, даже если последний находится на противоположной стороне планеты — люди наверняка сочли бы это бредом. Подобный артефакт мог быть только мифическим, священным объектом, таким как фонарик, о котором шла речь в начале этой статьи. Однако сейчас один такой волшебный артефакт есть в кармане у каждого.

Ущелье Нянцзы,

28 октября 2005 г.
Опубликовано в Global Entrepreneur Magazine
№ 12, 2005 г.

Почему людей стоит спасать?
Лю Цысинь против Цзян Сяоюаня

Иногда научная фантастика уносит нас далеко-далеко, туда, где есть только огромные и красивые просторы Вселенной, а также бесчисленное множество неизвестных опасностей. Куда в конце концов отправится человечество? Сумеет ли оно сохранить свою веру в будущее? Что оно выберет для того, чтобы выжить? Науку? Какие проблемы может решить наука, а какие — нет? Возможно, это слишком сложные вопросы, но мы получаем их от наших читателей со дня основания *Science et Vie*[8].

26 августа 2007 года в баре «Белые ночи» произошла приятная встреча. Ее открыл поэт Ди Юнмин, редакторы *Science et Vie* пригласили двух особых гостей, которые приехали в Чэнду на Международную конференцию по фантастике и фэнтези: знаменитого писателя-фантаста Лю Цысиня (далее — Лю) и Цзян Сяоюаня (далее — Цзян), профессора шанхайского университета

[8] Примечания: 8

Science et Vie — «Наука и жизнь», китайская версия старейшего французского научно-популярного журнала.

«Цзяотун» и автора многих рецензий на научно-фантастические произведения. Лю и Цзян сошлись в яркой, увлекательной дискуссии, посвященной вопросам, которые ставят в тупик всех нас — в том числе о научной фантастике, сциентизме и об отношениях между наукой и человечеством.

Ниже приведена расшифровка этого разговора.

Лю: Если взглянуть на вопрос через призму истории, то первая работа в жанре фантастики — «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли — является антинаучным произведением. В этом произведении наука представлена в мрачных тонах. И даже в более раннем произведении — «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта — ученые выглядят нелепо, а наука выглядит бездумной схоластикой. Но когда мы добираемся до Жюля Верна, картина внезапно становится оптимистичной, потому что его вдохновляло быстрое и интенсивное развитие науки и техники, которое произошло в конце XIX века.

Цзян: В страну многое привезли с Запада — то, что было тщательно отобрано, — и Жюль Верн соответствовал потребностям нашей пропаганды и системы образования. Оптимизм его ранних работ неразрывно связан с развитием науки и

технологий в XIX веке. В то время люди еще не увидели звериный оскал науки. Но на склоне лет Жюль Верн стал пессимистом.

Лю: Жюль Верн, несомненно, написал несколько очень сложных произведений, со сложными персонажами и сюжетами. Одно из них о том, как люди создают общество на корабле. В романе «Флаг родины» есть антинаучные элементы: в нем описаны катастрофы, вызванные наукой. И то же самое происходит в романе «Пятьсот миллионов бегумы». Но они не очень известны, и если смотреть на его творчество через призму идеологии, то почти все его произведения выглядят невинными и наивными. Стоит заметить, что «золотой век»[9] научной фантастики на самом деле произошел во время Великой депрессии, в 1920-е. Почему? Возможно, потому, что люди искали утешение в литературе, старались уйти от реальности в видения, созданные наукой.

Цзян: Говорят, что в те времена книги выходили очень активно. Вот одна история про Жюля Верна. В «Лотерейном билете № 9672» он написал

---

[9] Примечания: 9

«Золотым веком» англо-американской фантастики принято считать период с 1930 по 1950-е годы, период массового издания НФ-журналов и их редакторов. Лидерами жанра можно назвать Айзека Азимова, Артура Ч. Кларка и Роберта Хайнлайна.

про астрономическую обсерваторию Сюйцзяхой в Шанхае. В романе появляется какой-то летающий объект, и директор обсерватории полагает, что этот объект прислали разумные существа с другой планеты — то, что сегодня мы называем НЛО. Другие астрономы не верят ему, потому что он — китаец, а затем оказывается, что объект действительно создала инопланетная цивилизация. Однако тут Жюль Верн ошибся: на самом деле в то время обсерваторией Сюйцзяхой руководил не китаец, а соотечественник Жюля Верна — француз.

Лю: Жюль Верн создал в своих произведениях образы большой машины, и их использовали во многих книгах, направленных против науки. Э. М. Форстер написал знаменитую повесть «Машина останавливается»[10], в которой все общество — просто гудящая машина, а люди живут под землей и редко выходят на поверхность. Однажды машина ломается, и Земля гибнет.

Цзян: Многие заметили, что ваши работы эволюционируют по направлению от оптимизма к

---

[10] Примечания: 10

Повесть-дистопия 1909 года, в которой предсказаны социальные сети, видеоконференции и зависимость от технологий. Э. М. Форстер (1879–1970) — британский прозаик, критик, сценарист, антифашист, автор романов «Комната с видом», «Говардс Энд», «Морис».

пессимизму. Есть ли что-то общее между этим явлением и пессимизмом позднего Жюля Верна? Ваш образ мыслей тоже постепенно меняется?

Лю: Эти вещи не совсем связаны друг с другом. И оптимисту, и пессимисту нужен метод. За последние годы мой образ мыслей не сильно изменился: я — фанат технологий, я верю, что они способны решить все наши проблемы.

Цзян: Значит, вы сторонник сциентизма.

Лю: Кое-кто полагает, что наука не помогает нам, а, напротив, сама создает часть проблем — например, разрушает связи между людьми в обществе и подрывает моральные устои. Американский писатель-фантаст Нэнси Кресс[11] даже сказала, что «наука превращает людей в нелюдей». Но здесь мы должны заметить, что человеческая природа всегда менялась. Мы и люди эпохи неолита, столкнувшись друг с другом, решили бы, что перед нами не-человек, существо, не обладающее человеческой природой. Поэтому мы не должны отказываться от этой трансформации и бояться ее. Мы определенно изменимся. Если технологии разовьются до нужного уровня, то смогут устранить все проблемы. Люди не верят

---

[11] Примечания: 11

Нэнси Кресс (р. 1948) — многократный лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла». Автор цикла «Испанские попрошайки» о постлюдях.

в это только из-за каких-то личных опасений, основываясь на убеждении, что человек не должен меняться.

Цзян: Изменения в обществе — всего лишь одна из причин, по которым люди выступают против сциентизма. Еще одна состоит в том, что наука действительно не может решить все проблемы, поскольку часть из них не имеет решения — например, вопрос о смысле жизни.

Лю: Это действительно так, но я не говорю о настолько общих понятиях. Кроме того, по-моему, наука может ответить и на этот вопрос.

Цзян: Мы можем найти смысл жизни с помощью науки?

Лю: Наука позволит мне не заниматься этим. Мы, например, могли бы воспользоваться научными методами, чтобы удалить из моего мозга желание искать смысл жизни.

Цзян: Я считаю, что многие достижения в области науки и технологии, в общем, нейтральны — все зависит от того, кто их применяет, хорошие люди или плохие. Но тут есть и что-то другое, фундаментально неправильное. Вы только что говорили про очень опасный метод; тех, кто его использует, можно даже назвать злодеями. Он неправильный, он аморальный и безнравствен-

ный, вне зависимости от того, кто его применил. Если мы начнем разрабатывать подобные методы, то совершим преступление. Антисциентизм противостоит сциентизму, а не самой науке. Многие люди на Западе считают сциентизм чудовищным.

Лю: Я хочу задать вам вот какой вопрос: если я могу убедить вас с помощью слов, то чем убеждение отличается от чипа в мозгу, который влияет на ваше решение?

Цзян: Разница, конечно, есть. Убеждая меня, вы проявляете уважение к моей свободе воли.

Лю: А теперь я задам вопрос, которого касаюсь в своей следующей книге: если такой чип существует, но не влияет на ваши мысли напрямую, и вы можете думать о чем угодно, можете ли вы принять такое положение вещей?

Цзян: Да, но люди, которые контролируют мои мысли, должны будут действовать очень осторожно.

Лю: Верно, именно это я и хочу сказать. Если взять три классические антиутопии — «Мы», «О дивный новый мир» и «1984», то самое светлое будущее описано в «1984», потому что в данном романе природа человека всего лишь подавлена, а в двух других книгах она исчезла. А вы бы

что предпочли — «1984» или «О дивный новый мир»?

Цзян: Если выбирать только из двух этих романов, то, вероятно, большинство предпочло бы «О дивный новый мир». Но что, если сегодня у нас был бы более широкий выбор?

Лю: Однажды вы сказали, что с точки зрения философии человечество не подготовилось к полному уничтожению. Давайте представим науку — инструмент, который дегуманизирует людей, — на фоне катастрофы, которая уничтожит все человечество. Если нам действительно будет грозить катастрофа, вам же придется использовать этот инструмент, верно?

Цзян: Если сегодня мы должны готовиться к катастрофе, тогда, во-первых, нам нужна возможность совершать межзвездные перелеты — и не просто запускать корабли в космос время от времени, а провести массовое переселение людей. И, во-вторых, наука должна помочь нам найти новый дом.

Лю: Да, конечно, это было бы прекрасно. Но если катастрофа произойдет скоро — например, в мае следующего года, то что нам тогда делать?

Цзян: Вы полагаете, что разобраться с этой катастрофой нам помогут технологии, управляю-

щие мышлением человека?

Лю: Технология не предотвратит катастрофу, однако позволит человечеству использовать методы, которые выходят за рамки морали. Благодаря технологиям мы сможем пожертвовать частью популяции, чтобы спасти вид в целом. Потому что современная мораль не способна «посмотреть в лицо» неумолимому уравнению (так называется фантастический рассказ Тома Годвина[12]) и непростому вопросу: должен ли умереть один из нас или мы оба погибнем вместе?

Цзян: Если для вас будущая катастрофа является причиной, по которой я должен смириться с тем, что моими мыслями будет управлять чип в моем мозгу, то это само по себе катастрофа. Нельзя убеждать людей в неизбежности катастрофы, потому что катастрофа еще не произошла. Никто не знает, когда она произойдет; возможно, она вообще не произойдет. На самом деле подобные ситуации уже были освещены в лучших западных романах, и каждый раз авторы приходят к выводу, что подобные методы — зло. Например, в «Цифровой крепости» Дэна Брауна власти про-

---

[12] Примечания: 12

Том Годвин (1915–1980) — американский писатель-фантаст, его рассказ «Неумолимое уравнение» на русском языке издавался лишь однажды, в 1960 году.

сматривают все электронные письма, утверждая, что это нужно для борьбы с терроризмом. Однако подобные действия сами по себе являются одним из видов терроризма.

Лю: Я привел этот пример просто для того, чтобы объяснить проблему: является ли технология злом, или нет, является ли ее функция в обществе злом, или нет — все это зависит от окончательного предназначения человеческого общества. Учитель Цзян, вы верите, что управление мыслями — зло, потому что оно эксплуатирует человеческую природу. Но что, если окончательное предназначение человеческого общества — не сохранить человеческую природу, а распространять человечество все дальше и дальше? Тогда подобные методы не являются злом.

Цзян: Это уже оценочное суждение: что важнее — двигаться дальше или сохранить человеческую природу? Словно у нас есть только два пути: если свернуть на первый, человеческая природа исчезнет, но люди будут существовать и дальше; если выбрать второй, то человеческая природа будет существовать до конца, но человечество погибнет. По-моему, не только я сам, но и многие другие выбрали бы второй путь. Ведь уничтожить человеческую природу — значит уничтожить

само человечество.

Лю: На самом деле я задаюсь этим вопросом с тех пор, как начал писать фантастику. Так какой выбор лучше?

Цзян: Сейчас я считаю, что нужно уважать свободу воли. Возможно, стоит провести голосование, и в таком случае я, возможно, выберу не продолжать свое существование.

Лю: Верно, но я хочу подчеркнуть тут вопрос о категории. Есть ли в человеческой природе нечто неизменное с незапамятных времен? Я ничего не могу придумать.

Цзян: Мне кажется, что свобода воли — одна из тех вещей, которые не меняются. Я всегда верил, что наука не должна лишать нас свободы воли. Нечто подобное уже произошло в США, когда местные правительства, следуя совету экспертов, добавили фтор в питьевую воду, чтобы предотвратить кариес. Многие были против этого, и, в частности, говорили следующее: я знаю, что это для моей пользы, но разве у меня не должно быть права отказаться от этих преимуществ?

Лю: Эта тема поднята в «Заводном апельсине»[13].

---

[13] Примечания: 13

«Заводной апельсин» (1962) — роман-дистопия Энтони Берджесса, также есть одноименная экранизация Стэнли Кубрика (1971).

Цзян: Видимо, в данном случае каждый из нас останется при своем мнении. Я считаю, что контроль над мыслями с помощью технологий — это всегда плохо, а вы считаете, что при определенных обстоятельствах он допустим ради всеобщего блага. Современная западная фантастика во многом является продуктом этих антинаучных настроений; данная трансформация начала происходить с появлением «Новой волны»[14]. Антисциентизм можно назвать одной из главных привлекательных черт фантастики «Новой волны»; другая привлекательная черта, например, требует, чтобы мы изучали темную сторону науки будущего.

Лю: На самом деле «антинаука» процветала уже тогда, когда «золотой век» фантастики был в самом разгаре.

Цзян: На Западе «Новая волна» выполнила свою задачу. А что вы можете сказать о китайской «Новой волне»?

Лю: В 1980-х шли бурные дебаты о том, должна ли быть научная фантастика более научной

---

[14] Примечания: 14

«Новая волна» — направление в фантастике 1960–1970-х годов, характеризующееся слиянием жанровой литературы с мейнстримом. Типичные представители — Джеймс Грэм Баллард, Майкл Муркок, Роджер Желязны, Харлан Эллисон, Томас Диш.

или более литературной. В конце концов победу одержали сторонники второго подхода, и это можно назвать запоздалой победой «Новой волны» в Китае. В настоящий момент большинство китайских фантастов с пессимизмом смотрят на науку и сомневаются в том, что она развивается в нужном направлении; это доказательство того, что на них повлияли западные интеллектуальные течения. По-моему, западная наука уже развилась до такой степени, что ее следует ограничить, но китайская научная мысль только родилась. Если мы начнем ее демонизировать, ни к чему хорошему это не приведет.

Цзян: У меня другое мнение. Нельзя сказать, что сциентизм ускоряет развитие науки; он, скорее, подобен загрязнению среды, он — цена, которую мы платим за экономическое развитие, которое мы наконец привели в порядок. Сциентизм как явление изначально вреден для науки.

Лю: Но сейчас мы обсуждаем научный подход в фантастике — то, как она описывает позитивные стороны науки и продвигает научное мышление. От этого, разумеется, не может быть вреда.

Цзян: На самом деле в Китае авторитет науки слишком велик.

Лю: Авторитет науки велик, но в Китае пока

нет научного духа.

Цзян: Нам следует ввести пределы влиянию науки — и нет, при этом мы не уничтожаем научный дух. Научный дух — это не безоглядное поклонение науке, а дух сомнений, который позволяет сомневаться и в науке тоже.

Лю: Но для того чтобы говорить о научном сомнении и научном подтверждении гипотез, нужен пример. Как случилось, что в фантастике не менее 98 процентов работ проникнуты антинаучными настроениями? Так не должно быть. Если для обычных людей развитие науки — это темный, иррациональный мир, где нет ничего, кроме зла и катастроф, то как мы сможем распространять научный дух?

Цзян: Раньше я тоже думал, что это проблема, но теперь готов смириться с подобным положением вещей. Можно использовать следующую аналогию: если ребенок получает хорошие отметки, то становится невероятно надменным. Чтобы противодействовать этому, взрослые перестают хвалить его за каждую хорошую отметку и начинают критиковать его недостатки. Разве это не разумно?

Лю: Вы не могли бы рассказать о том, как именно в Китае проявляется авторитет науки?

Цзян: В Китае многие думают, что наука может решить все проблемы. Кроме того, они полагают, что наука — это лучшая система знаний, которая отменяет все остальные системы знаний.

Лю: Вот здесь наши мнения расходятся. Я не верю, что наука может отменить все остальные системы знаний, но считаю, что это самая полная и мощная система, которая есть у нас сейчас, — потому что она признает логический анализ, требует объективного подтверждения в ходе эксперимента и не признает авторитетов.

Цзян: Я изучал астрофизику и поэтому раньше тоже так думал, но где-то году в 2000-м мое мировоззрение начало меняться, и, разумеется, это был медленный и постепенный процесс. Причиной стало мое знакомство с западными антисциентистскими работами; мне даже кажется, что они правы. Вы думаете, что наука — лучшая система, и поэтому считаете, что все должны обладать научным духом. Но если научным духом обладает лишь часть людей, это нормально.

Лю: Он, по крайней мере, должен получить широкое распространение.

Цзян: Я хочу сказать, что не только люди обладают научным духом, могут принимать правильные решения, и, более того, во многих

случаях все происходит ровно наоборот. Примером тому может служить ремейк «Соляриса» Андрея Тарковского, поставленный Стивеном Содербергом. На пустой космической станции люди обнаруживают много странного. Главный герой Крис видит свою жену Рейю, которая давным-давно умерла. Доктор Гордон говорит Крису: «Рейя — не человек, поэтому нам нужно ее (их) уничтожить», и это решение полностью соответствует научному духу и материализму. В конце концов они встают перед выбором: либо они возвращаются на Землю, либо их поглотит океан. В самой последней сцене Крис решает остаться и падает в океан, выкрикивая имя Рейи. Здесь у него нет научного духа, и он поступает так только ради любви. Разумеется, Содерберг заставляет его прыгнуть в океан, а когда Крис возвращается домой, то там его ждет Рейя. Конечно, этот выбор сделан не на основе научного духа, но разве он не прекрасен? То есть Содерберг говорит нам, что на самом деле планета Солярис — это метафора, обозначающая Бога.

Лю: Ваш пример не доказывает неправоту сциентизма. Проблема здесь в масштабах, ведь герой не принимает решение за все человечество. С другой стороны, если бы мы согласились

с вашим выбором и вернули ее на Землю, какие последствия были бы у этого решения? Она — не человек, мы не знаем, кто она на самом деле и какой силой обладает, и тем более мы не знаем, что она привезла с собой на Землю.

Цзян: Если есть любовь, то это не страшно. В мире людей есть вещи, которые выше научного духа. Этим примером я хотел показать, что существуют системы знаний, которые не такие надежные, как наука, но которые должны занимать столь же высокое положение, как и наука.

Лю: Наука — это самая надежная система знаний. Я признаю, что религия более применима в делах духовных, но наличие науки необходимо для нашего существования. Возможно, во Вселенной есть система получше, но пока она не появилась, почему мы не должны верить в науку?

Цзян: Я не говорю, что не верю в науку, а просто хочу сказать, что мы должны смириться с тем, что другие люди в ней сомневаются. Когда наука сталкивается с проблемой, она может найти решение, и я могу искать решение с помощью науки, но когда наука не способна это сделать, я должен использовать что-то еще.

Лю: В процветающем мире, где нет войн, такое

недоверие не приведет к серьезным последствиям, но в эпоху кризиса все не так. Похоже, что наша дискуссия вернулась к вопросу о смысле жизни, о предназначении. Можно упростить образ нашего мира, проделав мысленный эксперимент. Допустим, что во всем мире остались только вы, я и она; то есть судьба всей человеческой цивилизации в наших руках. Если мы можем выжить только в том случае, если убьем ее, вы это сделаете?

Цзян: Нет.

Лю: Но ведь в наших руках — все достижения цивилизации. Шекспир, Эйнштейн, Гете… Если вы не убьете ее, то это будет уничтожено — и все потому, что вы не хотите взять на себя ответственность. Вы должны понять, что Вселенная безразлична. Если все мы исчезнем во тьме, не будет никаких вопросов о человеческой природе и нечеловеческой природе. Но если я выберу нечеловеческую природу сейчас, тогда в будущем у человеческой природы появится шанс снова расцвести.

Цзян: Убить ее или нет — не тот вопрос, который может решить наука. Мне кажется, что не убить ее — более ответственное решение, чем убить. Убить ее — значит потерять свою чело-

вечность. Люди долго эволюционировали, чтобы обрести человечность, которая есть у нас сегодня, и я не могу просто так ее отбросить. Я хочу, чтобы мы трое боролись за жизнь и постарались бы найти способ, который позволит нам выжить.

Лю: В данном случае мы исходим из предпосылки, что либо выживем мы двое, либо все трое погибнут вместе, и это очень мощный мысленный эксперимент. Уничтожение — железобетонный факт, он словно стена, которая встала перед нами. В «Блуждающей Земле» я написал: «Эта стена бесконечно высока и уходит бесконечно глубоко в землю. Она тянется бесконечно далеко вправо и влево. Что это такое?.. Это смерть».

Цзян: Это напомнило мне более важный вопрос, сформулированный в фильме «Звездный крейсер „Галактика“»[15]: «Почему людей нужно спасать?» В сценарии, который вы только что нарисовали, если мы убьем ее, то утратим нашу человечность. Люди без человечности уже отрезаны от Шекспира, Эйнштейна, Гете… так зачем их спасать? Приверженец сциентизма мог

---

[15] Примечания: 15

«Звездный крейсер “Галактика”» — культовый американский телевизионный проект Рональда Д. Мура, выходивший в 2003–2009 годах. Вместе с сериалом вышли полнометражные фильмы и ряд мини-сериалов приквелов. Проект завоевал премии «Хьюго», «Эмми», «Сатурн». Проект является ремейком одноименного сериала 1978 года.

бы провести расчеты: «у нас столько-то воды и столько-то кислорода», и прийти к выводу о том, что одного человека нужно просто ликвидировать. Но, возможно, литература даст нам ответ получше. В юности я прочел стихотворение Байрона «Дон Жуан», в котором есть похожая сцена: несколько людей страдают на корабле и тянут жребий, чтобы решить, кого они съедят, но Дон Жуан решает, что он не может есть человеческое мясо. И это к лучшему, ведь все, кто съел человечину, умирают от отравления. В то время это сильно на меня повлияло, и я решил, что если когда-нибудь окажусь в подобных обстоятельствах, то точно не буду есть человеческое мясо. Приводит ли каннибализм к отравлению или нет, я не знаю, но намерение Байрона заключалось в том, чтобы заставить нас не отказываться от нашей человечности. Я очень хочу задать учителю Лю следующий вопрос: вы в каком-то смысле — альтернативный китайский фантаст. Большинство других писателей публиковали антисциентистские произведения, но вы продолжаете верить в пользу и величие науки, и это не помешало вам добиться успеха. В чем причина этого?

Лю: Причина в том, что я предлагаю холодную рациональность, и эта рациональность пра-

вильная. Ваш выбор — человеческая природа, мой — биологическое существование. И читатели согласны с тем выбором, который сделал я. Перефразируя Канта, можно сказать так: меня восхищают звезды над моей головой, но я возражаю против морального закона внутри меня.

Цзян: Это довольно холодный взгляд на вещи.

Лю: Если смотреть на эти проблемы через призму научной фантастики, взгляд в самом деле становится настолько холодным.

Интервьюер: Ван Цзюэ
Опубликовано в Science & Vie,
№ 11, 2007 г.

О будущем человечества

Глобальное потепление пугает совсем не так сильно, как новый ледниковый период. Если наступит ледниковый период, Земля станет такой, как она изображена в «Послезавтра»[16], и это приведет к гибели бесчисленного множества людей. Помимо этой опасности, главная угроза для нас — не столкновение с астероидом, а Солнце: рост уровня его излучения может сжечь поверхность Земли.

После того как человеческая цивилизация будет уничтожена, следующая форма жизни, которая заменит человечество и станет главной силой на Земле, должна обладать двумя основными качествами:

Во-первых, эти существа не могут быть слишком большими. Доказательством этого служит история жизни на Земле. Просто вспомните эпоху динозавров: в ее начале динозавры были крупнее, чем в более поздние периоды, и постепенно

---

[16] Примечания: 16

«Послезавтра» (2004) — фильм-катастрофа о резком падении температуры и мгновенном наступлении нового ледникового периода, режиссер Роланд Эммерих.

их размеры уменьшались.

Во-вторых, эти существа должны быть общественными, чтобы иметь возможность бороться с катастрофами и непредвиденными кризисами. Они должны быть относительно слабыми, а их продолжительность жизни — невысокой.

Лично я думаю, что скорее всего на Земле будут доминировать такие общественные виды насекомых, как муравьи и пчелы, которые могут в любой момент пожертвовать отдельной особью.

Что же касается контактов с другими цивилизациями, то они ничего хорошего людям не принесут. Давайте даже не говорить о том, какова вероятность того, что инопланетная цивилизация будет обладать богоподобным милосердием и проявит готовность сосуществовать с нами; ведь даже если такая цивилизация существует, контакт между более развитой и менее развитой цивилизациями не принесет пользы ни одной из них. Человеческим ценностям и этике будет нанесен беспрецедентный удар, и многое из того, что вам дорого, утратит смысл.

История человеческой цивилизации слишком коротка — она не насчитывает и миллиона лет, даже если рассматривать неолит. А если мы будем считать только с момента появления

сельского хозяйства, то история сократится всего до десяти тысяч лет, в то время как динозавры правили Землей в течение сотен миллионов лет. Наши шансы столкнуться с величайшей из всех катастроф слишком велики, однако человечество совсем не готово к ней. Вероятность того, что человечество погибнет в результате катастрофы, очень высока.

Сейчас люди стремятся к личному счастью и мало думают о непрерывном существовании всего человечества. Если мы рассмотрим этот вопрос в долгосрочной перспективе, станет ясно, что людям придется улететь с Земли. Однако никто из нас не желает тратить огромные силы и средства для достижения этой цели; в этой сфере мы тратим поистине жалкие суммы. Настанет день, когда человечество пожалеет о своей близорукости.

Если говорить об антропогенных катастрофах, то атомная война и искусственные вирусы не самые худшие из них. Они могут убить десятки миллионов людей, но не более трети населения Земли. Катастрофа, к которой, возможно, нам следует готовиться, — это появление бомб с антиматерией. Одной такой бомбы размером с грузовой контейнер будет достаточно, чтобы

уничтожить все человечество.

Сфера, которая сильнее всего влияет на жизнь человека, — это, вероятно, информационные технологии. Настанет день, когда ученые расшифруют мозговые волны и сам мозг, когда они научатся копировать ваши воспоминания и мысли, и тогда вы сможете делать запасные копии себя. Ваша «личность» уже не будет похожа на современную и, возможно, приведет к появлению нескольких «личностей». Вы обретете бессмертие, используя способы, которые сейчас кажутся вам неприемлемыми, и даже сможете загрузиться в Сеть, словно персонаж «Призрака в доспехах»[17], и будете существовать в бесплотном виде.

Биотехнологии — еще одна сфера, которая повлияет на жизнь человека; возможно, стандартная биологическая система размножения, в которой человечество существовало, будет отброшена.

---

[17] Примечания: 17

«Призрак в доспехах» или *Kōkaku Kidōtai* — японская культовая киберпанковская манга Масамунэ Сиро (1989) и две аниме-экранизации «Призрак в доспехах» (1995) и «Призрак в доспехах 2: Невинность» (2004) Мамору Осии, сильно повлиявшие на жанр. Также существует американская экранизация (2017), получившая смешанные отзывы, и целый ряд японских телевизионных аниме-проектов.

Вечной и неизменной природы не существует, как не существует и истинной высшей морали. Все стандарты основаны на каких-то предпосылках. Курс к свободе, которую мы высоко ценим сегодня, в Средние века считался болезнью. В то время люди ценили преданность и смелость; человек должен был обладать смелостью умереть в любую минуту. В будущем мораль также должна будет измениться в соответствии с изменившимися условиями.

Изначальное название: «Как погибнет человечество?»
Опубликовано в Esquire № 1, 2009 г.

Технологическая сингулярность

Западные ученые обсуждают новую идею — технологическую сингулярность.

«Сингулярность» — термин, которым специалисты по космологии описывают черные дыры. Сингулярность возникает, когда масса бесконечно сжимается в одну точку, нарушая гладкую ткань пространства и времени. Внутри сингулярности законы физики перестают действовать. Технологическая сингулярность, соответственно, появляется в тот период, когда количественные изменения в технологиях приводят к внезапным качественным, необратимо меняя историю человечества.

В данной статье мы поговорим о двух видах сингулярности, которые могут возникнуть в ближайшем будущем.

Лестница к вечной жизни

Что бы вы подумали, если бы я сказал: люди всегда были равны — в течение всей своей истории, а не только после Великой французской революции? Если большинству данная мысль покажется абсурдной, то лишь потому, что они

пока не столкнулись с еще бóльшим неравенством: уровень технологий, необходимый для его появления, еще не достигнут.

Вы идете по полю жизни, и перед вами появляется стена. Она бесконечно высокая и бесконечно глубокая и простирается в бесконечность в обе стороны. Несложно догадаться, что это за стена. В прошлом человек врезался в нее лет через тридцать-сорок; короли и аристократы могли идти к ней лет семьдесят или восемьдесят, но все равно переживали простолюдинов лишь лет на пятьдесят — совершенно незначительное количество времени. Обычно продолжительность жизни у разных людей не отличается на порядок, а это значит, что перед смертью мы равны. Это равенство является непреодолимым пределом, который установили божественные законы и законы природы.

Но по мере развития технологий для некоторых людей стена смерти может рухнуть; поле жизни, возможно, станет для них бесконечным.

Возможно, вам кажется, что это фантастика; ведь, в конце концов, даже если люди обретут вечную жизнь, это произойдет так далеко в будущем, что мы этого не увидим. Еще сто или даже пятьдесят лет назад подобный аргумент был вполне

обоснованным, но сейчас ученые добились определенных достижений в областях медицины, молекулярной биологии и информатике — следовательно, в истории человечества, возможно, наступил поворотный момент. Однако я должен признать, что вечная жизнь недостижима для всех, кто живет прямо сейчас. Как текущее состояние дел в науке связано с вечной жизнью? Даже если вечной жизни в буквальном смысле слова нет, прямо сейчас идет строительство лестницы к ней. Поднимитесь на ее первую ступеньку, и тогда есть вероятность, что вы пройдете по этой лестнице до конца. Если вечная жизнь появится через пятьсот лет, то из них вам нужно прожить только пятьдесят.

Первая ступенька на лестнице к вечной жизни — это следующие пятьдесят лет. К сожалению, пятая часть людей, которые прочтут эту статью, не сумеет достичь данной цели. И очень жаль, ведь вы даже не понимаете, что вы пропустите. Половина оставшихся читателей, если они будут вести здоровый образ жизни и пользоваться достижениями технологий в области медицины, вполне смогут прожить еще полвека. «Молодая» половина из этих оставшихся почти наверняка проживет так долго.

После этого вы попадете на вторую ступеньку лестницы; в ее основе — две технологии, которые скоро появятся: стазис и клонирование. Когда мы говорим о стазисе, это не значит, что мы просто окунаем человека в жидкий азот, а позднее размораживаем. Стазис — супертехнология, создать которую в ближайшем будущем почти невозможно. Для стазиса необходимо поместить человека, находящегося без сознания, в среду с низкой температурой — скажем, минус 40 градусов Цельсия — и замедлить его метаболизм и другие биологические функции в десять раз. Таким образом, вы смогли бы прожить сто лет, постарев всего на десять лет. В реальности многие млекопитающие, такие как медведи, обладают врожденной способностью погружаться в подобное состояние стазиса, и в теории мы могли бы создать подобный эффект, работая с организмом человека. Мы в одном шаге от прорыва в этой сфере технологий; вполне возможно, что в течение следующих пятидесяти лет мы уже научимся помещать человека в состояние стазиса.

Но давайте сделаем шаг назад. Если стазис останется недоступным в ближайшем будущем, тогда есть еще одна форма «страховки»: клонирование. Судя по тому, как продвигаются исследования,

клонирование всего человеческого тела, скорее всего, станет возможным в течение пятидесяти лет. Если это так, то вы сможете клонировать разные органы вашего тела, используя генетический материал, а затем заменять ими стареющие. Возможно, вы даже сумеете клонировать все тело целиком, а затем пересадить мозг в запасное тело и тем самым снова обрести молодость — при этом только мозг останется старым. Достижения в области нейрохирургии и микрохирургии заставляют предположить, что подобные операции станут вполне доступны в течение следующих пятидесяти лет. Данный процесс переносится значительно легче, чем большинство вариантов пересадки органов, поскольку отсутствует риск отторжения. Разумеется, подобная практика столкнется с ужасающе мощной волной критики, но ведь клонированное тело можно вырастить без мозга, «в пробирке», и таким образом сделать его вашей собственностью по закону, частью вас, а не автономным существом. Конечно, добиться поддержки со стороны общества и закона в таких вопросах будет запредельно сложным делом, но если такая потребность появится, тогда человечество найдет в себе мудрость и преодолеет все препятствия. Мало найдется людей, кому вечная

жизнь не покажется привлекательной, поэтому в одиночестве и в изоляции окажутся именно сторонники этики.

Любая из вышеупомянутых технологий поможет вам прожить еще сто лет. Если обе появятся одновременно, то, возможно, вы проживете еще дольше — возможно триста-пятьсот лет. Конечно, это тоже не бессмертие. Стазис — это не жизнь, и даже если клонированное тело молодо, ваш мозг все равно будет стареть. Но если вы сумеете пережить следующий век, то доберетесь до третьей ступени лестницы.

Третья ступень — это создание технологий, позволяющих извлечь информацию из мозга, а затем сохранить ее так, чтобы ее смогли прочесть компьютеры. Добытая информация должна содержать не только воспоминания, а включать в себя все сознание, всю личность целиком. К этому моменту мы уже окажемся на территории научной фантастики. Подобные технологии потребуют нескольких прорывов в медицине, информационных науках и нейробиологии. Но это не пустые фантазии. Мозг способен обрабатывать и хранить информацию благодаря великому множеству соединенных друг с другом нейронов. Нам всего лишь нужно получше разобраться в

том, как устроена эта сеть, и тогда мы сможем извлечь из мозга все сведения — так же, как мы считываем информацию с жесткого диска. В теории это вполне достижимо.

По мере того как информационные технологии продолжат улучшаться, а компьютеры обретут определенную степень эффективности, появится возможность использовать программы, симулирующие все состояния нейронной сети человека. Мы фактически создадим виртуальный мозг в памяти компьютера. Но такой мозг будет существовать в виртуальной среде, и можно спорить о том, является ли это жизнью или нет. По стандартам Декарта «я мыслю, следовательно, я существую», мозг определенно можно считать живым. Более того, наши ощущения уже являются результатом того, что наш мозг получил информацию из окружающей среды и передал ее нам; виртуальный мир, разумеется, не такой, как реальный, но находящееся в нем сознание, тем не менее, будет получать и передавать информацию таким же способом, как и в физическом мире. Если полученные в виртуальной среде сведения не отличаются от тех, что поступают из реального мира, тогда виртуальное сознание фактически будет живым. Такая виртуальная

жизнь будет невероятно привлекательной для людей, поскольку она даст им силу богов: они смогут создавать любые объекты по щелчку пальцев. Конечно, вы можете прийти к противоположному выводу и заявить, что эти люди уже мертвы и что это просто безжизненные строки кода, которые выполняет компьютер. Возможно, вы сохраните традиционное определение жизни как существование в реальном мире.

Но это не важно, потому что виртуальная жизнь не является главной целью извлечения данных из мозга — она состоит в том, чтобы пересечь огромные просторы времени. Если вся ваша личность сохранена в виде информации, она сможет прожить бесконечно долго, и это будет гораздо дешевле, чем стазис. Вероятно, вам понадобится только CD-привод. Вы сможете прожить пятьсот, тысячу лет и даже дольше, и добраться до четвертой, последней ступени на лестнице, ведущей к вечной жизни. После этого вы сможете жить вечно — в традиционном понимании этого термина.

Для этого нужна технология, позволяющая загрузить всю извлеченную информацию обратно в мозг человека. Следует признать, что этот процесс на порядок сложнее, чем извле-

чение сведений, но теоретически он все равно возможен. Даже если воспоминания человека состоят из объединенных в сети сотен миллиардов нейронов, должны быть определенные методы, позволяющие скачать всю личность человека и загрузить ее в мозг. Необходимые для данного процесса тело и мозг будут созданы в ходе клонирования, разработанного на втором этапе нашего пути к вечной жизни. К этому моменту люди уже смогут создавать запасные копии своего сознания и восстанавливать любую версию себя в новом теле. Если в какой-то момент ваша жизнь закончилась, версию вашего сознания можно загрузить в новое тело — похожее на прежнее или другое. Одно и то же сознание можно даже загрузить в несколько тел. Если вам кажется, что это невозможно, не забывайте о том, что сейчас мы говорим о мире, от которого нас отделяют пятьсот или тысяча лет. Просто подумайте о том, какой была жизнь тысячу лет назад, в эпоху династии Сун.

В тот момент люди действительно победят смерть и достигнут бессмертия.

На пути к вечной жизни самым крупным препятствием будет не технология, не этика, политика и общество, а именно вопрос о том, как

общество переживет несколько веков неравенства и добьется нового вида равенства. До сих пор неравенство по уровню богатства и статуса в обществе было просто отличиями между людьми, однако разрыв между смертными и бессмертными станет пропастью, которая разделяет людей и богов. Даже в древних обществах подобное неравенство считалось бы недопустимым, и тем более с ним не будет мириться общество будущего, в котором выше всего ценятся права человека и человеческая жизнь. Если части человечества позволят жить вечно, это приведет к невероятной социальной катастрофе, однако запрет подобных технологий тоже станет причиной катастрофы, поскольку оба этих решения влияют на абсолютно священное право на жизнь.

Стазис впервые в истории даст людям возможность «путешествовать», преодолевая большие промежутки времени. Однако даже поверхностный социологический анализ показывает нам, что эта технология полностью изменит облик человеческой цивилизации. Люди будут путешествовать по времени из-за устойчивого мнения о том, что завтра будет лучше, чем сегодня. Но данная точка зрения существует лишь лет триста; ранее ее бы высмеяли. В Средние века европейцы

не только были беднее в материальном отношении, но и более угнетены духовно, чем те, кто жил в Римской империи за тысячу лет до них. Что же касается Китая, то в эпоху правления династий Вэй и Цзинь, Северных и Южных династий, жизнь была гораздо хуже, чем в эпоху династии Хань, а в период правления династий Юань и Мин жить было гораздо хуже, чем в эпоху династий Тан и Сун[18]. Но после промышленной революции в мире появились признаки постоянного улучшения, и люди постепенно начали верить в будущее. У людей появилось больше возможностей наслаждаться благами материального мира, и они стали смотреть на мир с оптимизмом. Если бы вы спросили у людей, каким мир будет через десять лет, то получили бы разные ответы, но мало кто усомнился бы в том, что мир превратится в рай. Это легко доказать: просто посмотрите на то, какой была жизнь сто лет назад. И если бы люди действительно могли бы погрузиться в стазис, мало кто захотел бы остаться в настоящем. Как только данная технология получит широкое распространение, часть людей купит

[18] Примечания: 18

Хронологически так: династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), Вэй (220–266) и Цзинь (265–240), Южные и Северные династии (420–589), империи Тан (618–907), Сун (960–1279), Юань (1279–1368) и Мин (1368–1644).

билет в райское будущее, а остальные, чумазые и брошенные, застрянут здесь и будут строить этот рай. Но больше всего меня тревожит вот что: когда эта горстка счастливчиков зайдет на лестницу, ведущую к бессмертию, впервые в истории человечества станет очевидным неравенство перед лицом смерти. Когда богатые и везучие погрузятся в сон, который отправит их в вечность, устремленные на них миллиарды завистливых взглядов ужаснут кого угодно.

Даже открытия, которые дадут доступ ко второй ступени лестницы — стазис и клонирование, — приведут к невероятным изменениям в обществе, за которыми последует технологическая сингулярность.

Добраться до второй ступени будет сложно; кто знает, насколько более сложными окажутся последующие периоды?

Но притягательность вечной жизни превзойдет все. Человечество поднимется по этой лестнице и, скорее всего, одержит победу.

Если оно добьется успеха, тогда общество полностью изменится.

Технология, дарующая бессмертие, не так проста, как может показаться на первый взгляд. С точки зрения социологии мир, который никогда

не умирает, будет наполнен вещами, которые недоступны нашему пониманию. Бессмертие приведет к обрушению существующих структур в политике, экономике, философии и культуре. На свет появится новая цивилизация.

Я говорю это все, чтобы довести до вас одну мысль: не игнорируйте здоровый образ жизни, ведь он не просто даст вам еще пару жалких лет. Сейчас люди только добрались до устья жизни, но скоро мы выйдем в ее огромное, бескрайнее море. Прожить еще несколько лет — значит дать себе еще несколько шансов на успех; потеряв один дюйм прогресса, вы, возможно, потеряете тысячу миль. Жаль, если придется умереть всего в одном шаге от лестницы, ведущей к вечной жизни.

Страшный сценарий: взятие заложников

А если я скажу, что в истории человечества не было ни одной тирании? Что бы вы на это ответили? Не спешите выходить из себя; сначала подумайте о том, что человечество еще никогда не обладало технологическим фундаментом, необходимым для построения действительно тоталитарного общества.

Все знаменитые диктаторы, стремившиеся управлять людьми, использовали пирамиду власти. Эта структура полностью состояла из

людей, хитрость и непредсказуемость которых ставила под удар всю структуру. Диктаторы тратят невероятное количество энергии просто на то, чтобы укрепить эту структуру власти, и часто терпят неудачу. Доверенные лица внезапно предают их, военные могут в любой момент устроить переворот: знаменитые слова Цезаря «И ты, Брут?» — звучат в кошмарных снах всех тиранов. И поскольку авторитарными обществами обычно управляет небольшая горстка людей, власти не могут следить за каждой секундой жизни каждого человека. Даже порабощенные народы могли в течение длительных периодов времени избегать внимания со стороны новых повелителей и их надзирателей.

Если посмотреть на развитие технологий через призму истории, можно сказать, что оно в целом принесло пользу как обществу, так и правящим кругам. Промышленная революция привела в города толпы крестьян, и эти люди помогли осуществить демократические революции и реформы; технологии в издательском деле и сфере коммуникаций позволили просветить людей и распространить принципы демократии. В определенном смысле именно развитие технологий помогло солнцу гуманизма осветить каждый

уголок общества в эпоху Возрождения. А в наше время развитие информационных технологий помогает еще большему числу людей публично заявлять о своих желаниях.

Но здесь необходимо сделать оговорку: пока еще не появились технологии, которые радикально изменили бы облик общества. Механизмы государства и правительства состоят из людей. Пока большинство людей хранит верность идеалам демократии, государственной машиной не сможет управлять тиран.

Однако зарождается сила, которая сделает государственный аппарат по-настоящему механистическим, находящимся под управлением машин. Я говорю об искусственном интеллекте.

Когда искусственные интеллекты (ИИ) станут такими же разумными, как и люди, возникнет государственная администрация, которая будет в полной мере управляться ИИ; кроме того, появится армия роботов. Эта система будет абсолютно стабильной, и если контроль над ней получит диктатор, то гражданам придется быть абсолютно покорными. И поскольку у сети ИИ будет почти неограниченное количество энергии, она, скорее всего, сможет следить за каждым членом общества и контролировать его.

Но ИИ дает только технологическую базу для тоталитаризма; пока история идет обычным курсом, этот кошмар, скорее всего, не воплотится в жизнь, потому что мечты о демократии уже укоренились в сердцах людей. Демократия стала краеугольным камнем современного общества, и останется им. Но есть определенные сценарии, которые нужно учитывать, например катастрофы — либо природные, либо антропогенные. Мы должны помнить, что для появления невиданной ранее системы слежки понадобилось всего лишь обрушить два небоскреба в США.

Возможно, общество людей пострадает от последствий даже более страшной технологической сингулярности, чем появление искусственного интеллекта: возможно, кто-то возьмет в заложники саму Землю.

Прежде всего, мы должны прояснить термин «взять в заложники»: я имею в виду ситуацию, в которой один человек или группа людей, стремящиеся добиться своих политических целей, угрожают применить оружие, которое уничтожит всех или большинство людей (и в том числе их самих) в закрытом, ограниченном пространстве (часто в движущемся и даже летящем объекте). По сравнению с самолетом, кораблем

или катером Земля является еще более опасным объектом — тем, кто живет на ней, бежать некуда. Итак, как же можно взять Землю в заложники?

Сейчас это невозможно, ведь чтобы этот сценарий стал угрожающим, террористам нужно оружие, способное уничтожить планету. Только ядерное оружие может уничтожить Землю, но ядерные заряды слишком большие и сложные, и поэтому один человек не способен их взорвать. Чтобы взять в заложники планету, один человек может использовать только одну атомную бомбу, а самая мощная бомба в истории — это советская водородная бомба мощностью 50 мегатонн. Даже если ее взорвать, она уничтожит все живое на поверхности только в радиусе 100 километров — этого слишком мало, чтобы взять Землю в заложники.

Но развитие технологий может привести к созданию супероружия, которое позволит взять Землю в заложники. Возможно, это будет антиматерия, созданные людьми черные дыры или супервирусы.

Давайте взглянем на антиматерию, чей электрический заряд, или соотношение электронов и протонов, противоположен обычной материи. При контакте материи с антиматерией они анни-

гилируются, полностью превращаясь в энергию. Во Вселенной огромное количество антиматерии. На данный момент ее можно создать в ускорителях частиц, но только в крошечных количествах. Давайте посчитаем, сколько антиматерии нужно, чтобы взять в заложники Землю. Водородная бомба мощностью 50 мегатонн весила 27 тонн; предположим, что материя, в которой идет процесс слияния ядер, весит вдвое меньше, то есть 14 тонн. В соответствии с техническими ограничениями того времени, в энергию превращалось 2 % этой массы — 0,28 тонны. Иными словами, 140 килограммов антиматерии, соединившейся с материей, произведут тот же эффект, что и водородная бомба мощностью 50 мегатонн: они уничтожат все в радиусе 100 километров. Около 30 тонн антиматерии полностью уничтожат экосистему Земли. Добавим герметичный контейнер на магнитном рельсе, и тогда общая масса этого оружия составит около 100 тонн; такой груз поместится на одном корабле или в двух больших грузовиках. Взорвать такую бомбу сможет один человек.

Поведение массы людей легко предсказать, однако одиночки, особенно меньшинство, за которым мы не можем уследить, практически

непредсказуемы. Тихий врач может внезапно наброситься на детей с ножом. Отдельные люди способны на все: они часто захватывают в заложники пассажиров автобусов, кораблей и самолетов. Если индивидуумы или небольшие группы получат это супероружие, тогда нельзя исключать сценария, в котором Земля окажется в заложниках. И если такой человек или группа добьется успеха, структура общества, скорее всего, навсегда изменится.

Это всего лишь два примера технологических сингулярностей: один — положительный, второй — отрицательный. Но сингулярность может появиться в любой сфере знаний. Многие области науки и технологии, возможно, близки к тому, чтобы в них произошли качественные изменения. В будущем появится много факторов, которые нужно учитывать, — и они сделают жизнь более интересной.

Ущелье Нянцзы,
29 сентября 2010 г.
Опубликовано в DUKU 1005,
New Star Press, октябрь 2010 г.

В ожидании пришествия ИИ

Сейчас компьютеры меняются: из прозрачных и предсказуемых систем они превращаются в непредсказуемые и плохо управляемые «черные ящики». Возможно, это знак того, что мы живем в доисторический период, после которого начнется эра настоящего искусственного интеллекта.

Как только компьютеры были изобретены, они сразу же значительно превзошли людей по вычислительной мощности. Позднее они начали обыгрывать людей в шахматы, научились распознавать наши лица и понимать наш язык. Но в глубине души большинство из нас до сих пор не верит, что мы имеем дело с настоящим разумом. Мы смотрим на них и чувствуем, что в них чего-то не хватает, что на самом деле мы не взаимодействуем с настоящим интеллектом.

Причина заключается в том, что на фундаментальном уровне вычислительные процессы являются прозрачными и предсказуемыми.

Компьютер, который обыграл человека в шахматы, не является ИИ. Компьютер, который проиграл в шахматы, а затем с помощью «мыши» нанес человеку смертельный удар током — вот

это ИИ.

Краткую историю развития ИИ можно разделить на два периода. В ходе первого крайне идеалистично настроенные исследователи пытались улучшить логические операторы программ и эксплуатационные характеристики техники и тем самым создать настоящий разум. Иными словами, они пытались играть роль бога. После того как японский проект по созданию компьютеров пятого поколения потерпел неудачу, люди обнаружили, что достичь заявленных целей в обозримом будущем невозможно. Поэтому исследования ИИ сместились в сферу баз данных и знаний: это была стратегия создания интеллекта методом перебора комбинаций с помощью огромных объемов накопленной информации. В 1990-х подобные исследования поначалу привели к усилению экспертных систем; когда-то я участвовал в разработке подобной системы для паровых турбин. Я четко помню, как мы строили базу знаний; эксперты, которые участвовали в этом проекте, резко помрачнели, увидев, что весь их профессиональный опыт можно свести к паре строчек программного кода. Однако уверенность быстро вернулась к ним: они поняли, что на основе разработанных правил компьютеры

ничего не добьются и в лучшем случае станут тренажерами для новичков. Они считали, что в случае возникновения серьезных проблем для ремонта турбины понадобятся специалисты-люди. История доказала их правоту. Подобную строгую операционную логику (вне зависимости от того, насколько сложным был процесс поиска) нельзя назвать «интеллектом»; очень сложно симулировать человеческий опыт с помощью базы данных.

Но времена меняются.

Оглядываясь назад, я понимаю, что чем больше я работал, тем сильнее начинал бояться компьютерных систем. Система DOS 1980-х, возможно, была примитивной, но она, кроме того, была безопасной, поскольку вела себя очень просто и делала то, что ты ей приказывал. Все ее действия находились в границах предсказуемости. В то время операционные системы обладали более высокой степенью прозрачности. Говорят, что отдельные, очень терпеливые люди могли прочесть весь исходный код DOS и очистить его от самых крошечных ошибок. Но операционные системы развивались с головокружительной скоростью, и простые командные строки превратились в прекрасные и замысловатые графические

интерфейсы. Подобные системы постепенно становились все более похожими на «черные ящики». Они начинали действовать непредсказуемо. Казалось, что компьютеры в одночасье превратились из невинных детей в опытных заговорщиков. Теперь подобные системы стали полностью непрозрачными. Мы можем лишь подчиняться им; никто не знает, какие мысли текут в их темных ядрах. Иногда мне кажется, что жужжание жесткого диска сервера — это басовитый злой смех и что горящие сетевые индикаторы мигают, словно многочисленные злобные глаза. Отладка подобных «лабиринтов» в «железе» и «софте» является таким же раздражающим и безнадежным процессом, как и ползание по склизким кишкам монстра. Иногда тестирование программы занимает больше времени, чем ее написание, особенно если это программа, которая отслеживает действия пользователей в Сети.

Я должен признать: все это — чистая психология. Система DOS необязательно более стабильна, чем *Windows 2000* или *XP*, не говоря уже о строгих, твердых и надежных, как скала, операционках DCS на основе *Unix*, которые используют на атомных электростанциях. Но по мере эволюции компьютеров люди невольно начинают думать,

что утратили контроль над чем-то. Если говорить об операционных системах, то так думает не только огромное число пользователей, но и сами разработчики. Один инженер из *Microsoft* однажды сказал, что разрабатывать *Windows* — все равно что падать в темное, липкое болото; как ни барахтайся, ты все равно уходишь на дно. Пытаться контролировать всю ситуацию в целом — это просто безумие.

Возможно, это признак того, что наступает заря эры искусственного интеллекта.

Вне зависимости от того, какую среду мы выбираем — DOS, *Windows, Unix* или *Linux,* — поведение программы является прозрачным и предсказуемым. Если вы просто потратите достаточное количество человеко-часов, то чисто теоретически сможете понять схему работы любой программы. У вас получится написать мониторинговую программу, которая будет точно записывать каждое действие других программ, создавая полный отчет о процессе обработки данных. Даже случайные числа, созданные программами, можно предсказать, потому что современные функции генерации случайных значений выдают числа не вполне случайным образом. И если удастся добиться случайности, ситуация не очень сильно

изменится, поскольку вычислительный процесс по-прежнему останется прозрачным. Пока я программировал экспертную систему для паровых турбин, меня просили записывать логический процесс, который использует система, а также то, как работает функция поиска в базе знаний. Эксперты по паровым турбинам считали данное занятие невыносимо скучным, и нам, программистам, приходилось просматривать огромные папки распечаток, с древовидными диаграммами на каждой странице.

Но по мере развития технологий компьютерные системы становятся все более непрозрачными и непредсказуемыми. Хотя количественные изменения еще не перешли в качественные, добавление новой, не-фон-Неймановской архитектуры к новым программам — такой, как эволюционные алгоритмы, — возможно, станет тем событием, которое приведет к прорыву на новый уровень.

Это создает еще одну фундаментальную проблему: является ли человеческий интеллект по своей сути непредсказуемым? В природе хаотичная система является классическим примером крайне большого и непредсказуемого набора феноменов. Возможно, одной из таких хаотичных систем

является мозг? Если интеллект действительно появляется в ходе взаимодействия бесчисленного количества нейронов, тогда ответ на этот вопрос — «нет». Хотя в нашем мозге столько же нейронов, сколько звезд в Млечном Пути, взаимодействия подобного вида по-прежнему остаются прозрачными и предсказуемыми; в теории кто-то мог бы понаблюдать за деятельностью мозга и записать каждую мысль. Но кто знает, какая именно непредсказуемость скрывается за этим огромным числом взаимодействий? В своей книге «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» Роджер Пенроуз[19] утверждает, что компьютеры по природе своей не способны симулировать человеческий интеллект.

Предназначение науки состоит в том, чтобы сделать природу прозрачной и предсказуемой, но искусственный интеллект двигается в противоположном направлении, и это пугает. Заря эпохи ИИ станет кошмаром для человечества, однако мы — неутомимо и с энтузиазмом — продолжаем приближать этот день. Такова природа человека.

---

[19] Примечания: 19

Роджер Пенроуз (р. 1931) — британский математик и физик, доктор философии, возглавляет кафедру математики в Оксфордском университете. Лауреат Нобелевской премии по физике. В книге «Новый ум короля» (1989) касается гипотез квантового сознания и обосновывает несостоятельность создания ИИ.

Ведь, в конце концов, ни мужчинам, ни женщинам не нравятся партнеры, которые являются полностью предсказуемыми. Нас привлекает возможность создать то, что лучше нас, нечто непредсказуемое — даже если в результате мы умрем от удара током после партии в шахматы.

Стоит лишь взглянуть на *Watson*, суперкомпьютер компании IBM, и станет ясно, что мы живем в доисторический период, за которым настанет эпоха искусственного интеллекта.

Опубликовано на сайте Guokr.com
11 февраля 2011 г.

Сто тысяч и одна Земля

Младенцы, несомненно, слабее детенышей других животных. Жеребенок может встать на ноги и ходить без посторонней помощи всего через десять минут после рождения, но младенцы остаются в колыбели в течение очень длительного времени, и если в этот период о них никто не заботится, они погибнут. Сами по себе люди никогда не выберутся из колыбели. Этот феномен связан с требованиями эволюции; человеческий мозг так велик, что его будет сложно наращивать после полового созревания, поэтому его нужно создать заранее. Иными словами, все младенцы рождаются недоношенными.

Если мы считаем человеческую цивилизацию младенцем, то она тоже рождена до срока. Скорость развития цивилизации гораздо выше, чем у эволюции, и, на самом деле, человечество вошло в современную эпоху, обладая мозгом и телом примитивных людей. Это подводит нас к страшному вопросу: если внешний мир не будет о нас заботиться, не останется ли цивилизация людей навеки в своей колыбели?

Сейчас этот вариант кажется возможным.

В отдаленном будущем, когда люди станут вспоминать временной период от середины XX века до настоящего времени, все великие события, которые казались нам столь судьбоносными, бесследно исчезнут, перемолотые в пыль жерновами истории, и важными будут только два события, которыми мы пренебрегли: во-первых, в этот период человечество впервые вышло из колыбели, и, во-вторых, затем оно сделало шаг назад. Значимость этих двух событий невозможно переоценить. 1961 год — год, когда Гагарин отправился в космос, возможно, превратится в новую отправную точку для человечества, заменив собой дату рождения Христа; но упадок, который наступил в сфере космических исследований после посадки «Аполлона» на Луне, стал для человечества более мощной травмой, чем наше изгнание из Эдема.

Период с конца 1950-х по начало 1970-х войдет в анналы как «золотой век». В течение всего трех лет после запуска первого искусственного спутника в космос отправился первый космонавт, и еще через семь лет люди уже ходили по Луне. В то время людей волновали большие и далекие цели; они верили, что лет через десять они доберутся до Марса, и даже высадка на Европе,

спутнике Юпитера, не казалась им чем-то невозможным. Незадолго до того был даже разработан смелый проект «Орион»; в соответствии с ним предполагалось запустить в космос корабль, который приводили бы в движение взрывающиеся последовательно атомные бомбы. Этот космический корабль смог бы доставить более десяти космонавтов на внешние планеты Солнечной системы.

Но вскоре финансирование программы «Аполлон» прекратилось, и запланированные полеты на Луну были отменены. Таким образом, исследования космоса, словно камень, подброшенный с поверхности Земли, добрались до верхней точки своей траектории, ненадолго замерли в ней, а затем стремительно упали. В декабре 1972 года «Аполлон-17» совершил последнюю посадку на Луне, и это стало важным поворотным моментом: впоследствии появились космические станции и космический шаттл, было запущено много искусственных спутников, способствовавших развитию экономики, и люди отправили зонды к другим планетам, однако качество полетов в космос незаметно изменилось; человечество перевело взгляд со звездного неба на землю. До «Аполлона-17» полеты в космос были попыткой

человечества выбраться из колыбели; позднее оно просто делало свою колыбель более уютной. Космические проекты были приведены в соответствие с требованиями экономики, и на смену благородного духа исследований пришел дух предпринимательства. Человеческому сердцу подрезали крылья.

Но можно ли сказать, что люди действительно мечтали покинуть колыбель? Скрытым импульсом, который привел к волне космических исследований в середине XX века, была «холодная война». Каждая из сторон боялась врага и мечтала превзойти его. Освоение космоса стало политической демонстрацией силы. На самом деле человечество и не думало о том, что космос станет его новым домом.

Теперь Луна снова стала пустынным миром, и от людей там не осталось и следа. Проекты русских и американцев организовать пассажирские полеты в космос оказались утопией, а «славные планы» Европы по исследованию Солнечной системы были отложены в долгий ящик. Никаких славных событий не происходит. После того как космические шаттлы отправились на свалку, американцы, которые когда-то ходили по Луне, потеряли даже возможность отправлять людей

на околоземную орбиту.

Почему все произошло именно так? Причины, которые мы можем придумать, связаны с технологиями и экономикой.

Прежде всего, давайте изучим причины, которые имеют отношение к технологиям. Человечество сейчас, несомненно, не обладает технологиями, которые необходимы для крупномасштабных проектов в Солнечной системе. Если говорить о создании двигателей, самой базовой и самой важной сфере космических полетов, то здесь человечество по-прежнему находится на этапе двигателей на химическом топливе, а для межпланетных перелетов понадобятся атомные двигатели, которые появятся еще нескоро. Ракеты и корабли на ядерном топливе по-прежнему можно встретить только в научной фантастике.

А теперь посмотрим на экономические причины. На данном уровне технологий отправка на околоземную орбиту груза с определенной массой стоит столько же, сколько и золото той же массы. Если нужно отправить груз на Луну или на другие планеты, расходы возрастают в десять, сто и более раз. Все средства, вложенные в подобные проекты, будут в течение долгого времени приносить очень маленькую прибыль.

Посадка «Аполлона» на Луне, например, стоила 26 миллиардов долларов, то есть более ста миллиардов долларов в современных деньгах. Однако в ходе этого полета было добыто всего лишь две тонны лунной породы (конечно, полученные в ходе данной программы результаты в области гражданских технологий также принесли огромную пользу, однако ее сложно оценить, и поэтому она не может служить решающим фактором в процессе принятия решений).

В общем, освоение космоса — это огромный риск как с экономической, так и технологической точки зрения. Принять тот факт, что космос — наш новый дом, и поставить на карту судьбу человечества — это риск, на который правительства не пойдут.

Причины, перечисленные здесь, довольно веские; они выглядят неопровержимыми, и поэтому определили политику людей в отношении космоса и привели к упадку космических проектов.

Но давайте посмотрим на проекты, которые человечество финансирует в настоящее время и которые, как полагают, позволят человечеству выжить: на проекты по защите окружающей среды.

Если посмотреть на них через призму техноло-

гий, может показаться, что космические полеты и защита окружающей среды коренным образом отличаются: первый проект — напряженный, высокоскоростной, связанный с приключениями, и подразумевает использование суперсовременных технологий, в то время как второй — это милое общественно полезное дело, связанное с озеленением, и хотя для него иногда нужна техника, он кажется гораздо более простым, чем первый.

Но это лишь ощущение, а реальность такова: если мы хотим достичь выбранных целей по защите окружающей среды, нам нужно создать технологии, которые превосходят те, которые нужны для крупномасштабных межпланетных перелетов.

Если мы хотим защитить окружающую среду, то сначала должны понять ее, как она устроена в глобальном масштабе. Экосистемы Земли запредельно сложные, и ученые приложили огромные усилия на исследование всех деталей, но человечество еще не понимает их принципы и законы. О таких системах, как погода, изменения крупных групп животных и взаимодействия между ними, человечество знает очень мало. Возьмем, к примеру, глобальное потепление: климат планеты

становится более жарким или нет? И если да, то связано ли потепление с деятельностью людей? В отличие от пропагандистов, ученые не могут дать точного ответа на два этих главных вопроса, поэтому борьба с глобальным потеплением скорее похожа на политическое движение. Можно без преувеличения сказать, что знания людей о поверхности Земли не настолько полные, как знания о поверхности Луны, а вскоре, возможно, уступят и нашим знаниям о поверхности Марса.

Если говорить о действиях, то для того, чтобы защищать окружающую среду — например, для того, чтобы заменять нефть возобновляемыми источниками энергии, перерабатывать промышленные и городские отходы, сохранять биоразнообразие и восстанавливать леса, — для всего этого нужны сложные технологии, многие из которых могут быть сложнее тех, которые необходимы для перелетов внутри Солнечной системы.

Но главный технологический барьер в деле сохранения среды состоит не в этом. Мировые войны и хаос остались далеко в прошлом, и в истории человеческого общества начался период длительного мирного развития, особенно в странах третьего мира и на неосвоенных террито-

риях. Государства с высокой скоростью развития имеют общую цель: достичь экономического уровня западных стран и обеспечить условия для комфортабельной современной жизни. Сегодня эта цель кажется достижимой. При данных темпах развития лет через пятьдесят большинство неразвитых зон, в том числе такие страны третьего мира, как Китай и Бразилия, смогут догнать Запад в том, что касается экономики.

Но люди упускают из виду вот какой факт: если весь мир будет жить так, как развитые страны — США и страны Европы, понадобится в четыре раза больше ресурсов, чем те, которые есть на планете.

Если мы хотим достичь наших целей, связанных с защитой природы, не обрушить экосистему Земли и обуздать величайшее вымирание видов со времен мелового периода, недостаточно просто уменьшить объем вредных выбросов. Даже если все цели Копенгагенских соглашений будут достигнуты, экосфера все равно затонет, словно «Титаник» на верхушке айсберга.

Есть только один выход — остановить развитие. Но это невозможно: ситуация, при которой в одних регионах люди будут бездельничать и наслаждаться комфортом современной ци-

вилизации, в других — прозябать в нищете, противоречит основным ценностям человечества. Кроме того, в мире политики данная идея обречена на провал.

Не следует забывать и о внезапных изменениях среды, вызванных неантропогенными факторами. Условия жизни на Земле колеблются, просто человеческая цивилизация появилась слишком недавно, чтобы это заметить. Каждое такое колебание значительно изменяет параметры среды и может сделать планету непригодной для жизни. Например, последний ледниковый период закончился всего десять тысяч лет назад, и если начнется еще один, континенты окажутся под слоем снега и льда; сельское хозяйство во всем мире рухнет, и современное общество, вместе с его огромным населением, будет уничтожено. А крупномасштабные изменения среды в долгосрочном периоде почти неизбежны — настолько, что они с большой вероятностью могут произойти в самом ближайшем будущем. По сравнению с ними современные методы защиты природы похожи на кружку с водой, которой кто-то хочет потушить пожар.

Если человеческая цивилизация хочет выжить в долгосрочном периоде, вне зависимости от

изменений среды под действием природных или антропогенных факторов, то она должна перейти от пассивного поведения к активному: ей нужно изменять природную среду в глобальных масштабах. Например, уже разработано много планов по замедлению парникового эффекта: в частности, предполагается создавать огромные, работающие на солнечной энергии паровые установки, которые будут увеличивать слой облаков, распыляя на большой высоте испарившуюся морскую воду. Другой план предусматривает создание зонтика площадью в три миллиона квадратных километров в точке Лагранжа между Землей и Солнцем. Каждый из этих планов — гиперинженерный проект, равных которому не было в истории; нечто подобное могли бы творить боги. Для данных проектов потребуются технологии, которые вполне органично смотрелись бы в научно-фантастическом произведении, но их уровень опять же гораздо выше, чем у тех, которые нужны для перелетов внутри Солнечной системы.

Существуют сложности и не связанные с технологиями: если мы посмотрим на защиту окружающей среды через призму экономики, то обнаружим, что защита природы, как и освоение космоса, требует колоссальных инвестиций и не

принесет значительной прибыли в краткосрочном периоде.

Но если сравнить вложения людей в защиту природы с инвестициями в освоение космоса, то окажется, что первые на порядок больше вторых. Например, в соответствии с китайским двенадцатым пятилетним планом, мы вложим 3 триллиона юаней в защиту природы, но на исследование космоса мы потратим лишь около 30 миллиардов. В других странах ситуация практически такая же.

Солнечная система обладает огромными запасами ресурсов: на восьми планетах и в поясе астероидов находятся большие количества сырья, необходимого для развития человечества — от воды до металлов и радиоактивных материалов. Если исходить из того, что Земля может обеспечить не более 100 миллиардов человек, то ресурсов Солнечной системы хватит на сто тысяч Земель.

Теперь мы должны взглянуть в лицо фактам: человечество отказалось от этой сотни тысяч Земель в космосе и собирается просто существовать на этой Земле, а его методом выживания будет защита окружающей среды — проект столь же сложный, масштабный и рискованный, как и

освоение космоса.

Освоению космоса, как и защите окружающей среды, нужен технический прогресс, и освоение способствует этому прогрессу. До программы «Аполлон» у США не было никаких технологий, необходимых для высадки на Луне; большая часть их была создана в ходе проекта. Технология расщепления атомных ядер уже существует, поэтому в ходе создания атомных двигателей для космических кораблей люди не столкнутся с непреодолимыми барьерами. И хотя мы еще не научились контролировать термоядерный синтез, препятствия к этому лежат в области техники, а не теории.

Мы должны учесть и тот факт, что корабли, долетевшие до Луны сорок лет назад, находились под управлением компьютеров, мощность которых в тысячу раз меньше, чем у *iPhone 4.*

Освоение космоса будет сильно напоминать эпоху Великих географических открытий, и в том числе нас ждут долгие перелеты к неизведанным планетам — чтобы создать в космосе условия для существования людей и улучшить свою жизнь. Эпоха Великих географических открытий началась с открытия Колумбом Нового Света. Путешествия Колумба финансировала Изабелла,

королева Испании (точнее, королева Кастилии, поскольку в то время независимой Испании не существовало). Обеспечить флот всем необходимым оказалось нелегко, и, по слухам, для этого королеве даже пришлось заложить свои драгоценности. Сегодня мы понимаем, что это было очень умное, хотя и рискованное, вложение средств — настолько, что некоторые люди утверждают, что история мира началась с 1500 года, ведь только тогда люди узнали, как выглядит Земля целиком.

Сейчас мы находимся на пороге второй эпохи Великих географических открытий. Нам повезло гораздо больше, чем Колумбу, ведь он, даже после долгого плавания по Атлантическому океану, так и не увидел Новый Свет. В то время его, должно быть, одолевали сомнения. А новый мир, который хотим изучить мы, можно увидеть, подняв голову. Просто никто не хочет вложить деньги в эту экспедицию.

Если рассматривать цивилизацию в целом, то она, возможно, будет похожа на младенца, который не в силах выбраться из колыбели без помощи родителей.

Однако — в космической перспективе — родителей у цивилизации людей нет. Человечество — сирота во вселенной, и поэтому мы должны сами о себе позаботиться.

Опубликовано в новогоднем спецвыпуске Modern Weekly, 2012 г.

Навстречу межзвездной цивилизации

В будущем космическая миграция станет одним из крупных проектов человечества, проектом, который, возможно, положит начало новой эре — точно так же, как когда-то это сделали большие корабли. Хотя сейчас на пути к миграции есть много препятствий, нам нужно как можно раньше обратить внимание людей на этот проект.

Общее направление космической миграции

Гипотетический ход космической миграции можно поделить на следующие этапы:

1. Ранний этап.

Исследование технологий, необходимых для космической миграции, не только приведет к прогрессу в новых областях систематического исследования космоса, но также поспособствует развитию таких областей, как астробиология, создание космических экосфер и искусственной гравитации. На этом этапе важную роль будут играть космические станции, поэтому нам нужно увеличить масштаб уже существующих и сделать их из статичных вращающимися, чтобы создать искусственную гравитацию с помощью

центростремительной силы.

Жаль, что в ближайшем будущем западные страны будут постепенно отказываться от космических станций и вкладывать больше средств в создание кораблей. Это не способствует развитию космической миграции. Возможно, эту область нам стоит связывать с Китаем, который в настоящее время стремится построить новые космические станции.

2. Миграция на Луну.

Луна может обеспечить переселенцев огромными количествами солнечной энергии и гелия-3; кроме того, запущенные недавно зонды обнаружили, что под слоями породы на Луне есть вода. Поселения мигрантов лучше всего строить под поверхностью Луны, поскольку у нее нет атмосферы, а ее магнитное поле очень слабое, и, следовательно, у нее нет естественного барьера, защищающего от космической радиации.

3. Космические мигранты на околоземной орбите.

Возможно, кому-то это покажется странным: зачем мигрантам, которые находятся ближе всего к Земле, высаживаться на обратной стороне Луны? На самом деле, если рассмотреть этот

вопрос со всех сторон, станет ясно, что строить поселения в космосе сложнее, чем «подлунные» города. Строительство на Луне будет происходить при наличии силы тяжести, которая в шесть раз меньше земной, поэтому люди смогут использовать технологии гражданского строительства и бурения, которые уже довольно развиты. А вот города в космосе — это огромные пустые раковины, герметично закрытые и способные противостоять мощному давлению изнутри. Кроме того, они должны вращаться, создавая сильную центростремительную силу. Все эти ограничения создают огромные проблемы при выборе материалов и методов строительства. Кроме того, контролировать климат, создавать защиту от радиации и метеоритов значительно легче в подземных городах на Луне, чем в космическом городе.

По сравнению с объектами более поздних этапов, космические города и колонии на Луне обладают одним огромным преимуществом: они находятся относительно близко к Земле. Полет от Луны до Земли и обратно, возможно, будет занимать всего два-три дня, а полеты из космического города на Землю, вероятно, будут длиться меньше межконтинентальных. Это значит, что колонии

могут полностью или частично обеспечиваться за счет Земли.

Но если колонии получают ресурсы с планеты, это нельзя назвать истинной межпланетной миграцией. Космические мигранты должны построить свои автономные экосистемы; иными словами, они должны создать маленькую Землю. Это огромная техническая проблема. В ходе проекта «Биосфера-2», проведенного в пустынях Аризоны, было показано, как сложно построить самоподдерживающуюся экосистему в ограниченном пространстве. Как бы ее ни подстраивали, через короткий промежуток времени эта экосистема рухнет. Экосферы — закрытые системы, состоящие из исключительно сложных механизмов, и в долгосрочном периоде они могут существовать только при наличии внешнего источника ресурсов. Мы очень мало знаем о таких системах. Отказ небольшой экосферы может произойти по двум причинам: первая — наши знания и технологии не соответствуют задаче. Вторая причина является более серьезной: масса и объем закрытой экосистемы, которая способна существовать в долгосрочном периоде, возможно, должны превышать некое критическое значение, и любая экосфера меньше данного

значения не сможет поддерживать себя даже в теории. Это связано с основополагающими законами природы. Масса и объем экосферы — очень важные параметры, и космические мигранты должны их учитывать.

Таким образом, космическим городам и колониям на Луне следует постепенно уменьшать свою зависимость от поставок ресурсов с Земли и в конце концов полагаться только на свои собственные экосистемы. Создание искусственных экосфер, способных к долгосрочному автономному существованию, станет ключевым прорывом в деле исследования космоса и сделает возможным истинную космическую миграцию.

4. Миграция на Марс.

Это — начало истинной космической миграции. Марс находится на относительно большом расстоянии от Земли; время полета между этими планетами составит несколько лет, и поэтому колониям придется рассчитывать только на те ресурсы, которые можно добыть на самом Марсе. Но у Марса есть большая атмосфера, его климат наиболее похож на земной, и условия жизни на Марсе значительно лучше, чем на Луне. У Марса большая территория и встречаются самые разные ландшафты, и, значит, у колоний будет

достаточно пространства для развития.

5. Миграция на Европу.

Главное преимущество эмиграции на вторую луну Юпитера состоит в том, что там очень много воды. На поверхности этого спутника находится самый большой в Солнечной системе океан, и хотя он состоит из льда, воды в нем больше, чем в океанах Земли. Но для миграции туда нужен еще более высокий уровень технологий, связанных с космическими полетами. Юпитер и Землю разделяют целых пять астрономических единиц[20], и поэтому крупномасштабную миграцию на Европу невозможно провести с помощью имеющихся в нашем арсенале двигателей на химическом топливе. Тут людям должны помочь атомные двигатели. Кроме того, у колонии на Юпитере возникнут очевидные проблемы с ресурсами: поскольку Юпитер находится далеко от Солнца, там низкий уровень солнечной энергии, и поэтому мы должны подумать о других источниках энергии, и главным из них по-прежнему является термоядерная реакция. Юпитер обладает значительными запасами сырья для термоядерного синтеза, но добыть его будет непросто.

---

[20] Примечания: 20
Где-то 747 миллионов километров.

Существует смелый план строительства постоянного жилого квартала на дне океана Европы. Под слоем льда в океане есть жидкая вода, и если построить на дне океана город, это значительно уменьшит расход ресурсов на поддержание нужной температуры, а колонисты при этом смогут воспользоваться мощным источником вулканической тепловой энергии, который находится в ядре Европы.

6. Миграция за пределы Солнечной системы.

Поскольку расстояние между звездными системами велико, в ближайшем времени человечество вряд ли обретет технологии, которые позволят ему совершать межзвездные перелеты. Следовательно, миграция за пределы Солнечной системы станет делом далекого будущего. В радиусе 15 световых лет от Солнца находится более пятидесяти звезд, и если наши знания и технологии не перейдут на качественно новый уровень, то на полет к этим звездам придется потратить огромное количество времени — возможно, более тысячи лет. Таким образом, межзвездная миграция равносильна миграции на корабль, который и станет колонией. Космический полет будет уже не путешествием, у которого есть начало и конец, а бесконечной историей, которая проис-

ходит в другом пространстве. Корабль, летящий по далекому космосу, превратится в данность, в дом для людей, навсегда покинувших Солнечную систему. Вечный полет на космическом корабле станет нормой жизни для цивилизации.

Политические и экономические проблемы, связанные с космической миграцией

Необходимо четко очертить границы проблем, которые мы обсуждаем: эта статья посвящена космической миграции, а не исследованию космоса и не добыче ресурсов в космосе. У изучения космоса обычно есть определенные научные и политические цели, в исследованиях участвует ограниченное число людей, и они работают по строгому графику. Процесс добычи ресурсов в космосе поначалу будет связан с четкими экономическими целями, и добытое сырье будет использовано на Земле. Но космическая миграция — совершенно иной процесс, поскольку она является массовым перемещением обычных людей, семей и сообществ в космос. Мигранты превратят корабли, космические города или другие планетарные колонии в свои дома и будут жить там в течение длительного времени. Эта эмиграция будет окончательной, без шансов на возвращение. Таким образом, космическая

миграция, так же как исследование космоса и добыча ресурсов в космосе, столкнется со множеством препятствий и проблем в сфере политики и экономики.

Главный политический вопрос: зачем нам эмигрировать в космос? Причина нам прекрасно известна: Земля обладает ограниченным запасом ресурсов, и однажды он будет исчерпан. Кроме того, экосфера Земли — нестабильная система, и в ней могут произойти радикальные изменения, вызванные как антропогенными, так и природными факторами, после чего планета станет непригодна для жизни. Но данные объяснения не убеждают ни народные массы, ни правительства — потому что истощение запаса ресурсов или сильные изменения в атмосфере и среде обитания вряд ли произойдут в течение жизни любого отдельного человека. И даже если они действительно произойдут, жизнь на разрушенной Земле все равно будет значительно легче, чем в успешной космической колонии. Человечество способно обратить внимание на события, которые произойдут в далеком будущем, но лишь при условии, что объем инвестиций является приемлемым. Для космической миграции потребуются огромные инвестиции в течение десяти поколе-

ний, и поэтому с точки зрения политики данная задача становится практически нерешаемой. Да, возможно, для освоения космоса и добычи ресурсов нужны такие же огромные средства, однако данные проекты могут принести прибыль. Космическая миграция, напротив, не даст землянам никакой ощутимой прибыли в краткосрочном периоде; напротив, наиболее дальновидные и обладающие воображением чиновники смогут предсказать, что развитие колоний за пределами планеты станет новым, особым раздражающим фактором для жителей Земли.

Мы замечаем, что в последнее время постепенно растет уровень гражданского исследования космоса; многие люди из частного сектора связывают свои надежды с космической миграцией. Но пока она, скорее всего, неосуществима. У компаний и корпораций есть одна главная цель — прибыль, но, как мы уже говорили, космическая миграция практически не принесет ее в обозримом будущем. Хотя *Virgin Group* планирует заниматься космическим туризмом и частные компании уже проводили стыковку своих беспилотных космических аппаратов с Международной космической станцией, это коммерческие проекты, качественно отличающиеся

от космической миграции. Поскольку возможности для получения прибыли ограниченны, масштаб этих проектов будет гораздо скромнее, чем у национальных космических программ, и их будет значительно сложнее довести до уровня космической миграции. Поручить это дело некоммерческим организациям тоже будет сложно — во-первых, у них гораздо более слабые организационные способности, чем у компаний и государств, и, во-вторых, по сравнению с другими проблемами, которыми нужно заниматься прямо сейчас — например, защитой окружающий среды, — выход в космос и миграция не особенно привлекают общество, и поэтому будет непросто заручиться поддержкой широких слоев населения. Сейчас в этой сфере нет ни одной гражданской организации, похожей на «Гринпис».

Мы можем вспомнить последний период в истории, когда люди массово мигрировали в новый мир — эпоху Великих географических открытий. Начальным импульсом для нее послужили действия государств. Колумб смог осуществить свое первое плавание к новому континенту благодаря поддержке Изабеллы, королевы Испании, Магеллан отправился в кругосветное плавание по

приказу испанского короля Карла V, экспедиция Васко да Гамы к мысу Доброй Надежды стала возможной благодаря содействию португальской королевской семьи; Джеймс Кук был капитаном английского военно-морского флота, и «Индевор», которым он командовал, когда открыл Австралию, был кораблем английского военного флота… Эпоха Великих географических открытий и период космической миграции имеют общие черты, но космическая миграция потребует более крупных вложений, а также более продолжительного времени, поэтому запустить ее и поддерживать ее на начальных этапах может только государственная власть.

Думая о техническом прогрессе, легко забыть о том, что для космической миграции требуется столь же мощный прогресс в мышлении и идеологии. В XV–XVIII веках, когда люди массово переселялись в Новый Свет, этот процесс был тесно связан с развитием мысли и культуры, обусловленным Возрождением, просвещением и религиозной реформацией. Сложно сказать, что именно стало причиной, а что — следствием, и, скорее всего, данные процессы влияли друг на друга. В наше время капитализм и рыночная экономика являются сдерживающими фактора-

ми, и если какая-то страна стремится развивать коммерцию, в ней ослабляется идеологическая и политическая поддержка космической миграции. Таким образом, для начала настоящей полномасштабной космической миграции прежде всего требуется перейти на новый уровень мышления и культуры. Добиться этого сложнее, чем создать новые технологии.

Межзвездная миграция, космические города и корабли поколений

В данной статье мы утверждаем, что космическая миграция может быть трех видов: первый — эмиграция на другие планеты, а в ходе миграции второго и третьего вида появятся космические города и корабли поколений. Космические города вращаются вокруг Земли или Солнца, и им нужны лишь вспомогательные силовые установки для корректировки орбиты. Корабли поколений должны лететь к звездам и поэтому обладают невероятно мощными двигателями. Если учесть уровень наших технологий, можно предположить, что скорость таких кораблей будет значительно меньше скорости света, и поэтому их путь к звездам непременно станет очень долгим — настолько, что сам полет станет нормой жизни в этом «мире».

В соответствии с нашим предположением можно поделить эти «миры» следующим образом: колонии на других планетах Солнечной системы, космические города и корабли поколений. Как уже было сказано, мигранты на планетах могут и дальше осваивать новые фронтиры на поверхности планет, а пространство на кораблях определенно будет ограниченно. С другой стороны, космические города зависят от планеты, вокруг которой они вращаются, и при этом они избавлены от необходимости ускоряться в ходе перелета, и поэтому могут быть значительно больше, чем корабли. Однако если взглянуть на проблему в долгосрочном периоде, окажется, что все обстоит с точностью до наоборот.

Площадь поверхности планеты ограниченна, и после расселения мигрантов вся земля, возможно, будет распределена между поселениями и сельскохозяйственными угодьями, совсем как на Земле. Могут появиться даже такие образования, как планеты-столицы Трантор из «Академии» Айзека Азимова или Корусант из «Звездных войн» — планеты, вся поверхность которых покрыта одним мегаполисом.

В долгосрочном периоде космические города имеют больше пространства для освоения,

поскольку их можно постоянно расширять, используя ресурсы планеты-метрополии, или сообщества городов, которое сложится на орбите. Поскольку эти города будут обладать тонкой оболочкой, площадь поселения на каждую единицу массы города будет выше, чем на поверхности сферических планет. Возможно, в космическом городе удастся создать такую же поверхность, как на планете, используя в сто раз меньше материалов. Планетарная орбита также дает огромное пространство для развития космических городов; в конце концов, космические города на геосинхронной орбите могли бы сформировать структуру, подобную кольцам Сатурна. Ее периметр составит 250 000 километров или даже больше, а площадь поверхности будет больше, чем у любой планеты. Но хотя объем пространства околоземной орбиты огромен, однажды она будет заполнена.

Пространство же для развития кораблей поколений почти бесконечно. В момент старта корабли не должны быть большими; они — семена, которые будут расти, проходя мимо звездных систем. Достигнув звездной системы, они могут использовать ее ресурсы, чтобы апгрейдить корпуса или строить новые корабли флота. По

мере того как корабли или флот увеличиваются в размерах, их способность добывать материалы для последующего расширения растет пропорционально, и путешествующий мир начинает расти, словно снежный ком. Конечно, для этого понадобится много времени, но пространство для расширения почти бесконечно. Корабли флота могут быть независимыми, или, что более вероятно, они будут способны объединяться в одну структуру, при необходимости деля между собой функции. Если расширение продлится достаточно долго, это единое «тело» может превзойти такую планету, как Земля, но благодаря своей геометрической конфигурации, похожей на улей, ее жилая зона может быть в десять миллионов раз больше, чем на Земле. Объединенная экологическая система, созданная этим миром, благодаря своим огромным размерам будет обладать стабильностью и устойчивостью, которые гораздо выше, чем у экосфер на Земле. Это будет уже не корабль, который мы себе представляли, но естественный мир, более богатый и разнообразный, чем Земля. Сложно вообразить себе, до каких масштабов он может вырасти. И поэтому мы приходим к еще одному смелому выводу: возможно, все зрелые цивилизации являются ци-

вилизациями межпланетных кораблей, которые летят по космосу.

По-настоящему просторный мир находится за пределами Земли, и если человечество хочет, чтобы его цивилизация продолжалась еще в течение десяти тысяч поколений, тогда оно должно освоить новые просторы. Люди должны как можно раньше откликнуться на зов звезд.

1 марта 2013 г.
Опубликовано в «В мире науки», № 2, 2013 г.

От реального города к виртуальному

Город — одна из форм совместного проживания людей; он появился в связи с необходимостью воевать и защищаться от врагов, а позднее стал местом сбора людей, центром экономической, политической и культурной жизни.

Современный интернет стал вторым местом, где собираются люди. Виртуальное пространство является параллельным реальному миру на Земле и быстро приобретает все большее значение. Благодаря развитию компьютерных технологий виртуальные пространства в интернете активнее заменяют собой соответствующие места в реальном мире. В не столь отдаленном будущем широкополосная связь и технологии виртуальной реальности сделают собрания людей в интернете неотличимыми от тех, что происходят в реальном мире — настолько, что взаимодействие будет даже более живым и ярким. Так виртуальное пространство возьмет на себя большинство функций города.

Возьмем, к примеру, меня. Я живу и работаю в относительно удаленном регионе, и мне, писателю-фантасту, до появления интернета было

очень сложно писать фантастические произведения, особенно романы. Я до сих пор помню, как десять лет назад мне понадобилось найти информацию для рассказа, и для этого я был вынужден семь часов ехать на поезде в Пекин. Но теперь компьютер практически стал крупнейшей библиотекой в мире. Мне кажется, что я уже ничем не отличаюсь от писателя, который живет в большом городе. Однако это произошло еще на ранней фазе развития интернета. Теперь же он становится вторым местом для жизни.

Экономическая жизнь городов быстро перемещается в интернет, а если говорить о политике, то общественное мнение пользователей интернета оказывает все больше влияние на правительство. Кроме того, доля представления культуры в интернете уже превзошла долю массмедиа в обычных городах. Если подключиться к интернету из удаленного уголка Земли, создается впечатление, что ты находишься в современном мегаполисе, в центре актуальной культуры и самой последней моды.

Одна из особенностей виртуального пространства заключается в том, что оно никак не связано с географическим положением. Вход в виртуальное пространство из любой точки Земли

занимает приблизительно одно и то же время, и это позволяет устранить барьеры, связанные с удаленностью в физическом пространстве. Электронные города все больше берут на себя функции обычных городов. Например, недавно внимание людей привлекла технология 3D-принтеров. Ее значение состоит в том, что интернет будущего будет передавать не только данные. Люди смогут «скачивать» технику, и это коренным образом изменит сферу грузовых перевозок и еще больше сместит экономику городов в виртуальное пространство.

Подобные тенденции могут привести к рождению виртуального города.

На самом деле многие сайты, такие как *Taobao* и *Sina Weibo*[21], уже похожи на большие города; а их население и объемы экономической, политической и культурной жизни вряд ли меньше, чем в обычных городах. Но есть два фактора, из-за которых у этих сайтов не появились четкие признаки городов.

Первый фактор заключается в том, что у этих сайтов только одна функция. Однако в результате развития технологий и проникновения интер-

---

[21] Примечания: 21
Маркетплейс и площадка для микроблогов.

нета в социальную жизнь должно появиться общее интернет-пространство для экономической, политической и социальной жизни. Можно представить себе день, когда жизнь людей в интернете станет более полноценной, свободной, богатой и колоритной, чем жизнь в реальном городе. Такие виртуальные города придут на смену обычным и станут главным местом жизни для людей будущего.

Второй фактор — в том, что эти интернет-сайты не обладают политической и административной властью, которые есть у городов в реальном мире. Но как только появятся виртуальные города, они будут расти гораздо быстрее, чем традиционные, и смогут в значительной степени повлиять на мировую политику и экономику. Если такой виртуальный город может создать общее политическое сознание и общие требования, тогда он должен бороться за позицию в мире политики, которую он заслуживает, и получить ее.

Люди будущего смогут стать гражданами нескольких городов одновременно, в том числе одного обычного и многих виртуальных.

Города будущего, возможно, будут иметь совершенно иное политическое устройство: например, таким городом не сможет руководить

правительство какой-то одной страны, поэтому виртуальные города будут независимыми. Независимые города-государства, которые уже были в истории человечества, возможно, появятся снова, на этот раз — в Сети.

Мы не знаем, повторится ли история человечества в мире интернета. Мы надеемся, что расцвет новой мысли, промышленная и технологическая революция и культурное богатство, которые когда-то зародились в обычных городах, снова появятся в городах виртуальных, и это позволит цивилизации перейти на следующий этап. Но мы молимся о том, чтобы в виртуальных городах не было кровопролитных войн, как между обычными городами и государствами.

Возможно, сороковые Олимпийские игры пройдут в виртуальном городе, который называется *Maple Leaf Blade Town*. Его точное расположение ищите в интернете.

5 марта 2013 г.
Опубликовано в «Ежедневных новостях Синьхуа»
29 марта 2013 г.

2
Взгляд на фантастику

По ту сторону нарциссизма
Что научная фантастика может предложить литературе?

I

Я никогда не был поклонником беллетристики и не думал о том, что однажды мой путь подведет меня так близко к ней. К Площади Фантастики люди идут по разным улицам — кого-то ведет любовь к литературе, других — увлечение наукой. Я принадлежу ко второй группе.

Сейчас люди могут обогнуть земной шар менее чем за час, но от самой далекой галактики, которую мы можем увидеть, свет летит пятнадцать миллиардов лет. Кроме того, есть еще такая вещь, как время: если возраст Вселенной, от ее рождения до настоящего момента, составлял бы один год, то люди появились бы в последнюю долю секунды этого года. Однако в тех немногих случаях, когда я сталкиваюсь с литературой, в моей голове постоянно звучит голос, не дающий мне покоя: он говорит, что стоит изображать только пылинку под названием Земля и человечество, которое существует столько, сколько длится

щелчок пальцами. Он говорит мне, что огромное пространство-время, лишенное человечества, не стоит даже того, чтобы бросить на него взгляд. Он говорит, что литература является антропологией. В литературе главную роль играет гравитационная сила человеческой харизмы; она притягивает к себе Солнце и другие звезды, заставляя их вращаться вокруг Земли. Если бы Вселенная была Сахарой, тогда литература увидела бы золото в той единственной песчинке, за которую цепляются микробы, называющие себя «людьми»; на всю остальную пустыню литература бы не обратила никакого внимания. Солнце существует только для того, чтобы освещать безмятежные поля; Луна нужна, чтобы тени влюбленных падали на морской берег. Если бы не восточный миф[22] о Ткачихе и Пастухе, Млечного Пути, возможно, вообще бы не существовало — но даже если бы они перешли по Мосту Сорóк со скоростью света, каждое их объятие заняло бы сто тысяч лет.

Вот почему традиционная литература кажется мне проявлением запредельного нарциссизма

[22] Примечания: 22

Космологический миф о любви небесной феи ткачихи Чжинюй (звезда Вега) и человека пастуха Нюлана (звезда Альтаир), разделенных рекой Млечный Путь, которые встречаются раз в год на мосту из слетевшихся сорок.

людей. Конечно, поскольку они (насколько нам известно) являются единственной разумной формой жизни в радиусе четырех световых лет, то у людей есть причина и право быть нарциссами в пределах этой сферы. Но есть люди, которые хотят ощущать больше и которые не желают приковывать свои души к одной пылинке во Вселенной. В литературе тоже есть такие люди: они пытаются поднять ее над нарциссизмом, и наиболее сознательно этим занимаются фантасты.

II

Научная фантастика зародилась в Европе во второй половине XIX века и поначалу не обладала трансцендентным сознанием, которое описано выше. Первое научно-фантастическое произведение, «Франкенштейн» Мэри Шелли, на самом деле это просто вариация на тему готической литературы. Я, как и другие китайские любители фантастики моего возраста, познакомился с фантастикой, читая романы Жюля Верна. Он сделал все, что мог, для только зародившегося, но уже процветающего жанра, закутав его в старые потрепанные тряпки европейской приключенческой литературы, но даже при этом можно было почувствовать, как под ними шевелится младе-

нец, и мельком увидеть проблески его света. Хотя в произведениях Жюля Верна люди не сливаются с фоном, они все-таки несколько сдвинуты в сторону. Характеры его персонажей вполне отчетливы, но при этом крайне просты; они — яркие символы, настолько привлекательные, что сам папа римский назвал произведения Жюля Верна «чистыми, как кристалл». Вот почему его романы стали такими популярными во всем мире, и на их распространение не влияла цензура. Впервые в истории литературы персонажи книг уступили главное место на сцене другому протагонисту — Машине. Она появляется в виде подводной лодки «Наутилус», в виде самодвижущегося острова и пушки, чей снаряд летит на Луну; даже в тех произведениях, в которых Машины нет — например в «Вокруг света за 80 дней», — сама Земля играет роль полностью очерченного литературного персонажа. Новорожденный жанр научной фантастики, примером которого стали романы Жюля Верна, также отверг отношения между людьми как главный предмет изучения — и вместо этого занялся отношениями человека с природой. Этот сдвиг стал источником свежей крови и энергии для нового жанра.

III

Позднее, во время Великой депрессии, которая произошла в США в начале XX века, начался «золотой век» фантастики. В тот период господствовали идеи Джона Кэмпбелла[23] о «технологической» фантастике; кроме того, именно в это время фантастика обрела самоопределение. Однако для китайских читателей существовал огромный разрыв между Жюлем Верном и современной фантастикой. До конца 1970-х годов число западных научно-фантастических произведений, переведенных на китайский, если не считать романов Герберта Уэллса и совсем небольшого числа книг советских авторов, практически равнялось нулю. Когда я впервые познакомился с западной фантастикой, она уже была довольно зрелой по форме, и смещение фокуса с человека на мир стало вполне очевидным.

В один из зимних вечеров 1980 года книга англичанина, эмигрировавшего на Шри-Ланку, изменила мою жизнь. Этот англичанин — Артур

---

[23] Примечания: 23

Джон Вуд Кэмпбелл-мл. (1910–1971) — американский писатель и редактор, который сформировал современную научную фантастику. Издавал влиятельный журнал *Astounding* и открыл таких писателей, как Азимов, Хайнлайн, Старджон, Ван Вогт, Хаббард.

Ч. Кларк, один из гигантов западной фантастики, а книга — роман «2001: Космическая одиссея». Я постоянно мечтал о литературе, которая покажет мне огромные масштабы и глубину Вселенной, позволит мне ощутить бесконечное число возможностей в бесконечном множестве миров. Литература моей мечты сильно отличалась от того, что было доступно тогда, в ту эпоху всеобщей практичности, и поэтому я даже не верил, что она *может* существовать. Но когда я открыл ту книгу, то обнаружил, что подобная литература не только может существовать, но и что кто-то ее уже написал.

Мой шок и возбуждение не поддаются описанию. Но, кроме того, я почувствовал, что эта книга разрушает и расширяет мои представления о том, какой должна быть литература.

В ней можно сразу увидеть совершенно новую концепцию: макродетализацию, которую крайне редко можно встретить в традиционной литературе. Представьте себе, что Лев Толстой вставил в «Войну и мир» следующий абзац:

Наполеон вторгся в Россию во главе 600-тысячной французской армии. Она продвинулась далеко вглубь огромной территории и заняла опустевшую Москву. Наполеон долго ждал, когда

противник сдастся, и, не дождавшись капитуляции, приказал своей армии отступать. Началась суровая русская зима, и от холода и голода погибло столько французов, что во Францию Наполеон вернулся в сопровождении менее чем 30 000 солдат.

Толстой действительно включил много подобных пассажей в свой фундаментальный труд, но он отделил их от основного текста, поместив в совершенно отдельные главы. Сто лет спустя еще один автор, писавший о войне, Герман Вук[24], создал макроскопический отчет о событиях Второй мировой войны в своем великом труде *The Winds of War* [«Ветры войны»]. Книга состоит из отдельных глав, похожих на приложения, которым он дал общее название «Гибель мировой империи». Если рассмотреть их в отдельности, то они дают хорошую картину войны в «истории народа». Два автора, которых отделяет друг от друга целый век, приняли одно и то же решение при выборе стиля с одной только целью: сказать читателям, что эти события — *история* и они не являются неотъемлемым элементом моей

[24] Примечания: 24

Герман Вук (1915–2019) — американский прозаик, ветеран войны, лауреат Пулитцеровской премии.

работы и плодом воображения. Произведения, относящиеся к традиционной литературе, *не могут* посвятить значительную часть текста макроскопическим историческим хроникам — роман, который смотрит на историю в макромасштабе, уже не художественная литература, а книга по истории. Конечно, существует много произведений с увлекательными историческими сюжетами — такие как «Ли Цзычэн»[25] Яо Сюиня и «Спартак» Говарда Фаста, но эти работы в основном фокусируются на подробностях жизни исторических личностей (в приведенных выше примерах — на предводителях восстаний). И свою историческую панораму они создают именно из такого множества подробностей. Они просто не могут сделать макроскопический исторический сюжет главной темой своего повествования. Это — работа для историков.

Научная фантастика отличается от традиционной литературы тем, что может обратить свое внимание в основном на макроистории. От отрывков, о которых шла речь выше, ее отличает то, что она остается вымыслом, художественным произведением, плодом воображения авторов.

---

[25] Примечания: 25

Роман о предводителе крестьянского восстания в 1635 году, которое привело к падению династии Мин.

Традиционная литература изображает мир, созданный Богом; научная фантастика, напротив, создает свои миры, словно Бог, а затем изображает их.

Научная фантастика радикальным образом отходит от литературной концепции «деталей». История под названием «Фейерверк сингулярностей», возможно, будет посвящена группе сущностей, для которых Большие взрывы — это не рождение новых вселенных, просто праздничный фейерверк. Вот как рождается наша вселенная:

— Неплохо! Потрясающе! — радостно воскликнуло Первое Существо, когда в Пустоте взорвался фейерверк.

— По крайней мере, он лучше предыдущих, — заметило пресыщенное Второе Существо. — Расширяясь, он равномерно распределяет свои законы физики, а вот эти штуки — мелкие элементарные частицы, которые конденсируются из чистой энергии.

Вспышка погасла, и вниз полетел дождь из пепла.

— Погоди! Тут столько всего интересного! — воскликнуло Первое Существо, заметив, что Второе уже готовит еще один фейерверк из

сингулярностей. Первое протянуло Второму телескоп. — Посмотри на пепел… Когда материя остывает, из него формируются потрясающие крошечные скопления с низким уровнем энтропии.

— Похоже на то, — сказало Второе Существо, глядя в телескоп. — Они способны к самовоспроизведению… и у них даже появилось крошечное сознание… а часть из них даже поняла, что они появились в результате последнего фейерверка. Удивительно…

Вряд ли можно усомниться в том, что в этом отрывке нет подробностей. В нем описываются диалог и чувства двух людей (или других существ, кем бы они ни были), которые связаны со взрывом фейерверка. Но это не обычные подробности, потому что с нашей точки зрения ничего *мелкого и незначительного* в них нет. В традиционной литературе ста пятидесяти слов едва хватит для того, чтобы описать короткий поцелуй героя и героини; в отрывке, приведенном выше, то же количество текста описывает всю историю нашей Вселенной длительностью пятнадцать миллиардов лет, от Большого взрыва до сегодняшнего дня, а также всю жизнь и цивилизацию в ней. Более того, действие проис-

ходит в каком-то метакосмосе, находящемся за пределами нашей Вселенной. Эту уникальную, научно-фантастическую форму описания подробностей мы называем «макродетализацией» — в отличие от «микро-детализации» традиционной литературы.

Вернемся к роману «2001: Космическая одиссея». Хотя это и не особенно длинный роман, его сюжет следует за человеческой расой от ее рождения до тех пор, пока она наконец не сливается со Вселенной. Он начинается миллионы лет назад, когда примитивные люди впервые обрели самосознание, и продолжается до тех пор, когда люди начинают осваивать околоземное пространство и Луну, добираются до Сатурна и там попадают в портал, ведущий через пространство-время в глубины Вселенной, где человечество преодолевает свою разобщенность и становится единым целым.

С помощью макродеталей писатели-фантасты одним движением пера перемещают нас на миллиард лет во времени и на десять миллиардов световых лет в пространстве. В один миг они превращают мир, который традиционная литература возвела на пьедестал, просто в бесконечно малую пылинку посреди Вселенной.

Макродетали не были распространены на ранних этапах развития научной фантастики — они начали появляться лишь после того, как жанр запустил свои щупальца в более глубокие части космоса и начал думать о происхождении Вселенной. Это — признак зрелости фантастики; макродетали как литературный прием способны извлечь максимум пользы из особенностей и сильных сторон жанра.

Макродетали в значительной степени повлияли и на структуру фантастики. Писатели-фантасты, которые фокусируются на макродеталях, сначала строят миры в соответствии с законами своего собственного творения, а затем наделяют эти миры подробностями и особенностями. Этот процесс является обратным тому, что происходит в традиционной литературе, которая считает структуру мира уже устоявшейся. Задача литературы — описать не эту структуру, а лишь ее малейшие детали.

Фантастика радикальным образом расширила границы сюжетов, и, противопоставляя человечество и Землю всей Вселенной, она позволяет нам изображать их — как и мир традиционной литературы, которому несколько тысяч лет, — более ярко. Наблюдать за тем, как Ромео свистит

Джульетте, интереснее, если он смотрит на ее окно в телескоп из Туманности Андромеды, а не из ближайшего куста.

Благодаря научной фантастике мы можем увидеть даже каплю в море.

IV

Еще одно отличие романа «2001: Космическая одиссея» и других классических произведений современной фантастики от традиционной литературы заключается в том, как они создают литературные образы. История человеческого общества — это история возвышения человека. Где-то в промежутке между Спартаком, который, размахивая мечом, выбегает на арену Колизея, и французскими революционерами, кричащими о свободе, равенстве и братстве, человечество из средства превратилось в цель.

Однако в науке статус человечества меняется в противоположном направлении. Если раньше мы были главным творением Бога во Вселенной (все содержимое которой Старик подарил нам, словно мебель), то теперь мы фактически не отличаемся от других животных — и, более того, превращаемся в не имеющие значения бактерии на пылинке в дальнем углу Вселенной.

И вот вопрос: стоит ли литература на стороне истории или на стороне науки? Сейчас традиционная литература, несомненно, выбрала историю. Мысль о том, что литература действительно является антропологией, почти приобрела статус закона, и роман, в котором не участвует человечество, считается неприемлемым.

Но фантастика стоит на стороне науки. Человечество больше не является душой этого процветающего жанра.

Взглянув на короткую историю фантастики, мы поймем, что этот жанр на самом деле не отказался от создания образов героев, хотя по сравнению с традиционной литературой он во многом ослабил внимание на образе и важности персонажа. Герои «Космической одиссеи», например, сами по себе являются символами единства. Это наиболее заметно в одноименном фильме Стэнли Кубрика, в котором бесстрастные ученые с потухшими глазами говорят монотонно, словно машины. Это было сознательное решение Кларка и Кубрика: они словно хотели сказать нам, что персонажи данного произведения — просто символы, что мы должны думать о человечестве в целом и о его связи со Вселенной. Они добились такого успеха, что, даже прочитав книгу и посмотрев фильм, мы

с трудом отличаем одного астронавта от другого. У них словно нет никаких отличительных черт, кроме имен.

Одна из причин, по которым роль персонажа в фантастике уменьшилась, а концепция детализации изменилась, заключается в том, что диапазон сюжетов литературы значительно увеличился. Другой важный фактор — это естественная связь фантастики с наукой; благодаря ей фантастика четко понимает место человека во Вселенной.

Фантастика расширяет концепцию создания образов двумя основными способами.

Во-первых, в ней персонажем может стать целый биологический вид, а не отдельный человек. В отличие от традиционной литературы, фантастика способна изобразить большое число инопланетных цивилизаций, связывая форму и черты личности как с ними, так и с видом, который создал ту или иную цивилизацию. Этот вид может быть расой инопланетных существ, колонией людей, эволюция которых пошла по другому пути, или даже машинами. Мы назовем эту новую форму литературного образа «персонаж-вид».

Во-вторых, фантастика превращает в персонажей целые среды и миры. Этими мирами могут

быть планеты или галактики, развилки в параллельных вселенных или (это новый и уже ставший популярным вариант) симуляции, которыми управляет компьютер. Такие миры тоже могут быть двух видов: в мирах первого вида есть люди (любые), и в таком случае это просто расширение «персонажа-вида»; во втором случае это незаселенный мир, который становится объектом исследования (обычно исследованиями занимаются первопроходцы). В таком случае акцент делается на естественных свойствах мира и на эффектах, которые он оказывает на тех, кто в нем находится. Есть еще один, запредельно редкий вид миров в фантастике: миры этого вида существуют независимо от Вселенной, и в них еще никто не проник. Чтобы описать подобный мир, автор должен играть находящегося на отдалении всеведущего наблюдателя. Таких произведений мало, и их сложно читать, но именно в них особые свойства фантастики доведены до предела.

Ни «персонаж-вид», ни «персонаж-мир» не могли бы существовать в традиционной литературе, потому что существование литературного персонажа основано на возможности сравнить его с другими персонажами. Если традиционной лите-

ратуре нужно описать один вид (людей) или один мир (Землю), она должна разделить изображение настолько, чтобы на нем появились отдельные люди. «Персонаж-вид» и «персонаж-мир» — великий вклад фантастики в художественную литературу.

От «Космической одиссеи» я сразу перешел к другому классическому произведению Артура Ч. Кларка, «Свидание с Рамой» — романом, в котором персонажи нового вида получили еще большее развитие, созданное фантастикой. Он рассказывает об огромном опустевшем инопланетном корабле, который летит по Солнечной системе, и о том, как человечество в течение недолгого времени наблюдает за ним. Кларк ярко и в мельчайших подробностях описывает мир этой огромной пустой оболочки — рельеф и топографию его внутреннего пространства, его океаны, которые постепенно испаряются по мере того, как корабль приближается к Солнцу, пирамидальные горы на его полюсах и так далее. Он создает воображаемый мир с энергией демиурга — и хотя этот мир полностью подчиняется законам физики, он остается живым и выразительным. Так же как и в «Космической одиссее», персонажи «Свидания с Рамой» — это просто

пешки. Если бы Кларк заменил людей, которые проникают внутрь корабля неживыми «умными» зондами, произведение не сильно бы изменилось. Кларк добавил в галерею фантастики образ величественного, чудесного мира Рамы — мира, в котором нет ни людей, ни даже инопланетян.

Этот человек, который заново познакомил меня с потенциалом и возможностями литературы и повел меня по пути фантастики, скончался в марте 2008 года. Айзек Азимов и Роберт Хайнлайн покинули наш мир еще раньше, так что теперь мы лишились последнего грандмастера «золотого века» научной фантастики. На надгробии Артура Ч. Кларка высечена эпитафия: «Он так и не повзрослел, но не перестал расти». Именно так. Традиционная литература старит людей, а вот фантастика, и в том числе шедевры Кларка, делает нас моложе. Это главное ощущение, возникшее во мне за десять с лишним лет, в течение которых я пишу фантастику.

V

Произведения Айзека Азимова, его персонажи — как виды, так и миры — более проработаны концептуально, чем у Артура Ч. Кларка.

Во время создания научно-фантастического

произведения необходимо создать мир — его базовую структуру, законы и правила. Традиционная литература этим не занимается, поскольку мир, который она изображает, поставляется в уже готовом виде. Я не хочу сказать, что создание мира — уникальная черта научной фантастики; авторы фэнтези тоже придумывают свои миры: примером может служить Средиземье во «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина. Но миры в научной фантастике и фэнтези отличаются: фантасты часто создают мир для каждого произведения, в то время как миры фэнтези часто существуют независимо от каждого отдельного произведения, и впоследствии авторы возвращаются к этим мирам, чтобы написать сиквел. Кроме того, в НФ миры должны соответствовать научным законам: эти миры могут быть сюрреалистичными, но не сверхъестественными. Создание миров в научной фантастике — более ясный, правильный и строгий процесс, и на него накладывают свой отпечаток законы науки.

Мир цикла «Я, робот» Айзека Азимова стоит на прочном фундаменте — так называемых «трех законах робототехники»; этот текст объемом менее ста слов объясняет принципы, которых должен придерживаться робот, чтобы не нанести вред

людям. Но когда данные законы сталкиваются со сложным миром людей и расплывчатыми определениями понятий «человек» и «вред», роботы часто зависают в странных логических парадоксах. Эта простая предпосылка — семя в мире фантазии, которое превращается в мощный драматический конфликт; Азимов взращивает это семя в своих роботах, и оно действительно вырастает в огромное дерево. Более примечательно то, что в «Я, робот» логические проблемы, с которыми сталкивается вид роботов, никак не связаны с людьми; они могут возникнуть только у робота или ИИ. В результате появляется яркий, глубокий образ нового вида и его культуры — радикально не-человеческой культуры, наполненной сталью и логикой. Именно это превращает данное произведение в классический пример фантастики, в которой действует «персонаж-вид».

«Академия» Айзека Азимова — гораздо более крупномасштабное произведение. Мир «Академии» построили люди; они покорили всю галактику и поселились на бесчисленном множестве планет, но при этом их морфология и культура практически не изменились. Кроме того, Азимов предполагает, что исторические закономерности этого огромного мира людей

можно предсказать с помощью статистики — дисциплины, которую он называет «психоистория». В основе этого огромного проекта лежат математические предсказания: психоистория утверждает, что в течение следующих десяти тысяч лет цивилизацию ждет период коллапса, и люди хотят уменьшить его всего до тысячи лет. Это произведение явно рассматривает мир на макроуровне, и в ней многолетняя история быстро стирает из времени и пространства всех персонажей, как великих, так и заурядных. Единственной константой в ней является только исторический процесс с его жестокими поворотами сюжета и холодной логикой — неумолимый процесс, который невозможно остановить.

Произведения Айзека Азимова во многом выделяются благодаря его прозе. Она плоская, монотонная, бесстрастная, безыскусная — к ней можно применить практически любой негативный термин, использующийся для критики художественной литературы. Порой она напоминает тексты Эрнеста Хемингуэя, но она лишена их мощи и лаконичности. Азимов похож на инженера, который пишет скучный технический документ. Как ни крути, его стиль не подошел бы для «серьезной» литературы, но для фанта-

стики он идеален, и именно он принес Азимову мировую славу. Благодаря Азимову я понял, что фантастика — это литература, в которой содержание важнее формы. Форма фантастического произведения — это сосуд, в котором хранят и подают содержание. Произведение, в котором на первое место поставлена форма, может быть прекрасным, но это уже не научная фантастика.

VI

Я, как и многие другие читатели фантастики и писатели-фантасты, постепенно узнавал, что составляет душу и сердце научной фантастики; как вдруг произошло нечто неожиданное. Стрелка моего морального компаса задергалась; моя система ценностей пошатнулась. Это было очень странное ощущение.

Лучше всего данную проблему иллюстрирует рассказ Тома Годвина «Неумолимое уравнение». Он короткий — менее десяти тысяч слов, и очень простой, проще не бывает. В нем всего два персонажа, практически лишенные индивидуальных черт характера: пилот космического корабля и девушка, которая летит на этом корабле «зайцем». И «корабль» — это еще громко сказано; скорее, его можно назвать «катером», поскольку он разме-

ром с автобус. Так как на его борту безбилетный пассажир, корабль уже переполнен и поэтому не может долететь до планеты, которая является конечной точкой путешествия. Это означает, что пилот, девушка, а также многочисленные члены экспедиции, которым корабль везет лекарства, погибнут. Решение тоже простое: прежде чем лишняя масса заставит корабль пройти через точку невозврата, астронавт, «крепкий орешек», выбрасывает девушку из кабины в космос, где вакуум заставляет ее кровь вскипеть, а внутренние органы — вылезти наружу. От нее остается только жуткий кусок мяса, окруженный ореолом из замерзшей крови…[26]

С момента своей публикации этот очень короткий рассказ привлек к себе внимание и стал предметом многолетних дебатов. В нем ярко отражена самая суть научной фантастики. Мир, созданный писателем-фантастом, показывает нам, какой слабой и неэффективной является наша мораль и система ценностей.

Да, возможно, сторонники этики мне возразят. Мы должны признать, что сюжет данной истории не является уникальным: подобные дилеммы мо-

---

[26] Примечания: 26

Заметим, что на этой концовке настоял редактор, ранее упомянутый Джон Кэмпбелл.

гут возникнуть и в реальной жизни. В ходе войн на Ближнем Востоке было много случаев, когда десять или больше израильских солдат жертвовали собой, чтобы спасти раненого товарища. Астронавт из рассказа «Неумолимое уравнение» тоже мог всех обречь на смерть, и тогда слава человечества осталась бы в веках.

Но ветераны фантастики рассмеются, прочитав этот текст: для них «Неумолимое уравнение» имеет больше ценности как аллегория. Если совсем немного расширить мир рассказа, то реальность становится по-настоящему холодной и неумолимой. Давайте поиграем в писателей-фантастов: что, если Земли больше нет и вернуться астронавту некуда? Что, если все, что осталось от человечества, — это он, девушка-«заяц» и члены экспедиции? Или рассмотрим более грандиозную (и более вероятную) дилемму: либо на Земле погибнет сто миллионов людей, либо все человечество — шесть миллиардов. Конечно, вы можете выбрать вариант моралистов, но проблема в том, что слава человечества все равно исчезнет, поскольку во Вселенной никого не останется. На самом деле существует большое число научно-фантастических произведений, которые пытаются решить именно эту проблему.

Это мысленный эксперимент, который могла изобрести только фантастика — «опыт Судного дня». На самом деле человеческая цивилизация, с момента рождения до настоящего времени, никогда не сталкивалась с катастрофой, которая угрожала был самому существованию человечества. Поэтому «опыт Судного дня» — невероятно драгоценная вещь, словно ошибочно поставленный диагноз онкологического заболевания. Для человека, которому по ошибке диагностировали рак, жизнь обретает новый смысл. Чтобы все человечество смогло получить подобный опыт, ему нужна научная фантастика.

В фантастике есть много похожих сценариев, которые ставят читателей перед сложным этическим выбором: в них показаны миры со множеством гендеров или вариантов личности, сценарии с подчинением (например, порабощением людей более развитой цивилизацией или машинами) и так далее. Погружаясь в такие выдуманные миры, мы видим, что принципы, которые мы считали нормальными, предписанными свыше и незыблемыми, рушатся от малейшего удара, столкнувшись с холодными законами Вселенной.

На самом деле фантасты создают жанр, в ко-

тором миры соответствуют всевозможным видам реального зла, мирам, в которых злые действия, возможно, являются уместными или даже праведными… и наоборот. «Правильно» и «неправильно», «добро» и «зло» — такие понятия имеют смысл только в контексте соответствующего мира. Версия истории и цивилизации, изложенная в великом цикле Айзека Азимова «Академия», произвела такое сильное впечатление на Усаму бен Ладена, что свою организацию он назвал в честь книги — «Аль-Каида» — «Основание»[27], и тщеславно считал себя живым Селдоном (персонажем романа, историком, который предсказал коллапс Галактической Империи). Среди западных фантастов, по сравнению с «обычными» писателями, мало настоящих гуманистов; больше тех, кто похож на Роберта Хайнлайна, явного милитариста. Научная фантастика — это литература холодного разума и логики. После опустошающего землетрясения, которое произошло в Сычуани в 2008 году, китайские писатели-фантасты отнеслись к нему с безразличием и почти не упоминали о данном

[27] Примечания: 27

Цикл Азимова называется *Foundation* — буквально переводится на русский как «Основание». Название «Академия» было выбрано русскими переводчиками и является самым распространенным переводом.

событии в своих блогах или на форумах. Кое-кто может усмотреть в этом зловещий аспект научной фантастики, который проявился после того, как этот жанр встал на ноги. Раньше в Китае относились к фантастике пренебрежительно, считая ее исключительно детской литературой. Иногда я жалею о том, что это не так.

VII

То, что современная наука говорит нам о мире, совсем не укладывается в наши традиционные представления о нем. Теперь мы знаем, что нет ни абсолютного времени, ни абсолютного пространства, и что пространство-время, материя и движение являются неделимым комком грязи. Мы также знаем, что в микроскопических масштабах причинно-следственные связи не существуют: есть лишь квантовая вероятность, которая ставит под сомнение макроскопическую цепь причин и следствий. Однако представления литературы о мире не изменились. Ее мир остается доньютоновским, докоперниковским — или даже доптолемеевским. Как я уже говорил, в мире традиционной литературы Земля остается центром Вселенной.

На самом деле в традиционной литературе

есть люди, которые пытаются выйти за рамки нарциссизма. На ум приходят, например, Итало Кальвино и Хорхе Луис Борхес, о которых буржуазные критики в свое время вели оживленные дискуссии. Часть их произведений пытается изобразить то, что находится за пределами человеческих отношений, то, как человек соотносится с реальностью. Подобный мир-образ появляется в «Невидимых городах» Кальвино и в еще более экстремальной «Вавилонской библиотеке» Борхеса, где нет ни одного человека — человечество в этом произведении бесследно исчезло. Намеки на нечто подобное есть даже в произведениях Томаса Пинчона и Франца Кафки, но в целом традиционная литература движется совсем в другом направлении. Некоторые исследователи полагают, что иррациональность, фрагментация, смещение и исчезновение смысла в современной и постмодернистской литературе — это реакция на квантово-механическую теорию. Но, скорее всего, в эту теорию не верят даже те, кто ее выдвинул. Литература всегда держалась на значительном расстоянии от науки. Она может изображать миры, измененные с помощью науки и технологии (и иногда явно это делает), однако упрямо отказывается встроить научную

картину мира в свою систему. Это происходит и в Китае, и в других странах, как на Востоке, так и на Западе.

Литература движется в сторону еще большего нарциссизма. Великие сюжеты исчезают, и она становится еще более обращенной внутрь и замкнутой, и ее взгляд неизбежно отворачивается от отношений человека с природой. Ей даже начинают надоедать отношения между людьми. Остаются лишь отношения человека с самим собой, внутренний диалог отдельного индивида. И даже притом, что подобная литература отвергает историческую и массовую литературу, она жалуется на то, что именно эти жанры отвергают ее.

Я — любитель научной фантастики и дилетант в художественной литературе, и поэтому, честное слово, не собираюсь кого-то упрекать и обвинять. Я все равно считаю, что у человечества и литературы есть право быть нарциссом и что подобный нарциссизм обоснован. Но мне не дает покоя одна мысль: может ли обращенная внутрь, замкнутая литература не сосуществовать с литературой, устремленной вовне, с той, которая изучает отношения человека с природой? Может ли литература не установить контакт между нами и тем, что больше человеческой природы?

Конечно, я говорю не только о научной фантастике, которая всегда существовала на периферии, вне поля зрения критиков. Однажды у меня появилась возможность спросить немецкого синолога Вольфганга Кубина о том, читает ли он китайскую фантастику. Он ответил, что не читает даже *немецкую*. У научной фантастики нет ничего похожего на мощную структуру академического комментирования и критики, которая поддерживает традиционную литературу. А без такой структуры огонек, который горит в сердце жанра, будет неизбежно скрыт под завесой коммерциализации.

Я надеюсь лишь на то, что научная фантастика может дать литературе полезный совет — и открыть для нее небольшое окно возможностей.

Опубликовано в «Литературе Шаньси»
№ 7, 2009 г.

Фантастика в состоянии хаоса

Однажды ночью на горе Цинчэншань, когда в Чэнду проходил Международный фестиваль научной фантастики и фэнтези, я впервые услышал, как самые известные писатели-фантасты обсуждают идеи, связанные с жанром фантастики. Нас окружали высокие колонны, а над нами светили огни, словно звезды на небе, и внезапно мне почудилось, будто я на другой планете. Серьезность и убежденность этих писателей произвели на меня неизгладимое впечатление. По сравнению с их глубокими мыслями мои собственные идеи казались спутанными и беспорядочными. А теперь, поскольку журнал «Туманность НФ» попросил меня рассказать вам о своих мыслях, я вынужден поделиться этим смятением с вами.

I

Для чего нужна научная фантастика?

Каждый вид искусства существует потому, что он предлагает то, чего нет в других видах, и то, что они не могут заменить. В этом и состоит

душа данного вида искусства. А что есть душа фантастики?

Это не изображение персонажей. Да, персонажи крайне важны для фантастики, но, в отличие от «чистой» художественной литературы, большинству великих произведений, написанных в жанре научной фантастики, популярность принесли не их персонажи. Кроме того, персонажи в галерее фантастики не являются такими же уникальными и колоритными, как в традиционной литературе. В некоторых фантастических произведениях — например, в «Проклятии» Артура Ч. Кларка — персонажей нет вообще; в более экстремальных случаях, таких как «Вавилонская библиотека» Хорхе Луиса Борхеса, нет даже человекоподобных существ, которые могли бы заменить персонажей.

Это и не фантазия. Литература с незапамятных времен под завязку набита фантазиями. Они — не редкость.

Однако ни один другой вид литературы не интегрируется с наукой так органично, как фантастика. Душа фантастики — это наука.

Еще одна уникальная особенность фантастики — это невероятная широта ее восприятия. В романе «Война и мир» Льва Толстого, несмотря

на то, что он состоит из нескольких миллионов слов, описано лишь несколько десятилетий истории одного региона; а в таком фантастическом произведении, как «Окончательный ответ» Айзека Азимова, всего в нескольких тысячах слов изображены миллиарды лет истории Вселенной, и в том числе история человечества. Подобные масштабы и грандиозность недоступны традиционной литературе.

Поле зрения научной фантастики может протянуться через пространство и время; у традиционной литературы такой возможности нет. НФ — это самый смелый вид литературы!

II

Эстетические принципы фантастики

Даже мне было стыдно написать такой «высокопарный» подзаголовок, но поскольку он украсит собой великое литературное произведение, опубликованное в Китае, то я решил все-таки его оставить.

Душа научной фантастики — это ее фантазия (вот здесь начинается путаница), а успех фантастического произведения во многом зависит от того, насколько оно удивляет и шокирует читате-

ля. Скорее всего, именно этого читатели ждут от фантастики. Тогда возникает вопрос: где найти такую фантазию? Все народы мира используют свои самые смелые и экстравагантные фантазии, создавая мифы о сотворении мира, но ни один такой миф не является настолько зрелищным или ошеломительным, как теория Большого взрыва в современной космологии; точно так же долгая и запутанная романтическая история об эволюции живых существ на Земле не сравнится с китайским мифом о том, как Верховный владыка и Нюйва создали людей. Поэтический образ пространства-времени в общей теории относительности, изящный мир микрокосмоса квантовой физики — миры, созданные наукой, не просто находятся за пределами нашего воображения, но мы даже не способны их представить. Если бы наука не существовала, мы могли бы отжать серое вещество досуха, и все равно бы не получили таких фантастических миров. Следовательно, фантастика черпает силу в науке.

Наука — богатый источник красоты, но красота науки проявляется совсем не так, как в традиционной литературе. Она находится в тисках строгих формул; обычный человек должен приложить огромные усилия, чтобы хотя бы одним

глазком увидеть ее. Но как только красота науки становится видна, она способна потрясти и очистить душу — кое-кто полагает, что в этом она значительно превосходит красоту обычной литературы. Следовательно, фантастика является мостом, который позволяет добраться до красоты науки; НФ освобождает красоту от формул и представляет ее публике.

Великая красота заключена не только в науке, но и в технике. В конце XIX века поэт Оскар Уайльд передал это в своем эссе «Американские впечатления»:

Я всегда хотел верить, что линии силы и линии красоты совпадают. И эта мечта сбылась, когда я узрел американские машины. Только когда я увидел чикагскую водонапорную башню, я понял, каким чудом являются механизмы; подъем и падение стальных стержней, симметричное движение огромных колес — это самое прекрасное и ритмичное зрелище, которое я видел в своей жизни.

Красоту техники людям легче оценить, чем красоту науки. Сложно представить себе мальчика (за девочек я говорить не могу), который не был бы потрясен до глубины души, впервые

увидев какой-нибудь большой механизм. Я до сих пор прекрасно помню, как дрожал от волнения, когда впервые увидел огромный, ревущий, работающий электрический генератор теплоэлектростанции или когда над моей головой впервые пролетел реактивный истребитель. Подобное волнение могло быть вызвано только мощным, красивым зрелищем. Если мужчина, даже самый сдержанный, взглянет на фотографию авианосца или космического корабля, в его глазах непременно вспыхнет огонь. Что его привлекает? Когда маленький мальчик тайком разбирает отцовские часы и ошеломленно смотрит на крошечные, хрупкие детали, которые вращаются в маленьком замкнутом пространстве, разве он на самом деле не читает оду технике? По пути из Чэнду наш корабль прошел мимо электростанции «Три ущелья»; когда мимо нас проплыли огромные бетонные структуры и большие стальные ворота шлюза Гэчжоуба закрылись, я увидел благоговение на лицах других пассажиров. Это было искреннее благоговение, которое говорило о том, что им уже приходилось видеть красоту техники. Красота техники уже привела к возникновению разнообразных сект, среди которых наиболее часто встречаются «секты скоростного

транспорта» (гоночных автомобилей, катеров, самолетов и тому подобного), а также «секта любителей оружия». Конечно, есть и другие причины появления этих сект, но роль красоты техники отрицать невозможно. Писатели традиционной литературы воздают должное красоте техники еще реже, чем красоте науки; некоторые доходят даже до того, что связывают технику с уродством — возможно, думая о ее негативных эффектах. Тем не менее красоту самой техники отрицать невозможно.

Еще одной загадочной особенностью красоты, которой обладает техника, является ее привлекательность, связанная с гендером. Она, похоже, действует только на мужчин. В эти мутные воды я заходить не хочу.

Красота науки и красота техники образуют фундамент эстетики научной фантастики. Без этого фундамента фантастике было бы сложно проявить свою собственную, уникальную красоту.

В наше время резко выросло число авангардных фантастических произведений, в которых тени науки и технологий становятся все слабее. Значение термина «научная фантастика» постоянно меняется, и с каждым изменением его смысл уходит все дальше от науки. Я печально и

беспомощно наблюдаю за этим.

III

Ничего из вышеперечисленного

Выше я просто описал тот вид научной фантастики, которую я сам хочу читать и писать. Как кто-то заметил, «технологическое» и научное «сердце» фантастики является одновременно и причиной, которая заставляет фанатов ее читать, и причиной, по которой многие стараются держаться от нее подальше. И сейчас китайской фантастике необходимо прежде всего завоевать доверие читателей. Тем временем на Западе диапазон стилей фантастики радикальным образом увеличивается. Нравится нам это или нет, но мы должны принять и признать эти новые, авангардные работы. Здесь я хочу представить одну такую работу в качестве примера.

Это рассказ под названием *The Ear* [«Ухо»] малоизвестного писателя по имени Стив Рисберг. Сюжет рассказа: врач осматривает беременную близнецами женщину, прибывшую из опустошенной войной Боснии и Герцеговины. Она получила серьезную психологическую травму, оказавшись на территории, где шли боевые дей-

ствия, и, кроме того, она настолько исхудала, что сможет выносить только одного из эмбрионов. В первой части истории описывается медицинский осмотр — сухо, с кучей подробностей, которые кажутся бессмысленными. Затем в истории происходит шокирующий, зловещий поворот. Доктор проводит ультразвуковое исследование и замечает, что эмбрионы вступили в жестокую борьбу за право на жизнь; один из них душит другого пуповиной!

Это самая жуткая история из тех, что я прочел за свою жизнь. Она словно раскаленное клеймо, которое прикасается к сознанию читателя. Да, конечно, мы могли бы добавить в историю «твердую» научную фантастику и объяснить, например, что в результате травмы у матери изменился состав крови, и это повлияло на эмбрионы, но любое подобное объяснение было бы излишним. Сделав так, мы лишь уменьшили бы мощь истории.

Теперь вы видите, насколько спутанными являются мои мысли о научной фантастике; возможно, они являются отражением того, что думают о фантастике в Китае. То, что я называю «спутанностью», на самом деле больше похоже на хаос — хаос, который преобладал в течение нескольких минут после Большого взрыва. Я надеюсь, что скоро хаос поутихнет и космическая пыль начнет слипаться, наполняя вселенную китайской фантастики сияющими созвездиями.

Опубликовано в «Туманности НФ»
№ 3, 1999 г.

Дорога к идеалу
Научная фантастика и идеальное общество

Многие люди, жившие в эпоху революций и войн, были на удивление спокойны и сохраняли хладнокровие, сталкиваясь со страданиями и смертью. Новое, сентиментальное поколение практически не может себе это представить, и людям кажется, что дух наших предков, должно быть, питался от ядерного реактора. Возможно, что они черпали энергию из разных источников — ненависти к несправедливому устройству общества, твердой веры в определенную идеологию, сильного чувства долга и предназначения… Список можно продолжать. Однако один фактор является критически важным — их мотивировал образ будущего идеального общества.

У меня был один знакомый — старый боевой товарищ моего отца. Во время войны в Корее он участвовал в битве при Чосинском водохранилище. Однажды я попытался поговорить с ним о научной фантастике — разумеется, не рассчитывая услышать что-то интересное. Я за

миллион лет не сумел бы предсказать его ответ, который остается самым глубоким и незабываемым мнением о фантастике, которое я когда-либо слышал.

— Фантастика — это прекрасно. Революция продолжается уже много лет, но мы до сих пор не показали людям, как именно выглядит коммунизм.

То, что он выразил этой вскользь брошенной репликой, не сильно отличалось от общепринятого отношения к фантастике (не забывайте, это было более чем за десять лет до начала текущей эпохи инноваций в китайской НФ) — и оно превосходит и современное отношение к этому жанру.

Если оглянуться на историю НФ, которой уже более ста лет, может показаться, что ты идешь по коридору, наполненному тьмой, катастрофами и ужасом. Писатели-фантасты обладают врожденной способностью представлять себе картины мрачного будущего, и почти все шедевры жанра созданы в результате разочарования подобной картиной. Фантасты создали свои самые запоминающиеся миры и исследовали самые глубокие темы, изображая надвигающуюся тьму и катастрофу; их творения наполняли сердца читателей унынием и заставляли их похолодеть от ужаса. И

я даже не говорю о зарубежной фантастике — в будущем китайской фантастики, особенно в фантастике, написанной за последние десять лет XX века, светлых пятен немного. Просто посмотрите на произведения, которые стали популярными за последнее время, — большинство из них наполнены пессимизмом. Среди наших, китайских, авторов особенно успешно изображает мрачное будущее Лю Вэйцзя. Обычно мрачная фантастика вызывает у тебя ощущение, словно ты падаешь в пропасть; отчаявшийся читатель, сбитый с толку, прилагает все усилия, чтобы зацепиться за какой-нибудь ползучий побег, хоть за что-нибудь. Однако если мы говорим о работах Лю Вэйцзя, то в них ты, читатель, уже упал, и тебе остается лишь одно — черная, страшная боль.

Следует признать, что мрачное будущее — исключительно важная тема для научной фантастики. Она, словно острый скальпель, способна войти глубоко; она может предупредить человечество о возможных катастрофах и усилить наш иммунитет к ним.

Однако причина, которая позволяет человеку терпеть великое множество горестей на трудном жизненном пути, причина, благодаря которой человечество смогло построить роскошные ци-

вилизации в борьбе с коварной и равнодушной природой, — это мощный фундамент духа: образ будущего. Даже муравью будет сложно жить, если лишить его всякой надежды. Писать только о будущем, которое человечество изо всех сил пытается избежать, а не о тех мирах, ради достижения которых человечество пошло на невообразимые жертвы, не о тех мирах, ради которых человечество тратило поколение за поколением — это точно не лучшая фантастика. Долг научной фантастики — быть не холодным, безжалостным камнем, который сокрушает мечты человечества, а маяком надежды в холодной ночной тьме. И с литературной точки зрения истинная красота, в конце концов, появляется там, где есть свет и надежда.

Фантастика уникальна тем, что способна показать людям лучшее будущее. Традиционная литература на это не способна. Ее картина реальности — это яркий, вечный памятник трудного пути, по которому прошло человечество, но если речь заходит о том, куда человечество идет сейчас, литература ничего не может нам предложить. На самом деле обычные люди в Китае не знают, как выглядит коммунизм, а обычные люди на Западе не могут представить себе облик

своей утопии.

Фундамент человеческой жизни — это надежда на будущее, но фантастика, единственный жанр, способный превратить эту надежду в живой образ, не высказывается на данную тему. Нужно сказать, что тем самым она оказывает ужасную услугу — и не только самой литературе; возможно, именно она виновата в прискорбном дефиците, который возник в духовной жизни людей.

Если не считать «Утопии» Томаса Мора и «Города солнца» Томмазо Кампанеллы, которые, в общем, являются политическими трактатами, а не научно-фантастическими произведениями, радужные образы будущего встречаются в западной фантастике крайне редко. (И, напротив, «трилогия антиутопий» — «Мы» Евгения Замятина, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и «1984» Джорджа Оруэлла обрели всемирную славу.) Конечно, есть несколько романов, в мирах которых есть положительные стороны; в некоторых из них — например, в «Фонтанах рая» Артура Ч. Кларка — миры практически сияют. Однако они в основном являются лишь декорациями, на фоне которых авторы исследуют тему развития технологий; эти авторы не изучали и не

собирались изучать счастливое будущее своих романов. Несколько произведений западной фантастики, которые действительно поднимают тему идеального будущего, в основном были написаны в Советском Союзе, в том числе несколько относительно успешных произведений, созданных Аркадием и Борисом Стругацкими, однако в целом подобные произведения не оставили значительного следа в истории мировой НФ. Китайские научно-фантастические произведения, в которых исследуется идеальное общество, в основном были созданы в 1950-х годах, но особой популярностью не пользовались. Да, конечно, была «Коммунистическая рапсодия» Чжэн Вэньгуана[28], а через тридцать лет после ее выхода — «Сяо Линтун путешествует по миру будущего» Е Юнле[29], — но в них идеальное общество нужно только для того, чтобы продемонстрировать технологические инновации.

В то время «коммунизм» был главной, самой популярной темой, и, вероятно, была возможность

[28] Примечания: 28

Чжэн Вэньгуан (1929–2003) — китайский писатель, автор «детской» фантастики и один из первых фантастов КНР.

[29] Примечания: 29

Е Юнле (р. 1940) — китайский режиссер и писатель, автор политической беллетристики и научной фантастики.

создать панорамную картину коммунистического общества, однако писатели той эпохи крайне неохотно изображали идеальное общественное устройство — нет даже произведений, которые строго придерживались бы определений Карла Маркса. Должен сказать, что это очень странно.

По сравнению с фантастикой «тьмы и катастрофы» произведения об идеальном обществе сильно уступают в качестве. Возьмем, к примеру, *The Truth Machine* [«Машина истины»] Джеймса Гальперина — редкий пример нового, созданного на Западе произведения об идеальном обществе. Как только его персонажи начинают говорить правду, общество очищается от зла и раздоров, и внезапно мы оказываемся в идеальном мире. Текст настолько переполнен инфантильностью и наивностью, что от него практически тошнит. *City of Truth* [«Город истины»] Джеймса Морроу — еще одна книга о мире, в котором нет лжи, совсем иная; мир, который в ней описан, более достоверный, чем в предыдущей, но в ней люди, говоря правду, провоцируют катастрофы, ущерб от которых превосходит пользу от изреченной истины.

Если говорить о китайской и зарубежной НФ, посвященной идеальному обществу, то самое

сильное (и, возможно, единственное) чувство, которое она вызывает у читателя, — это скука. Общество, изображенное в таких произведениях, похоже на маленький бассейн в теплице со стеклянными стенами, и в этом бассейне идеально прозрачная вода, поверхность которой плоская, словно зеркало. Прыгните в нее, и вы поплывете, даже если не умеете плавать. Человеку, который знает, что такое шторм на море, будет приятно отдохнуть, плавая в подобном бассейне, но вскоре подобное занятие ему наскучит. В идеальном мире зло, опасность и катастрофы бесследно исчезли, словно их втянул в себя мощный пылесос. В идеальном мире все чистое; превалируют разум и комфорт — это искрящееся, кристально чистое общество, жители которого являются счастливыми, безмятежными машинами. У них, конечно, есть работа, и им, возможно, даже приходится бороться с трудностями, но все это нужно лишь для того, чтобы подчеркнуть их счастье и безмятежность. Это скучно. Если вы прочтете слишком много таких романов, то, возможно, начнете мечтать о не столь идеальном будущем.

Человечеству всегда было сложнее представить себе идеальное общество, чем тьму и катастрофу. Как говорят в народе, люди могут вытерпеть

что угодно, но постоянно радоваться жизни они не могут. Я помню тот день, когда я впервые услышал полное определение коммунизма. В то время я учился в начальной школе, и наш учитель решил объяснить нам принцип «каждому — по потребностям». «Ученики, когда настанет это время, деньги вам уже не понадобятся — вы сможете зайти в магазин и взять там все, что вам нужно!» Я помню, что дети удивленно ахнули. Но еще лучше я помню, что на дворе стоял март, и что отопление в классе уже отключили, и я мерз. Но хуже холода был голод — когда второй урок подошел к концу, в животе у меня уже урчало. Поэтому я дал волю воображению: если у меня был бы шанс распределить вещи в соответствии с потребностями, что бы я взял? Ну, прежде всего, я бы зашел в лавку мясника и взял большую маринованную свиную голову. Сначала бы я съел уши, потом язык… Этот мощный образ утешил меня; значительно позднее я узнал, что он фактически был тем же, что и фраза про «ростбиф с картошкой» товарища Хрущева[30].

Социальная среда ограничивает возможность

[30] Примечания: 30

Так агентство «Синьхуа» перевело слово «гуляш». Фразу про гуляш постоянно высмеивали, и для ортодоксов она стала символом декадентства и ревизионизма Хрущева.

вообразить идеальное будущее сильнее, чем способность людей представить себе будущее мрачное и полное катастроф. Я помню, что в детстве мы все обожали кино, и дом с черно-белым телевизором казался нам чем-то из страны чудес… А потом у нас у всех появились телевизоры, потом — цветные телевизоры с большими экранами, а затем — видеодиски и даже компьютеры… И что? От этих вещей мы получили не больше радости, чем от того, что у нас было в бедном, но таком драгоценном детстве. Более того, вся эта техника повысила наши ожидания от будущего. Мы захотели получить автомобили и виллы с бассейнами. А когда мы их получим, все, что они дадут нам, — это новые желания…

«Каждому по потребностям»… Неужели эта идея — всего лишь миф? Нет, конечно! Подобное общество, возможно, находится ближе, чем нам кажется; более того, создать его будет легче, чем реализовать большинство фантазий, которые можно найти в научно-фантастических произведениях. Энергия, материалы, биология: будет достаточно прорыва хотя бы в двух из этих областей, чтобы сформировать материальный базис, необходимый для общества, которое распределяет ресурсы в соответствии с потребностями

своих членов.

Значит, это будет идеальное общество? Вовсе нет. Если вы попадете в это общество, то вам будет совсем не так весело, как кажется. Но ясно одно — у вас тогда появится совершенно новый образ идеального мира.

Люди могут представить себе катастрофу, пока еще находятся в утробе, так что позднее нам несложно экстраполировать подобные образы на сотни миллионов лет в будущее (сжатие космоса, тепловая смерть Вселенной и т. д.). С другой стороны, идеальный мир так сложно вообразить, что он может быть всего в одном шаге от реальности, которая окружает воображающего.

Как именно будет выглядеть идеальное общество? Абсолютно идеального общества не существует. Оно словно морковка, висящая перед запряженным в телегу ослом — куда бы ни направился осел, недосягаемая морковка всегда будет его опережать. Рабу, который жил две-три тысячи лет назад, наше общество показалось бы идеальным. Наши фантазии ограничены тем, что мы можем себе представить, *а также* теми художественными произведениями, которые кто-то потрудился написать и которые отозвались в нашем сердце.

Внимательно посмотрите на определение коммунизма; обратите внимание на фразу, которую мы по традиции забывали: «труд — основная потребность человека». Мысли Карла Маркса об идеальном обществе гораздо глубже, чем мы думали! В этой фразе суть его определения; она — то, что поднимает идеальное общество над свиными головами, ростбифами и картошкой. Пока человечество движется по долгой дороге в будущее, перед нами будут появляться разные идеальные общества, словно навигационные маяки в Трех ущельях, и у каждого нового общества будет еще более высокий уровень материальных потребностей, чем у предыдущего. Но затем произойдет качественное изменение: мечты об идеальном обществе сместятся из материальной сферы в духовную. Это великое изменение, скорее всего, совпадет по времени с появлением общества, которое распределяет ресурсы в соответствии с потребностями.

О том, какими будут духовные устремления людей, я, к сожалению, понятия не имею. Возможно, люди будут проводить всю жизнь в погоне за душевным волнением и восторгом, но их уровень должен постоянно повышаться, иначе они утратят свой эффект. Поддержание этого уровня будет

крайне утомительным занятием. Возможно, для этих людей Вселенная — от ее огромных просторов до отдельных атомов — будет поэмой, красота которой будет вечно завораживать их. Но это уже домыслы. Возможно, вся их жизнь будет наполнена абсолютной духовной безмятежностью. Но, как я и сказал, это невероятно скучно. Правда, если объединить все вышеперечисленное…

Мы не знаем, каким будет идеальное общество, но ясно одно: даже в нем может произойти катастрофа. Возможно, что идеальное общество проявит свои истинные качества только в тот день, когда человечество столкнется с угрозой уничтожения.

Я, как и другие, считаю, что представить себе по-настоящему красивое идеальное общество почти невозможно. Я сделал лишь несколько небольших попыток изобразить его, и о результатах можно узнать, прочитав мой рассказ «Микро-эра», который скоро будет опубликован. Человечество столкнулось с той же катастрофой, что и в «Блуждающей Земле»; если в «Земле» это привело к тирании и репрессиям, то в «Микро-эре» это становится причиной полного возвышения человечества — как в материальном, так и духовном плане.

Я твердо верю, что самая прекрасная научная фантастика должна быть оптимистичной и что китайские писатели-фантасты должны создавать более светлые картины будущего. Это новый курс фантастики. «Трилогия антиутопий» уже создана; пусть в Китае будет написана «Трилогия утопий».

Возможно, добиться этой цели способны только китайцы. Ведь китайская культура, по сравнению с западной, это действительно культура оптимизма!

Опубликовано в «Туманности НФ»
№ 1, 2001 г.

Война научной фантастики и фэнтези

В прошлом году я увидел интересную дискуссию на эту тему на форуме сервера университета Цинхуа: если бы между мирами науки и магии началась война, кто бы победил? Как сказал один пользователь: «Попробуй бросить в меня ядерную бомбу; я просто улечу от нее на своей метле». Но если присмотреться, станет ясно, что все будет не так. Ведь почему вы убегаете? Вы убегаете потому, что в мире магии нет оружия, которое обладало бы такой же мощью, как и ядерная бомба. На Востоке есть золотой посох исполнения желаний Сунь У-куна, а на Западе — Зевс с его молниями, но, если говорить о мощи, ни одно из этих видов оружия не находится даже на одном уровне с термоядерной бомбой мощностью двадцать мегатонн. Кроме того, даже ваша метла, возможно, вас не спасет. Метлы в «Гарри Поттере», похоже, летают не быстрее вертолета «Апач», а его скорости не хватит, чтобы уйти из зоны поражения.

Вот еще один очевидный дисбаланс: мир науки основан на реальности, а мир магии — выдуманный. В реальности метлы не летают, какие чары

на них ни накладывай, в то время как термоядерные боеголовки мощностью двадцать мегатонн действительно существуют. Более того, большинство существующих научных артефактов уже достигли уровня волшебных предметов, которые есть в мифах, или даже превзошли их: телевизор в вашем доме, компьютер на вашем столе, мобильный телефон в вашем кармане… Список можно продолжать. А что произойдет, если мы применим против магии *нечто* из научной фантастики? Бомбы из антиматерии размером с золотое яблоко богини Эриды достаточно, чтобы отправить всю гору Олимп целиком на дно океана. Немного увеличенная версия данного научно-фантастического оружия одним ударом осушит океаны и расколет Землю на части. Сделаем бомбу еще чуть больше, и она уничтожит всю волшебную Вселенную, превратив ее в ослепительную вспышку света. Мир фантазии и мифов на самом деле не так уж велик: Вселенная, какой ее изображают мифы как на Востоке, так и на Западе, вряд ли превышает две астрономические единицы. Понятие «световой год» никогда не могло бы попасть в легенду, потому что подобные масштабы недоступны для мифологического мышления. Самые могущественные божества в

мире магии — просто карлики по сравнению со звездами из мира фантастики, и самые жуткие демоны бледнеют на фоне черных дыр.

Столкновение между наукой и магией продолжается уже довольно длительное время — в рамках литературы жанра фэнтези. К числу наиболее воинственно настроенных участников данной дискуссии относится Толсторог[31], который требовал свергнуть «твердую» научную фантастику с пьедестала; я же, со своей стороны, яростно призывал отделить фантастику от художественной литературы. В результате нам обоим задали мощную трепку. В этом нет ничего удивительного: именно так люди ведут в себя в Сети — в противном случае никто бы не стал их слушать. Более того, когда Яо Хайцзюнь[32] предложил мне написать эту статью, он сказал, что приветствует радикальные взгляды, если только они четко изложены, и что я «не должен анализировать все стороны данной проблемы». Но мы прекрасно знаем, что наши экстремальные взгляды не являются ни правильными, ни обоснованными. На

[31] Примечания: 31

Псевдоним писателя Пань Хайтяня.

[32] Примечания: 32

Редактор, впоследствии — главный редактор журнала «Мир научной фантастики».

самом деле у НФ и фэнтези больше общих черт, чем различий. У обоих жанров одна и та же цель: оба стремятся создавать воображаемые миры, которые шокируют читателей и очаровывают их своей красотой. (Лично я никогда не считал, что НФ должна отражать реальность или человеческую природу.) Единственное отличие между ними заключается в источниках, откуда они черпают образы.

Фэнтези существует с древнейших времен, и книг, написанных в этом жанре, невероятно много. Годы сильно подействовали на нее и ослабили силу ее воображения. А вот воображение авторов НФ, напротив, подпитывается за счет быстрого научного прогресса. Миры современной научной фантастики разительно отличаются от тех, которые были созданы несколько десятилетий назад, в то время как современные миры фэнтези очень похожи на те, которые были придуманы в Средние века. Более того, образы, которые дает нам наука, значительно богаче и разнообразнее, чем в фэнтези. Без науки разговоры о пятнадцати миллиардах световых лет или о 10^{-30} миллиметра превратились бы просто в бред сумасшедшего. Именно наука вводит подобные идеи в мир нашего воображения, расширяя его в бесчисленное

множество раз. Так почему же фэнтези отвергает науку?

Есть еще одна очень важная причина, по которой фэнтези нужна наука: современные читатели фэнтези понимают, что читают вымысел, но, возможно, в древности все было по-другому. В прошлом люди считали, что в легендах и мифах изложены факты. В то время реальный мир и мир магии переплетались, создавая неразделимое целое, и во многом привлекательность фэнтези заключалась в ее кажущемся реализме. Теперь же ощущение реализма исчезло навсегда, вот почему современность может производить на свет только сказки, но не мифы. Если читатель знает, что история не произошла в действительности и, более того, не могла произойти, шокировать его значительно сложнее. Однако научная фантастика способна обеспечить ощущение реализма, и это делает появление современных мифов возможным — и даже может положить начало эпохе, в которой реальность и легенды снова сольются воедино.

Что же касается ситуации, сложившейся с кинофильмами в жанрах научной фантастики и фэнтези, то, по-моему, сейчас мы просто наблюдаем за колебаниями интереса аудитории.

Внимательно взглянув на историю кино, мы увидим, что фильмы в жанре фэнтези не обладают значительным преимуществом перед научно-фантастическими фильмами. После засилья научно-фантастических блокбастеров зрители, естественно, захотели посмотреть нечто иное, но это ни в коем случае не доказывает победу фэнтези над НФ. Если честно, то фэнтези и НФ даже не соперники — элементы научной фантастики будут все чаще проникать в фэнтези, а НФ, возможно, позаимствует у фэнтези ее великолепную модель и литературные приемы, с помощью которых фэнтези увлекает читателей и повышает свою доступность.

В заключение я хочу сказать, что все мы должны придерживаться собственных взглядов на НФ и отстаивать их в Сети в резких, словно горчица, выражениях. А сообщество любителей научной фантастики в целом должно занять более толерантную позицию по отношению к другим стилям (в том числе к фэнтези) и позаимствовать их лучшие черты. Именно тогда как для НФ, так и для фэнтези начнется новая весна, и в обоих жанрах расцветет сотня цветов.

5 марта 2002 г.

Опубликовано в «Мире научной фантастики»
№ 5, 2002 г.

Радость, которую дарит фантастика

Призыв Боры Милутиновича «Наслаждайтесь футболом!»[33] относится не только к футболу. Он напоминает нам о том, что мы должны не забывать об изначальном предназначении нашей деятельности. Футбол изначально предназначался для того, чтобы радовать людей, которые играют в футбол и смотрят его. Точно так же изначальное предназначение фантастики — это радовать людей, которые пишут и читают ее (хотя это и другой вид радости, и к тому же фантастика иногда вызывает печаль и ужас).

Давайте посмотрим на современную фантастику. Наполнена ли она радостью? Очевидно, что нет. Как только выходит очередное произведение, люди сбегаются к нему, держа наготове увеличительные стекла, и принимаются искать технические ошибки с энтузиазмом профессора, который рецензирует докторскую диссертацию. (В данном эссе я буду называть это поведение

---

[33] Примечания: 33

Тренер, который в 2002 году впервые вывел китайскую сборную по футболу в финальную часть чемпионата мира, благодаря чему заслужил любовь китайского народа. Эту фразу он произнес после того, как сборная не сумела выйти из группы.

«поиск технических ошибок», или «ПТО» для краткости.) Знаменитый американский фантаст однажды сказал: «Если вам нужны технические ошибки, значит, вы пришли по адресу». ПТО позволяет «добыть трофеи», проанализировав любое литературное произведение, — более того, вы, скорее всего, будете просто купаться в ошибках. Однако если рассмотреть методы литературной критики, то ПТО в лучшем случае является одной из ее примитивных форм, для которой требуются минимальные усилия. Внимательно прочитайте «Дон Кихота» и посмотрите, как долго Дон Кихот и Санчо будут ехать верхом уже *после того*, как лишились своих скакунов. Очевидно, это не самый подходящий способ оценивать произведение Сервантеса.

Если вам нужна таксономия технических ошибок, я направляю вас к моему эссе под названием «Неизбежные и прекрасные ошибки: обзор недочетов научной фантастики». Здесь я его пересказывать не буду.

Хочу сразу пояснить, что я не испытываю отвращения к ПТО — более того, я питаю к нему нежные чувства. Я — преданный фанат научной фантастики, и этот жанр я люблю не меньше, чем Росси любит футбол. Для меня существование

фантастики, в самом истинном значении этого термина, само по себе более важно, чем число опубликованных качественных работ. Сейчас, когда фэнтези и детская литература продолжают похищать у научной фантастики ее душу, ПТО остается важной, уникальной характеристикой НФ. Это означает, что для наших читателей наука по-прежнему остается душой жанра. В тот день, когда фанаты перестанут заниматься ПТО, фантастика умрет.

При этом при ПТО следует учитывать две вещи:

1. ПТОшник сам может допустить ТО, или «техническую ошибку». Свои слова вам следует обдумывать с той же тщательностью, какую вы ожидаете от писателя. Например, один читатель на форуме громогласно заявлял, что мои «Пылающие недра» не существуют и что я не могу выложить фотографию этих пылающих недр на форуме. В противном случае, утверждал он, мне нужно отправить ему фотографию данного феномена, которую я сделал в Синьцзяне. Другой читатель утверждал, что при замерзании морской воды из нее не выделяется соль, и усомнился в том, что у автора есть высшее образование. Для того чтобы уладить этот спор, не нужна доктор-

ская степень, хватит и школьного курса физики. Заниматься таким ПТО бессмысленно.

2. Никаких двойных стандартов. Двойные стандарты в процессе ПТО в основном проявляются в том, что к зарубежным авторам относятся снисходительно, а к отечественным — с излишней строгостью. Например, два хорошо известных рассказа, «Вдогонку за солнцем» Джеффри Лэндиса и «Неумолимое уравнение» Тома Годвина, а также классический роман «Красный Марс» Кима Стэнли Робинсона содержат большое число вопиющих ТО. Если бы их написали китайцы, авторов съели бы живьем. Но люди начинают замечать недостатки в «Уравнении» только сейчас, спустя двадцать лет после его публикации в Китае. Что же касается «Вдогонку за солнцем», то один мой замечательный друг даже отправил автору письмо, в котором перечислил ТО в рассказе, однако от большинства читателей они ускользнули.

В завершение я скажу, что нам нужно заниматься ПТО до потери сил. Это самый эффективный способ защитить настоящую научную фантастику. Выискивая ТО, китайские фанаты дают последний бой, сопротивляясь бесконечным

вторжениям на территорию нашего жанра. Я от всего сердца приветствую подобные усилия и желаю участвовать в этой деятельности. Но если мы хотим добиться успеха, мы должны быть строгими и справедливыми.

Я занимаюсь ПТО, следовательно, я существую.

Опубликовано в блоге автора на сайте sina.com.cn
15 марта 2015 г.

Фантастика накануне сингулярности
Предисловие к первой книге серии «Фантастика сингулярности»

У слова «сингулярность» есть три значения: первое пришло из математики — в ней этим термином обозначают неизвестную точку внезапного изменения в непрерывной математической модели; ее часто можно наблюдать в безлимитных бесконечностях, как больших, так и малых. Второе значение связано с физикой, и сначала оно появилось в общей теории относительности для обозначения точки бесконечно больших количеств в кривизне пространства-времени. В таких точках текущие законы физики не действуют. Третье значение — концепция будущего; этот термин описывает развитие технологий по экспоненциальной кривой, которое в какой-то момент настолько ускоряется, что количественные изменения переходят в качественные, и мир людей за короткое время полностью преображается. В названии данной серии книг слово «сингулярность», вероятно, использовано в третьем значении.

Термин «сингулярность» впервые использовал американец Рэй Курцвейл[34]. Он полагает, что график развития технологий обычно напоминает экспоненциальную кривую: на начальном этапе, — на котором мы находимся сейчас, линия относительно плоская и идет вверх довольно медленно, но после поворотного момента кривая резко уходит вверх и становится почти перпендикулярной оси X, а скорость стремится к бесконечности. После этого момента и начинается эпоха сингулярности. Появление сингулярности зависит в основном от трех технологий — генетической инженерии, нанотехнологии и искусственного интеллекта. Когда три эти технологии достигнут стадии супербыстрого развития на экспоненциальной кривой, облик человеческой цивилизации полностью изменится за очень короткий срок. Курцвейл даже дал яркое описание появления сингулярности: ИИ значительно превзойдет человека по уровню разумности, компьютеры будут быстро проводить больше вычислений, чем все человечество — за всю свою историю. Наука и технологии впервые изменят форму жизни человека, ведь

[34] Примечания: 34

Рэймонд Курцвейл (р. 1948) — американский видный изобретатель и футуролог, занимает должность технического директора *Google*.

по мере того как люди начнут сливаться с искусственным интеллектом, они смогут копировать себя в различных состояниях и поэтому будут жить вечно, не старея. Человечество научится управлять материей на атомном уровне, и наномашины смогут превращать сырье в любой продукт, который нужен людям. Последнее предсказание Курцвейла граничит с безумием: он полагает, что самокопирующиеся наномашины объединятся в искусственный интеллект, который распространится по Вселенной и изменит все астрономические тела, и в результате сама Вселенная станет разумной. Самый большой сюрприз — это время наступления сингулярности: не в далеком будущем, а почти завтра, в 2030 году!

Вне зависимости от того, сбудется ли данное предсказание, ясно одно: наука и технологии создадут еще много чудес. Таинственное путешествие, в которое наука и технологии возьмут с собой людей, только начинается, а может, еще даже не началось. Но это ощущение таинственности науки, эта мечта о будущем, которое создадут технологии, — не что иное, как источник жизненной энергии для фантастики.

Если мы сравним духовные миры древних и современных людей, то главным отличием

между ними станет ощущение будущего. Можно сказать, что у древних людей не было такого ощущения будущего в современном понимании этого слова. Поскольку технический прогресс шел медленно, флаг на башне замка мог сообщить о том, что на смену старому королю пришел новый, но жизнь от этого не менялась. Вчера, сегодня и завтра, прошлый год, этот и следующий были практически одними и теми же. И по этой причине древняя литература, будь то мифы, поэзия, рассказы или романы, всегда рассказывала о прошлом или настоящем, но почти никогда — о будущем. После промышленной революции наука подарила людям безграничное ощущение тайны, а оно, в свою очередь, пробудило воображение и заставило их мечтать о будущем, которое создадут наука и технологии. Именно так на свет появилась научная фантастика.

Фантастика родилась в Европе в начале XIX века, но ее истинный расцвет произошел в США с 1920-х по 1960-е годы, и исследователи называют этот период «золотым веком» фантастики. Оглядываясь назад, мы можем извлечь множество уроков из этих сорока лет. В этот период уже закончилась эпоха паровых двигателей и началась эра электричества. Впервые после промыш-

ленной революции наука и технологии снова показали, что способны изменить или разрушить мир, а люди почувствовали, что наука и техника могут преобразить их жизнь. С другой стороны, революция, которая произошла в физике в начале XX века, дала возможность людям по-новому взглянуть на мир. Ньютон дал нам ясную и простую детерминистскую картину мира, но теория относительности и квантовая механика показали нам, что Вселенная на самом деле является более сложной и таинственной. Прежде чем наступил комфортабельный век информации, жизнь значительно улучшилась, но все равно была наполнена страданиями и стрессом: Великая депрессия в США, Первая и Вторая мировые войны, холодная война, которая началась вскоре после них, — все это бросило тень на реальность и заставило людей еще больше надеяться на то, что магическая наука и таинственные технологии создадут светлое будущее. В этот период прославление науки достигло своего пика, и поэтому логично, что научная фантастика процветала.

Но затем в истории фантастики наступил период медленного упадка — упадка, который длился с 1970-х годов по настоящее время. В США она была уже не столь популярна, как в «золотой

век», новых фанатов стало меньше, а средний возраст читателей фантастики продолжал увеличиваться. Значимых работ тоже вышло меньше, и новых великих мастеров больше не появилось. Трое великих мастеров «золотого века» до сих пор остаются непоколебимыми вершинами научно-фантастической литературы.

Критики и исследователи по-разному объясняют причины этого упадка. Одной из этих причин считают возникновение движения «новой волны» в фантастике. «Новая волна» началась в Европе в 1970-х годах, когда писатели, недовольные тем, что фантастика находится на периферии литературы, стали использовать в своих произведениях методы модернизма и постмодернизма, характерные для мейнстрима. В то же время в попытке сделать фантастику более литературной авторы перевели взгляд с внешнего мира внутрь, на человеческий дух, и поэтому часть научно-фантастических произведений из доступной массовой литературы превратилась в малопонятную авангардную литературу. Некоторые критики полагают, что движение «новой волны» заставило фантастику отказаться от своих ценностей в пользу ценностей художественной литературы, и поэтому фантастика еще больше

утратила свою идентичность.

Но если мы внимательно изучим этот вопрос, то увидим, что данная теория неверна; да, «новая волна» внесла определенный вклад в упадок фантастики, но она не была ключевым фактором. Появилась «новая волна», затем ее сменил киберпанк, но это была всего одна ветвь фантастической литературы. В этот период традиционную фантастику писали и издавали в больших количествах. Даже когда «новая волна» достигла своего пика, число произведений в данном стиле было гораздо меньше, чем в «обычной» научной фантастике.

Самым важным и значимым фактором, который стал причиной упадка фантастики, было развитие науки и технологии. Наука и технология, которые когда-то привели к появлению фантастики, в какой-то момент начали оказывать на нее противоположный эффект. Во время запуска очередной ракеты в рамках проекта «Аполлон» один представитель НАСА сказал писателю-фантасту: «Мы вас кормим, благодаря нам у вас есть кусок хлеба». Но все оказалось ровно наоборот. Со времен эпохи космических полетов научно-технические чудеса, описанные в фантастических произведениях, постепенно становились частью

реальности. Технологии ежедневно проникают во все сферы общественной жизни, и глубина подобного проникновения достигла немыслимого уровня. Начиная с эры информации, которая началась благодаря появлению компьютеров и интернета, изменения происходят внезапно — они словно удар грома, который раздается раньше, чем мы успеваем заткнуть уши; благодаря этим переменам жизнь обычных людей сильно меняется. Одна из особенностей людей заключается в том, что они быстро привыкают к чудесам изменяющейся реальности. Возьмем, к примеру, современные смартфоны, в которых объединена мобильная связь, компьютеры, интернет, цифровые фотоаппараты, цифровые видеокамеры, цифровые диктофоны, глобальная система позиционирования, а также трансляция звука и видео. Этот маленький объект может установить связь и подключиться к Сети в любое время и в любой точке Земли. В прошлом для перевозки компонентов, которые уместились в мобильном телефоне, потребовался бы небольшой грузовик. Однажды я подсчитал мобильные устройства связи, которые появились в научно-фантастических произведениях, и обнаружил, что ни одно из этих устройств не было таким

же хорошим, как современные мобильники. То есть таинственные объекты, о которых мечтала научная фантастика, возможно, лежат в кармане у каждого человека, но при этом они так хорошо ему знакомы, что он их не замечает, считая их чем-то обыденным.

Тот факт, что из науки и технологий исчезли тайны, возможно, нанес самый опасный, смертельный удар фантастике и стал основной причиной ее упадка.

Но действительно ли эти тайны исчезли? Неужели фантастика исчерпала запасы данного ресурса так же, как люди практически исчерпали запасы нефти на Земле? Предсказание о сингулярности говорит нам: нет! Если гипотеза о сингулярности верна, то даже если уровень технологий будет в десять раз меньше того, что было предсказано, и мы сможем подтвердить, что сейчас они находятся на том самом «медленном» начальном этапе экспоненциальной кривой, и что крутая, уходящая вверх ее часть еще не началась, то это просто означает, что истинные чудеса еще впереди, и все, что мы видели до сих пор, — это всего лишь прелюдия к эпохе тайн. Развитые сферы науки — такие, как физика, космология и молекулярная биология — показали нам еще

более таинственный мир природы. По сравнению с образами, созданными в фантастических произведениях «золотого века», эта недавно открытая вселенная хранит в себе еще больше тайн. Ее размеры увеличились, она стала еще более странной и непредсказуемой. Она содержит богатые материалы для научной фантастики. Но современная наука значительно продвинулась вперед, ее математическое обоснование стало еще более сложным и глубоким, и поэтому дилетантам нелегко в ней разобраться. Именно по этой причине современная фантастика, в отличие от фантастики «золотого века», может представить читателю далеко не все достижения научной мысли. Научная база огромного количества историй до сих пор связана с классической наукой, и даже те из них, которые основаны на современных научных данных, далеко в тему не углубляются. Разработка богатых научных материалов, которые получены с переднего края науки, — крайне трудная задача для писателей. Однако именно она является источником надежды для фантастики.

Развитие науки и технологий создает у нас мощное ощущение тайны, связанное с изменениями как в обществе, так и во всем человечестве, и в то

же время фантастика обладает особой перспективой, которая позволяет взглянуть на общество и человеческую природу с новой стороны.

Научная фантастика как вид творчества использует новые работы и новые идеи, чтобы победить забывчивость; она похожа на вечный фейерверк — когда гаснут одни огни, тут же вспыхивают другие. Но чтобы добиться подобного эффекта, нужно вечно сохранять молодость ума, заставлять воображение следовать за ходом времени. Поэтому говорят, что фантастика делает нас молодыми.

«Фантастика сингулярности» — именно такая серия книг; она наполнена энергией молодости. В этих книгах собраны великолепные произведения, написанные в разных стилях десятью молодыми китайскими фантастами; данные произведения рассматривают изменения в обществе под разными углами, завораживая нас своими описаниями и выставляя на всеобщее обозрение тайны науки. Они словно туманность из ярких звезд, которые освещают ночь перед наступлением сингулярности.

29 июля 2012 г.

Опубликовано издательством «Надежда Шаньси» в январе 2013 г.

Мое мнение о современной китайской научной фантастике

I

В самом сердце фантастики находится зерно изобретательности, благодаря которому этот жанр притягивал и притягивает к себе людей. Именно эта изобретательность привлекла людей, именно из-за нее у «Звездного пути» и «Звездных войн» в США появились преданные фанаты. Возможно, это как-то связано с «душой» или «сердцем» жанра.

Кроме того, научная фантастика помогает расширить горизонты. Сейчас мы похожи на пылинку в Солнечной системе, которая сама является пылинкой в Млечном Пути, который тоже представляет собой пылинку среди миллиардов других астрономических объектов. Космос велик, однако традиционная литература продолжает фокусировать внимание только на пылинке под названием Земля. Если честно, то ее космология — птолемеевская, геоцентрическая; ей наплевать на пространство и время, до которых мы не можем дотянуться. Я считаю это недостатком

художественной литературы. Даже такие стили фантастики, как фэнтези и магический реализм, работают с весьма ограниченными пространствами и редко выходят за орбиту Луны. Научная фантастика, напротив, рассказывает об огромных просторах пространства-времени, показывает те части Вселенной, которые традиционная литература не может или не хочет увидеть. Более того, научная фантастика помещает туда людей, чтобы показать нашу красоту, нашу уродливость, нашу сущность. Подобное изображение человечества еще никогда не появлялось в обычной художественной литературе, и это важная причина, почему мы должны читать фантастику.

У людей давно закрепилось неправильное представление о научной фантастике; они считают, что она как жанр ограничена в своих методах выражения. Это серьезное заблуждение. Наука не является кандалами; напротив, она — крылья, позволяющие воображению взлететь. Наука не подавляет, а усиливает фантазию. Если посмотреть внимательно на НФ и фэнтези, в основе которых лежит древняя мифология, станет ясно, что диапазон фэнтези довольно ограничен. Наука — богатый источник ресурсов, дающий НФ доступ к огромному количеству сюжетов, невиданных в

других жанрах.

II

Следует заметить, что за последние годы китайская фантастика расцвела пышным цветом. У Янь сказал, что это связано с тем, в какое время мы живем, и я с ним согласен. Сегодняшнее развитие Китая, явное ускорение модернизации и индустриализации — все это радикальным образом раздвигает горизонты и изменяет культуру нашего народа. Если говорить более конкретно, то современные китайцы перестали быть народом, который обращен головой к земле и спиной к небу, народом, глаза которого не видят ничего, кроме наиболее осязаемых вещей. По крайней мере, часть населения Китая начинает задумываться о более фундаментальных вопросах — вопросах, которые важны для всего человечества. Подобные вопросы, возможно, связаны с долгосрочными практическими соображениями, но они могут быть и чистой философией.

Причиной начавшегося бума на рынке китайской фантастики — сейчас я говорю не только о «Задаче трех тел», но и о других произведениях, а также о кино — является один скрытый фактор. Фоном и движущей силой данного бума является

то же явление, которое вызвало всплеск спроса на фантастику в 1980-х годах. Го Можо[35] назвал это «весной науки» — после долгого периода упадка люди снова заинтересовались наукой и технологиями. Продолжающаяся модернизация Китая изменила настроения людей; вот почему научная фантастика сейчас пользуется такой популярностью.

Еще один фактор — адаптация фантастических произведений для кино и телевидения. Да, сейчас фантастических фильмов и сериалов в Китае снимается не так много, но, насколько я знаю, люди, пытающиеся изменить эту ситуацию, обладают не только энергией и талантом, но и поддержкой со стороны корпораций. Возможно, в течение нескольких лет китайские научно-фантастические фильмы и сериалы сделают большой шаг вперед, и это станет мощным стимулом для создания новых произведений в этом жанре.

Однако сейчас главная задача научной фантастики заключается в сохранении ее связи с технологиями. По мере того как наука мчит вперед, она дает нам постоянно увеличивающиеся

[35] Примечания: 35

Го Можо (1892–1978) — китайский писатель, ученый, первый председатель Академии Наук КНР. Лауреат Международной Сталинской премии.

объемы материала для историй. Но фантасту нелегко превратить этот материал в литературу. Прежде всего, часть современных научных теорий сложны для понимания, а изобразить их — да еще так, чтобы они стали понятны читателю, — еще сложнее. Современная наука отличается от классической: последнюю, если немного поднапрячься, можно понять, а вот математический язык первой очень сложен, недоступен для обывателя, и популярная наука не позволяет преодолеть этот разрыв, вызванный разницей в уровне знаний.

III

Фантастика — это литература, футурология — это наука, и между ними есть большие различия. Футурология началась с того, что писатели-фантасты — в частности, Герберт Уэллс — показали, что человечество способно думать о будущем. Затем, к 1930–40-м годам, когда футурология уже окончательно оформилась, ее прогнозы в целом основывались на научных методах. Фантасты в своих произведениях изображают изменения в технологиях — например, в сфере интернета — и вынуждены подробно излагать свои идеи. Футурология же направляет свое воображение

лишь в одну сторону — в будущее. Она делает предсказания. Кроме того, не следует забывать и о том, что многие идеи научно-фантастических произведений — это просто догадки.

Мышление писателя-фантаста — странная штука: оно находится где-то между мышлением ученого и литератора, но ему несвойственны ни строгость первого, ни причудливость второго. Футурология обычно экстраполирует данные, связанные с одной идеей, но фантастика, в отличие от нее, не линейна. Она может двигаться по дуге или перепрыгнуть из одного места в другое. Фантастика в целом склонна выстраивать будущее. Что такое «выстраивать будущее», спросите вы. Футурология выбирает определенный вариант будущего с помощью умозаключений; а фантастика берет возможное будущее и выстраивает его перед нами. В этом заключается визионерство фантастики.

Кроме того, уже давно идут дебаты о том, является ли фантастика детской литературой — и это фактически другая форма вопроса «что важнее для фантастики — литература или наука?». Я считаю, что объединять фантастику с детской литературой — сомнительная идея, поскольку наряду со «взрослой» фантастикой уже существу-

ет фантастика, предназначенная для детей. Более того, детская фантастика является важной частью детской литературы. Литература для детей — огромный рынок, она могла бы служить важным экономическим плацдармом для фантастики. К сожалению, мало кто пишет фантастические произведения, рассчитанные на детей.

Идея отделить фантастику от литературы для детей, скорее всего, вызвана недовольством фантастов тем фактом, что их в основном читает молодежь. Но это — не слабость, а сильная сторона китайской фантастики. На Западе произведения данного жанра читают люди среднего возраста и старше, и это нельзя считать поводом для оптимизма.

Опубликовано в «Ежедневнике науки и технологии»
18 мая 2013 г.

Иссякший поток
Китайская фантастика в 1980-х

В сообществе фантастов существует мнение, что в Китае своей фантастики нет, что вся она — просто подражание западной. В настоящее время подобная точка зрения не является совсем уж необоснованной, однако так было не всегда. Когда-то Китай был в одном шаге от того, чтобы создать свою собственную научную фантастику — и об этой главе истории мы ничего не знаем.

Это случилось в 80-х годах XX века.

В этот период вышли следующие произведения:

«Подвиг» (Чжэн Пин, «Научная литература» № 1, 1980 г.): герои этого произведения транспортируют айсберги из Антарктики, чтобы бороться с засухой в Африке;

«Программа XT» (Чжэн Пин, «Океаны», декабрь 1979 г.): здесь мы тоже везем айсберги из Антарктики, но на этот раз для борьбы с тайфунами;

«Женщина, которая выдыхает кольца дыма» (Вань Хуанкуй, «Научная литература» № 3,

1982 г.): в этом произведении огромная труба в центре города извергает из себя кольца выхлопных газов, которые улетают высоко в небо, чтобы воздух в городе был чистым;

«Кувшинка» (Лю Чжаовен, опубликовано в «Науке в иллюстрациях», июнь 1981 г.): в этом произведении агрессивный рост и размножение лепрозных клеток и клеток раковых опухолей используются в пластической хирургии;

«Рыбалка» (Чжао Юйцюй, «Знание — сила», апрель 1980 г.): в этом рассказе морскую рыбу гонят по океану с помощью электронных сетей, словно стадо овец.

Список произведений, относящихся к этому периоду, можно продолжать. Если взглянуть на них сегодня, они поражают своей новизной и ощущением чуда — ты словно выходишь из маленькой, душной комнаты на равнину. Я не знаю, как назвать этот поджанр или стиль — возможно, «технологическая фантастика» или «фантастика изобретений», хотя ни одно из этих названий не отражает уникальность этих произведений. В то время это был процветающий стиль научной фантастики; произведения появлялись в таком количестве, что в начале 1980-х образовали целый приток в реке китайской НФ. К сожалению,

даже в то время эти захватывающие работы остались практически незамеченными.

Фантастические идеи в этих рассказах основаны на технологиях, доступных в ту эпоху, и не уходят далеко от этой «базы». Технологии, которые там упоминаются, скорее всего, можно было разработать даже в то время при наличии достаточно крупных инвестиций; а если нет, то их, по крайней мере, следовало изучить. Например, технология, описанная в одном из наиболее представительных произведений — «Женщине, которая выдыхает кольца дыма», появилась при жизни автора — в начале 1990-х, на японской электростанции, которая работала на ископаемом топливе.

Технологические идеи отличаются изобретательностью и редко повторяют темы из других произведений — как классических, так и современных. Во многих работах можно встретить чудесные технологические инновации. Описания технологий удивительно подробные и точные; создается впечатление, что уровень технической компетентности их авторов значительно выше, чем у современных писателей.

Эти произведения короткие; объем «Женщины…», например, меньше пяти тысяч слов.

Большинство из них фокусируются на своих представлениях о технологии, а гуманистические темы в них встречаются редко, или их вообще нет. Персонажи этих историй примитивные, они — всего лишь инструменты, которые нужны для того, чтобы двигать сюжет вперед; литературные приемы простые и прямолинейные — даже по стандартам своего времени.

Следует отметить, что эти произведения, если рассматривать их как поджанр НФ, являются первыми в своем роде. У них есть общие черты с работами Жюля Верна и Джона Кэмпбелла, но они более реалистичные, и технические идеи играют в них более важную роль. С другой стороны, стимул к написанию подобных произведений был совсем не таким, как у Жюля Верна и Джона Кэмпбелла: их авторы писали их с одной целью — выразить свои идеи. Когда вы читаете эти работы, у вас создается ощущение, что они — слегка «олитературенные» технические заявки, которые нужно реализовать на практике! Можно без преувеличения сказать, что эти фантастические произведения были *придуманы* — а не *выпущены* — в Китае.

У Янь[36] однажды сказал, что 1950-е были эпохой романтизма в китайской НФ, а упомянутые произведения точно так же были продуктом своей исторической среды. Катастрофическая «культурная революция» только что закончилась; в стране царила разруха, и великое множество людей молча зализывали раны. Но даже в такой обстановке люди видели, что занимается заря новой эры. Хотя, оглядываясь назад, можно сказать, что эта заря в основном была миражом, порожденным наивностью — но наивностью иной, поскольку романтика революции ушла навсегда. Новая эра еще не началась; люди были убеждены, что построение будущего будет тяжелым, но несложным делом, и с головой погрузились в эту борьбу, надеясь, что за то короткое время, которое у них осталось, они сумеют выковать светлое будущее для страны и для самих себя. В университетах появились новые студенты — родители с детьми; классическая литература разлеталась с полок магазинов, словно горячие пирожки, новые технологии изумляли всех, а научные исследования стали чем-то почти сверхъестественным. Наука и техника мгно-

[36] Примечания: 36

У Янь (р. 1962), — писатель-фантаст и историк китайской НФ, профессор Пекинского педагогического университета.

венно превратились в единственные ключи от будущего, и люди взирали на них с восторгом неофитов. Они не знали, к чему приведет решение проблемы Гольдбаха[37], но стремились решить ее, просто потому что это проблема Гольдбаха. Они не знали, как наука и технология влияют на будущее людей; у них было только воображение, которое сегодня кажется нам невероятно детским и простодушным. Их действия, хотя и наивные, были прочно связаны с реальностью. Таковы были условия, в которых появился наш приток реки Фантастика.

Когда речь заходит о китайской научной фантастике 1980-х годов, люди думают про авторов более старого поколения, таких как Тун Эньчжэн[38], Е Юнле и Чжэн Вэньгуан. Однако их работы являются не «чистыми» продуктами 80-х, а, скорее, остатками литературы 50–60-х, десятилетий, которые предшествовали «культурной революции». (Часть этих произведений действительно была написана в то время.) Работа этого

---

[37] Примечания: 37

Проблема Гольдбаха — утверждение о том, что любое четное число, начиная с 4, можно представить в виде суммы двух простых чисел. Является открытой математической проблемой с 1742 года.

[38] Примечания: 38

Тун Эньчжэн (1935–1997) — китайский археолог, писатель-фантаст.

поколения была такой влиятельной и мощной в художественном отношении, что затмила НФ, созданную собственно в 80-е.

Однако именно из-за своего фатального недостатка этот поджанр фантастики так и не взлетел. Как уже упоминалось, в художественном отношении эти произведения довольно грубые: они недостаточно «доступные», чтобы привлечь читателей начального уровня, и они не слишком качественны литературно, чтобы на них обратила внимание более искушенная публика. Их любят только фанаты НФ, которых привлекают технологии. Более того, тематика большинства этих произведений сильно ограничена — они не способны шокировать. Даже более амбициозные работы — такие, как «Подвиг» и «Программа ХТ», не обладают сильным сюжетом и поэтому в результате кажутся просто набросками. Вот причины, из-за которых этот поток фантастики иссяк.

Взгляд на этот неизвестный и невероятно сложный период китайской научной фантастики дает пищу для размышлений. Большинство из нас негативно относятся к китайской НФ 80-х — особенно к ее идеям: мы полагаем, что она исказила само определение научной фантастики и застави-

ла жанр двигаться в неправильном направлении. Это мнение ошибочно — по крайней мере, отчасти. Работы, основанные на популярной науке, являются полноправным поджанром НФ, и не все они — произведения низкого качества. Похожие концепции лежат в основе многих произведений Айзека Азимова, а также Артура Ч. Кларка; идеи и содержание даже такой превосходной работы, как «2001: Космическая одиссея», во многом связаны с популярной наукой. Точнее будет сказать, что китайская НФ 80-х была слишком однообразной, и проблема в том, что это окончательно так и не исчезло, а просто изменило свою форму. Современная западная фантастика — это не просто «новая волна» и киберпанк; возьмите, например, фантастическую повесть 1995 года *Hot Times in Magma City* [«Горячие деньки в Магма-Сити»] американца Роберта Силверберга.

В этом произведении группа бродяг — осужденных преступников и наркоманов — пытается защитить свой город от надвигающегося потока лавы. Его стиль и повествовательный метод даже в 1980-х сочли бы традиционными и консервативными, однако после тщательного отбора он был включен в ежегодную антологию *Year's Best SF* [«Лучшая НФ года» под редакцией Дэвида

Хартвелла, 1996 г.]. Один рецензент заметил, что «в творчестве гениальных фантастов редко можно встретить произведения, которые бы так врезались в память, как эта история». Англо-американская фантастика тоже не полностью отказалась от своего прошлого, и доказательством тому служат произведения в стиле «ретро», которые появились за последние годы, в том числе рассказ *Columbiad* Стивена Бакстера (подражание Жюлю Верну), его же роман «Корабли времени» (подражание Герберту Уэллсу), а также рассказ Дейва Волвертона *After a Lean Winter* (подражание и Джеку Лондону, и Герберту Уэллсу). Эти произведения получили широкое признание.

Я не призываю всех современных фантастов писать в классическом стиле, но в научной фантастике, по крайней мере, должен быть поджанр, цель которого — популяризация науки и который уверен в себе и в своей миссии. Возможно, только фантастика способна сделать определенные разделы современной науки доступными для обычных людей. Фантастика превращается в «литературу о богах и демонах»[39]; подобное

[39] Примечания: 39

Термин, которым писатель и историк Лю Синь обозначал китайские произведения о сверхъестественных существах. Классическим примером такого рода литературы является «Путешествие на Запад».

развитие событий многие с радостью называют «разрушением жанра»; писать произведение, которое основано на научных принципах и предназначено для популяризации науки, в наше время считается чуть ли не предательством. Мне кажется, что это не совсем справедливо.

Более важно, что упомянутый поджанр фантастики является китайским изобретением. Он появился по очень веским причинам, и в них заключены уроки, которые нам нужно запомнить. Все так упорно работают над тем, чтобы создать особую китайскую фантастику, но она уже была — самая настоящая китайская фантастика, — и мы ничего о ней не знаем. Это прискорбно. В наше время есть произведения, которые считаются «типичной китайской фантастикой»: они создают альтернативную историю и мифологию, которая значительно более скучная, чем наша *фактическая* история и мифология. Неужели Китай перестал быть уникальным много тысяч лет назад? Посмотрите на репрезентативную американскую фантастику: каждая ее клеточка насыщена современными американскими ценностями. А у нас? Если историк, который будет жить через тысячу лет после нас, посмотрит на осколки и обрывки, оставшиеся от нашей работы,

сможет ли он с уверенностью сказать, что это был продукт нашей эпохи? Как нам передать китайские фантазии нашей эры будущим поколениям?

На Западе такой период, какой был у нас в 80-х, подробно зафиксировали бы в общей истории фантастики. А вот мы, напротив, совсем про него забыли. Авторов того времени никто не помнит; они появились и исчезли без следа, совершенно не понимая, что они — впервые в истории — создали по-настоящему китайскую фантастику. Когда я листаю пожелтевшие страницы этих произведений, меня переполняют чувства; я помню, как читал каждое их слово, каждую фразу при свете свечи в холодной спальне школы-интерната, в котором отключили электричество. Я написал «Пылающие недра», подражая стилю этих историй; мне очень хотелось показать моим читателям, как выглядел этот ныне высохший поток, и воздать должное безымянным первопроходцам нашей научной фантастики.

Опубликовано в «Туманности НФ»
№ 2, 2000 г.

Завтра вечером покажут кино

По CCTV6 покажут художественный фильм «Луч смерти на коралловом острове». Возможно, ни одно другое произведение китайской фантастики не вызывает столько воспоминаний и не пробуждает таких сильных чувств. Это никак не связано с его содержанием, и обсуждать его, в общем, нет смысла. Его значение в том, что оно — историческая реликвия; оно в полной мере является символом второго «золотого века» китайской фантастики. У такого старого фаната фантастики, как я, оно также вызывает множество приятных воспоминаний. Вот что я про него знаю.

Тун Эньчжэн написал повесть «Луч смерти на коралловом острове» в 1960-х, а в 1978 году его напечатали в «Народной литературе» (в каком именно номере — не помню). В то время это был очень престижный журнал, настоящий храм литературы. В любом случае, это был самый влиятельный китайский журнал, посвященный «серьезной» литературе (ну да, действительно, литературы других жанров в то время практически не существовало), и в нем, как считалось, публиковались только произведения высочайше-

го качества. Когда вышел «Луч смерти», публика обратила на него внимание; его встретили совсем не так, как принимают новые произведения в наше время. Пожалуй, тут стоит рассказать про аудиторию китайских фантастов в то время. В те годы такого понятия, как «фанат фантастики», в Китае не было; сообщество любителей жанра сложилось только к середине 1980-х годов. Возможно, в то время читателей фантастики было меньше, чем сейчас, но они были распределены по всем слоям общества, и выдающееся фантастическое произведение — в отличие от современной фантастики — могло повлиять на общество в целом. Тогда в Китае присуждали очень престижную награду — а именно «Национальную премию за лучший рассказ»; она имела большой вес в мире литературы и помогла сделать карьеру значительному числу знаменитых писателей того периода. По результатам читательского голосования (просто удивительно, что в то время подобную «серьезную» литературную премию присуждали в ходе народного голосования), «Луч смерти» оказался победителем, но поскольку он был слишком необычным, судьи отправили его в самую нижнюю часть списка победителей. Однако ни первого, ни второго места в нем не было

— если вы побеждали, то вас включали в список точно так же, как и любого другого победителя. Рассказ получил широкое распространение (приблизительно в то же время, что и еще одна крайне влиятельная работа — документальный роман «Проблема Гольдбаха»). «Народная литература» опубликовала еще по крайней мере два фантастических рассказа, и фантастические произведения стали регулярно появляться в других «серьезных» литературных журналах; например, произведение Вэй Яхуа[40] вызвало оживленные дебаты в среде критиков. Подумайте о том, как близки в то время была «большая» литература и научная фантастика… А теперь один из этих жанров — обедневший дворянин, которого несчастья каким-то образом сделали еще благороднее, а второй — безымянный, бездомный бродяга, и при этом каждый из них (увы!) смотрит на другого с презрением.

После «культурной революции» в журналах иногда появлялись и другие фантастические произведения, но «Луч смерти на коралловом острове» изменил все правила игры. В отличие от предыдущих работ, он не просто популяри-

---

[40] Примечания: 40
Вэй Яхуа (р. 1949) — видный китайский писатель-фантаст 80-х годов.

зировал науку и технику, но в нем была явная политическая окраска. Он перевернул представления людей о том, какой может быть научная фантастика.

В советской газете «Правда» вышла рецензия на рассказ; в ней было сказано, что хотя он и наполнен националистическим шовинизмом, тем не менее его публикация — признак оттепели в китайской литературе, и что теперь в ней начинает появляться многообразие взглядов, которого ранее не существовало. Если учесть, что в рассказе СССР был главной силой зла[41], рецензия, опубликованная в правительственном рупоре бывшего «старшего брата» Китая, оказалась довольно вежливой. Возможно, именно в этом произведении впервые появилась фраза «некое крупное государство», которая впоследствии неоднократно всплывала в фантастике. Как гласил один лозунг, «ревизионистский Советский Союз — это демоническая сила, которая стремится нас уничтожить». Интересно, почему автор не назвал вещи своими именами?

---

[41] Примечания: 41

Главный антагонист в этой истории, «некое крупное государство», очень похоже на СССР, но предполагаемый дрейф этой страны вправо также позволяет считать эту страну символом Запада в целом или (по мнению некоторых) США.

Существует множество адаптаций «Луча смерти»: из него сделали комикс, аудиоспектакль и даже пьесу, если мне не изменяет память. Его первая киноэкранизация появилась приблизительно в 1982 году, и даже по стандартам того времени операторская работа была чудовищной — именно поэтому фильм приняли прохладно. Один известный ученый заметил: «Как такой мощный лазер мог быть красным? Красный — свет, обладающий минимальным уровнем энергии. Если они хотели усилить визуальный эффект, то должны были сделать его синим». Спецэффекты в фильме были примитивными; у меня в памяти засела странная графика, которая виднелась на экране компьютера в момент, когда герои испытывали ядерную батарею; я также помню стрелка со скрипящим пистолетом (пыщ-пыщ!) и подлодку, которая в финале взорвалась, словно огромный фейерверк… В то время создатели фильмов любили добавлять «перчинку» — совершенно лишние любовные линии: например, в одном фильме, действие которого происходило во время китайско-вьетнамской войны, герой и героиня влюбились друг в друга внутри танка на поле боя, и над этим тогда все смеялись. Жертвой этой моды стал и «Луч смерти». Я не помню ни

одной женщины в повести, однако в кино она есть — но у нее нет ни цели, ни черт характера, ни даже красоты. В конце фильма она управляет лодкой размером с катамаран, на котором люди катаются по озеру в парке — на этой лодке она плывет через весь океан, чтобы спасти героя от атомной бомбы. Я четко помню, что моих одноклассников сильно заинтересовали ее очки: в обычной жизни мы ни разу не видели меняющих цвет линз, на которых не было логотипа. А в финале звучала патриотическая песня — в те годы она была довольно популярной, хотя большинство людей понятия не имело, откуда она взялась.

Как бы то ни было, «Луч смерти» остается единственным настоящим китайским фильмом в жанре фантастики. (Такие картины, как «Чудо-мальчик», «Исчезновение озонового слоя» и «Солнышко», содержат элементы других жанров.) Пусть он станет первым из многих.

Тун Эньчжэна уже нет с нами. Мне всегда казалось, что его фантастика, как и произведения Чжэн Вэньгуана, была лучшей в ту эпоху. «Далекая любовь» — еще одно произведение, которое сильно на меня повлияло.

«Луч смерти» — не великий фильм, но я призываю всех фанатов фантастики посмотреть его. Можете считать, что это сеанс ностальгии. С тех пор как он вышел, китайская фантастика двадцать с лишним лет пыталась создать что-то приличное, но в результате не произвела на свет хотя бы еще один нормальный фильм. Мысль об этом заставляет меня разочарованно вздыхать.

Опубликовано на форуме «Научная фантастика» сервера университета Цинхуа,
22 апреля 2001 г.

Мы – фанаты научной фантастики

Мы — таинственные пришельцы в толпе людей. Мы, словно кузнечики, прыгаем из будущего в прошлое и обратно, плывем, словно газовые облака между туманностями; мы можем в мгновение ока достичь пределов Вселенной, или забуриться в кварк, или пересечь ядро звезды… Сейчас мы слабые и неприметные, словно светлячки. Однако наше число растет быстро, словно трава весной.

Китайская научная фантастика достигала своего пика дважды — один раз в 1950-х и еще раз в 1980-х годах, но в то время не существовало границ между фантастикой и «серьезной» литературой, поэтому у НФ не сформировалось фанатской базы. После того как в 1980-х НФ в Китае оказалась на осадном положении[42], наука и литература отвернулись от нее и бросили подыхать. Затем произошло нечто невероятное:

---

[42] Примечания: 42

В конце 1970-х и в начале 80-х несколько знаменитых китайских ученых и популяризаторов науки выступили с публичными заявлениями, в которых осудили научную фантастику — в частности, за фантазии, которые они сочли «буржуазными». Апофеозом этих событий стала статья в центральной газете «Жэньминь жибао», в которой жанр фантастики был назван «осквернением духа».

в Китае тихо появилось сообщество фанатов научной фантастики. Мы дали убежище и выходили эту полумертвую изгнанницу. В дальнейшем научная фантастика перерезала пуповину, связывавшую ее с литературой и наукой, и создала собственную идентичность. Это случилось в начале 1990-х годов, когда фанаты фантастики все еще были большой редкостью.

Третий период расцвета фантастики начался в наше время, и хотя число фанатов резко увеличилось, мы по-прежнему меньше других аналогичных сообществ. Журнал «Мир научной фантастики», который читает большинство из нас, каждый месяц расходится тиражом от четырехсот до пятисот тысяч экземпляров, и его аудитория составляет от одного до пятнадцати миллионов человек. Если исключить случайных читателей, то можно сказать, что число фанатов фантастики в Китае составляет от пятисот до восьмисот тысяч человек. В их число входят и люди среднего возраста, однако подавляющее большинство — это школьники и студенты.

Мы скрупулезно следим за развитием китайской научной фантастики и надеемся, что когда-нибудь она сможет взмыть в небеса. Многие из нас читают каждое новое произведение,

как только оно выходит из печати — вне зависимости от его качества, словно это наш долг. В других жанрах литературы подобный феномен встречается редко. В этом отношении мы похожи на китайских фанатов футбола, с той разницей, что они сами редко выходят погонять мяч, в то время как большинство фанатов НФ рано или поздно решает, что им нужно сочинить что-нибудь свое. Мало кому из нас удается опубликовать свои произведения; в основном мы выкладываем наши работы в Сеть. В темных интернет-кафе мы печатаем слово за словом, и некоторые из наших произведений по объему могут поспорить с «Войной и миром». Мы — бродячие менестрели электронной эпохи.

Но главной особенностью нашей группы является следующее: для нас научная фантастика — не просто литературный жанр, но единый мир духа, для нас она — стиль жизни. Мы — авангард, отряд исследователей, мы сильно обогнали других и побывали в самых разных мирах — часть из них можно предсказать, а другие выходят далеко за границы воображения. Мы начинаем с того, что реально, а затем наш опыт распространяется вовне, ко всем вероятностям. Мы очень похожи на Алису, которая стоит на перекрестке и спраши-

вает Чеширского Кота, по какой дороге ей пойти, а он спрашивает, куда она хочет попасть. «Я не знаю», — говорит она. «Тогда это не важно», — отвечает он. За двадцать лет до того, как начался весь этот хайп с клонированием, мы уже выследили двадцать четыре клона Гитлера в стране фантастики. Да, та жизнь, которая интересна нам, существует в виде фотонов и силовых полей. И за много лет до того, как широкая публика узнала про нанотехнологии, в стране фантастики наносубмарина совершила невероятное путешествие по кровеносным сосудам человеческого тела. Да, нас интересует вопрос о том, является ли каждая элементарная частица отдельной вселенной, в которой находятся триллионы галактик — или является ли наша Вселенная элементарной частицей. Когда мы стоим у газетного киоска и решаем, потратить ли пять юаней на завтрак или на экземпляр «Мира научной фантастики», наша душа уже улетела в мир бесконечного изобилия, в котором у каждой семьи есть своя собственная планета. Когда мы лихорадочно готовимся к экзаменам, наша другая личность в духовном мире участвует в экспедиции, летит за сто миллиардов световых лет на край Вселенной. Духовный мир фанатов фантастики не такой, как у ученых: на-

ши антенны гораздо длиннее и чувствительней. Мы отличаемся и от философов: наш мир гораздо более яркий и динамичный, чем их. И еще меньше наш мир похож на мир мифов, ведь в духовном мире фанатов фантастики все когда-нибудь может произойти — если уже не произошло где-нибудь в дальнем уголке Вселенной.

Другим людям плевать на нас, инопланетян. Когда один из нас заканчивает обучение и становится частью общества, на него сразу же смотрят как на чужака. Этот мир становится все более практичным, и поэтому любители фантазий пробуждают в людях лютую ненависть. Мы вынуждены прятаться в раковинах нормальности.

Сейчас наша группа слаба, но тот, кто недооценивает нас, сильно рискует — ведь дети и подростки быстро растут. В наших рядах уже есть доктора наук из Пекинского университета и из университета Цинхуа. И, что еще важнее, мы превосходим все остальное общество по живости интеллекта. Идея, которая способна взорвать мозг обычному человеку, для нас — всего лишь старое, скучное клише. Мы лучше всех готовы к шокирующим концепциям, которые ждут нас в будущем. Мы сильно обогнали мир и нетерпеливо ждем момента, когда он нас догонит. И

мы создадим еще много невероятных творений, которые потрясут человечество.

Мы, фанаты научной фантастики, — люди из будущего.

Ущелье Нянцзы,
10 ноября 2001 года
Опубликовано в «Многомерном пространстве» № 3, 2002 г.

Забытые шедевры

Поскольку у меня появилось свободное время, а в Праздник весны делать было нечего, я начал вспоминать школьные годы. Я вспомнил о фантастике, которую в последнее время я забыл. Сейчас я не стану перечислять поистине знаменитые классические произведения, но упомяну те, которые оказались позабыты. Я ничего не проверял, а писал по памяти. Все эти произведения опубликованы двадцать лет назад или больше; если пройдет еще двадцать лет, а я все еще буду их помнить, значит, они точно великие. Если кто-то вспомнит другие, пожалуйста, дополните этот список!

Сначала я пытаюсь вспомнить первый китайский фантастический фильм. Это «Исчезновение озонового слоя»? Нет. Может, «Луч смерти на коралловом острове»? Тоже нет. «Чудо-мальчик»? Опять не то! Первый китайский фантастический фильм — это «Солнышко», и он — вы не поверите — был снят в середине 1950-х! А его сюжет удивит вас еще больше; он, как и мое произведение «Солнце Китая», посвящен китайскому народу, который строит отражатель в космосе. Однако

их причины более веские, чем в моей истории: китайцы хотят увеличить урожайность. Хотя этот фильм снимали для детей, в нем просто удивительные спецэффекты, уникальный, инновационный стиль и, что самое важное, у него, по сравнению с перечисленными выше фильмами, более серьезная научно-фантастическая база. Фильм заслуживает того, чтобы его изучили критики, занимающиеся фантастикой, но каждый раз, когда я завариваю о нем с историками данного жанра, оказывается, что никто, даже Яо Хайцзюнь, про него не слышал! Телеканал CCTV показывал этот фильм несколько лет назад; никаких попыток привлечь к нему внимание не было, поэтому он остался незамеченным, и его молча вернули обратно на полку. Этот фильм можно назвать «брошенной невестой» в мире китайской кинофантастики, но его копии еще сохранились в архивах, и я верю, что когда-нибудь фанаты воздадут ему должное!

«Далекий Дедал»[43] — единственная китайская фантастическая пьеса, повествующая о том, как человечество покидает Землю, поскольку ее природа слишком загрязнена. Это очень серьезная

[43] Примечания: 43
Чэнь Цзяньцю «Далекий Дедал» («Океан НФ» № 2, август 1981 г.).

работа, до сих пор не утратившая актуальности, особенно ее последнее действие, которое я не забыл по сей день: в нем старик, последний человек на Земле, сидит на берегу реки и ловит рыбу.

«Последний человек, который умер от рака»[44] — сценарий телефильма о том, как в организме акулы было найдено лекарство от рака. Это произведение было выдающимся в нескольких отношениях, и в то время его называли классикой. На его основе сняли первый китайский фантастический телефильм, но, к сожалению, его качество было низким.

Сериализированный роман «Юность»[45] (который вышел в «серьезном» журнале, хотя был опубликован всего лишь первый выпуск) — это история о том, как СССР строит огромную военную базу в космосе, чтобы атаковать Землю. Базу находят китайские астронавты, и в конце концов им удается ее уничтожить. Это масштабная история, и мир, описанный в ней, тоже поражает воображение. Я помню, какой популярностью она пользовалась в моем классе; это была одна из

---

[44] Примечания: 44

Чжоу Юннянь, Чжан Фэнцзян, Цзя Ваньчао «Последний человек, который умер от рака» («Научная литература» № 1, 1980 г.).

[45] Примечания: 45

Ю И «Таинственный сигнал» («Синь Юань» № 1, 1979 г.).

тех книг, прочесть которые хотели все, и притом как можно быстрее, словно впадая в транс. Но по какой-то причине ее быстро забыли.

«Вернись, Лолань»[46] — еще один китайский роман. Он о том, как больную девушку — китайского ученого погружают в криогенный стазис, и она просыпается уже в далеком будущем. Ужасная книга, и я с трудом ее дочитал. Я помню сцену, в которой девушка приходит в себя, и некий лидер, обращаясь к главному герою, произносит эту ужасную и смешную реплику: «Товарищ, ты внес огромный вклад в четыре модернизации, и за это Родина дарит тебе любовь и счастье». Та девушка осталась молодой и красивой, но главный герой состарился и уже был одной ногой в могиле, и поэтому я не уверен, что у них там сложилась любовь.

«Смерть укротителя огня»[47]. Где было опубликовано это произведение, я не помню. Это история об изобретателе, создавшем охлаждающий костюм, в котором можно зайти прямо в море огня. На космическом корабле возникает пожар, изоб-

---

[46] Примечания: 46

Чжан Сяотянь «Вернись, Лолань» (Издательство «Чуньфэн», ноябрь 1979 г.).

[47] Примечания: 47

Ин Ци «Смерть укротителя огня» («Океан НФ» № 3, декабрь 1981 г.).

ретатель в костюме тушит его, но в конце концов умирает, потому что костюм замораживает его до смерти. Это выдающееся произведение даже по сегодняшним стандартам; в то время оно было отобрано для «Научных мифов», большой ежегодной антологии фантастики.

«Взрыв численности населения» — фантастический сериал, показанный по CCTV. Я только слышал про него, но никогда не видел. Кажется, он был очень популярен в то время, но мои воспоминания о нем настолько смутные, что я даже не уверен в том, что он вообще существовал.

«Ошибка профессора Шалома»[48] — типичное произведение об ученом, который работает над искусственным интеллектом. Он пытается создать робота, способного чувствовать, но в конце концов терпит неудачу. Это произведение обладало великолепными литературными качествами.

«Далекая любовь»[49]... Я забыл, откуда это произведение, но, возможно, кто-то его еще помнит. Классическое произведение Тун Эньчжэна, один

---

[48] Примечания: 48

Сяо Цзяньхэн «Ошибка профессора Шалома» («Народная литература» № 12, 1980 г.).

[49] Примечания: 49

Тун Эньчжэн «Далекая любовь» («Сычуаньская литература» №№ 4–5, 1980 г.).

из первых примеров научно-фантастической романтики.

Еще была повесть под названием «Мост»[50]; откуда она взялась, я не помню, но она — первое китайское научно-фантастическое произведение на тему войны. СССР использует парашютно-десантные войска для вторжения в Китай. Советские военные заставляют китайского инженера построить мост в оккупированном ими городе. Инженер использует материалы, которые могут испаряться, и уже построенный мост в один миг исчезает. Это произведение опубликовал влиятельный журнал «Синьхуа вэньчжай».

«Бета-загадка»[51] — история о роботе, который пытался сбежать в СССР. В то время эта история была очень популярна, и ее считали классикой. Я узнал о том, откуда она взялась, только после того, как ее перевод напечатали в одной из антологий *Isaac Asimov presents*….

Произведение «Мечты о моем милом городе»[52]

---

[50] Примечания: 50

Ху Сяолинь «Мост» («Научная литература» № 2, 1979 г.).

[51] Примечания: 51

Лю Чжаогуй «Бета-загадка» («Научная литература» № 6, 1984 г.).

[52] Примечания: 52

Вэй Яхуа «Мечты о моем милом городе» («Пекин Вэньи», январь 1981 г.).

Вэй Яхуа было опубликовано в одном из крупных литературных журналов. В мире, который описан в этой истории, роботы выполняют роль жен. Жена-робот главного героя настолько красива, что он больше ни на что не обращает внимания. Это отличная история как на литературном, так и на интеллектуальном уровне, и темы, которые в ней подняты, до сих пор никто так и не развил. Похоже, что позднее вышло ее продолжение. Тогда это произведение пользовалось большой популярностью, и многие противники фантастики обрушились на него с критикой. Я помню один из их аргументов: если жена-робот действительно ознакомилась с огромным количеством философских трудов, спрашивали критики, то почему она не читала Маркса и Ленина?

«Древние камни»[53] — по крайней мере, мне кажется, что именно так называлось это произведение — еще один рассказ Вэй Яхуа. Он также вышел в одном из литературных журналов. В нем одна молодая женщина находит камень, который прилетел из космоса. Она приносит его на рынок, чтобы продать за сто тысяч юаней. Какие-то люди из СССР хотят купить его, но она отказывается от

[53] Примечания: 53

Вэй Яхуа «Камни Нуа» (сборник «Я решаю развестись с женой-роботом», июль 1981 г.).

денег и просит взамен вернуть китайские территории, которые оккупировал Советский Союз. Это произведение ниже уровнем, чем «Мечты о моем милом городе», но все равно лучше, чем большая часть современной фантастики.

«Остров, который исчез»[54]. Кажется, этот рассказ назывался именно так, и его напечатали в одном научно-фантастическом журнале. Это история про нацистов, которые пережили войну и строят тайную базу на каком-то затерянном острове. На острове случайно оказывается какой-то неосмотрительный музыкант, но в конце концов он сбегает, угнав буровое судно нацистов. История с увлекательным сюжетом и тщательно прописанным миром.

«Квартал XX»[55], опубликованный в «Мэнъя» — история о том, как посреди океана внезапно появляется новый клочок земли, и на него высаживаются двое китайцев, но одного из них убивают советские спецназовцы, которые прибывают чуть позже. Похожее произведение — «Тень исчезающего дьявола» — рассказывает

---

[54] Примечания: 54

Вэй Яхуа «Остров, который исчез» («Харбин Вэньи» № 6, 1980 г.).

[55] Примечания: 55

Ху Гэнь «Квартал № 16» («Литература и искусство Гуаньчжоу» № 10–11, 1980 г.).

о советском плане убедить весь мир в том, что в Бермудском треугольнике творится какая-то мистика, а также убить весь экипаж одного корабля с помощью микроволнового излучения. Два этих произведения были опубликованы в серьезных литературных журналах, но, странным образом, они более «бульварные», чем рассказы из журналов, которые посвящены исключительно фантастике.

Рассказ «Золотая кукуруза»[56] вышел в «Научной литературе». Это история о старом японском солдате, который возвращается в Китай, в те места, где он воевал. Там он сажает кукурузу, которая дает большой урожай, а затем этот солдат начинает заниматься переработкой мусора — чтобы таким образом искупить свою вину. Позднее он узнает, что в местной почве много золота, которое можно извлечь из кукурузы… Очень интересная история, и жаль, что ее забыли.

«Жук-вонючка профессора Бадовского»[57] — история о том, как советский ученый изобрел маленького робота, который может выслеживать

---

[56] Примечания: 56

Пань Юньцян «Золотой дьявол» («Научная литература» № 2, 1986 г.).

[57] Примечания: 57

Чэнь Гуанцюнь «Жук-вонючка профессора Бадовского» («Научная литература» № 2, 1979 г.).

людей, и с его помощью ищет отряды партизан в африканских джунглях. Кажется, в конце концов робота перепрограммировали и отправили назад, чтобы он заманил правительственные войска в засаду.

«Поиск пропавших»[58] — я забыл, где его опубликовали, — фантастический роман, к сожалению, незаконченный, первоклассного автора Мэн Вэйцзая, который обычно пишет «серьезную» литературу. Это история о группе людей, которых похитили инопланетяне, а потом они вернулись на Землю. Персонажи написаны довольно живо, но в тексте повсюду проблемы с логикой. Элементы фантастики написаны неуклюже, и это позднее для многих стало поводом заявить, что данное произведение — доказательство того, что «обычный» писатель не может сочинять научную фантастику.

«Программа ХТ» — это повесть о том, как люди перемещают айсберг с Южного полюса в тропики, чтобы с его помощью бороться с тайфунами. Научно-фантастические темы в ней были просто выдающиеся.

«Женщина, которая выдувает кольца ды-

[58] Примечания: 58

Мэн Вэйцзай «Поиск пропавших» (Издательство «Хуашань», апрель 1983 г.).

ма». Этот рассказ был опубликован в «Научной литературе». Он о том, как города извергают загрязняющие вещества через огромные трубы; кольца дыма поднимаются высоко в атмосферу и улетают прочь, и при этом города очищаются. Это хорошая фантастика, посвященная технологиям, но рассказ слишком короткий, и поэтому его идеи не были достаточно проработаны.

«Кувшинка» из «Науки в иллюстрациях» — история о том, как инвазивные свойства бактерий проказы и высокая скорость размножения раковых клеток используются в косметической хирургии. Этот рассказ — хорошая комбинация литературных и научных элементов.

«Бесконечный камень»[59] — рассказ о том, как камень, способный ощущать человеческий талант и способности, становится разрушительной силой в руках завистливых людей.

«Зеленый человек»[60] — или, по крайней мере, мне кажется, что это произведение называлось именно так. Это повесть о человеке, который с помощью генетической инженерии приобретает

---

[59] Примечания: 59

Ти Цуй «Бесконечный камень» («Океан НФ» № 2, декабрь 1981 г.).

[60] Примечания: 60

Шань Цюань «Зеленый человек» (сборник «Угроза с НЛО», октябрь 1980 г.).

способность к фотосинтезу. Будучи советским шпионом, он скрытно действует в Китае и в итоге гибнет.

Следующие несколько произведений — это переводы:

«Неприметный мистер Макхайн»[61] — посредственный рассказ из какой-то восточноевропейской страны. Он о роботе, который занимается грабежом, потому что начитался детективов. Я запомнил его, потому что в 1980-х он упоминался во многих статьях, которые критиковали научную фантастику. Поскольку в нем нет других фантастических элементов, кроме робота, который умеет читать и совершать преступления, я привожу его как пример фантастической истории, не обладающей никакой ценностью.

«Коллапс»[62], американский роман, посвященный ближайшему будущему. Экономика западных стран рушится, и начинается хаос, но мир спасают китайцы (да, китайцы!), потому что за предыдущие годы они скопили огромное коли-

---

[61] Примечания: 61

Карл-Хайнц Тушель *Der unauffällige Mr. McHine* (перевод на китайский в «Науке в иллюстрациях», январь — февраль 1979 г.).

[62] Примечания: 62

Бенджамин и Герберт Штейн *On the Brink* (перевод на китайский издан Народным издательством «Цзянсун», апрель 1981 г.).

чество денег. Это произведение вскоре перевели на китайский, и сейчас оно выглядит как фантастика, которую в наше время мы читаем в Сети.

«Империя Терры»[63] (по крайней мере, мне кажется, что именно так называлась эта повесть). Она о том, как люди, порабощенные на какой-то планете, бегут из рабства и ищут своих сородичей, которые создали могучую империю на другом конце галактики. После многолетних странствий они наконец прибывают в империю и выясняют, что их соплеменники столь же безжалостны, как и железная империя, которую они покинули. Это масштабная и смелая история, которая реально увлекает читателя.

Рассказ «Путешествие на Меркурий»[64] — по крайней мере, мне кажется, что он так называется. Это произведение, написанное американским писателем, повествует о приключениях двух братьев на планете Меркурий. Там были прекрасные описания озер из жидкого металла, и это знаменитое произведение мировой фантастики.

---

[63] Примечания: 63

Джеймс Типтри-младший «Мы, угнавшие ‘‘Мечту’’» (перевод на китайский в «Океане НФ» № 2, август 1981 г.).

[64] Примечания: 64

Джон Варли «Ретроградное лето» (перевод на китайский в «Океане НФ» № 2, август 1981 г.).

«Время течет вспять»[65] — короткий рассказ американского писателя, история о том, как время течет назад — без какого-либо технологического обоснования. В начале рассказа мертвецы поднимаются из могил и оживают.

Опубликовано на форуме «Научная фантастика» сервера университета Цинхуа
10 февраля 2003 г.

[65] Примечания: 65

Дж. Г. Баллард «Время перехода» (перевод рассказа британского писателя на китайский в «Океане НФ» № 2, август 1981 г.).

С днем рождения, Лю Вэньян!

Что больше всего привлекло меня в Лю Вэньяне — так это его глаза; они, яркие и мудрые, были наполнены жизненной силой и добротой. Я никогда не думал, что такой взгляд может быть связан с такой печальной судьбой.

Мы с ним встречались лишь пару раз на конвентах «Мира научной фантастики» и почти не общались. Я помню, что самый долгий наш разговор состоялся в машине, когда мы ехали обратно с горы Цинчэншань. И при этом мы обсуждали вовсе не фантастику — в то время Лю Вэньян работал в IT-компании в Чэнду, и мы говорили о компьютерном рынке.

Я также помню его эссе в «Удивительных файлах» — о том, как писать предсказания о далеком будущем. В нем он учит читателя нескольким «фокусам», но говорит, что главное — не беспокоиться о том, достоверно ли предсказание, потому что невозможных предсказаний не бывает.

Тогда он шутил, но теперь мы должны верить ему на слово. У каждого сообщества свои способы находить утешение; нас утешает мысль о параллельных мирах. Даже физики не очень-то

верят в них, но мы верим, и притом добровольно. По крайней мере, вероятность существования параллельных миров выше, чем вероятность существования Бога.

Ранним утром 1 июня мир раскололся надвое. С помощью фиберскопа мы можем посмотреть на тот параллельный мир и увидеть, что его глаза сияют так же ярко, как и раньше. Давайте присоединимся к Толсторогу и поздравим Лю Вэньяна с днем рождения!

Опубликовано в блоге автора на сайте sina.com.cn
5 июля 2007 г.

Столетие Западных ветров
О влиянии зарубежной научной фантастики на китайскую фантастику

I

Появление научной фантастики в Китае

Научная фантастика появилась в Китае в начале XX века, и хотя позднее национальная культура окажет сильное влияние на китайскую фантастику, в самой литературе практически не было источников НФ. Этот литературный жанр пришел напрямую из Европы и США.

Первой фантастикой, которую привезли в Китай и стали переводить в большом объеме, были произведения Жюля Верна, начиная с «Вокруг света за 80 дней». Этот роман был напечатан в Китае в 1900 году. За ним последовали «Два года каникул», «Из пушки на Луну» и «Путешествие к центру Земли». В этот период также были переведены и опубликованы научно-фантастические

произведения Осикавы Сюнро[66].

В республиканский период также начали появляться переводы фантастики, написанной Гербертом Уэллсом и сэром Артуром Конан Дойлом. Приблизительно в то же самое время в Шанхае показали фильм «Тарзан. Приемыш обезьяны» — возможно, это был первый случай демонстрации фантастической киноленты в Китае.

Импорт фантастики впервые достиг своего пика в 1950-х: продолжали выходить переводы произведений Жюля Верна, а также появилась ранняя советская фантастика — такая, как роман «Сильнее времени» Александра Казанцева и «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова.

В период «культурной революции» поиск и перевод зарубежной научной фантастики почти полностью прекратились.

К концу 1970-х доступ к иностранной НФ был восстановлен. Публикация романов Жюля Верна, запрещенных в годы «культурной революции», тоже продолжилась — и это создало у многих читателей любопытное ощущение: уровень техники, описанной в фантастических про-

[66] Примечания: 66

Осикава Сюнро (1876–1914) — японский писатель, журналист и редактор, пионер научной фантастики.

изведениях, отставал от современного. Затем началась более систематическая публикация фантастических произведений Герберта Уэллса. Приблизительно в то же время в Китае также начали появляться западные фантастические фильмы, и первым из них стал *Future World* [«Мир будущего»] (продолжение оригинального «Мира Дикого Запада», который будет показан в Китае лишь десять лет спустя). Первым импортным фантастическим телесериалом стал *Man from Atlantis* [«Человек из Атлантиды»].

В 1980-х в Китай хлынула европейская и американская научная фантастика. Издатели не только выпускали переиздания классических произведений, но и стали печатать произведения современных западных писателей — такие, как «Свидание с Рамой», «2001: Космическая одиссея» и «Фонтаны рая» Артура Кларка, а также некоторые произведения Айзека Азимова (в основном рассказы). Приблизительно в то же время относительно большой популярностью пользовался сборник фантастики «Бермудский треугольник и НЛО»; такие периодические издания, как «Научная литература и искусство», «Океан НФ», «Древо знаний», «Наука в иллюстрациях» и «Век науки», в большом объеме печатали переводы НФ. В этот

период начали появляться даже произведения, которые можно лишь отчасти назвать научной фантастикой, — например, три антиутопии: «1984» Джорджа Оруэлла, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и «Мы» Евгения Замятина. Но следует заметить, что, хотя в тот период количество иностранной фантастики было относительно велико, диапазон тем оставался небольшим. Большинство произведений, особенно романы, было написано в традиционном стиле «золотого века» фантастики. Самые влиятельные работы современной НФ все еще находились вне поля зрения китайских читателей.

В киноиндустрии, в отличие от издательской сферы, похожего увлечения фантастикой в 1980-х не возникло, и лишь в конце десятилетия появилось несколько картин — такие, как «Супермен» и сериал *Shin Tetsuwan Atom* [«Астробой»]. Из-за правил, регулировавших импорт фильмов, каждый год китайские зрители могли увидеть лишь два-три не самых новых фантастических фильма, и возможности посмотреть новинки у них не было. Это означало, что такие фильмы, как трилогия «Звездные войны», «Близкие контакты третьей степени» и «Инопланетянин» в Китае были практически не известны.

В относительно долгий период с середины 1980-х до середины 1990-х внешние факторы вызвали упадок китайской фантастики. Создание и издание фантастических произведений практически прекратились, а импорт новой фантастики практически никого не интересовал. Что же касается фильмов, то тут ситуация почти не изменилась: на экраны выходило небольшое число фантастических картин; в частности, в прокат вышли американские фильмы *Space Camp* [«Пикник в космосе»] и *Dreamscape* [«Видение»], а также японский «Гибель Японии».

Начиная с середины 1990-х ситуация изменилась радикальным образом: вернулась зарубежная научная фантастика и началось постепенное возрождение китайской НФ. Этот период расцвета продолжается по сей день. В Китае появилась современная фантастика из самых разных стран мира, и по сравнению с 1980-ми число тем значительно увеличилось. На сей раз произведения отбирались более систематично. Были опубликованы все основные произведения «золотого века», в их числе «Конец детства» Артура Ч. Кларка, циклы «Академия» и «Я, робот» Айзека Азимова, а также некоторые романы Роберта Хайнлайна. При этом на рынок также хлынули произведения

«новой волны» и киберпанка, в том числе «Теплица» Брайана Олдисса, «Всем стоять на Занзибаре» Джона Браннера, «Человек в высоком замке» Филипа К. Дика и «Нейромант» Уильяма Гибсона. Также были опубликованы такие «серьезные» романы, содержащие элементы фантастики, как «Заводной апельсин» Энтони Берджесса, «Война с саламандрами» Карела Чапека, «Бойня № 5» Курта Воннегута, «Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Через сто лет» Эдварда Беллами. В этот период китайские читатели познакомились с творчеством таких современных фантастов, как Филип К. Дик, Фрэнк Герберт, Роберт Дж. Сойер, Орсон Скотт Кард, Фредерик Пол, Станислав Лем, Брайан Олдисс, Вернор Виндж, Дэвид Брин, Джон Браннер, Уильям Гибсон, Роберт Силверберг, Уолтер Миллер-младший, Грег Бир, Лоис Макмастер Буджолд, Хол Клемент, Сакё Комацу, Дуглас Адамс, Клиффорд Саймак, Джек Уильямсон, Роберт Шекли, Альфред Бестер и Урсула К. Ле Гуин. Благодаря работам этих авторов китайская публика теперь получила представление о мире современной фантастики.

В этот период зарубежная фантастика в основном выходила сериями; самыми крупными из них были: «Мастера мировой фантастики»,

выпущенная Сычуаньским издательством научной и технической литературы совместно с журналом «Мир научной фантастики»; серия «Классическая фантастика — премия Хьюго» издательства Лицзян, а также «Архив классики современной фантастики» — серия, выпущенная Молодежным издательством Хэбея. Практически в то же время китайские журналы начали публиковать лучшие произведения современных авторов: в «Переводах» журнала «Мир научной фантастики» выходили фантастические романы, а «Выставка мировой фантастики» представляла повести и рассказы, которые завоевали награды «Хьюго» и «Небьюла». Другие журналы, писавшие о фантастике, — такие, как «Короли фантастики», также публиковали большое число зарубежных произведений.

В сфере кино также произошел сильный сдвиг. Национальные принципы регулирования изменились, и благодаря появлению видеодисков и интернета теперь граждане Китая смогли смотреть новый фантастический фильм или сериал практически одновременно с людьми из других стран. Фантастические фильмы, которые доступны китайской аудитории, не сильно отличаются от тех, которые смотрят американцы и евро-

пейцы, — конечно, одним из факторов, которые повлияли на ситуацию, было пиратство.

II

Влияние зарубежной фантастики на китайскую фантастику

Влияние мировой научной фантастики на китайскую можно представить в виде «верблюжьего горба», который растянулся на четыре периода процветания. В конце эпохи правления династии Цин и в первые годы республики, а также в период с 1990-х по наше время это влияние достигает пика. Вместе с тем между двумя другими периодами процветания — в 1950-х и в 1980-х — внешний мир практически никак не влиял на китайскую фантастику.

Давайте сначала посмотрим на период, когда воздействие было незначительным. В 1950-х китайцы были практически лишены связей с окружающим миром. В Китае американскую и европейскую НФ нельзя было найти даже при желании, поэтому китайские писатели, в общем, были отрезаны от мировой фантастики. Правда, из-за границы прибывала ранняя советская фантастика, переведенная на китайский. Статья

Ольги Хузе «Советские научно-фантастические книги о будущем» (1953), также опубликованная в то время, стала первой переведенной на китайский язык работой, посвященной критике научной фантастики. Идеалы ранней советской фантастики, и особенно ее идеализм, связанный с наукой, определенно повлияли на китайских авторов, и в основном это тоже выразилось в оптимизме по отношению к науке. Писатели того времени надеялись на то, что люди победят природу, и считали науку силой, которая творит добро практически без негативных последствий.

Но мне кажется, что в каком-то смысле влияние советской фантастики на китайскую, несмотря на позднейшие попытки критиков преувеличить его, было ограниченным. Китайская фантастика того периода обладает многими особенностями, которых нет в советской.

1. *Ближайшее будущее.* В подавляющем большинстве произведений китайской фантастики описано ближайшее будущее, от которого нас отделяет не более ста лет; и общество в этих произведениях практически не отличается от того, в котором живет автор. Советская фантастика, напротив, уже преодолевала относительно большие периоды времени: например, действие

«Туманности Андромеды» разворачивается в 3000 г. н. э.

2. *Небольшой радиус.* Первые советские фантасты — например, в рассказе «Сильнее времени» — уже писали об исследованиях космоса и долгих межзвездных перелетах. Но китайская фантастика того же периода не выходит за пределы орбиты Марса.

3. *Чистая эстетика.* Китайская фантастика того периода ограничивается технологиями и практически не затрагивает темы гуманизма. И речь в ней никогда не идет о каких-то супертехнологиях; в этих произведениях все очень практично, и речь в них идет о технологиях того времени, которые просто немного улучшены. Поэтому еще сложнее найти в этих произведениях философские мысли, вызванные изучением неизвестных миров. Оглядываясь на раннюю советскую фантастику, мы видим, что она содержала в себе больше гуманизма; ее заботили вопросы отношений между разными цивилизациями, а также между человеком и Вселенной.

4. *Ограниченная перспектива.* Китайские фантасты в основном описывали лишь часть китайского общества, редко рассматривая чело-

вечество как единое целое. Но у ранней советской литературы того же периода была более широкая перспектива, и в ней появлялись даже галактические цивилизации.

5. *Молодость.* Большинство произведений китайской фантастики того периода было адресовано юным читателям. Хотя в Советском Союзе были фантасты, которые писали для детей и юношества — например, Кир Булычев, — но большинство произведений того времени предназначалось для взрослых.

В связи с тем, что научная фантастика 1950-х была тесно связана с научно-популярной литературой, я бы сказал, что на китайскую фантастику сильнее повлияла не ранняя советская фантастика, а советская научно-популярная литература — например, произведения Михаила Ильина.

После перерыва, вызванного «культурной революцией», в 1980-х начался период расцвета китайской фантастики. Хотя в то время в Китай постоянно попадала фантастика из других стран, в основном это произведения американских и европейских авторов, написанные в стиле «золотого века», а «новая волна» представлена не была. В эту эпоху влияние зарубежной фантастики на

китайскую все равно было ограничено, и китайская фантастика того времени обладает теми же особенностями, что и произведения, созданные в 50-е: ближайшее будущее, малая удаленность, чистая эстетика и ограниченная перспектива.

Поэтому если оценивать иностранное влияние, то я считаю период с 1950-х до 1980-х фактически единым целым.

Когда я оглядываюсь назад, на этот двойной период процветания, больше всего меня поражает ограниченность тем китайской фантастики, особенно в следующих областях:

1. *Путешествия во времени*. Это одна из главных тем фантастики, однако произведений на эту тему, созданных за эти два периода, практически не найти. Даже если история рассказывает о прошлом, в ней автор использует «ложные перемещения во времени» — например, в ней ученые оживляют динозавров с помощью электричества или биотехнологий или создают виртуальную версию династии Цин.

2. *Альтернативная история*. В западной фантастике эта тема широко распространена, но в китайской от нее нет и следа. Да, определенное число произведений в поджанре исторической

фантастики существует — например, как «Туманы на древних утесах» и «Колумб из Америки», они — совсем не то, что мы обычно называем «альтернативной историей».

3. *Истории о катастрофах*. Произведения, в которых идет речь о кризисах, влияющих на всю цивилизацию, тоже сложно найти. Исключением является «Когда ящик Пандоры открылся» Сун Ицзина.

4. *Приключения в далеких уголках Вселенной*. В китайской фантастике того времени космические полеты обычно ограничены пределами Солнечной системы, и лишь в нескольких работах — таких, как «Путешествие к Альфе Центавра», упоминаются межзвездные путешествия, да и те довольно скромные, если говорить о расстояниях и скоростях.

5. *Война в недалеком будущем*. Такие произведения, как «Смерть на коралловом острове» и «Волна», были посвящены скорее локальным конфликтам холодной войны, и их никак нельзя отнести к боевой фантастике. Если не считать «Путешествие к Альфе Центавра», я могу вспомнить еще только два произведения, в которых описывались войны будущего в текущих поли-

тических условиях, — повесть «Таинственный сигнал» и рассказ «Мост», опубликованные в «Дайджесте китайских журналов».

6. *Размышления о конце света.* Философские размышления о главных тайнах природы и Вселенной — наименее часто встречающиеся темы в китайской фантастике того времени; я не могу вспомнить ни одного произведения, посвященного этим вопросам.

По сравнению с современной зарубежной НФ в китайской фантастике отсутствуют и другие темы, но я не буду здесь их перечислять. Однако мне хотелось бы подчеркнуть, что отсутствие данных тем — результат не случайной забывчивости, но, скорее, сознательного коллективного поведения авторов; это, конечно, наверняка связано с общественной ситуацией того периода, однако она не может быть единственной причиной. Отсутствие определенных тем, таких, как длительные космические путешествия, отражает ценности того времени.

По мере того как в 1980-х постепенно начало появляться внешнее влияние, дискуссия о том, какое направление должна выбрать китайская фантастика — «что главное в фантастике — наука

или литература?» — наконец-то закончилась победой школы «литераторов», и в этом, несомненно, важную роль сыграла мировая фантастика. Это была победа китайской «новой волны», но она пришла слишком поздно. Авторы начали освобождаться от привычек, унаследованных в 1950-х, и поворачиваться в новом направлении. Некоторые «серьезные» писатели, занимавшиеся фантастикой, ускорили эту тенденцию, хотя прогрессу помешала вульгаризация жанра, которая наступила вслед за этим.

Ослабление внешнего влияния также сыграло определенную роль в развитии китайской фантастики: авторы-фантасты создавали произведения на основе собственных идей и независимо развивали свое творческое мышление, и это помогло китайской фантастике обрести уникальные характеристики.

Китайская фантастика этих двух периодов сыграла важную роль в популяризации науки и даже на какое-то время стала частью «серьезной» литературы. Жанровые произведения того времени в основном выдвигали идеи, основанные на реалистичных технологиях, и не отходили далеко от технологической базы. Описания технологий были подробными и точными. Большинство

работ, по сути, были гипотезами — с плоскими персонажами и написанные примитивным языком — даже по стандартам того времени. Работы, популяризирующие науку, появлялись и за пределами Китая — например, их писали такие мастера, как Айзек Азимов и Артур Ч. Кларк, и у многих произведений было много черт научно-популярной литературы, но в других странах этот вид фантастики не развился в той же степени, как в Китае. Представительное произведение данного поджанра — «Сяолин исследует будущее в комиксах» стало самым влиятельным произведением китайской фантастики, и до сих пор никто так и не смог написать столь же блестящую работу.

Тот факт, что китайская фантастика перестала популяризировать науку, стало величайшей трагедией для жанра. Такая фантастика должна, по крайней мере, существовать, ведь разнообразие стилей — это очень важно. И часть ее недостатков можно преодолеть, если достаточно долго практиковаться.

Влияние иностранной фантастики на китайскую было сильнее всего на двух отрезках этой истории: в конце правления династии Цин и начале республиканского периода, а также с 1990-х

годов до настоящего времени.

Фантастика во многом была импортным продуктом, и ее явных предшественников в национальной культуре не существовало. Фантастические произведения, написанные в последние годы правления Цин и в начале республиканского периода, стали первыми попытками создания произведений в этом жанре на территории Китая, и поэтому они, несомненно, отражают сильное влияние зарубежной фантастики. В то время мировая фантастика также находилась на раннем этапе своей истории; зрелые теории и самосознание она обретет позже, когда начнется ее «золотой век». В китайской фантастике этого периода литературные элементы преобладали над популяризацией науки, и размышления о технологиях использовались для того, чтобы развивать литературные темы. Позднее идеал китайской фантастики сделал большой круг, прежде чем снова обрести похожий облик.

Во время последнего периода процветания, который начался в 1990-х и продолжается до сих пор, китайская фантастика двинулась по совершенно новому пути. Так же как китайская фантастика 1980-х отличалась от произведений 1950-х, так и китайские фантасты новой эры прак-

тически никак не связаны с писателями 1980-х; в жанре появились новые имена, новые литературные идеалы. Благодаря широкомасштабной и систематической публикации зарубежных произведений в этот период современная мировая фантастика еще больше повлияла на китайскую. Однако если жанр в целом становится все более разнообразным, китайская фантастика теряет свежесть, которой когда-то обладала:

Во-первых, фантастика, проповедующая идеалы «золотого века», по-прежнему выходит, но она сильно отличается от произведений предыдущих периодов. Диапазон тем значительно увеличился, писатели придумали далекие миры, совершенно не похожие на реальность, и человечество в этих работах все чаще описывается как единое целое. Писатели-фантасты проявили интерес к причине существования Вселенной и ее главным тайнам. Мы видим все больше супертехнологий, которые значительно выходят за границы реальности. У писателей появилось «сознание, создающее миры». Они не довольствуются тем, чтобы просто перевести свои истории на новый уровень реальности, и вместо этого пытаются создать воображаемые, но при этом логически последовательные миры. Даже в тра-

диционной «технологической» фантастике 1980-х писатели сходились на том, что технические идеи должны служить для выражения литературных тем. Фантастика, популяризирующая науку, окончательно исчезла. В традиционной технологической фантастике на китайских авторов больше всего повлияли такие писатели, как Артур Ч. Кларк и Айзек Азимов.

Во-вторых, усиливаются позиции не той фантастики, которая популяризирует науку, а, скорее, «литературной» фантастики. Это — эхо «новой волны». В таких произведениях обычно используют более тонкие и авангардные методы выражения, а мир в основном изображен с точки зрения индивида; в них существование Вселенной преломляется через ощущения и чувства отдельного человека. Четкая и стабильная реальность традиционной научной фантастики теперь наполнена неопределенностью, она разветвляется и разбивается на осколки. В литературных формах фантастики наука и техника уже не играют столь важную роль, как раньше, а идеи больше не обладают логической стройностью, но, скорее всего, собраны из малопонятных символических ассоциаций. В этом поджанре фантастики есть много прекрасных новых работ,

часть которых используют темы, позаимствованные из древней китайской истории и мифологии. Но даже если технологии придают этим работам определенный научно-фантастический флер, они все равно тесно связаны со своим сверхъестественным «ядром». Эти работы продолжают размывать границу между научной фантастикой и другими жанрами художественной литературы. На китайских фантастов, которые работают в такой стилистике, наибольшее влияние оказали такие иностранные писатели, как Рэй Брэдбери и Филип К. Дик, а также Альфред Бестер и Брайан Олдисс.

В-третьих, появился киберпанк. На сегодняшний день самыми влиятельными работами этого вида НФ в Китае являются «Нейромант» Уильяма Гибсона и «Истинные имена» Вернора Винджа.

Интересно здесь то, что в этих трех видах научной фантастики практически утрачен оптимизм, который был характерной чертой китайской фантастики. Скептицизм и тревога относительно технологического развития теперь проявились не только в мировой, но и в китайской фантастике. Видения будущего стали более мрачными. Даже если автор описывает светлое будущее, оно

появляется только после практически немыслимой катастрофы. Главным результатом влияния западной фантастики на китайскую, возможно, является изменение отношения к науке.

III

Влияние зарубежной научной фантастики на китайских читателей

Китайские читатели фантастики эволюционировали, превратившись из широких народных масс в специализированные группы. В течение трех предыдущих периодов процветания любителей НФ можно было обнаружить во всех слоях общества. Хотя в 1950-х читатели были моложе, они не сформировали особый класс фанатов фантастики, или фэндом. Начиная с 1990-х ситуация сильно изменилась: появился фэндом, и в конце концов оформились его границы. При этом массовые читатели никуда не делись, но их предпочтения сильно изменились. Поэтому, чтобы оценить влияние зарубежной фантастики на китайских читателей, нам нужно учитывать, что они делятся на две разных группы.

Первая: массовый читатель. Влияние ино-

странной НФ на китайского массового читателя — это очень простая тема, и я могу всесторонне описать ее, назвав всего одно имя: Жюль Верн. С конца эпохи правления династии Цин произведения Жюля Верна издаются в Китае постоянно: по данным неполной статистики, после основания Китайской Народной Республики основные работы Жюля Верна переиздавались почти 30 раз. Он — единственный иностранный писатель-фантаст, который действительно стал популярным в Китае, и ни одно другое фантастическое произведение не оказало такого влияния на китайское общество, как романы Жюля Верна. Для китайского массового читателя Жюль Верн — символ НФ; для многих он — единственный фантаст, произведения которого у них есть. Девяносто процентов моих знакомых не могут назвать ни одного другого иностранного фантаста.

Огромная популярность Верна вызвана несколькими факторами, действовавшими в разное время. Во-первых, его идеи — простые и чистые, и его произведения обладают таким здоровым тоном, что их можно было без проблем печатать почти в любой исторический период. Кроме того, именно из-за чистоты его произведений учителя и родители могут спокойно

рекомендовать книги детям. Во-вторых, Жюль Верн смотрел на науку с оптимизмом и верил в способность человека покорить природу, а это совпадает со стратегическим мышлением китайского общества. Конечно, популярность его романов в Китае неразрывно связана с их уникальным шармом: увлекательные сюжеты приключенческих историй XIX века, интересные факты, а также простые, но запоминающиеся персонажи — все это удовлетворяет потребности китайских читателей.

Кроме Жюля Верна, в Китае известен еще один западный писатель — Герберт Уэллс, однако его влияние значительно ниже, чем у Жюля Верна. Произведения Герберта Уэллса в основном рассматривались через призму социологии и политики.

Определенной известностью у китайских читателей обладает и Айзек Азимов, но из-за того, что его «Путеводитель по науке» был переведен и опубликован в 1980-х, а его фантастические романы появились в Китае позже, он гораздо больше известен как автор научно-популярной литературы.

Если не считать этих троих, иностранные фантасты практически не известны массовому

китайскому читателю.

В Китае облик зарубежной фантастики в основном создают фильмы и телесериалы. К числу наиболее влиятельных произведений относится фильм «Мир будущего» конца 1970-х и снятый в 1980-х телесериал «Человек из Атлантиды», а также японское аниме. Их большая популярность, возможно, связана с тем, что других фантастических фильмов и сериалов в прокате было очень мало, и все остальные были очень скучными. В целом американские фантастические фильмы и сериалы не пользовались такой популярностью, как другие фильмы и сериалы. Например, когда «Звездные войны» наконец появились в Китае, они вызвали гораздо меньший отклик, чем, например, фильм «Титаник».

Вторая: фэндом. Начиная с 1990-х годов в Китае постепенно начала формироваться группа читателей — в основном студентов и школьников, — которых интересовала именно научная фантастика. Возможно, их меньше, чем обычных читателей, но они превратились в стабильную группу, и именно они стали главной аудиторией для иностранных фантастов, издающихся в Китае.

У этих читателей появились свои особенности.

Прежде всего, их сильно заботит то, что именно можно назвать «научной фантастикой», и больше всего им нравится стиль «золотого века». Поэтому наибольшей популярностью у китайских читателей пользуются писатели, представляющие этот вид фантастики, — такие, как Айзек Азимов, Артур Ч. Кларк, Роберт Сойер и Вернор Виндж. В то же время читатели тепло принимают фантастику, написанную четким и ясным языком, — такие произведения, как «Игра Эндера» Орсона Скотта Карда и другие романы этого цикла.

С другой стороны, фантастические произведения, написанные сложным языком, в авангардном стиле и обладающие серьезными литературными качествами, не пользуются большим спросом. Роман «Подлинные имена» Вернора Винджа, например, более популярен, чем «Нейромант» Уильяма Гибсона. Влияние «новой волны» всегда было слабее, чем влияние «золотого века».

В связи с различиями в культурном контексте тщательно разработанные темы христианства и Западной истории — такие, как табу на вмешательство в эволюцию человека или искупление грехов в Судный день, не очень интересны китайским читателям.

Все вышесказанное — всего лишь попытка вкратце рассказать о влиянии зарубежной научной фантастики на Китай. Уже прошло сто лет с тех пор, как НФ пришла в Китай с Запада; она знала взлеты и падения, и в ее истории великое множество неожиданных поворотов. Мне кажется, что в ходе модернизации Китая прогресс и взаимообогащение фантастики будут играть важную роль в культурном обмене между Востоком и Западом.

Опубликовано в «Мире научной фантастики» № 9, 2007 г.

Ежегодная антология китайской научной фантастики – 2007
Предисловие

I

В эту ежегодную антологию вошли рассказы и повести, опубликованные с октября 2006 г. по октябрь 2007 г. в китайских журналах, публикующих фантастическую литературу, а также отрывки из романов, выпущенных китайскими издательствами.

За этот период ситуация на китайском рынке фантастики значительно не изменилась; фантастику в основном издают журналы, главные из которых «Мир научной фантастики», «Выставка мировой фантастики», «Король фантастики», «Идеи девяти континентов» и «Идеи 1+1».

Глядя на стили этих журналов, мы четко видим современные тенденции развития научной фантастики. Первые три из указанных изданий — традиционные фантастические журналы, которые по-прежнему придерживаются традиционного определения научной фантастики и ориентируются на ее ценности. Примечательно,

что помимо художественных произведений в этих журналах также публикуются новости из мира технологий. Кроме того, в «Мире научной фантастики» и «Выставке мировой фантастики» выходят большие иллюстрированные статьи, посвященные науке. С другой стороны, «Идеи девяти континентов» и «Идеи 1+1» посвящены более крупным явлениям в фантастике и других жанрах литературы вымысла. По сравнению с первыми тремя журналами стиль этих изданий более авангардный; они больше следят за модными трендами. Границы между научной фантастикой и фэнтези в них больше не подчеркиваются и даже намеренно размываются. Опубликованные в них произведения — яркие, написанные в свободном стиле — обладают признаками более крупного, еще формирующегося жанра литературы вымысла. Поддержка традиций и новых веяний подготавливает почву для создания богатой и разнообразной китайской фантастики.

Издание фантастических романов в Китае за последние два года стагнировало. Если не считать упомянутых выше журналов, мало найдется издательств, которые выпускали научно-фантастические романы. Кроме романа «Туманность»,

выпущенного под лейблом «Мира научной фантастики», журнальные варианты романов выходили, хотя и ограниченным тиражом, в «Идеях девяти континентов» и «Идеях 1+1». В начале нового века началась эпоха романов, но она быстро прервалась. В истории китайской фантастики продолжается эра журналов, и рынок для романов все еще не создан.

II

Главным событием в мире китайской фантастики в этом году, несомненно, была Международная конференция фантастики и фэнтези, которая прошла в Чэнду. По сравнению с конференцией 1997 года формат этой конференции был расширен: на ней были представлены произведения фэнтези, что отражает тенденции развития жанровой литературы. В ходе конференции китайские и иностранные писатели вели дискуссии с учеными, исследующими фантастическую литературу. Самой популярной темой стало развитие научной фантастики. Почти все участники конференции были уверены, что беспрецедентная скорость развития науки и технологий оказала комплексное воздействие на НФ. Мы также увидели, что Западная и Восточная фантастика, хотя они и

движутся по разным траекториям, столкнулись с похожими проблемами: например, перед авторами встал вопрос о том, как наполнить новой энергией фантастику, существующую в мире, в котором технологии все больше влияют на жизнь общества.

Конференция была большой и успешной, но наиболее сильное впечатление на меня произвел тот факт, что в ней участвовали любители фантастики из самых разных уголков Китая. Их число, их энтузиазм значительно превзошли ожидания организаторов, а также участвовавших в конференции писателей и критиков. Интересно, что на следующем «Уорлдконе», который прошел в японском городе Йокогама, подобного энтузиазма не наблюдалось, и это дает нам надежду: китайский рынок фантастики похож на восходящее солнце, его переполняет великая сила. Скорее всего, уменьшающийся возраст читателей фантастики пойдет нам на пользу, ведь он — основа для быстрого развития НФ. Но, как я сказал в своем выступлении на конференции, сейчас китайская научная фантастика — это «брусок» густой, концентрированной туши, и наша задача — растворить его в огромном озере общества. Да, при этом тушь может стать менее яркой, но при

этом она распространится шире.

III

В этом году китайская научная фантастика сохранила свои характеристики, что свидетельствует о ее стабильном состоянии и о том, что от нее не следует ждать особых сюрпризов. Работы каждого стиля и ценности выходят в определенной пропорции. Произведение, написанное в традиционном стиле с акцентом на технике, или авангардное произведение с изощренной литературной формой — все они оказывают приблизительно одно и то же воздействие на читателя, и ни одна категория фантастики не получила явного преимущества. Именно поэтому данная подборка произведений стремится отразить это разнообразие, представить работы, созданные в разных стилях, и нарисовать как можно более полную и точную картину китайской НФ, которая сложилась за последний год.

Как и в прошлые годы, традиционная фантастика упрямо занимает свою долю на рынке. Термин «традиционная форма», так же как и «твердая НФ» и «техническая фантастика», неточно описывает этот поджанр; возможно, более уместно было бы назвать подобные произведения «фантастикой

изначального стиля». Главная особенность этих произведений состоит в том, что в них акцент сделан именно на научной фантастике. То, что является объектом для изучения в традиционной литературе, для фантастики — лишь материал, которым заполняют научно-фантастический «каркас», и фантастика изначального стиля в той или иной степени упрощает эту «начинку». Это упрощение, возможно, является намеренным или, быть может, бессознательным. Произведения, созданные в этом стиле, включают в себя «Домыслы», «Исповедь госпожи Эйс» и «В его родном городе». По сравнению с другими недавними работами Хэ Си, в «Домыслах» построен мощный технологический каркас и созданы яркие образы технологий; по сравнению с «Болью», литературный фон здесь более тусклый, и внимание приковано к новому, уникальному миру. Самые острые «клинки» — это прошлогодняя «Тайная страна господина Лай» и «Исповедь госпожи Эйс», опубликованная в этом году; оба этих произведения трансформируют сцены из истории науки, чтобы создать совершенно неординарный мир с мощным историческим фундаментом. Но даже в жанре альтернативной истории этот метод требует больших фоновых знаний от читателя. Важная

особенность произведений с мощной фантастической базой состоит в том, что за фигурой индивида скрыта некая «огромная форма». «В его родном городе» и «Анипорп и Гиммельваль» — это произведения об отдельных личностях, но на самом деле речь в первом произведении идет о странствующей расе людей, а во втором — о двух цивилизациях под названием Анипорп и Гиммельваль. Вместе с тем человечество является «макроформой» в «Тропическом лесе» и «Твоей блестящей жизни». Фантастическая «база» произведений может и не иметь технологического характера, как в «Дует холодный ветер», фрагменты которого могут быть как естественными, так и сверхъестественными. Когда писатель снабжает их естественными характеристиками, они начинают создавать прочный научно-фантастический каркас на постоянно движущемся песке, которым являются технологии.

Фантастика, прочно связанная с современной реальностью, встречается относительно редко, но все еще составляет важную часть традиционной фантастики. Произведения этой категории, отобранные для данного тома, включают в себя «Жизнь муравьев» и «На дальней стороне лужайки». «Жизнь муравьев», несомненно, является

одной из самых важных работ, опубликованных в Китае в этом году, и можно также сказать, что в ней стиль Ван Цзинкана выходит на новый уровень. Хотя у этой истории «литературное обличье», и даже сам автор говорит, что она лишь «закутана в плащ фантастики», у нее по-прежнему научно-фантастический каркас. Просто дело в том, что у нее очень богатая литературная «начинка». Но даже под пышными зарослями литературных изысков явно видна железная рама фантастики, и она же по-прежнему служит основанием и скелетом данной работы, и поэтому данная история фундаментально отличается от произведений с литературной сердцевиной или «закутанных в плащ» научной фантастики. От этой истории исходит аромат старой почвы, а ее внутреннее ядро впитало в себя силу земли, а также обладает ее глубиной. Произведение «На дальней стороне лужайки», напротив, посвящено «антиотчуждению»: здесь фантастика не создает миры, которые отвергают реальность; напротив, сама фантастика поднята в воздух — туда, где кружится пыль. Каюты на кораблях, которые летят на Марс, и дома, в которых идет ремонт, — все это становится частью этого антиотчуждения, и звездное небо, хотя и далекое, становится частью

этого пыльного мира.

По сравнению с этими работами другие произведения написаны в более свободном стиле и отражают самые разные ценности. В последние годы, по мере того как писатели-фантасты стали пробовать себя в фэнтези, такие знаменитые авторы фэнтези, как Цзяннань и Цзиньхэ, также начали писать фантастику. В их работах смешиваются свободный стиль фэнтези, чистые фантазии и научная фантастика, они добавляют в произведения духовности, которая отсутствует в традиционной фантастике. Как и «Китайская весна», вторая часть, представленная здесь, смотрит на прошлое через искажающий телескоп фантастики, благодаря которому не такая уж далекая эпоха приобретает необычный блеск. Похожим образом история превращается в фантастику в произведении «Фантастический рассказ 1921 года» — произведение о чистой ностальгии. В нем любитель фантастики отправляется в скрытое за дымкой прошлое, чтобы слиться с музыкой и огнями старого Шанхая и стать частью сна о прошлом. В «Развлекательном центре “Мандарин” фантастика становится метафорическим инструментом, обозначающим реальность, но сам этот инструмент невероятно интересен и

обладает особым шармом. «Седьмое желание» — та фантастика, которая ближе к современной литературе; она рассказывает о мире, который изменяют и искажают субъективными точками зрения разных людей.

Как и в предыдущие годы, многие авторы по-прежнему пытаются найти баланс между научно-фантастическим «ядром» и методами литературного выражения. В «Циндао» некогда ровная и прочная проза Лин Чэнь значительно меняется, и сама реальность ее текстов теперь становится кружащейся, эфемерной. Во «Встрече с Анной» мы видим мир, состоящий из гиперссылок, в котором каждый человек становится крошечным изображением на веб-странице. Ся Це использует обольстительную, хрупкую женственность, чтобы построить крошечный мир, эстетика которого задевает нас за живое. Хао Цзинфан — одна из новичков этого года, но на нее стоит обратить внимание; ее работа обладает блеском, которого ранее не встречалось в китайской фантастике. Технологический мир, который она рисует, не обладает ни металлической надменностью, характерной для приверженцев сциентизма, ни мрачностью их оппонентов. Ее мир наполнен чистыми, теплыми, понятными

тонами. «Бабушкино лето» словно дуновение теплого летнего ветерка, а «Полет Гу Шэня» (не вошедший в сборник) — это абсолютный идеализм и космическая невинность в мире, чистом, словно хрусталь. Да, конечно, пока что она опубликовала только два эти рассказа, поэтому было бы глупо строить догадки относительно ее стиля в целом.

Самое прискорбное — то, что «детская» фантастика стагнирует, а произведения, популяризирующие науку, исчезли: это гиперреакция на преобладание этих тем в фантастике 1990-х. Китайские фантасты боятся детской литературы и научпопа. Похоже, что данные поджанры фантастики считаются легкомысленными и инфантильными, и поэтому от них стараются держаться подальше. Фантастические произведения для детей встречаются крайне редко, и из-за этого жанр лишен целостности. Фантастика, популяризирующая науку, когда-то очень распространенная в Китае, теперь полностью исчезла, и в этом году мы не найдем ни одного произведения, относящегося к данному поджанру. В то время когда фантастика для взрослых находится вне поля зрения тех, кто снимает фильмы и сериалы, шоу «Счастливая звезда» добилось такого

успеха, о котором зарубежная фантастика может только мечтать. Это, несомненно, указывает на то, что данная территория является совершенно неосвоенной для китайской фантастики. В прошлом составители подобных сборников не обращали внимания на фантастику для детей, и, чтобы восполнить этот пробел, в этом году в данное издание вошел отрывок фантастического романа для детей, написанного Ян Пэном, который уже давно работает в данном жанре.

Сейчас в истории мировой фантастики начинается переходный период; ее ценности и формы претерпевают серьезную трансформацию. Китайские фантасты в целом — это молодые люди, которые сталкиваются со множеством трудностей, но при этом обладают большими возможностями. Я надеюсь, что в следующем году и писатели-фантасты, и те, кто их издает, достигнут новых высот.

Опубликовано в «Ежегодной антологии китайской научной фантастики – 2007», декабрь 2007 г.

Когда фантастика превращает научпоп в литературу

В конце эпохи правления династии Цин родились двое детей, и они до сих пор не повзрослели.

С рождения они были сиамскими близнецами; куда один, туда и второй. Они видели, как пала последняя императорская династия Китая, они пережили годы хаоса, мечтая о том, чтобы наука, словно первая любовь, подарила счастье новой Китайской республике; они пережили годы войны и кровопролития, и с 1950-х по 1980-е обрели немалую известность. Но в середине 1980-х они посмотрели на мир за пределами родины и увидели, что все их сверстники — одиночки, не близнецы, и тогда они возненавидели друг друга. Каждый решил, что второй его унизил, и в конце концов они разделились. Но как только они разжали руки, оба шлепнулись прямо в грязь, из которой смогли выбраться только в 1990-х, после чего, измазанные с ног до головы, каждый пошел своей дорогой. Тогда они обнаружили, что в диких краях рыночной экономики царит хаос

и их повсюду подстерегают неудачи. Близнецам уже было больше ста лет, но они по-прежнему оставались детьми. Однажды они снова встретились у обочины дороги и взялись за руки.

Эти дети — китайские научная фантастика и научно-популярная литература.

Прошло много лет, и они снова братья,
Встретились с улыбкой и забыли о вражде.

Это стихотворение Лу Синя часто цитируют, описывая отношение между Китаем и Тайванем. Первая строка определенно применима к нашему рассказу о НФ и научно-популярной литературе; оба жанра обладают долгой и непростой историей. В прошлом веке оба жанра пережили триумфы и поражения, и вместе им было значительно лучше, чем порознь. В 1980-х оба, хотя и по разным причинам, столкнулись с большими сложностями. Будущее НФ осложнили действия политиков, а неудачи научно-популярной литературы скорее связаны с переходом к рыночной экономике. В эпоху, когда главнее всего прибыль, люди внезапно поняли, насколько бессмысленна их любовь к науке и какими наивными были их мечты о карьере в данной сфере. Научно-попу-

лярные журналы быстро начали разоряться, а те, что остались, превратились в издания о стиле и моде. Удивительно, но в середине 1990-х оба жанра чудесным образом возродились. С этими жанрами работает новое поколение писателей, и у них мало общего со своими предшественниками. Возвышение и процветание одного из жанров может пойти лишь на пользу второму.

В одном из узких переулков Шанхая, обладающих богатой историей, стоит пустой музей. Там я видел членов редакции «Сонгшуй»[67] и их читателей; они танцевали на улицах, играли на скрипках и показывали фокусы с шестью пистолетами. Я видел, как человек, занимавшийся космическими спутниками, вынул из рюкзака пару новых кубиков Рубика, в том числе кубики 7x7, на сборку которых можно потратить полжизни; у него была еще одна, серебристая головоломка, и если повернуть ее случайно выбранным способом, она становилась похожа на произведение современного искусства…

Однажды дождливым вечером в каком-то из

[67] Примечания: 67

«Сонгшуй» — *songshuhui.net* — научно-популярный вебсайт с системой блогов и с активной офлайновой деятельностью. Редакция публикует переводы зарубежных научных статей, организует показы документальных фильмов и встречи с передовыми учеными.

баров Ханчжоу у меня состоялся напряженный разговор с физиком, специалистом по теории струн. Его совсем не беспокоили ее предполагаемые недостатки, и он высоко ценил «Шаровую молнию» и «Задачу трех тел» — потому что, как он сказал, в современных журналах по физике печатают разную чушь. Я до сих пор помню его слова: «Формула точно такая же, как в фантастических романах».

Я без колебаний принял ваше приглашение и присоединился к вам сегодня, поскольку надеюсь, что научно-популярная литература и НФ снова возьмутся за руки: Китай изобрел фантастику, ориентированную на популяризацию науки, и благодаря этому китайская фантастика добилась больших успехов. Я надеюсь, что «Сонгшуй» сумеет воскресить такую фантастику. Это не значит, что нужно нападать на писателей-фантастов, ведь дебаты, которые убили фантастику, которая занималась продвижением науки, — а именно дебаты о том, является ли фантастика научпопом или литературой, теперь уже не имеют смысла. В Китае они были просто отголоском «новой волны» в НФ. Почему фантастика не может быть одновременно художественной и обучающей? Некоторые пользователи «Сонгшуй» уже начали писать фантастику; я жду, когда фантастика для широких масс станет большой литературой. С точки зрения литературы ее качество значительно превзойдет «Сяо Линтун путешествует по миру будущего»; с точки зрения науки она будет более умной, чем «Сто тысяч почему». Возможно, она даже воскресит тот краткий период славы, который некогда был в истории китайской научной фантастики.

Опубликовано в блоге автора на сайте sina.com.cn
4 марта 2009 г.

Тридцать лет магии
В честь юбилея «Мира научной фантастики»

Журнал «Научная литература» (теперь известный под названием «Мир научной фантастики») был неотъемлемой частью моей жизни с момента своего основания — как во времена бума фантастики в восьмидесятых, так и в период долгого периода упадка, который закончился совсем недавно. Но странное дело: пообещав редактору написать про эти три десятилетия, я мало что смог придумать. Поскольку я живу далеко, мое общение с журналом состоит в основном в том, что я отправляю и получаю рукописи; даже сейчас я не знаком с большинством сотрудников и ничего не знаю про их работу и личную жизнь. И несмотря на то, что большинство произведений, которые я написал за последние десять лет, были опубликованы в «Мире научной фантастики», для меня журнал остается такой же загадкой, как и для обычных читателей. О его создании я прочел в новостях (кажется, в «Китайской молодежной газете»). Я помню, что его рекламировали

как «первый китайский научно-фантастический журнал». Из произведений, опубликованных в первых выпусках, больше всего мне запомнилась «Бета-загадка» — оммаж на «Я, робот» Айзека Азимова, хотя в то время большинство читателей этого бы не поняли. Она выделялась не благодаря каким-то особым фантастическим элементам, но потому что один из персонажей, директор НИИ, действовал в подполье во время второй японо-китайской войны. Недавно я побывал на встрече местной ассоциации писателей, и на ней кто-то упомянул о том, какой невероятно богатой и разнообразной была литература восьмидесятых, несмотря на то, что она лишь совсем недавно вырвалась из тюрьмы соцреализма. Истории о разных людях, принадлежащих к разным социальным и экономическим классам, хлынули в издательства. Но теперь масштаб и тематика художественной литературы сократились. То же самое можно сказать и о НФ. В 80-е, несмотря на то, что по сравнению с обычной литературой фантастика была примитивной, она продвигала великое множество научных идей. Просто посмотрите на произведения, которые выходили в «Научной литературе». Там были истории об использовании геотермической энергии Гималаев,

о борьбе с паразитами с помощью инфразвукового излучения, о переносе человеческого сознания в мозг черепахи и о создании его голографического изображения, о добыче золота из кукурузы, о строительстве дымовых труб, безопасных для окружающей среды, и т. д.

Но еще одно произведение, которое мне запомнилось, не имело никакого отношения к НФ. Однажды мой сосед по общежитию взял свежий выпуск «Научной литературы» и сказал, что одна история ему особенно понравилась. Когда я сам открыл журнал, то даже не был уверен в том, что читаю фантастику: это был рассказ о двух людях, интеллигентной женщине-подпольщице и старом революционере. Женщина вышла замуж за революционера — не по своему желанию, а потому, что ее заставило начальство, и в первую брачную ночь в спальне молодоженов грохнул выстрел. Рассказ не имел ничего общего с научной фантастикой, но он в каком-то смысле иллюстрировал затруднительное положение, в котором оказался этот жанр китайской литературы. Эта история создала у меня дурное предчувствие относительно будущего НФ, и вскоре выяснилось, что мои страхи не беспочвенны: для китайской фантастики наступили черные

времена.

Я окончил институт, устроился на работу и попал в первую группу инженеров-компьютерщиков, которые занимались обслуживанием электростанций. Поскольку жизнь и работа внезапно оказались гораздо более напряженными, чем я предполагал, а китайская НФ была в таком жутком состоянии, я на время забыл про «Научную литературу». Через несколько лет, когда работа и личная жизнь немного пришли в норму, у меня снова появилось свободное время. В результате однажды я лишился всей месячной зарплаты, играя в карты в общежитии, и после этого решил выбрать менее дорогостоящее хобби — например, научную фантастику. Именно тогда я начал писать «Эпоху Сверхновой». На дворе были девяностые, и на море китайской НФ стоял мертвый штиль, но я все равно взял мой древний, запылившийся экземпляр «Научной литературы» и отправил письмо по адресу, указанному на обложке. Я был уверен, что пишу в пустоту, однако быстро получил ответ; мне сообщили, что журнал выжил и сменил название — сначала на «Экзотические истории», а затем на «Мир научной фантастики».

’93 科幻世界
（新版本）

长篇科幻连环画 《太空小女神》
校园科幻大奖赛 哈里·哈里森读者奖·
太空飞行器绘画大奖赛·环球邮箱·

快讯

四川经济台
四川省教委 校园科幻故事征文办公室
四川省科协

青少年朋友们，快来吧！让我们欢聚在科幻世界，一支硕大的神奇木筏，我们拥有最多的朋友——从机器人到外星娃娃；我们拥有最多的时间——从洪荒初开到未来最美的年华；我们拥有最广阔的天地——从壮丽的银河到河外星系，我们拥有最大的财富——人类最美的智慧之花！《科幻世界》是你求知求乐的朋友，伴着你向欢乐的远方——出发！

科幻快讯

▲四川经济台每天下午 5—6 点在“多彩校园”节目中插出一篇“科幻征文”，已播江安县小学生邱兰、成都 12 中刘猛雯、成都石室中学张莹、成都 7 中尹江华的作品。

▲成都石室中学、7 中、12 中、盐道街中学将“科幻故事”作为一次作文作业布置给同学做，效果很好，来稿量最大。

▲台湾天文学家、作家吕应钟 1993 年在《科幻世界》设科幻文艺奖。

▲世界著名科幻作家、爱尔兰的哈里·哈里森设“科幻读者奖”，奖励组织订阅《科幻世界》的热心读者，请读者将订阅发票复印件寄到《科幻世界》参加评奖。

▲《科幻世界》主办的“太空飞行器绘画大奖赛”已收到全国各地来稿。

《科幻世界》月刊正在征订！！

请到邮局订 1993 年《科幻世界》邮发代号 62—96。也可以直接汇款到《科幻世界》编辑部。

定价：1.50 元，半年 9.00 元，全年 18.00 元。

《科幻世界》编辑部地址：成都市人民南路 4 段 11 号
邮编：610041，电话：580328

·请传阅·请张贴·请传阅·请张贴·

В конверте с письмом также лежал бесплатный выпуск журнала, а также пачка листовок — плохо отпечатанных черно-белых рекламных объявлений, — которые меня попросили прочесть, а затем распространить. Мне стыдно в этом признаться, но я не прочел их и не набрался смелости поделиться ими, но сейчас, оглядываясь назад, я

пытаюсь понять, что бы подумали люди, увидев утром эти листовки на стенах нашего завода. Но я сохранил эти объявления и прикрепляю здесь фото одного из них. В то время журнал, очевидно, переживал самый сложный период в своей истории. Произведения, которые он публиковал, были очень короткими; одна была про поиски сингулярности сразу после Большого взрыва, а другая — об огромной живой планете. Все они демонстрировали определенную тенденцию: по сравнению с восьмидесятыми список тем расширился, и авторы уже делали акцент не на технические изобретения, а на научные теории. Я отправил огромный первый вариант «Эпохи Сверхновой» главному редактору журнала Ян Сяо, и хотя она не смогла его опубликовать (в то время печатать целые фантастические романы было очень сложно), ее энтузиазм и искренность тронули меня и побудили писать дальше.

Я попросил у Ян Сяо адрес Чжэн Вэньгуана; именно с этим человеком я больше всего хотел познакомиться, еще когда учился в школе. Она прислала мне адрес, но я так его и не навестил. В 2002 году, однажды вечером, когда в Пекинском педагогическом университете проходила церемония вручения премий «Млечный Путь»,

Яо Хайцзюнь и еще несколько человек решили зайти к господину Чжэну. Поначалу я хотел к ним присоединиться, но кто-то потащил меня на вечеринку, и я решил, что будет другой случай с ним познакомиться. К сожалению, такого шанса мне не представилось.

В 1999 году я побывал на первой в своей жизни конференции фантастов, и именно она произвела на меня самое сильное впечатление — не только потому, что главный редактор «Журнала рассказов» выступил с докладом о литературе, но и потому, что там я впервые лично говорил с людьми о научной фантастике и видел, как они обсуждают ее с другими. Это был странный, почти сюрреалистический момент. Я посетил еще несколько конференций, и больше всего меня поразило то, что состав авторов постоянно менялся. Каждый раз мне казалось, что половина присутствующих — это новые лица, а многих людей, которых я видел на предыдущей конференции, нигде не было видно. Но после 2006 года ряды фантастов, рожденных в восьмидесятые, в общем стабилизировались. И на конференции 2006 года я заметил сильную перемену: появилась толпа модно одетых энергичных людей, которые сильно отличались от меланхоличных, погруженных

в мысли об апокалипсисе фантастов. Это были писатели, работающие в жанре фэнтези. В истории китайской фантастики начался важный переходный период.

На самом деле не важно, обсуждаем ли мы мировую фантастику или китайскую; предаваться ностальгическим воспоминаниям еще слишком рано. Тридцать лет — не очень долгий срок даже для одного человека: прошлые победы и поражения — всего лишь пылинки по сравнению с огромными просторами будущего. Ностальгия старит людей, а научная фантастика — литература молодых, она мечтает о новых мирах, о новой жизни. Традиционная литература похожа на китайскую «байцзю» — с годами она становится крепче; научная фантастика, напротив, напоминает разливное пиво — его нужно пить быстро. Даже классика НФ сегодня выглядит жалко и совсем не похожа на откровение. Природа фантастики такова, что произведения этого жанра должны ярко сиять в настоящем, а затем быть преданными забвению. Но НФ не должна бояться того, что устареет. Она, литература, посвященная инновации, останавливает процесс устаревания благодаря бесконечному потоку изобретений и новшеств. В этом она похожа на вечный огонь:

пепел падает, но огонь снова вспыхивает ослепительным блеском. Чтобы добиться такого эффекта, научная фантастика должна сохранить свою юность. Только сегодня вечером мы можем позволить себе минуту ностальгии. Завтра утром мы должны снова увидеть мир глазами ребенка и идти навстречу будущему, полному возможностей, которое есть только у детей.

19 июня 2009 года,
ущелье Нянцзы
Опубликовано в 30-м ежегодном приложении к «Миру научной фантастики»,
август 2009 г.

Переходный год для научной фантастики

В октябре 2013 года в городе Тайюань прошла 4-я церемония вручения премии «Туманность». Эту премию вручают фантастическим произведениям, и сама церемония казалась чем-то сверхъестественным, ведь Тайюань находится в провинции Шаньси, цитадели реалистической литературы — в провинции, где родились такие великие писатели, как Чжао Шули[68] и Ма Фэн[69]. Более того, Тайюань — древний город с невероятно долгой историей. Таким образом, конференция, на которой обсуждали, каким будет мир через 2000 лет, прошла в городе, который был построен 2000 лет назад.

В общем, китайская фантастика, написанная в этом году, похоже, не отличается от той, которая вышла в прошлом году. Главная ее особенность — это увеличившееся разнообразие стилей: есть

---

[68] Примечания: 68

Чжао Шули (1906–1970) — китайский политик, редактор и прозаик, член Союза китайских писателей. Умер под домашним арестом во время «культурной революции».

[69] Примечания: 69

Ма Фэн (1922–2004) — китайский писатель, журналист и редактор.

и классическая «твердая» НФ, основанная на науке и технологиях, и авангардистская фантастика, больше склоняющаяся к «серьезной» литературе, есть и произведения, которые находятся на стыке между НФ и фэнтези и покоряют читателей яркими образами и красотой прозы. Примечательно, что среди многочисленных стилей и идей сложно выделить какой-то преобладающий творческий принцип. В нашу эпоху благодаря быстрому развитию и популяризации технологий «волшебство» придуманной новой техники, за счет которого традиционно выживала НФ, постепенно исчезает, и это мощный удар для писателей-фантастов. Однако помехи не остановили китайскую фантастику; она выжила, продемонстрировав огромную стойкость. Если мы рассматриваем китайскую фантастику в целом, то сбалансированное развитие разных стилей и равновесие между ними в этот момент являются реакцией на условия среды — на эпоху, в которой люди привыкли к чудесам. Фантастика, сознательно или случайно, изучает альтернативные возможности и экспериментирует с ними, надеясь найти новые точки для прорыва.

Еще одна невероятная особенность китайской фантастики 2013 года — это внимание, уделенное

концепции «научно-фантастического реализма» — способу изображения реальности через призму фантастики. Самые важные категории китайской премии «Туманность» — это «Лучший роман», «Лучшая повесть» и «Лучший рассказ». Две из трех работ, которые заняли первые места в этих номинациях, примыкают к научно-фантастическому реализму. Роман Чэнь Цюфаня «Мусорный прибой» изображает ближайшее будущее, и хотя оно нагружено гиперреалистическими образами, оно явно является потомком нашей реальности. В рассказе Чжан Жаня «Эфир» описан невообразимый, не-технический способ общения в будущем, и в этом произведении фантастика является метафорой того, как в эпоху интернета власти управляют общественным мнением. Данные работы пытаются изобразить реальность с точки зрения фантастики, это — новая перспектива, которую не может предложить читателю реалистическая литература. Концепция научно-фантастического реализма завоевывает признание среди фантастов. Современное китайское общество в ходе модернизации эволюционирует с максимальной скоростью, и в нем, помимо различных возможностей, возникают самые разные проблемы и кризисы, которые

становятся мощным источником вдохновения для научно-фантастического реализма. Мы надеемся, что «научно-фантастический реализм», как «магический реализм» в Латинской Америке, сделает китайскую фантастику уникальной.

Наши разговоры о деградации фантастики похожи на банальные дискуссии по одному и тому же вопросу, которые время от времени начинаются на форумах. Мне кажется, что фантастика не деградирует, а переживает этап трансформации — она превращается в одну или несколько сред для передачи информации, которые больше соответствуют современным технологиям связи, а также методам мышления.

Кино — вот одно из направлений, в котором, очевидно, движется фантастика. По сравнению с другими жанрами литературы именно она больше всего подходит для переноса на экран. После того как американские фантастические блокбастеры добились успеха в Китае, национальная киноиндустрия обратила беспрецедентное внимание на фантастические фильмы. За последние три года были запущены три дорогостоящих кинопроекта, в основе которых лежат научно-фантастические произведения. Однако в этом году ситуация неожиданно изменилась:

все фильмы с большим бюджетом, нарушив историческую традицию, потерпели неудачу в прокате, и некоторые из них принесли создателям огромные убытки. С другой стороны, мало– и среднебюджетные фильмы, к удивлению многих, постоянно добивались успеха. Этот феномен стал ударом для фантастических фильмов с большим бюджетом. Более того, фантастические фильмы сложно снять за небольшие деньги — если лишить их спецэффектов, то им непременно понадобятся отменные сценарии, а именно их и не хватает нашей киноиндустрии. Ответственность за отсутствие высококачественных работ и бестселлеров, которые стали бы солидным фундаментом для киноиндустрии, лежит на сообществе фантастов. Однако если мы сделаем шаг назад и посмотрим на картину в целом, то выяснится, что киноиндустрия, занимающаяся фантастикой, тоже меняется. Спрос на фантастические фильмы растет, и в ближайшем будущем должен состояться прорыв.

Самая примечательная идея, появившаяся в китайской фантастике, состоит в том, что признания и внимания со стороны общества фантастика добилась не как жанр литературы, а как метод мышления. Научно-фантастическое мышление

одновременно содержит в себе строгость науки и свободу литературы. Фантастика играет важную роль в нашем обществе, в котором креативность постепенно становится фактором экономического роста. В последнее время представители самых разных сфер, в том числе таких специализированных, как авиакосмическая индустрия, вступили в диалог с фантастами, надеясь, что подобное общение поможет их экспертам стать более восприимчивыми к новым идеям. Хотя число подобных контактов невелико, они указывают на то, что был сделан важный шаг вперед. Взаимодействие между научной фантастикой, профессиональными организациями и компаниями уже давно стало частью реальности во многих западных странах. Многие писатели-фантасты тратят на подобные проекты больше времени, чем занимаются созданием произведений. Надеюсь, что подобный вид взаимодействия успешно стартует в Китае. По сравнению с писателями стран Запада китайским фантастам не хватает опыта и уверенности, чтобы общаться с профессионалами из области науки и технологий, особенно в такой элитной и специализированной области, как авиакосмическая индустрия. Обеим сторонам нужно приложить усилия, чтобы

создать комфортную среду для общения и преодолеть все препятствия. Ведь, в конце концов, Китаю нужна фантастика как литература, но еще больше — как метод мышления.

8 октября 2013 г.
Опубликовано в «Пекинской молодежной газете»,
11 октября 2013 г.

3
Взгляд в зеркало

Храм фантастики
Описание Вселенной в научно-фантастических произведениях

В современной китайской фантастике не хватает многого, и в том числе одной вещи, которую, несмотря на ее бесконечную важность, никогда не замечали и о которой никогда не упоминали.

Китайской фантастике не хватает религиозного чувства.

Прежде всего я замечу, что я убежденный атеист. Мы знаем, что наука и религия несовместимы; казалось бы, что научная фантастика и религия тоже должны быть несовместимыми. Но некоторые ученые считают, что на Западе естественные науки появились именно благодаря мощной религиозной культуре. Эту тему не смогли полностью осветить даже в неподъемных фолиантах, поэтому я не буду ее обсуждать в этом маленьком эссе. Данная статья будет посвящена религиозному чувству в научной фантастике.

Заметьте, мы обсуждаем не религию саму по себе, а только чувство религии. Это не чувство человека по отношению к Богу — оно атеистич-

ное, и не сложное, как у Спинозы или еще у кого-нибудь.

Религиозное чувство в научной фантастике — это сильное благоговение, связанное с великими тайнами Вселенной.

Обдумайте приведенные ниже два отрывка. В первом описана погоня с участием космической полиции:

…Полицейский корабль летел от одной планеты к другой, преследуя контрабандистов. Капитан контрабандистов внимательно разглядывал поверхность каждой планеты, отчаянно пытаясь найти место, где можно было бы приземлиться и дать бой преследователям. Подходящей площадки нигде не было, и ему оставалось лишь поглядывать на приближающийся полицейский корабль, скрипеть зубами от ярости и лететь вперед…

Во втором описана встреча двух огромных кораблей, которые летят на скорости, которая составляет значительную долю от световой:

«Они только что пролетели рядом с нами!» — крикнул штурман. Услышав это, пилот резко потянул ручку управления на себя; заставив космический корабль XX совершить крутой вираж,

он бросился в погоню…

Оба этих отрывка (вольно пересказанные) — это сцены из фантастических произведений моих соотечественников. Первый создает впечатление, что Вселенная ненамного больше, чем городок в полицейском боевике, а планеты похожи на придорожные магазинчики; второй заставляет читателя думать, что управлять межзвездным кораблем, летящим почти со скоростью света, почти так же легко, как легковым автомобилем. Подобные отрывки позволяют понять, что автор не ощущает величия Вселенной. Нет, я не хочу сказать, что подобные сцены совершенно невыносимы; они есть во многих знаменитых произведениях, в том числе в «Детективном агентстве „Альтернатива“» Роберта Шекли. В подобной аллегорической литературе Вселенная — всего лишь инструмент, позволяющий двигать сюжет вперед. Однако основная притягательная черта научной фантастики в другом.

Огромный космический корабль, летящий через темный безмолвный космос к далекой цели… Он ускоряется в течение двух тысяч лет, поддерживает крейсерскую скорость в течение трех тысяч, а затем еще две тысячи лет тормозит. Люди рождаются и умирают на борту корабля;

одно поколение сменяется другим. Земля превратилась в тусклый, смутный, доисторический призрак; археологам не удалось найти на борту корабля ничего, что подтвердило бы факт ее существования. Дальнее место назначения тоже стало чем-то вроде мифа, религиозного образа, который люди передают друг другу в течение многих тысяч лет. Люди не могут понять, откуда они взялись; люди не знают, куда они летят. Большинство считает, что корабль — вечный мир, который существовал и будет существовать всегда. Лишь горстка мудрецов твердо верит в то, что Место Назначения существует. День и ночь они смотрят вперед, в бесконечные глубины космоса…

Такая тема встречается в нескольких произведениях западных писателей-фантастов. Что вы ощущаете, когда читаете подобный отрывок? Глубину и огромные размеры космоса? Короткий срок человеческой жизни? Возможно, он позволит вам взглянуть на мир глазами Бога, увидеть всю историю человечества и осознать, что наша цивилизация — всего лишь песчинка в пустыне космического пространства-времени.

Казалось бы, благодаря фантастике, в которой есть полеты со сверхсветовыми скоростями и

прыжки через пространство-время, Вселенная должна показаться нам не такой огромной — ведь самолеты и современные средства связи сделали не такой огромной Землю. Это так. Если технология полетов со сверхсветовой скоростью действительно существует, тогда однажды Вселенная покажется людям размером с деревню — такую же глобальную деревню, которой сейчас для нас является наша планета. Но ведь сейчас мы говорим о художественной литературе. Какой из двух романов вы выберете — историю о Колумбе, который плывет по огромному Атлантическому океану, борясь со страхом и цепляясь за слабую надежду найти Новый Свет, или историю о том, как сотрудник какой-то корпорации летит по делам из Парижа в Нью-Йорк? Более того, ведь на самом деле Земля не стала меньше. Ее огромные континенты и океаны по-прежнему существуют; современные люди все еще ходят по земле, а также участвуют в регате «Кубок Америки», чтобы отчасти ощутить то волнение, которое испытывали их предки. В наше время у большинства людей нет даже возможности покинуть атмосферу, поэтому фантастике нет смысла уменьшать Вселенную до размеров деревни. И, что более важно, даже в эпоху сверхсветовых путешествий

Вселенная останется наполненной великими тайнами и шокирующими феноменами.

В «Звездном отце» Фредерик Пол рассказывает историю о миллиардере, который потратил все свое состояние на строительство десятков космических кораблей, оснащенных обычными ракетными двигателями. Они взлетают в космос с десятками тысяч людей на борту в надежде расширить жизненное пространство человечества. Через несколько десятков лет после старта ученые изобретают сверхсветовые двигатели, и главный герой, уже старик, садится на корабль, оснащенный одним из них. Всего за пару дней они догоняют корабли, которые стартовали много лет назад, и в результате жизнь героя и жизни десятков тысяч первопроходцев на борту этих кораблей превращаются в бессмысленную трагедию. В этом рассказе Пол использует контраст между двумя видами технологий, чтобы изобразить бесконечный космос, трагедию первопроходцев и неумолимость судьбы.

Прыжки через пространство-время лучше всего изобразил Артур Ч. Кларк в романе «2001: Космическая одиссея». Страх, одиночество и благоговение, которые возникают у человечества, когда оно сталкивается с тайнами Вселенной,

оставляют неизгладимый след в сердце читателя. Это незабываемо. Я помню, как дочитал эту книгу одним зимним вечером двадцать лет назад и вышел на улицу, чтобы посмотреть на ночное небо. Внезапно мне показалось, что все вокруг меня исчезло, что земля под моими ногами превратилась в белоснежную геометрическую плоскость, которая протянулась в бесконечность, — и что на этой бесконечной двухмерной плоскости под сверкающими звездами я стою один, лицом к лицу с великой тайной, недоступной пониманию. С тех пор звезды выглядят для меня по-другому. Мне показалось, что я покинул родной пруд и увидел океан. Это переживание заставило меня высоко оценить потенциал научной фантастики.

В нашем суетливом, прагматичном современном мире нормы общества сделали людей приземленными. Люди редко смотрят на небо. Однажды я спросил у пятнадцати человек, бывают ли дни, когда луна видна в светлое время суток. Один из них не мог точно сказать, остальные четырнадцать были уверены, что нет. Современное общество также делает своих обитателей нечувствительными к числам. Никто всерьез не представлял себе (именно не *представлял*, а не подсчитывал), какое расстояние на самом деле

соответствует световому году, и большинству людей кажется, что пятнадцать миллиардов световых лет (то есть размеры Вселенной) — приблизительно то же самое, что и пятнадцать миллиардов километров. Нечувствительность к тому, что связано со Вселенной, глубоко проникла в общество.

Задача научной фантастики — расширять и углублять сознание людей. Если кто-то по дороге с работы остановится и посмотрит на ночное небо, потому что прочел научно-фантастическое произведение, значит, оно блестяще справилось со своей задачей. К сожалению, наша современная фантастика тоже в значительной степени отупела. Ниже я привожу две причины, которые могли к этому привести:

Первая причина концептуальная. Существует мнение, что научная фантастика, как и традиционная литература, описывает отношения между людьми. Подобная идея превращает Вселенную в обычную декорацию, в бутафорский предмет, выдает ей второстепенную роль. Невозможно отрицать, что подобная идея привела к появлению большого числа великолепных произведений, однако наиболее захватывающая и чарующая фантастика — та, которая повествует об отноше-

ниях между человеком и Вселенной. В фантастике сама Вселенная должна быть протагонистом и играть не менее важную роль, чем персонажи. Два сиквела «Космической одиссеи» — «2010: Одиссея Два» и «2061: Одиссея Три» — не произвели особого впечатления, потому что автор сместил акценты на отношения между людьми в обществе, и это ослабило тайну и нереальность Вселенной, созданной в «2001».

Вторая причина состоит в том, что понять Вселенную непросто. Когда стоишь на крыше высокого здания, тебе кажется, словно ты на вершине; когда летишь на воздушном шаре на высоте в тысячу метров, это ощущение усиливается настолько, что вызывает головокружение. Но если вы смотрите вниз из окна пассажирского самолета, который летит на высоте 20 000 метров, ощущение высоты ослабевает, а если подняться на несколько сотен километров и посмотреть на Землю из иллюминатора шаттла, то для оценки высоты понадобится довольно сильное воображение. С Луны, которая находится в 300 000 километрах от Земли, наша планета покажется просто симпатичным голубым шариком. Наши органы чувств с огромным трудом оценивают большие расстояния. Просторы Все-

ленной проявляются не только в ее размерах, но также в ее микроскопических деталях, и ее бесконечность человеку оценить еще сложнее. При этом современная наука достигла такого уровня представления о макро– и микрокосмосе, что Вселенная, портрет которой она создает, не просто выходит за пределы того, что мы себе *представляем*, — она за пределами того, что мы *можем себе представить*. Чтобы действительно ощутить величие Вселенной и запечатлеть его в художественной литературе, требуется превосходное воображение и изрядная выразительность, а также глубокие познания о достижениях современной науки. Это вечная и тяжелая борьба, которую вынуждена вести научная фантастика — и в этом же состоит ее самая привлекательная цель.

Однако все это зависит от того, испытывает ли автор религиозные чувства, когда смотрит на Вселенную.

Один профессор философии сказал, что на первом занятии для первокурсников он приказывает своим студентам как следует посмотреть на звезды. Думаю, подобный урок еще больше пригодился бы начинающим писателям-фантастам. Благодаря ему они почувствуют, как в

самом сокровенном уголке сердца зарождается ощущение фантастики.

Вселенная, таинственная и величественная, — это и есть «бог» фантастики. А вероучение этой церкви должно быть следующим:

Ощути величие Господа, ощути глубину Господа;

да запиши свои переживания, чтобы о них прочли

занятые люди,

дабы они, как и ты, почувствовали величие

и глубину Господа.

И будете в равной мере благословенны.

Ущелье Нянцзы,
20 декабря 1999 г.
Опубликовано 22 февраля 2001 г. на форуме «Научная фантастика» сервера университета Цинхуа

Неизбежные и прекрасные ошибки
Обзор недостатков в научной фантастике

Разбирая научно-фантастические произведения, наши критики в основном занимаются поиском огрехов и ошибок в научно-техническом обосновании работ. Подобная практика особенно распространена в рецензиях, которые опубликованы в Сети. На зарубежных сайтах журналов, таких как *Asimov's, Galaxy, Amazing Story* и других, есть форумы, посвященные рецензиям, однако лишь в небольшой части этих рецензий акцент сделан на недостатках. Поэтому внимание к ошибкам является главной особенностью именно китайской критики научно-фантастических произведений. И это прекрасно — ведь, прежде всего, подобный подход свидетельствует о том, что, несмотря на дебаты о сути данного жанра, значительное число продвинутых читателей по-прежнему считают науку «душой» фантастики. Среди форумов, которые посвящены обзорам фантастики, наиболее серьезным является форум «Фантастика и фэнтези» электронной доски со-

общений «Шуйму Цинхуа»[70]. (Самый высокий уровень разбора фантастики можно найти на сайте *lkong.net*, но там слишком мало материалов.) Посвященные фантастике комментарии на этом форуме, вероятно, являются самыми точными и обоснованными в мире.

Стремление китайских фантастов сделать свои произведения точно соответствующими научным данным заставляет нас заниматься системным анализом ошибок. Ниже приведены несколько примеров из моих произведений; недостатки, которые в них содержатся, относятся исключительно к сфере науки и технологий.

Научно-технические недостатки в фантастике можно грубо поделить на четыре категории:

1. Недостатки, вызванные невнимательностью.

Они появляются, если автор пишет небрежно или бездумно. К примеру подобных ошибок можно отнести число испытаний цивилизации в моем «Сельском учителе»; орбиту вокруг солнца, где нет ни дня, ни ночи в «Блуждающей Земле»; Европу, которая узнает о войне в Азии всего за

---

[70] Примечания: 70

Один из популярнейших китайских межуниверситетских серверов, принадлежит университету Цинхуа.

один день в «Почтальоне». Особого смысла обсуждать подобные ошибки нет. Их быть не должно; они — признак того, что автор не относится серьезно к своему творчеству.

Однако я хочу кое-что сказать на постороннюю тему. В наше время научную фантастику пишут любители, тратя на это свое свободное время; целый день они заняты на основной работе, а когда у них наконец-то появляется возможность сесть за компьютер и что-нибудь написать, на часах уже десять вечера или даже больше. У привидений и ошибок есть одна общая черта — и те и другие появляются по ночам. Конечно, это не оправдание, а просто мысль, которая пришла мне в голову…

2. Недостатки, связанные с невежеством.

Подобные ошибки в фантастике встречаются наиболее часто, и они вызваны недостатком знаний на тему, о которой пишет автор. Классический пример — это зубы кита в «Песне кита». Это настолько чудовищная ошибка, что мне тяжело о ней вспоминать. Автор не знал про зубы китов, когда писал данное произведение, так что я ничего не могу с этим поделать.

Структура знаний, необходимая для создания научно-фантастических произведений, довольно

уникальна; эти знания должны быть и «высокими», и «низкими» одновременно: с одной стороны, автору нужно понимать концепции самых современных, сложных и абстрактных научных идей, а с другой стороны, он также должен разбираться в самых базовых и скучных технических подробностях. А что касается «среднего уровня» — то, что изучают студенты, — то тут писателю много знать необязательно.

Например, чтобы написать хорошую историю о компьютерах, фантаст должен понимать философский подтекст, связанный с разработкой искусственного интеллекта и машинного сознания, а также представлять себе, как сильно подобные исследования повлияют на человеческую цивилизацию. Они должны разбираться в таких вещах, с которыми редко сталкивается обычный пользователь — в машине Тьюринга, в «китайской комнате», в теоремах Гёделя и т. п. Они также должны знать, какой звук слышен в тот момент, когда в серверной отрубается электричество и включается универсальный источник питания; что происходит на экране, если кто-то пролил кофе на клавиатуру… а вот такие языки программирования, как Си и Java, на изучение которых будущий профессиональный

компьютерщик тратит бóльшую часть своего времени, для писателя-фантаста не так уж важны.

Разумеется, получить «высокие» знания нелегко. Теории современной физики, например, очень сложно понять, если не разобраться в математических формулах, которые лежат в их основе, а подобные формулы находятся за пределами понимания обычного человека. Это приводит к созданию искаженных образов — например, в произведениях о создании вселенной Большой взрыв похож на фейерверк в бесконечном черном космосе.

Однако именно «низкие» знания — та сфера, где наиболее часто происходит недопонимание. Многие считают, что автор, который тщательно работает над произведением, может выучить необходимое. Но все не так просто. Одно из основных отличий фантастики от традиционной литературы состоит в том, что большинство гипотетических реальностей фантастики *экстраординарные,* и поэтому их сложно ощутить лично. 99 % писателей-фантастов почти наверняка никогда не видели запуск ракеты. Мне повезло — я нахожусь в Тайюане рядом с центром запуска спутников и лично видел два запуска; один из них произошел в пасмурный день, и поэтому,

когда я читаю в американской фантастике описание ракеты, пролетающей через облака, я сразу понимаю, что автор все выдумал. Подобную сцену очень сложно представить правильно, если ты сам этого не видел. Этим можно объяснить то презрение, которое специалисты испытывают к фантастике. Автор, который не является экспертом в какой-либо сфере, в лучшем случае может выдать себя за специалиста, описывая данную сферу, однако процесс работы над произведением не делает автора экспертом в той или иной области, и пробелы в его знаниях легко заметит любой настоящий специалист, который прочтет произведение. Кто-то может предположить, что среди читателей таких экспертов мало, но это не так. Значительная доля тех, кто читает фантастику, получила высшее образование в сфере естественных или точных наук или инженерного дела, и среди них есть специалисты из самых разных областей: например, фантастику читает огромное количество физиков и специалистов по компьютерным технологиям. Кроме того, очень часто критически важные подробности фантастического произведения в реальности просто не существуют, поэтому их нелегко четко себе представить.

Поэтому для создания системы знаний, которая необходима для научной фантастики, недостаточно просто прочитать литературу. Вы можете до предела набить голову фактами, но в ваших текстах все равно будут ошибки. Необходимо глубокое, интуитивное понимание науки и технологии. Те, кто обладает им, пишут уверенно и безошибочно. За границей много таких писателей, однако в китайской фантастике подобные авторы еще не появились. В Китае определенно есть люди, которые могли бы так писать, но они не будут этим заниматься до тех пор, пока мы, дилетанты, плохо разбирающиеся в науке и технологиях, не превратим фантастику во что-то важное.

Две эти категории не имеют ничего общего с самой научной фантастикой, поэтому нет смысла обсуждать их в рамках теории данного жанра. А вот две следующие тесно связаны с самой его сутью.

3. Встроенные ошибки.

Авторы прекрасно знают про эти недостатки, однако вынуждены мириться с ними, поскольку на них держится вся история. Это сознательные ошибки, без которых сама история не могла быть

написана. Они часто встречаются как в китайской, так и в зарубежной фантастике.

Классический пример — герой становится невидимым, делая свое тело прозрачным. Каждому человеку, у которого есть голова на плечах, ясно, что, даже если коэффициент преломления тела был бы таким же, как у воздуха, тело не оставалось бы невидимым в любой реальной среде (не говоря уже о проблемах со зрением у невидимого человека). Должно быть, Уэллс думал об этом, но все равно решил написать произведение, которое теперь стало классикой. В рецензиях на его роман этот просчет упоминается очень редко. А теперь у нас есть и «Полый человек»; критика разнесла роман вдребезги, однако про эту ошибку почти не говорят.

Еще один классический пример появляется в «Неумолимом уравнении». Здесь объяснения не нужны. В марте 1992 года в Китае проходила трансляция запуска австралийского спутника связи: мы увидели, как ракета на стартовой площадке выпустила облако белого дыма, а за этим последовало… ничего. Позднее мы узнали, что произошло: система управления получила данные, что двигатели не обеспечивают достаточный уровень тяги. Китайским ракето-

строителям вообще не следовало расстраиваться — их ракета значительно более сложный аппарат, чем межзвездный корабль из далекого будущего. «Уравнение» — классический фантастический рассказ; в *The Road to Science Fiction* [«Дорога к научной фантастике»] Джеймс Ганн хвалит его, говоря, что «…он так многое говорит о сути одного из видов фантастики…». Критики вспоминают о нем и сегодня, однако, насколько мне известно, никто не упоминает о его главном недостатке[71].

Подобный недостаток можно считать чем-то вроде договора между писателем-фантастом и читателями. Точно так же *все* мифы являются договорами — вы читаете их только после того, как безусловно приняли, что все написанное автором является правдой. Этот «договор», заключенный между писателем и читателем, является лишь частью их участия; он — сцена, которую нужно построить, прежде чем на ней можно будет разыграть настоящую фантастику. Тот, кто обращает особое внимание на подобные ошибки,

---

[71] Примечания: 71

Гэри Вестфал ярко описывает ошибку в книге *Cosmic Engineers: A Study of Hard Science Fiction* [«Космические инженеры. Исследование твердой НФ»]. Эту «ошибку, связанную с невежеством» легко объяснить: когда эссе Лю было опубликовано, данную книгу еще не перевели на китайский.

не извлечет из этого особой пользы.

4. Ошибки заблудшей души.

Это самая важная категория ошибок в научной фантастике. Эти ошибки настолько важны, что они есть не что иное, как душа жанра. Здесь мы подходим к следующему вопросу: если оценивать только значимость для жанра, то какой вид фантастики является лучшим?

Давайте снимем слои с луковицы, которой является фантастика. Верхний слой состоит из эпических произведений о боевых искусствах и романтики с научно-фантастическим флером; затем находятся истории, которые берут уже существующую технологию и экстраполируют ее применение на один шаг вперед; еще глубже находятся придуманные технологии и миры. Три эти категории составляют бóльшую часть фантастики, написанной к настоящему времени; их объединяет то, что все их миры работают в соответствии с уже известными законами Вселенной. Еще глубже находится центральная часть луковицы, где авторы изменяют законы Вселенной с помощью фантазии и творят свои миры на основе новых законов.

Это высшая форма фантастики, поскольку нет более чистой научной фантазии, чем та, которая

связана с самими законами Вселенной. Кроме того, подобную фантастику сложнее всего писать. Например, давайте вообразим, что гравитация изменилась, и теперь ее зависимость от расстояния между объектами превратилась в линейную или кубическую функцию. Какой тогда станет Вселенная? Это крайне сложно представить. Подобных работ в истории фантастики очень мало, и еще меньше тех, которые стали классикой. Два американских произведения, которые сейчас пользуются относительной популярностью у фанатов, — это *The Catalyst* [«Катализатор»] Дж. Р. Йохе (1973) и «Дворцовый переворот» Кейта Лаумера (1961). В первом относительная плотность льда внезапно становится больше плотности воды. (Подумайте о том, к каким последствиям это приведет, товарищи.) Во втором описано общество, основанное на азартных играх. Однако природные и социальные законы, которые изменены в этих произведениях, не являются по-настоящему фундаментальными. Что-то похожее можно найти в «Вавилонской башне» Теда Чана (1990), и Хол Клемент, который редко бывает неправ и чьи познания в области науки вне подозрений, тоже написал несколько произведений подобного рода. Но подобные ис-

тории сложно читать; продираться сквозь них гораздо сложнее, чем изучать произведения из серии «Первопроходец»[72]. Данная фантастика отличается от мифологии тем, что она пытается создать логичные, непротиворечивые миры. Для фантаста это наиболее напряженный вид умственного труда. Это и есть работа Творца.

Душа фантастики действительно заключена в ее ошибках; ее мотивирующая идея состоит в том, чтобы наблюдать за тем, как выглядит Вселенная, когда в ней самой есть недостатки. И на это способна только фантастика.

Вывод: ошибки, связанные с небрежностью, — сначала стреляйте, потом задавайте вопросы. Ошибки, вызванные невежеством, — укажите на них, дайте автору шанс что-то узнать (хотя это вряд ли сильно ему поможет). Встроенные ошибки — притворитесь, что не видите их. Ошибки заблудшей души — считайте, что вам повезло, ведь в ваших руках лучший образец фантастики!

---

[72] Примечания: 72

Серия научно-популярных произведений, в которую вошли, в частности, «Элегантная вселенная» Брайана Грина и «Краткая история времени» Стивена Хокинга.

Опубликовано в «Многомерном пространстве»
№ 3, 2001 г.

Увидеть каплю воды в океане
Об элементах традиционной литературы в фантастике

Подумайте о том, как Лев Толстой описал эти события в романе «Война и мир»[73]:

Наполеон вторгся в Россию во главе 600-тысячной французской армии. Она продвинулась далеко вглубь огромной территории и заняла опустевшую Москву. Наполеон долго ждал, когда противник сдастся, и, не дождавшись капитуляции, приказал своей армии отступать. Началась суровая русская зима, и от холода и голода погибло столько французов, что во Францию Наполеон вернулся в сопровождении менее чем 30 тысяч солдат.

Толстой действительно включил много подобных пассажей в свой фундаментальный труд, но он отделил их от основного текста, поместив в совершенно отдельные главы. Сто лет спустя еще один автор, писавший о войне, Герман Вук, со-

[73] Примечания: 73

Эссе легло в основу статьи «По ту сторону нарциссизма» (2007), и два этих текста частично дублируют друг друга.

здал макроскопический отчет о событиях Второй мировой войны в своем великом труде *The Winds of War* [«Ветры войны»], поместив его в отдельную главу, которой он дал даже свое название — «Гибель мировой империи». Если рассмотреть ее в отдельности, то она дает хорошую картину Второй мировой войны.

Два автора, которых отделяет друг от друга целый век, приняли одно и то же решение при выборе стиля, с одной только целью: сказать читателям, что эти события — история и они не являются неотъемлемым элементом моей работы и плодом воображения.

На самом деле традиционная литература не может сделать своей главной темой описание событий в макромасштабе. Подобное произведение из художественной литературы превратится в книгу по истории. Конечно, существует много произведений с увлекательными историческими сюжетами — такие как «Ли Цзычэн» Яо Сюиня и «Спартак» Говарда Фаста, но эти работы в основном фокусируются на подробностях жизни исторических личностей. И свою историческую панораму они создают именно из такого множества подробностей. Они просто не могут сделать макроскопический исторический сюжет главной

темой своего повествования. Это — работа для историков.

Но научная фантастика отличается от традиционной литературы. Обдумайте сочиненный мной текст:

Наполеон, главнокомандующий звездной системы Тяньлан, повел армаду из шестисот тысяч звездолетов в карательную экспедицию против Солнечной системы. Поначалу люди оказывали сопротивление, но затем отступили в дальний космос. При этом они выкачали всю доступную энергию планет и превратили солнце в красный гигант, извлечь из которого энергию невозможно. Экспедиция Наполеона вошла в Солнечную систему и в конце концов оккупировала уже опустевшую планету Земля. Наполеон рассчитывал, что противник предложит заключить мир, но после долгого ожидания был вынужден отдать приказ об отступлении. В это время из первого радиального рукава Млечного Пути появилась дрейфующая черная дыра; в ходе отступления флот Наполеона был поглощен, а остатки страдали от нехватки энергии. В систему Тяньлан вместе с Наполеоном вернулось не более тридцати тысяч кораблей.

Это тоже описание истории в макромасштабе, но у нее есть одно отличие: эта история — вымысел, плод воображения, потому что эту историю создал писатель. Наполеон и его межзвездная армада придуманы автором.

В этом и состоит важное отличие фантастики от традиционной литературы. Традиционная литература изображает мир, созданный Богом; научная фантастика, напротив, создает свои миры, словно Бог, а затем изображает их.

Поэтому мы должны поразмыслить о некоторых элементах традиционной литературы, которые появляются в фантастике, и посмотреть на них через призму фантастики.

1. Детали

В историях должны быть детали, но фантастика радикальным образом отходит от традиционной концепции «деталей». В фантастическом произведении «Костры сингулярностей» описано коллективное суперсознание, для которого Большой взрыв, создавший Вселенную, — это всего лишь фейерверк. Вот как рождается наша Вселенная:

— Неплохо! Потрясающе! — радостно восклик-

нуло Первое Существо, когда в Пустоте взорвался фейерверк.

— По крайней мере, лучше, чем последние, — заметило пресыщенное Второе Существо. — Расширяясь, он равномерно распределяет свои законы физики, да и окраска атомов, которые конденсируются из чистой энергии, тоже неплоха.

Вспышка погасла, и вниз полетел дождь из пепла.

— Погоди! Тут столько всего интересного! — воскликнуло Первое Существо, заметив, что Второе готовит еще один фейерверк из сингулярностей. Первое протянуло Второму телескоп. — Посмотри на пепел… Когда материя остывает, из него формируются потрясающие крошечные скопления полимеров с низким уровнем энтропии.

— Угу… — сказало Второе Существо, глядя в телескоп. — Они способны к самовоспроизведению… и у них даже появилось крошечное сознание… а часть из них даже поняла, что они появились в результате последнего фейерверка. Удивительно…

Вряд ли можно усомниться в том, что в этом отрывке нет подробностей. В нем описываются диалог и чувства двух людей (или других существ, кем бы они ни были), которые связаны

со взрывом фейерверка. Но эти подробности абсолютно беспрецедентные, потому что с нашей точки зрения ничего *мелкого и незначительного* в них нет. В традиционной литературе двухсот иероглифов едва хватит для того, чтобы описать то, как мальчик познакомился с девочкой и как они тайком поцеловались; в отрывке, приведенном выше, то же количество текста описывает всю историю нашей Вселенной. Кроме того, в ней описан мир, который существует за ее пределами. Эту уникальную, научно-фантастическую форму описания подробностей мы называем «макродетализацией» — в отличие от «микродетализации» традиционной литературы.

Традиционная литература может написать об этом так:

Вселенная родилась в результате Большого взрыва, впоследствии в ней образовались звезды, в том числе Солнце, а еще позже рядом с Солнцем сформировались планеты. Через несколько миллиардов лет после появления Земли на ее поверхности зародилась жизнь, и в результате долгого процесса эволюции появились люди. Человечество прошло через эпоху примитивного сельскохозяйственного и индустриального общества, а теперь в его истории началась эпоха

информации. Человечество начало задумываться о происхождении Вселенной, и была разработана теория Большого взрыва.

Подробности ли это? Очевидно, что нет. Макродетали могут появиться только в фантастике.

На самом деле подобные детали довольно часто встречаются в фантастике. Лучшим примером может служить последняя глава романа Артура Ч. Кларка «2001: Космическая одиссея», в которой описано, как космонавт превращается в чистую энергию. Этот фрагмент текста является одним из лучших в мировой научной фантастике. С помощью деталей писатель-фантаст может одним движением пера очертить миллиард лет во времени и десятки миллиардов световых лет в пространстве; он в мгновение ока может превратить мир, описанный в «большой» литературе, в незаметную пылинку посреди Вселенной.

В фантастике раннего периода макродетали встречались не очень часто, но, когда фантастика протянула свои антенны к самым отдаленным уголкам Вселенной и начала задумываться о происхождении Вселенной, макродетали появились в большом количестве. Это признак зрелости фантастики, а также литературный прием, который лучше всего проявляет особенности и

преимущества данного жанра.

Мы ни в коем случае не хотим принизить микро-детализацию традиционной литературы, ведь она являются ключевыми элементами и в научной фантастике. Но, к моему разочарованию, макродеталей китайские критики и читатели не приемлют: они либо думают, что подобные произведения лишены содержания, либо считают макродетали просто долгим прологом.

«Звезда» Артура Ч. Кларка — классический научно-фантастический рассказ, и он заканчивается следующим предложением: «И все же, о Бог, есть так много звезд, которые ты мог бы использовать. Зачем было предавать этих людей огню, чтобы символ их гибели ярко сиял над Вифлеемом?» Это блестящая фраза, и она выдержит испытание временем. Но если бы этот рассказ был написан в Китае, то его, разумеется, не опубликовали по одной простой причине: в нем нет деталей.

Если мы говорим, что «2001: Космическая одиссея» написана в таком макромасштабе времени и пространства, что выбрать более крупный масштаб невозможно, значит, на самом деле «Звезда» — просто набросок романа. Если бы кто-то протянул бы подобный набросок опытному

китайскому редактору фантастики, то он сказал бы, что текст написан слишком схематично и поверхностно. Есть много работ, которые невозможно опубликовать в Китае, потому что они «лишены деталей»; самым типичным примером является «Семена цивилизаций» Фэн Чжигана. После церемонии вручения премий «Млечный Путь» в 2001 году кто-то язвительно заметил: «Фантастика настолько несерьезна, что писатель может просто отправить краткий конспект истории, и его прославят как шедевр!» Фэн Чжиган, стоявший рядом со мной, поморщился, услышав это; я хотел все ему объяснить, но он настолько преисполнился праведного гнева, что я прикусил язык. На самом деле в этой работе больше деталей, чем в некоторых западных произведениях, которые считаются классикой фантастики. Если не верите, прочтите такое произведение, как *Gravity Mine* [«Гравитационная шахта»] Стивена Бакстера, которое два года назад получило премию «Небьюла», или «Спираль» Итало Кальвино, или «Последние и первые люди» Олафа Стэплдона, если говорить о более ранних работах. Говорят, что в то время брат Фэна как раз превращал свой конспект в роман, как это часто делают западные фантасты, но интересно заметить, что

подобные романы часто не пользуются такой же популярностью, как «наброски», на основе которых они были созданы.

Фантастика радикальным образом расширила границы сюжетов, и, противопоставляя человечество и Землю всей Вселенной, она позволяет нам изображать их — как и мир традиционной литературы, которому несколько тысяч лет, — более ярко. Наблюдать за тем, как Ромео свистит Джульетте, интереснее, если он смотрит на ее окно в телескоп из Туманности Андромеды, а не из ближайшего куста.

Благодаря научной фантастике мы можем увидеть даже каплю в море.

2. Персонажи

История человеческого общества — это история прогресса. Где-то в промежутке между Спартаком, который, размахивая мечом, выбегает на арену Колизея, и французскими революционерами, скандирующими о свободе, равенстве и братстве, человечество превратило средство в цель.

Однако в науке статус человечества изменяется в противоположном направлении. Если раньше мы были главным творением Бога во Вселенной (все содержимое которой Старик подарил нам,

словно мебель), то теперь мы верим, что все объекты во Вселенной обладают душой или духом и что фактически мы не отличаемся от других животных — и, более того, превращаемся в не имеющие значения микроорганизмы, в бесконечно малые пылинки во Вселенной.

Научная фантастика — литература, которая является неотъемлемой частью общества и культуры, но она родилась из науки, и вот вопрос: в каком направлении человечество движется сейчас?

Традиционная литература определенно полагает, что человечество движется вперед; мысль о том, что литература занимается исследованием человечества, почти приобрела статус закона, и роман, в котором не участвует человечество, считается неприемлемым.

Если же посмотреть на историю фантастики, становится ясно, что фантастика не забыла про человечество, однако его положение значительно ниже, чем в традиционной литературе. Сейчас ни одно классическое произведение не стало известным благодаря лишь своим персонажам. Если говорить о кино, то запредельную безжизненность персонажей можно обнаружить в фильме «Космическая одиссея»: у его героев по-

тухший взгляд и они говорят монотонно, словно роботы. Это было сознательное решение Кларка и Кубрика: они словно хотели сказать нам, что персонажи данного произведения — просто символы, что мы должны думать о человечестве в целом и о его связи со Вселенной. Они добились такого успеха, что, даже прочитав книгу и посмотрев фильм, мы с трудом отличаем одного астронавта от другого. У них словно нет никаких отличительных черт, кроме имен.

Одна из причин, по которым роль персонажа в фантастике уменьшилась, а концепция детализации изменилась, заключается в том, что диапазон сюжетов литературы значительно увеличился. Другой важный фактор — это естественная связь фантастики с наукой; благодаря ей фантастика четко понимает место человека во Вселенной.

Фантастика расширяет концепцию создания образов двумя основными способами:

Первый способ. Персонажем может стать целый вид, а не отдельный человек. В отличие от традиционной литературы, фантастика способна изобразить большое число инопланетных цивилизаций, связывая форму и черты личности как с ними, так и с видом, который создал ту или иную цивилизацию. Этот вид может быть расой

инопланетных существ или колонией людей, эволюция которых пошла по другому пути. Примером последнего сценария является «Семена цивилизаций», о котором мы уже упоминали. Мы назовем эту новую форму литературного образа «персонаж-вид».

Второй способ. Фантастика превращает в персонажей целые миры. Этими мирами могут быть планеты, галактики, параллельные вселенные. В последние годы также появляется все больше виртуальных миров, которые находятся в компьютерах. Такие миры тоже могут быть двух видов: в мирах первого вида есть люди (любые), и в таком случае это просто расширение персонажа-вида; во втором случае это незаселенный мир, который становится объектом исследования (обычно исследованиями занимаются первопроходцы). В таком случае, акцент делается на естественных свойствах мира и на эффектах, которые он оказывает на тех, кто в нем находится. Такие миры часто играют роль реакционера, и между людьми, которые попали в него, возникают конфликты. Есть еще один, запредельно редкий вид миров в фантастике: миры этого вида существуют независимо от Вселенной, и в них еще никто не проник. Чтобы описать подобный

мир, автор должен играть находящегося на отдалении всеведущего наблюдателя; примером тому может служить «Вавилонская библиотека» Борхеса. Таких произведений мало, и их сложно читать, но именно в них особые свойства фантастики доведены до предела.

Ни персонаж-вид, ни персонаж-мир не могли бы существовать в традиционной литературе, потому что существование литературного персонажа основано на возможности сравнить его с другими персонажами. Если традиционной литературе нужно описать один вид (людей) или один мир (Землю), она должна раздробить изображение настолько, чтобы на нем появились отдельные люди. Персонаж-вид и персонаж-мир — великий вклад фантастики в литературу.

Эти две новые литературные формы фантастики явно не заслужили одобрения китайских критиков и читателей. Рецензии на фантастические произведения до сих пор отражают воззрения, господствующие в традиционной литературе — а в ней не может быть произведения, в центре которого не может быть традиционного персонажа, не говоря уже о произведениях, которые сознательно создают собственные миры и цивилизации. Однако создание подобных произ-

ведений крайне важно для фантастики.

Недостатки китайской фантастики в том, что касается ее литературных качеств, во многом зависят от недостатков этих двух форм.

3. Реализм и «воздушность» тем научной фантастики

На самом деле эта тема не обладает большим потенциалом для теоретических дебатов. Научная фантастика существует только благодаря науке и воображению, так что, если мы потеряем науку, у нас останется только воображение. Использовать научную фантастику, чтобы писать о реальности — все равно что применять пропеллеры самолета в качестве вентиляторов: это не очень эффективно.

Но китайские читатели предпочитают фантастику, которая прочно связана с реальностью, и не приемлют даже малейших признаков трансцендентальности и безумия. Поэтому наша фантастика в основном посвящена ближайшему будущему.

Мне всегда не давал покоя один вопрос: зачем читать фантастику, если хочешь читать про реальный мир? Журнал «Народная литература» — это хорошее издание? А «Урожай»? Разве

трилогия Лу Яо «Обычный мир» — хорошая книга? В том, что касается описания многослойной, глубокой реальности, фантастика, естественно, уступает традиционной литературе.

Много лет назад я смотрел одну советскую комедию, и в ней была такая сцена: огромный пассажирский самолет приземлился на дороге и поехал рядом с машинами; он соблюдал все правила движения и даже останавливался на красный сигнал светофора.

Это точный портрет современной китайской фантастики в том, что касается тем и мотивов. Фантастика — литература, которая умеет летать, но мы предпочитаем, чтобы она ползала по земле.

4. Героизм в фантастике

В истории современной традиционной литературы наступил тот период, когда она насмехается над своими героями. Как говорится: «Солнце — фонарь, весь мир — бардак».

На самом деле этот метод не лишен смысла. С точки зрения науки и рационального мышления героизм не является чем-то позитивным. Разве командиры немецких танков и японские камикадзе не были героями? Конечно, мы мо-

жем отрицать тот факт, что они — герои, потому что они сражались не за правое дело. Но если мы шагнем чуть дальше, то подобные слова вызовут у нас лишь новые сомнения. Обычные люди, которые становятся героями, конечно, не ученые и не могут судить о том, правое их дело или нет. И даже если бы они были учеными, им все равно было бы сложно оценить войну с точки зрения морали. Вопрос о том, является ли война справедливой или нет — это скорее задача для ног, чем для мозга, в том смысле, что мы должны посмотреть, какую позицию мы занимаем. Такие события, как Вторая мировая война, насчет которых большинство сходится во мнении, происходят довольно редко. Если на войне обычный человек хочет исполнить свой долг, то станет ли он при этом героем, или нет, зависит только от удачи. Более того, подвиг — это такое же случайное событие, как и результат подбрасывания монетки. Пройдет время, и люди наверняка решат, что все жертвы с обеих сторон не имели значения. Если мы посмотрим на героизм с этой точки зрения, то обнаружим, что он принес человечеству гораздо больше бед, чем пользы. Герой *Glory and Dreams* [«Слава и мечты»] Уильяма Манчестера определенно пошел

на жертвы не во имя правого дела. Возможно, все несчастные мученики, которые отдали свою жизнь, и все восхитительные подвиги, которыми восхищаются во всем мире, — просто шум, пустое сотрясание воздуха.

Более умный и справедливый метод — отделить мораль от героизма и считать его важным, особым качеством, которое отделяет людей от животных.

По мере того как цивилизация развивается, а идеи демократии и прав человека распространяются по всему миру, героизм тускнеет. Литература видит прогресс человечества — по крайней мере, частичный — и смеется над героем и восхищается человеческой натурой. Можно представить себе, что если человеческое общество продолжит развиваться в том же направлении, то героизм в конце концов покажется нам чем-то странным.

Проблема вот в чем: будет ли общество развиваться в данном направлении?

Человечеству повезло, ведь с момента появления цивилизации оно в целом сумело преодолеть все внешние угрозы. Но в будущем нас ждут новые опасности.

Когда на Землю вторгнутся представители иных цивилизаций из далекого космоса, воз-

можно, миллиард людей превратится в пепел в лучах вражеских лазеров; возможно, Солнечная система войдет в облако космической пыли, и три миллиарда человек погибнут в результате деградации экосистемы. Если мы хотим предотвратить уничтожение шести миллиардов людей в таких обстоятельствах, следует ли нашей литературе по-прежнему высмеивать героев? Спасут ли человечество призывы к человеческой природе и правам человека?

Фантастика показывает нам, что раса людей невероятно слаба. Посреди жестокой Вселенной человечество должно храбро пожертвовать своей частью, чтобы обеспечить выживание всей цивилизации. Для этого нужен героизм. В истории человеческой цивилизации началась невиданная доселе глава непрерывного развития, поэтому героизм сейчас не важен. Но это не значит, что он не понадобится в будущем, картины которого рисует фантастика.

Фантастика — последнее убежище героизма и идеализма. Пусть они там и остаются.

5. Третий вид фантастики

Выше мы писали о двух видах фантастики — фантастике цивилизаций и фантастике ми-

ров. Но есть и третий вид, которого также нет в традиционной литературе: фантастика науки. Фантастика — как «твердая», так и более поздняя «мягкая», или «гуманитарная», в той или иной степени является прямым продуктом развития науки. Наука — кровь данного жанра, и этот вид фантастики всегда существует и всегда меняет форму.

Китайская фантастика постоянно учится у традиционной литературы, но так и не может стать хорошим учеником. Если мы, писатели-фантасты, фокусируем внимание на персонажах и литературном стиле, наши работы похожи на сочинения школьника младших классов. Если мы обращаем внимание на реальность, то мы похожи на детей, которые только стонут и жалуются, но не оказывают никакого влияния на мир. А если мы заигрываем с постмодернизмом, то получаем еще более хаотичные результаты. Но в одном отношении фантастика обыгрывает «большую литературу» на ее же поле — когда изображает науку, которая перешла на сторону зла.

На самом деле до сих пор традиционная литература держалась подальше от фантастики — она не желала ей зла, потому что им нечего делить.

С другой стороны, для того чтобы изобразить науку злой, сначала вы должны ее понять, а это условие может стать препятствием для самопровозглашенной «серьезной литературы». Но у фантастики данное качество является врожденным, и она не жалея сил использует его.

Но я хочу, чтобы все четко поняли, какой образ приобрела наука в фантастике.

Западные фантасты неизмеримо превзошли нас в изображении науки. В их обществе наука используется более активно, поэтому необходимо обдумывать последствия применения ее открытий. Хотя в западных научных и литературных кругах наука и так всегда подвергалась критике. А в Китае наука по-прежнему является факелом посреди тьмы ночной, одиноким светочем, задуть который может даже легкий ветерок. Наш долг — не пророчить катастрофы, а бороться с главной опасностью, грозящей китайскому обществу, которая состоит в утрате научного духа массами.

Наука обладает силой, потому что понимает народные массы; в данном изречении заключена великая мудрость. И зарождение научного духа в массах — великое дело, которое затмевает собой всю фантастику. Тут нет никакого противоречия,

ведь предыдущее поколение китайских фантастов надеялось, что фантастика станет частью этого великого проекта, но теперь мы видим, насколько наивной была эта надежда. Но, по крайней мере, фантастика не причинила вреда этому делу. Наука — мать фантастики, как мы можем быть ее врагами?

Если мы бросим писать о науке, если окажется, что только жуткая, пугающая наука может привлечь читателя, то каждому из нас следует просто отложить свое перо. В этом нет ничего страшного, ведь в мире есть много других интересных занятий. Но если однажды китайская фантастика действительно закончится, то я, ее старый фанат, молюсь о том, чтобы она умерла быстро.

6. Старые оковы

Выше я сравнил научную фантастику с традиционной литературой, но у меня не было никаких намерений обличать последнюю. Многие преимущества фантастики, которые я обсуждаю ранее, проистекают из ее сути, и поэтому не следует считать, что фантастика лучше традиционной литературы. Напротив, сейчас фантастика не пользуется своими преимуществами. На самом деле, когда мы сравниваем фантастику с

«серьезной» литературой, я часто ощущаю свою некомпетентность. Это ощущение особенно усиливается, когда я думаю о смелости, с которой традиционная литература исследует и внедряет новые методы литературного выражения. Все эти сбивающие с толку своей многочисленностью методы, от потока сознания до приемов постмодернизма, продолжают развиваться, и при этом авторы не упускают из вида свои цели. Если же посмотреть на фантастику, то станет ясно, что мы не создали собственных средств выражения. Движение «новой волны» просто позаимствовало инструменты традиционной литературы, но не более. А позднее, когда выяснилось, что они не годятся, «новая волна», по мнению теоретиков фантастики, «отказалась от принципов и позиции, свойственных фантастике, и уступила традиционной литературе». Что же касается макромасштабов, образов цивилизации и миров, о которых шла речь выше, то все это писатели-фантасты делали бессознательно, не улучшая теоретическую основу жанра. А в Китае эти методы вообще не были оценены по достоинству.

На самом деле элементы традиционной литературы, которые фантастика расширила или изменила, — такие, как описание персонажей

и детализация, — также переживают период интенсивной трансформации в «большой литературе». Такие писатели, как Борхес и Кальвино, уже давно отвергли догмы и добились большого успеха.

Если посмотреть на китайских критиков фантастики, то они, если честно, усердно пытаются снять старые и ржавые кандалы с других и надеть их на себя. Они закручивают гайки, борясь с научно-фантастическими произведениями, которые посмели выйти за границы жанра. Они всерьез считают себя защитниками литературы. Когда я вижу в Сети очередную рецензию, наполненную догмами, абсолютно лишенную увлеченности и юношеского задора, так и хочется спросить: дедушка, сколько тебе лет?

Инновация — это источник жизненной энергии для литературы, и особенно для научной фантастики. Чтобы изучать литературу, которая способна найти каплю воды в океане, необходимо обладать разумом, широким, словно океан!

Ущелье Нянцзы,
30 сентября 2003 г.
Опубликовано 1 октября 2003 г. на форуме «Научная фантастика» сервера университета Цинхуа

«Многомерное пространство» беседует с Лю Цысинем

МП: Теперь, когда вы стали известным писателем-фантастом, можете рассказать нам о том, как вы впервые познакомились с фантастикой и занялись творчеством?

ЛЦ: Первая фантастика в моей жизни — это экземпляр «Путешествия к центру Земли» Жюля Верна, набранный традиционными иероглифами. Его я нашел на дне отцовского сундука, когда учился в начальной школе. Свои собственные рассказы я начал писать в средних классах, но мои произведения начали публиковать только в 1998 году.

МП: Как бы вы оценили свои произведения? Какое из них нравится вам больше всего?

ЛЦ: Немало работ я опубликовал, ориентируясь на рынок, — и, если честно, это не та фантастика, которую я хотел бы написать. Среди них моя любимая — «Блуждающая Земля»; еще мне очень нравится «Микро-эра», но читатели не обратили особого внимания на эту работу — возможно, потому что она слишком короткая. Но эти про-

изведения обладают сильной фантастической составляющей: они используют темы, которые фантастические по своей сути, и тем самым привлекают читателей. Именно такую фантастику я люблю читать и писать.

МП: В сообществе любителей фантастики вас считают первопроходцем, автором, который ищет новые темы. Как вы относитесь к такому ярлыку?

ЛЦ: Я не собирался становиться «первопроходцем». Более того, если не брать несколько особых случаев — таких, как рассказ «Пылающие недра», мои произведения посвящены достаточно распространенным темам — космическим путешествиям, катастрофам, инопланетным цивилизациям и так далее. Я не согласен с мнением, что фантастика исчерпала все свои темы; каждая из них — бездонная шахта, и разные авторы могут создавать уникальные миры, не похожие на все остальные. Если взглянуть на классику, то можно увидеть, что писатели работают с невероятно ограниченным числом тем, однако миры таких романов, как «Красный Марс» Кима Стэнли Робинсона и «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери, радикально отличаются друг от друга.

МП: Читатели любят ваши произведения, но

есть несколько фанатов «твердой» фантастики, которые не могут забыть про огрехи в научно-технической базе. Как вы относитесь к подобным претензиям?

ЛЦ: Они доказывают, что читатели по-прежнему считают науку душой фантастики. И это хорошо.

МП: Похоже, китайская научная фантастика четко делится на «твердую» и «мягкую», и читатели, видимо, предпочитают последнюю. Что вы думаете по этому вопросу?

ЛЦ: По-моему, фантастика делится не на «твердую» и «мягкую», а на «настоящую» и «фальшивую». Научная фантастика сама по себе не является наукой; она, скорее, является выражением духа или настроения науки. Как я уже говорил, фантастическое произведение, в котором нет ни одного научного термина, которое представляет собой пасторальную, доисторическую сказку, может быть научным по своей сути, и, напротив, произведение, действие которого разворачивается в лаборатории, под завязку набитой учеными и приборами, может быть псевдонаучным. Книга, в которой сюжет происходит за миллиард световых лет от нас и на миллиард лет в будущем, может быть реалистичной, а произведение, в

котором описано недавнее событие, произошедшее в большом городе, может быть полностью оторванным от реальности.

МП: Какой вид научной фантастики, по-вашему, является лучшим?

ЛЦ: Тот, который заставляет вас отложить книгу и сделать то, что вы никогда не делали, — выйти из дома и посмотреть на звезды.

МП: Что вы думаете о будущем китайской фантастики?

ЛЦ: Свое сообщество у фантастики уже есть, но ей не хватает экономической компоненты. Ее экосистема недостаточно велика, чтобы обеспечить выживание. В современном обществе, которым управляет рынок, всему, что не обладает достаточной привлекательностью для покупателей, грозит опасность. Китайская фантастика, возможно, никогда не взлетит в печатном виде. Литература в целом, и в том числе фантастика, сейчас находится в свободном падении — мы поднимаем паруса на тонущем корабле. Чтобы достичь экономической стабильности, фантастике, возможно, придется обратиться к таким сферам, как телевидение и кино.

МП: Над какими проектами вы работаете сейчас? Можете рассказать о каком-нибудь про-

изведении, которое вы сейчас пишете?

ЛЦ: Я всегда собираю из произведений некие условные циклы, к которым их можно отнести по той или иной концептуальной категории.

У меня есть цикл «Земля», который посвящен наукам о Земле. В нем опубликованы рассказы «С ее глазами» и «Пылающие недра». Еще я планирую написать рассказ, который условно назван «Программа „Лестница“», и еще один — об эксплуатации теллурических течений.

Я запланировал цикл «Солнце», чтобы изучить идею о солнечной катастрофе и описать способы, благодаря которым человечество могло бы выжить после такого события. Позднее я расширил эту концепцию и включил в нее все мои произведения, которые так или иначе связаны с Солнцем. К этой категории относятся следующие опубликованные работы: «Микро-эра», «Блуждающая Земля» и «Заградительные помехи полного спектра». И я планирую еще четыре: «На Плутоне, печалью томимы, в слезах мы сидели» (отсылка к стихотворению Байрона — «У вод вавилонских, печалью томимы, в слезах мы сидели»): оно о том, как человечество, столкнувшись с неизбежной катастрофой, связанной с Солнцем, строит памятник человеческой цивилизации на Плутоне. Оно,

скорее, будет похоже на меланхолическое эссе. Кроме того, у меня есть «Блинчик» — о том, как люди плавят астероиды, используя жар Солнца; «Золотой дворец» — о том, как люди исследуют сердцевину Солнца; и «Бог Солнца»... Это произведение настолько невероятное, что я о нем умолчу.

Цикл «Просто люди» — это истории про обычных людей, которые создают удивительные произведения искусства. Я опубликовал всего одно произведение из данного цикла — «Деревенский учитель», и планирую выпустить еще два: «Дискобол» и «Солнце Китая». Первое переворачивает с ног на голову идею «Деревенского учителя» и рассказывает о том, как человечество спасает инопланетную цивилизацию; второе — история о ребенке из далекой деревни на северо-западе Китая, который покидает Солнечную систему.

Цикл «Люди на войне» посвящен войнам будущего в тоннелях и шахтах. Я пока что не опубликовал ни одну из этих работ.

Произведения из цикла «Шедевры искусства» тоже пока не опубликованы. В нем собраны истории об инопланетных цивилизациях, которые создают произведения искусства на Земле. Я

собираюсь написать шесть произведений, и каждое будет посвящено отдельному виду искусства — музыке, скульптуре, ледяной скульптуре, живописи, литературе и драме. На данный момент это лучший мой цикл — в него вошли увлекательные, восхитительные истории со странной, чудесной атмосферой. Две из них я уже написал. Так, на этом с саморекламой заканчиваем. Надеюсь, вам они понравятся!

Возможно, именно из-за подобной системы я иногда возвращаюсь к тем или иным темам. Например, «Микро-эра», «Блуждающая Земля» и «Заградительные помехи полного спектра» посвящены Солнцу, но их сюжеты не повторяют друг друга. Я еще не написал достаточно произведений, чтобы какой-то из циклов обрел завершенность. Полагаю, в каждом из них будет около 100 000 иероглифов.

Недавно я закончил работу над двумя романами — «Шаровой молнией» и «Эпохой Сверхновой». Первый, объем которого около 180 000 иероглифов, рассказывает о том, как главный герой вместе со своим подчиненным ищет и исследует шаровые молнии; они узнают, что они — электроны размером с футбольный мяч, обладающие макроскопическими квантовыми эффектами.

Затем они изобретают оружие, которое может создавать и стрелять шаровыми молниями, и с его помощью Китай уничтожает американский флот в ходе войны за Тайвань. Это фантастика старой школы, ориентированная на технологии; особой глубиной роман не обладает, но мне кажется, что читать его интересно. Так, и еще есть «Эпоха Сверхновой»… Сил, которые я потратил на этот роман, хватило бы на то, чтобы написать десять «Шаровых молний». Я начал писать его в 1980-х, и более чем за десять лет написал уже три версии. Пока рукопись составляет 250 000 иероглифов. Это история о том, что после взрыва Сверхновой на Земле остались только дети, которым меньше трех лет, и о безумии, которое за этим последовало. По-моему, это шедевр и фантастики, и литературы в целом. Я ни за что не смогу написать что-то лучше.

МП: Расскажите нам о себе. Какой самый главный урок вы получили, сочиняя научную фантастику?

ЛЦ: Я обычный человек, так что тут рассказывать не о чем. А главный урок… Я понял, что написание фантастики — крайне увлекательное дело (если, конечно, это не ваш основной источник дохода).

МП: Последний вопрос: можете дать совет фанатам фантастики, которые хотят сами что-то написать? Например, что должен знать писатель-фантаст?

ЛЦ: Старайтесь мыслить глубоко и тщательно обдумывать свои концепции, и тогда воображаемые миры придут к вам сами. Если они удивят и очаруют вас, если у вас возникнет желание познакомить с этими мирами других людей, значит, вы уже профи. Если вы хороший писатель, отлично, но если нет, не расстраивайтесь. Конечно, прозу нужно шлифовать, но не тратьте на это слишком много сил. Как бы фантастика ни прихорашивалась, сколько бы драгоценностей на себя ни надевала, читатель пройдет мимо нее, если у нее обычная внешность. Но если она — красавица, то привлечет к себе внимание, даже если наденет мешок из-под картошки. Ее лицо, ее поведение… думаю, фанаты фантастики лучше разбираются в таких вещах, чем я.

Опубликовано в осеннем выпуске «Многомерного пространства» за 2001 г.

Возвращение в Эдем
Оглядываясь на десять лет, в течение которых я пишу фантастику

Я пишу научную фантастику уже более десяти лет. Мне всегда казалось, что я храню верность изначальным писательским идеалам, ни на шаг не отклоняюсь от выбранного курса. Но теперь, глядя назад и думая о том, что я создал за эти годы, я понимаю, каким извилистым был мой путь. И еще больше меня пугает то, что в какой-то момент я, похоже, свернул не в ту сторону.

Если смотреть на мое творчество через призму тем, то оно разделится на три тематических периода.

Первый — период «твердой» научной фантастики.

Именно в то время я из читателя стал писателем, и мои идеалы как писателя никак не были связаны с обществом. По стандартам традиционной литературы это было бы немыслимо и даже кощунственно, но тем не менее именно с этого я начинал.

Успех фантастических романов во многом

зависит от яркости воображения и степени, до которой книга может потрясти читателя. Именно это нужно читателям фантастики. Но вот вопрос: где найти такие потрясающие истории? Каждый народ использует самые смелые и самые величественные идеи, чтобы создать мифы о своем становлении, но ни одна из них не является столь же величественной и шокирующей, как теория Большого взрыва в современной космологии. Эволюция живых существ настолько романтична и наполнена такими поворотами сюжета, что по сравнению с ней истории о том, как Иегова и Нюйва создали мир, кажутся плоскими и пресными.

Кроме того, еще есть общая теория относительности, с почти поэтическими представлениями о времени и пространстве, и микроскопический мир квантовой физики, похожий на джинна в бутылке. Эти миры, созданные наукой, не только выходят за рамки нашего воображения, но находятся за пределами того, что мы вообще способны себе представить. Источник энергии, заключенной в фантастике, — это наука. Но воображение и красота науки заперты внутри холодных и жестоких уравнений, и обычным людям приходится напрягать все силы, чтобы увидеть их свет.

Фантастика — это мост, ведущий к науке. Она снимает с науки завесу, чтобы все могли увидеть ее красоту.

Два очень коротких рассказа «Конец микрокосмоса» и «Поворотный пункт» демонстрируют этот мой ранний идеал. Первый изображает воздействие человечества на элементарные частицы и увеличивает этот эффект до вселенских масштабов; во втором время идет вспять из-за перехода Вселенной от расширения к сжатию. Это «чистые» фантастические истории; можно сказать, что в них нет ничего, кроме теории.

Еще два важных произведения того периода — «Море сновидений» и «Поэтическая туманность»; по-моему, они отражают мои самые сокровенные мысли. В этих рассказах изображены два бесплотных мира, где все ограничения реальности отброшены и остался лишь мир бесконечной игры, вселенский карнавал.

Но мне было сложно писать в таком стиле. Я с самого начала понял, что фантастика — это массовая литература и что мне придется поддерживать баланс между моими идеями и развлекательностью. Пока я писал «чистую» фантастику, я также пытался создавать другие, более развлекательные истории, и доказательством тому служат

«Песня кита» и «С ее глазами». Но это — особенно если мы говорим о «Песне кита» — своего рода капитуляция перед рыночными силами; данные произведения по сути своей являются популярной художественной литературой с интересным сюжетом. Больше я никогда подобных произведений не писал.

В мое творчество начала проникать тема человека и общества — сначала потому, что у меня не было выбора, а позднее — в связи с сознательным решением. Мой стиль эволюционировал, и я перестал писать просто «твердую НФ». Пришло время второго периода, самого продолжительного. Большинство произведений — в том числе те, которые я считаю наиболее успешными, — относятся именно к нему.

Самыми характерными повестями и рассказами **второго периода** являются «Блуждающая Земля» и «Сельский учитель», а также романы «Шаровая молния» и «Задача трех тел».

В «Блуждающей Земле» я впервые выписываю подробности — то, что я позднее назвал «макродеталями», — глобальной эпической истории. Подобные сюжеты встречаются только в фантастической литературе; они никогда не появятся в реалистической литературе.

В «Шаровой молнии» я создал не связанную с людьми научно-фантастическую тему, которая вдохнула жизнь в сюжет. Роман фокусируется на способах взаимодействия этой темы с традиционными литературными образами.

В «Задаче трех тел» я пытаюсь превратить окружающую среду и вид разумных существ в большую литературную тему; я описываю нестабильную планету, вращающуюся вокруг трех разных звезд, а также цивилизацию, которая появилась на ней. В этой книге инопланетный вид и его планета рассматриваются как единое целое; и человечество тоже сводится к единой концепции.

Особой характеристикой моих произведений того периода являются попытки описать два совершенно разных мира: серый, мрачный реальный мир, шумный и грубый; а также идеальный мир научной фантастики — невозможно далекий, — мир, которого мы никогда не достигнем. Взаимодействие и конфликт между этими мирами стали движущей силой историй. Я все еще высоко держал флаг научной фантастики, но сам уже твердо стоял на земле.

Во время этого периода я начал переосмысливать гуманизм, который продвигает традицион-

ная литература, и понял, что старый китайский афоризм «нет ничего более литературного, чем человек» совсем не соответствует действительности. На протяжении почти всей истории литература описывала отношения между людьми и природой, а не между людьми. В древних мифах боги на самом деле являются вселенскими символами, а человек не существует ни в историческом, ни в социальном аспекте. Поворот к гуманизму произошел только после Возрождения, а это составляет всего лишь десятую часть от всей истории литературы. Подобная реалистическая литература пропитана нарциссизмом, который необходимо преодолеть, — и большинство усилий в этом отношении предприняла именно фантастика. Фантастике следует сфокусироваться на отношениях между человеком и природой; они позволили литературе снова расширить свое поле зрения.

К сожалению, я не пошел дальше по этому пути, а свернул в сторону. Я отвернулся от неба, а мое поле зрения сузилось.

Третий период в моем творчестве — это время экспериментов с социальными темами.

В ходе этого периода я в основном стремился изобразить людей и социальные структуры в

экстремальных условиях. На самом деле давным-давно я уже проводил похожие эксперименты — самым ранним из них был роман «Эпоха Сверхновой». Но я занимался этим не из творческих исканий, а потому что кризис на рынке фантастики вынудил меня выйти за пределы жанра. К данной категории также относятся рассказы «Забота о боге» и «Ради блага человечества».

С моим стремлением экспериментировать с социальными темами связан роман «Темный лес»; в нем я пытаюсь исследовать мораль и духовные ценности человечества, столкнувшегося с угрозой полного уничтожения; кроме того, я описываю Вселенную, межзвездные цивилизации которой совершенно лишены морали. В «Темном лесе» я преуменьшил значение физических свойств Вселенной и подчеркнул ее социальный аспект. Разные цивилизации появились в ней, словно бесконечно далекие точки, и каждая сформировала один узел вымышленного фантастического сообщества. В романе я прекратил описывать отношения человека и природы и начал изображать социальные отношения в космосе; сделав так, я отказался от своих ранних литературных идеалов.

Конечно, позднее выяснилось, что все не так,

как мне казалось. Космическое сообщество, которое я изобразил в романе «Темный лес», его аморальная структура и природа были предопределены естественными свойствами Вселенной и, в частности, ее огромными размерами. Так что в каком-то смысле природа в романе по-прежнему играла невероятно важную роль. Но сейчас, оглядываясь назад, я все равно думаю, что тогда я сбился с пути.

Как я уже упоминал в начале эссе, развитие научной фантастики зависит от познавательных и сюжетных ресурсов, которые дает наука; это уникальное преимущество, которым обладает НФ, но не другие жанры литературы. Вселенная — или мир природы, — которую описывает фантастика, всегда будет раем. Люди оказываются в окружении природы против своей воли и постоянно находятся в состоянии непонимания, страха, любопытства и благоговения. Как только эти естественные свойства Вселенной забываются, тогда научная фантастика теряет свою душу, свой смысл существования и превращается просто в еще один жанр литературы.

В «Вечной жизни Смерти», последней части трилогии «Воспоминания о прошлом Земли», я пытался вернуться к прежнему ощущению

величия природы, установить контакт между ней и персонажами. Начало книги по-прежнему повествует о придуманном мной межзвездном сообществе, но роман двигает мои гипотезы к их естественному завершению. Книга на момент написания статьи еще не вышла, поэтому я пока не уверен, добился ли успеха.

За десять лет работы над научно-фантастическими произведениями я также по-новому посмотрел на другие аспекты жанра. Это новое знание вдребезги разбило розовые мечты, которые когда-то были у меня, читателя фантастики. Я примирился с этим, хотя процесс был долгим и болезненным.

Я должен признать, что научная фантастика — по крайней мере, та, которую пишу я, — единственный жанр литературы, у которого есть встроенный срок годности.

Чтобы доказать это, нам нужно понять следующее: фантастика должна играть роль современной мифологии. Древние мифы — в то время, когда их придумали, — были произведениями не в жанре «фэнтези», а в жанре реализма, ведь для тех, кто жил в ту далекую эпоху, истории, заключенные в мифах, были правдивыми и отражали реальность. В этом фундаментальное

отличие между древними мифами и современным фэнтези. Как только мы это осознаем, станет ясно, что в наше время мифология исчезла, но один жанр — научная фантастика — в какой-то степени облачился в ее мантию. В эпоху науки и разума привлекательность фантастики во многом зависит от того, насколько «реальной» она кажется читателям. Это ощущение «реальности» создают научные факты. С течением времени открытия, о которых возвестила наука, сталкиваются с одним из двух возможных результатов: либо они осуществятся, тем самым подтвердив предыдущие гипотезы, либо будет доказано, что они не соответствуют действительности. В любом случае связанная с этой темой фантастика потеряет значительную часть своей привлекательности. В первом варианте фантастическое произведение покажется читателю заурядным и пресным, а во втором — созданный в нем мир потеряет ощущение реальности. Вот почему фантастика не может создать настоящую, истинную «классику» — произведения, которые пройдут испытание временем. Фантастические произведения, которые когда-то считали классикой, сегодня выглядят жалкими и представляют интерес только для фанатов НФ и исследователей

жанра.

Осознать эту истину было больно, но она помогла мне улучшить мое отношение к творчеству. Фантастика по природе своей такова, что она ярко сияет в настоящем, а затем ее предают забвению. Но фантастика не должна бояться того, что устареет. Она, литература, посвященная инновации, использует постоянный поток изобретений и открытий, чтобы остановить процесс своего старения; в этом она похожа на вечный огонь: пепел падает, но пламя снова вспыхивает ослепительным блеском. Чтобы добиться подобного эффекта, фантастика должна сохранить свою юность и постоянно опережать свое время. Правы те, кто говорят, что фантастика делает тебя молодым.

Но следует уточнить, что фантастика, о которой я говорю, — это именно та научная фантастика, которую я пишу: она фокусирует свое внимание на улучшении технологий и научном мышлении. Но есть и много других видов фантастики; различия внутри жанра даже сильнее, чем между фантастикой и другими видами литературы. Не у всех фантастических произведений есть срок годности. Некоторые не зависят от развития современной науки, а их воображаемые миры, возможно, выдержат проверку временем и ста-

нут классикой. В материковом Китае примером такой фантастики являются книги Хань Суна.

За эти десять лет я также понял, насколько элитарными являются темы научной фантастики. Большинство жанровой литературы — детективы, «уся», сентименталка и триллеры — остаются в сюжетных рамках своего жанра и ограничены стандартной логикой и повседневным здравым смыслом. А научная фантастика, как мне кажется, — единственный элитарный жанр массовой литературы; ее способность касаться самых разных аспектов человеческой цивилизации и природы делает фантастику шире и глубже традиционной литературы. Китайские фантасты мыслят как элита, даже если не являются элитой в общепринятом смысле слова.

Элитизм в фантастике не всегда является положительным качеством: у него есть как плюсы, так и минусы. Нельзя судить литературную работу на основе того, есть ли в ней элитистские мысли или нет; литература должна представлять собой опыт, а не мысли. Элитизм не равен интеллектуальной глубине; он — просто мышление определенного социоэкономического класса. По крайней мере, в Китае пропасть между мышлением элит и масс увеличилась настолько, что их

логические структуры становятся все более непохожими друг на друга. Данная статья не ставит перед собой цель оценить оба способа мышления, но я скажу, что научная фантастика — это популярный, а не элитистский жанр литературы. Элитистское мышление оттолкнет от фантастики рядовых читателей. Скорее всего, именно в этом заключается одна из главных причин превращения фантастики в нишевый жанр.

Лично я всегда жил среди обычных людей, и у меня есть определенное представление о том, кто читает фантастику. Я знаю, какие надежды эти люди связывают с будущим и как они смотрят на звезды. Вот почему созданные мной миры отзываются в их душах. В течение этих десяти лет я всегда считал себя просто еще одним фанатом фантастики. Я думаю, чувствую и пишу, как завзятый любитель фантастики, и мои собственные миры предназначены для других фанатов. Конечно, это не очень продвинутый метод мышления для писателя-фантаста. Мое увлечение фантастикой всегда было главной силой, заставлявшей меня двигаться дальше — и главным препятствием, мешавшим мне писать на более высоком уровне. Но изменить это я уже не могу.

Поэтому я пойду дальше по дороге фантастики, время от времени поглядывая по сторонам, а затем устремляясь вперед.

Опубликовано в «Южном культурном форуме»
№ 6, 2010 г.

4
Взгляд со звезд

Мы строим нашу пирамиду *Размышляя о премии «Млечный Путь»*

В последнее время я практически забыл про фантастику. Мое тело и разум почти полностью поглотила серая реальность. В компьютерном центре, где я работаю, проходит реструктуризация, и из нас четверых здесь останутся только двое. Именно мне предстоит решить, кто будет уволен. Это очень сложный выбор. Все мои коллеги — квалифицированные специалисты, и никто из них не допускает ошибок. Мы с ними провели много бессонных ночей в горах Тайханшань и часто доверяли друг другу свои сокровенные мечты. И вот до чего все дошло. Мне тяжело думать об этом.

Когда Яо Хайцзюнь обратился ко мне с просьбой написать это эссе и тем самым вернул меня к фантастике, моя жизнь была другой. Я не ощущал этой оторванности от реальности. Внезапно я понял, что фантастика — часть реальности; в ней, как и во всех остальных сферах жизни, порой необходимо делать сложный выбор.

В 1999 году я опубликовал четыре рассказа: «Поворотный пункт», «На краю микрокосмоса», «Песня кита» и «С ее глазами». В этих произведениях четко виден переломный момент в моей работе, результат решений, которые я принял. Но факт остается фактом: Тан Фэн позвонил мне спустя много времени после того, как я закончил работу над «С ее глазами», а до того момента не было ни одного признака того, что мою прозу могут опубликовать. Через год после того как я отправил свои ранние работы, мне показалось, что я должен исследовать «Мир научной фантастики» и выяснить, какие истории ему нужны. Приняв это решение, я купил экземпляр журнала (я перестал читать его в то время, когда он еще назывался «Научная литература»). Я и раньше пытался писать в других стилях: например, в «Эпохе Сверхновой» сильный уклон в политику, а «Посыльный» — это альтернативная история; у меня даже было напускное философствование в «Блуждающей Земле». Я не хотел менять свой стиль, но в конце концов понял, что даже если продолжу писать научную фантастику, которая мне нравится, которую сочиняю уже десять лет, то в конце концов все равно не внесу вклад в историю жанра.

Немногие считают «Поворотный пункт» и «Конец микрокосмоса» великими работами, но именно подобные произведения стимулировали меня писать научную фантастику, и моя главная цель как писателя — создавать такие истории. Что же касается их содержимого, то я вспоминаю слова одного критика про работы Ирвинга Уоллеса[74]: «Пытаться найти красоту литературы в них — все равно что искать прекрасную скульптуру в песке». Так можно описать и сфокусированную на технологиях фантастику, похожую на те упомянутые мной произведения: она нравится только студентам, которые фанатеют от науки и инженерии, и именно они получают от нее незамутненное удовольствие. Я не делаю вид, что подобные произведения являются частью «большой» литературы или отражают сложность человеческой природы; если судить их по этим стандартам, то они действительно не имеют никакой ценности. Они даже не считаются «твердой» научной фантастикой — хорошая «твердая» НФ имеет определенный смысл как литература, в то время как в произведениях, сфокусирован-

[74] Примечания: 74

Ирвинг Уоллес (1916–1990) — американский писатель и сценарист, который писал и научную фантастику. В СССР в 1985 году была выпущена телеадаптация его антиутопии «Документ Р» (1976).

ных на технологиях, как сказал один мой друг на форуме сервера университета Цинхуа, нет ничего, кроме технологий, и все их литературные качества нужны лишь для изображения технологий. Нужно признать, что литературная научная фантастика, как «твердая», так и «гуманитарная», обладает определенными достоинствами как литература, и в этом «технологической» фантастике сложно за ней угнаться. Однако в мире постоянно существует группа людей, которым нравится именно «технологическая» фантастика, и я — один из них. В течение последних десяти лет я постоянно думал о ней; мне хотелось писать произведения в таком стиле и делиться ими с моей маленькой группой, и я не сомневаюсь в том, что это принесло бы огромную радость как мне, так и им. Но затем я понял, насколько наивны мои рассуждения. Тем не менее фантастику я люблю с детства и действительно хочу не только читать, но и писать ее. Когда я, школьник старших классов, впервые начал сочинять фантастику, то даже не подозревал, что однажды мне придется искать что-то, чтобы привлечь читателей к моим работам, и что это «что-то» я найду в популярной художественной литературе, которую раньше мне было лень читать.

Среди людей, которые собрались на Площади Фантастики, одни любят науку, другим нравится фантазия, третьи предпочитают литературу. Они идут по большим и малым дорогам и стекаются на эту площадь со всех сторон. Дороги расходятся во все стороны, и некоторые из них ведут в противоположных направлениях, нигде не пересекаясь. Вот почему споры о фантастике никогда ничем не закончатся. Каждый из спорящих прав, но все они имеют в виду совершенно разные вещи. Во время наших споров мы похожи на слепцов, которые ощупывают слона — и многих других животных тоже. Но в эту эпоху плюрализма довольно сложно смириться с тем, что на Площади Фантастики ты не один. У тех, кто пришел сюда своей дорогой, есть вполне обоснованные причины здесь находиться. Если мы хотим, чтобы на площади кипела жизнь, нам следует сотрудничать; и чем больше разнообразие наших взглядов, тем лучше для фантастики.

Я не ожидал, что «С ее глазами» получит премию «Млечный Путь»; и это скорее дало мне пищу для размышлений, чем порадовало. Теперь я понимаю, что ошибся, пытаясь подстроиться под вкусы китайских читателей. Им нужна не та фантастика, которую я люблю (говорите

что хотите про «Мир научной фантастики», но он знает, что нравится читателям — ведь он, в конце концов, выходит уже двадцать лет!), а те элементы фантастики, которые получаются у меня лучше всего, — не то, что привлекает читателей. Этот факт сокрушил меня, подорвал мою уверенность в себе. Поначалу я сочинял такие произведения, как «Песня кита» и «С ее глазами», чтобы добиться популярности, но теперь я знаю: если я хочу остаться в фантастике, то обратного пути для меня уже нет. Если бы я продолжил писать такие работы, как «Поворотный пункт» и «На краю микрокосмоса», то сначала бы потерял своих читателей, а затем — издателей. В начале этого пути, который оказался дорогой с односторонним движением, одна из моих целей состояла в том, чтобы однажды вернуться туда, откуда я пришел. Это не большое место, и там мало людей, но такие фанаты фантастики, как я, чувствуют себя там как дома.

Китайская фантастика в целом сейчас стоит перед таким же сложным выбором. Жанр обладает своими системами принципов, которые он продвигает с достойным восхищения энтузиазмом. В соответствии с ними фантастов можно поделить на два лагеря: одни отстаивают научную природу

фантастики, другие — ее литературные свойства. Однако вот в чем штука: ни «научный» лагерь («твердая» научная фантастика), ни «литературный» («мягкая», или «гуманитарная», научная фантастика) не в состоянии изменить ситуацию, сложившуюся в китайской фантастике, или раздвинуть границы жанра.

Представьте себе, что Артур Ч. Кларк и Рэй Брэдбери были бы китайцами. Как это повлияло бы на китайскую фантастику? Давайте начистоту — ответ ясен: никак. Их бы даже не считали мастерами данного жанра. (Некоторые произведения Артура Ч. Кларка, возможно, вообще бы не напечатали.) А если бы появились авторы, похожие на Ни Куана?[75] Ответ так же очевиден: китайская фантастика в одночасье изменилась бы до неузнаваемости, и только тогда все заумные произведения литературной научной фантастики приобрели бы вес. Дочитать до конца какой-либо роман Ни Куана я не могу, но это не значит, что я его не уважаю. Однажды я заговорил про фантастику с работниками одного завода

[75] Примечания: 75

Ни Куан (1935–2022) — китайский писатель и сценарист, автор более 300 романов и 400 сценариев, работал в том числе и в жанре детективной фантастики. В 1957 году релоцировался из Китая в Гонконг из-за преследований, а в 1992 году эмигрировал в США. Является автором сценария фильма «Кулак ярости» (1957), который прославил Брюса Ли.

и узнал, что все присутствовавшие знают про фантастику, но познакомились с ней, читая не Артура Ч. Кларка или Рэя Брэдбери, а Ни Куана. Кто еще из наших писателей мог бы принести факел фантастики во все уголки страны?

Самая завораживающая часть пирамиды — это ее высокая острая верхушка. Однако если вы позволите этому каменному фрагменту соскользнуть, то он превратится в угловатый камешек посреди пустыни, и пески времени быстро поглотят его. Только когда он увенчивает собой величественную пирамиду, становится ясно, что она — священный объект. Китайская фантастика — это пирамида, построенная на произведениях, которые читает большое число людей. (Зарубежная фантастика точно такая же.) Только когда подобных произведений много, — только когда фантастика, как индустрия, достигает определенных масштабов — появится основание, благодаря которому смогут существовать произведения высокого уровня. Традиционную литературу поддерживает мощная система академической критики и исследований, обеспечивающая выживание работ высокого уровня, которые могут быть непонятны массовому читателю. Фантастика, естественно, такой поддержкой не обладает.

Если автор хочет, чтобы через десять лет его произведение кто-то читал, ему нужно обрести читателей в течение десяти недель, а лучше — десяти дней от даты публикации. Покажите мне классическое фантастическое произведение, которое выжило, не обладая огромной фанатской базой. Если писатель-фантаст утверждает, что пишет для читателей, которые появятся через десять-двадцать лет, он просто не в своем уме.

Мы можем мечтать о пирамиде, вершина которой уходит в облака, но прямо сейчас мы должны вместе заложить первый тяжелый камень ее фундамента на китайской земле.

20 мая 2000 г.

Опубликовано в «Туманности»
№ 2, 2000 г.

Речь по случаю вручения премии *Премия «Млечный Путь» за 2000 год и премия Пекинского педагогического университета в категории «Фантастика»*

Я очень рад, что «Блуждающая Земля» вызвала позитивный отклик у такой широкой аудитории. Эту историю я собирался включить в цикл под названием «Судный день», который посвящен катастрофическому событию на Солнце и изображает разные способы, которые человечество использует, чтобы спастись. Эти способы располагались бы в порядке от самого удачного к наименее удачному. Первое произведение цикла, «Ремонт небес», рассказывает о том, как люди погружаются внутрь Солнца и изменяют протекающие там процессы, чтобы предотвратить катастрофу. Второе — «Микро-эра», а «Блуждающая Земля» — третье. В четвертой работе под названием «Хроники космических кораблей» показано, как человечество покидает Солнечную систему на космическом корабле; в конце концов люди забывают о том, куда летят, и корабль наве-

ки становится их домом. В пятом произведении, «Блуждающие души», показано, как человечество еще до катастрофы превращает свои мысли и воспоминания в электромагнитные волны и отправляет их во Вселенную. Последнее произведение «На Плутоне, печалью томимы, в слезах мы сидели» (отсылка к стихотворению Байрона — «У вод вавилонских, печалью томимы, в слезах мы сидели») очень мрачное. В нем у человечества нет шансов спастись, и поэтому люди возводят на Плутоне памятник своей цивилизации. Это скорее меланхолическое эссе.

Когда у вас обнаруживают рак, мир внезапно преображается: небо становится красным, солнце — синим… а затем, когда вы выясняете, что диагноз был поставлен ошибочно, небо снова становится голубым, а солнце — красным, но они уже никогда не будут такими же, как прежде. Для вас мир и жизнь становятся более красивыми, более осмысленными. Можете учиться, сколько хотите, но никакие знания не дадут вам таких ощущений. Ощущение собственной смертности — это великая ценность. А что произошло бы, если бы с таким событием столкнулось бы все человечество? И что, если бы конец света оказался бы «ошибочным диагнозом»? Человечество

увидело бы небо и солнце в новом свете — мы бы высоко оценили все, что считали обычным, и все человечество двинулось бы по новой, более разумной траектории.

Только один вид искусства способен передать ощущение того, что наши дни сочтены, и это научная фантастика. Именно это побудило меня создать цикл «Судный день».

Фантастика может создавать целые миры, в которых как писатель, так и читатели могут ощутить и пережить то, что недоступно им в обычной жизни. Вот почему я так страстно люблю фантастику. Я начал писать фантастические произведения как фанат жанра, и у меня нет никаких стройных теорий относительно нее. Мне нравится фантастика, в которой меньше литературы и больше науки. Мне всегда казалось, что фантастика — не тот жанр, который должен приподнимать завесу с реальности и препарировать человеческую природу; я считаю, что фантастика проявляет себя не с лучшей стороны, когда занимается этим. Сила фантастики заключена в ее способности создавать воображаемые миры. Когда-то мне пришла в голову одна мысль, и я до сих пор считаю ее радикальной: мне захотелось разрубить узы, связывающие

фантастику с литературой. (На самом деле, я даже пытался сделать это на форуме «Фантастика» сервера университета Цинхуа, редактируя энциклопедию выдуманных миров. У меня ничего не получилось.) Критика обрушилась на эту идею со всех сторон.

Как однажды сказал А Лай[76], чтобы создать благоприятную для фантастики среду, писатели должны придерживаться своих радикальных идей, а редакторы — исповедовать более взвешенные взгляды. Я полностью с ним согласен, но дело не только в этом: я понял, что, когда фантастика из твоего хобби становится твоей карьерой, сразу появляется великое множество систем, за которыми тебе нужно следить. Например, есть баланс между научными и литературными свойствами произведения, между идеями и сложностью текста, между фантастикой как литературой и фантастикой как рыночным товаром… Создавая свои произведения, я пытался поддерживать все эти системы в равновесии, и поэтому в каждой работе мне в той или иной степени пришлось отказаться от собственной философии. Для меня, писателя, который идет по пути фантастики уже

[76] Примечания: 76

Автор и главный редактор «Мира научной фантастики» на момент публикации данной статьи.

много лет, это признак зрелости.

Кстати, о зрелости: чтобы приехать на эту конференцию, я взял два дня отгула, выдумав совершенно постороннюю причину. А более чем два года назад, когда вышел мой первый рассказ, один мой друг посоветовал мне помалкивать на работе о том, что я пишу фантастику. «В такой индустрии, как наша, многие ошибки и неправильные решения могут сойти с рук, но незрелость здесь не прощают. Если хочешь сделать карьеру, ни в коем случае не позволяй людям считать тебя незрелым».

Многие из нас, возможно, решат, что слова моего друга — симптом того, что наше общество не понимает фантастику, но они, кроме того, напоминают нам о том, что фантастика действительно является незрелым жанром. Например, мы еще не создали собственные миры и пока что просто вплетаем наши истории во множество миров, созданных другими людьми.

Однако не будем забывать, что фантастика по своей природе инфантильна. Она пытается изобразить любопытство и трепет, с которыми новорожденное человечество смотрит на бескрайнюю Вселенную, а также желание людей ее исследовать. Столкнувшись с такими огромными

просторами, человеческая наука и философия действительно оказываются незрелыми, и неудивительно, что фантастика — единственный вид литературы, которая представляет их обеих, настолько пропитана детскостью. Когда наука достигнет своего предела, когда все тайны Вселенной будут открыты, фантастика умрет.

Наше сообщество любителей фантастики завидует тому, что в США фантастику читают взрослые люди; многие из нас считают это признаком зрелости. Но не забывайте: после зрелости наступает старость, а после старости — смерть. Сейчас в США фантастика переживает период расцвета, однако она в основном ограничена телесериалами и фильмами, созданными в стилистике «золотого века». С другой стороны, фантастическая литература в США переживает серьезный спад; выходят произведения, в которых вычурный язык используется для иллюстрации мудреных метафор. Американская фантастика утратила всю жизненную силу «золотого века», и многие из лучших произведений последних лет кажутся мертвыми. Американцы моложе двадцати одного года практически не читают фантастику. Не понимаю, чему тут можно завидовать.

Если кому-то и можно завидовать, то это нам. В это время наши читатели — это утреннее солнце, или даже солнце на заре. Китайская фантастика стоит перед юным, полным надежд рынком, который является для нас, писателей-фантастов, источником надежды и силы. По сравнению с этим «наивность» — просто пустяк.

Исследования показали, что многие животные обладают языком и способностью размышлять; некоторые животные делают инструменты, а небольшое число их даже умеет читать и писать — но пока нет никаких данных о том, что у животных есть фантазия. Таким образом, фантазия — единственное, что отличает людей от животных, и ярким доказательством этого является тот факт, что сегодня на конференции собралось столько любителей фантастики.

Спасибо!

Опубликовано в «Туманности»
№ 2, 2001 г.

Путь в поисках дома
По случаю включения «Блуждающей Земли» в юбилейное приложение к «Миру научной фантастики»

Я написал «Блуждающую Землю» для писательской конференции, которую в 1999 году организовал «Мир научной фантастики». Редактор журнала попросил всех нас привезти свои работы; кроме данного произведения, я также взял «Песню кита», «На краю микрокосмоса» и «Переселенцы во времени» (все они на тот момент еще не были опубликованы). Это был первый раз, когда я участвовал в работе сообщества любителей фантастики.

В гостиницу Сычуаньской ассоциации науки и технологий, которая находилась совсем рядом с редакцией журнала, я прибыл очень поздно. У стойки стояли юноша и молодая женщина — самые красивые люди, которых я когда-либо видел. Они показались мне сказочными персонажами. Я сразу же решил, что они — писатели-фантасты, которые приехали на конференцию, — подсознательно я считал, что она столь же прекрасна, как

и фантастика. Поэтому я поспешно подошел к ним и спросил, участвуют ли они в конференции, и они со смехом ответили, что нет (скорее всего, это были студенты, которые решили отправиться в путешествие на каникулах). Только утром, когда в фойе стали прибывать писатели и редакторы, я понял, что передо мной не боги, а такие же смертные, как и я, — что мифы творят люди, которым в них не место, и что создать миф или написать научно-фантастическое произведение тем двоим прекрасным молодым людям так же сложно, как всем нам — приподнять себя за волосы.

На конференцию А Лай пригласил Фэн Мина, старшего редактора «Журнала рассказов»; тот прочел нам лекцию о состоянии китайской традиционной литературы и подчеркнул, что фантастика должна поддерживать баланс между литературными качествами, научностью и воображением. На самом деле «Блуждающая Земля» — результат моих попыток привести данные параметры в равновесие.

Если человечеству пришлось бы устроить массовый исход — как в моем рассказе, — то я бы отдал свой голос за фракцию, которая хочет улететь на космических кораблях. Если бы мы решили сдвинуть всю Землю, то потратили бы

невероятное количество энергии на перемещение бесполезной массы. Да, она дает нам силу тяжести, но эту силу тяжести можно воссоздать, вращая корабли, на которых мы летим. Однако с точки зрения литературы основной эстетический мотив произведения состоит в том, что наука может отправить целую планету в межзвездный полет. Если заменить Землю на корабли, это будет менее эффектно.

Однако позднее в моей жизни произошло событие, которое едва не заставило меня прекратить работу над этим рассказом. Меня отправили в командировку, и я впервые в жизни полетел на самолете. Глядя на Землю с высоты в несколько километров, я все равно не мог ощутить кривизну ее поверхности; она по-прежнему выглядела как бесконечная равнина. Двигать такую планету — дурацкая затея! Но, вернувшись домой, я решил довести работу над этой историей до конца. Первая версия была в два раза меньше опубликованной, но по совету редактора я увеличил ее. Когда я прочел это произведение на конференции, Ван Цзинькан[77] заметил, что для того, чтобы вдохнуть жизнь в эту идею, понадобилось

[77] Примечания: 77

Ван Цзинькан (р. 1943) — один из лидеров китайской НФ, дебютировавший в 1993 году. Лауреат 18 премий «Млечный Путь».

бы не менее трехсот тысяч иероглифов. Но в то время у меня не было возможности превратить ее в роман.

Во время работы над «Блуждающей Землей» мне пришлось во многом пожертвовать научной точностью. Например, вспышки гелия — феномен, который возникает только на последних этапах жизни звезды; лишь после того как они начали происходить неоднократно на протяжении огромного промежутка времени, звезда может превратиться в красный гигант. Кроме того, моя неопытность заставила меня прописать точные параметры двигателей, чтобы было легче рассчитать ускорение, которое они придадут Земле. Но расчеты показали, что их воздействие практически бы не увеличило ускорение Земли. Они не только не отправили бы Землю в космический полет, но даже не изменили бы ее орбиту.

За много лет я неоднократно слышал и читал отзывы о своих произведениях. Кто-то говорит о моих работах целую вечность, но я не могу их понять, а кто-то может одним предложением показать истину, которая была скрыта от меня. В 2000 году на конференции Ян Пин сказал, что в моих романах сильное ощущение тоски по дому. В то время я с ним не согласился; мне казалось,

что такая тоска — полная противоположность темам, заложенным в мои произведения. Но теперь я восхищенно качаю головой, признавая его правоту. За десять лет многое изменилось, и очень скоро мне придется покинуть место, где я прожил более двадцати лет. Именно здесь я провел почти всю свою юность, именно здесь я написал все мои фантастические произведения, но теперь пришло время уехать. Меня это не тяготит: я не считаю это место своим домом, а где мой дом, я не знаю. И теперь, когда я смотрю на горы за окном, в памяти снова и снова всплывают слова Ян Пина. На самом деле мой путь в фантастике помог мне выбрать путь домой. Мечта о доме сидела где-то так глубоко внутри меня, что я даже подозревал о ней. Вот почему в ходе поисков мне пришлось проделать такой путь. «Блуждающая Земля» именно об этом — о человеке, который отправляется в дальний путь, испытывая лишь чувство одиночества и страх.

Август 2009 г.

Воспоминания фаната фантастики первого поколения
Посвящается публикации «Эпохи Сверхновой»

Обычно мы считаем, что произведения литературного мейнстрима являются тщательно созданными продуктами, результатами сложного творческого процесса, в то время как фантастические романы — по требованию конъюнктуры рынка — пишут быстро, за два-три месяца. Однако существует произведение в жанре фантастики, пять черновиков которого автор писал в течение двенадцати лет; и почти двадцать редакторов и других консультантов не могли ни принять это произведение, ни отказаться от него. Идеи, изложенные в последнем варианте этого романа, прямо противоположны тем, которые появились в первом, и это, должно быть, довольно редкий случай на постоянно меняющемся ландшафте фантастики. Поэтому, когда Издательский дом писателей сообщил мне, что «Эпоха Сверхновой» готовится к выходу, новость вызвала у меня довольно сильные эмоции.

В 1989 году, вскоре после того как я устроился на работу, я отправился в Пекин на Национальную компьютерную выставку. В то время компьютеров в нашей стране было мало, и на той ежегодной выставке показывали почти все китайские достижения в сфере компьютерных технологий и программного обеспечения, так что это было очень важное событие. В ту ночь, когда я ночевал один в рассчитанном на троих человек номере гостиницы, принадлежавшей Северокитайской электрической компании, мне приснился сон: бесконечное заснеженное поле; яростные порывы ветра, которые швыряют во все стороны завитки мелких снежинок, похожих на порох; какой-то объект над головой — может, Солнце, а может, другая звезда — сияет резким голубым светом, а небо циклически окрашивается в зловещие оттенки лилового и зеленого. По равнине в этом призрачном голубом сиянии маршировала фаланга детей. На их головах были тугие белые повязки, а в руках винтовки со сверкающими штыками. Шагая вперед в плотном строю, дети пели неизвестную мне песню… Даже сейчас, когда я вспоминаю это жуткое видение, у меня замирает сердце. Я проснулся в холодном поту и уже не мог заснуть. В ту ночь концепция

«Эпохи Сверхновой» обрела форму. Но даже я не понимаю, почему та сцена из моего сна появилась только в третьем варианте романа.

Я начал писать «Эпоху Сверхновой» в 1990 году, и первый черновик романа несет на себе отпечаток того времени. В нем культура нашей страны была причиной катастрофы; столкнувшись с опасностью, его герои прежде всего думают о том, чтобы построить в самом центре страны Великую стену и отделить мальчиков от девочек… Этот черновик я не дописал. Общество — великолепная школа, и мои взгляды на него сильно изменились, пока я писал роман. Я каждый день общался с рабочими — рядом с нашим комплексом в горах была деревня — и четыре месяца в году мне приходилось по работе проводить в Пекине и других крупных городах. Я никогда не был на Западе, но какое-то время прожил в Советском Союзе, чей красный флаг в то время трепали штормовые ветра… Этого опыта, хотя и обрывочного, оказалось достаточно для того, чтобы изменить мое отношение к китайской культуре на более рациональное и научно-ориентированное. Я понял, что между человеческими обществами по-прежнему существуют огромные различия и что одному вино, другому — яд. Мне

стало стыдно оттого, каким поверхностным и наивным был первый вариант «Эпохи…», и я так и не набрался храбрости, чтобы перечитать его.

Я сразу начал работать над вторым вариантом «Эпохи…», и этот черновик я закончил; в нем более трехсот тысяч иероглифов, и на его создание ушло два года. По сегодняшним стандартам это очень медленно. Если говорить о концепциях, то он был более зрелым, чем первый вариант, но наивным с технической точки зрения; в нем длинные пассажи, посвященные политике, и местами его сложно читать. В условиях того времени было невозможно написать полномасштабный стопроцентно фантастический роман, поэтому мне пришлось — «скрытно, словно вор», по выражению Хэ Си, — вставлять в книгу элементы фантастики.

Когда я завершил работу над черновиком, передо мной встала проблема: куда его отправить? В то время у меня не было ни одного знакомого в издательском бизнесе, и я не имел ни малейшего представления о том, как работает издательство. Первой моей мыслью было отправить рукопись Ян Сяо. Я знал, кто она, поскольку интересовался судьбой «Мира научной фантастики» (в то время он еще выходил под другим названием). Катастро-

фа, произошедшая с жанром в 1980-х, отбросила фантастику обратно буквально в Средневековье, и она практически исчезла с рынка; меня удивил и до глубины души потряс тот факт, что даже в таких обстоятельствах Ян Сяо сумела сохранить журнал. Когда я принес толстую рукопись в наше крошечное почтовое отделение (электронной почты тогда еще не было), то совсем не надеялся, что ее опубликуют, — я думал, что мне даже не ответят. Мне и в голову не приходило, что ответ может прийти так быстро и что он будет таким восторженным. Это письмо сильно меня тронуло. У Ян Сяо рукопись пробыла почти год, и все это время она постоянно связывалась с издателями и время от времени сообщала мне о том, как идут дела. Я помню, что в одном письме она написала: «Пожалуйста, подождите еще немного. Я не верю, что сегодняшней молодежи не понравится литература нового столетия!» По совершенно понятным причинам, в число которых входят и условия, в которых тогда находилась фантастика, книга так и осталась неопубликованной. Рукопись вернулась ко мне потрепанной: она не раз переходила из рук в руки. Приблизительно в то же время я получил письмо от редактора Цинь Бая; он внимательно прочел рукопись и

высказал несколько разумных предложений. «Китай 2185»[78], еще один фантастический роман, который я написал в тот же период, тоже не был напечатан, и он вряд ли выйдет сейчас, когда Е Юнле уже опубликовал произведение на ту же тему. (Произведение Е Юнле, скорее всего, станет бестселлером.) Затем я отправил «Эпоху Сверхновой» еще нескольким издателям, и получил от них один и тот же ответ: «Рукопись очень хорошая, однако опубликовать ее невозможно». Затем на меня навалилась работа и жизнь, и я сделал паузу в процессе редактирования «Эпохи...» и поисках издателя для нее.

Эта пауза длилась десять лет.

Только в 2000 году я снова вспомнил про эту рукопись. К моему удивлению, мне уже не казалось, что ее невозможно опубликовать. Я стряхнул с нее пыль и отправил сначала Тан Фэну, а затем Яо Хайцзюню, и они оба приложили огромные усилия, чтобы издать роман. Тан Фэну я сказал, что мне хочется опубликовать ее в каком-нибудь крупном и солидном издательстве. Оказалось, что это довольно скромное желание: «Народная литература» и «Китайское издательство

[78] Примечания: 78

Роман в стилистике киберпанка. Как отмечают китайские любители фантастики, его скорее сложно издать по политическим причинам.

писателей», два ведущих издателя страны, занимающиеся «серьезной» литературой, были готовы взять мой роман. Затем «Эпоха…» прошла еще три итерации.

В третьем варианте половина книги была переписана. Я ослабил политические и усилил фантастические темы, перенес в черновик абсолютную демократию, построенную в цифровом мире романа «Китай 2185» — только теперь это была уже не утопия, а кошмар. В третьем варианте я также расширил описания боевых действий. Эти элементы были на грани дозволенного, и я знал, что у книги мало шансов выйти в свет, но просто решил исполнить свою мечту и извлечь максимум пользы из своего успеха — как говорится, «одну веревку развяжешь — развяжутся многие».

В четвертом варианте в основном изменились фрагменты, связанные с войной, — театр военных действий стал иным, а средства ведения войны — более научно-фантастическими и странными. Внести эти изменения потребовал редактор, и я против них не возражал. Я понял, что большой уровень реализма в фантастике — это хороший способ быстро привлечь внимание к своей работе, однако оно надолго не задержится. Четвертый

вариант романа стал более фантастичным, но в основании все равно была реальность. Если роман измельчить и слить весь сок, то от него не осталось бы ничего, кроме реальности. Именно тот вариант нравился мне больше всего.

Работа над пятым вариантом стала для меня болезненным процессом: мне пришлось выбросить последнюю часть романа, в которой страны обмениваются территориями, а ведь я считал ее ключевым моментом всей истории. Получив это предложение редактора, я пришел в ужас и уперся. Сейчас, оглядываясь назад, понимаю, что тогда я, как и многие начинающие писатели, вел себя крайне заносчиво, думая только о своей работе, но не о сложностях, которые она может создать для редактора. Мне очень стыдно за свое поведение. Несмотря на ту ошибку, я внес необходимые изменения, потому что, остыв и немного поразмыслив, я понял, что советы редактора не являются столь уж необоснованными: последний фрагмент действительно был похож на гром среди ясного неба. С точки зрения фантастики это был интересный вариант, но для литературы он был непригоден. Если книгу прочтет достаточное количество людей, я выложу эту часть в Сети; а если она разойдется тиражом всего в пару

тысяч экземпляров (а скорее всего, так и будет), я просто откажусь от этой затеи.

Сейчас в Китае интерес к фантастическим романам практически отсутствует, и поэтому я очень благодарен издательству и всем, кто приложил столько усилий, чтобы опубликовать эту книгу.

Эта книга — часть моей юности, и для меня ее издание стало символом того, что в фантастике закончилась весна. Теперь писатели (в том числе и я) мыслят иначе и пишут фантастику совсем не так, как десять лет назад.

Десять лет назад Ян Сяо написала мне письмо, в котором пожаловалась — по-английски: «Как летит время!» На самом деле я только сейчас понял, насколько она права. Раньше китайские фанаты фантастики были похожи на редкие искры; холодными зимними вечерами компании молодых людей набивались в маленькие, неотапливаемые дома и, столпившись у маленьких печек, всю ночь обсуждали прекрасные мечты о фантастике… Так Лин Чэнь описала мир фэнов того времени. Однажды я написал фанатскому клубу в Пекине (одним из его членов был Син Хэ) и сказал, что они могут прийти ко мне домой и воспользоваться моим компьютером. В наше время люди, возможно, назвали бы меня жади-

ной. Ты же компьютерщик, почему ты просто не отдал им старый комп? Конечно, сегодня это было бы легко сделать, но давайте вспомним, какими были компьютеры того времени: у меня был GW0520 CH с 512 K (то есть *килобайтами*) оперативной памяти и жестким диском объемом 20 Мб (то есть *мегабайт*). Вместе с матричным принтером 3070 C за эту машину я выложил 24 900 юаней. (Позднее с помощью этого компьютера мониторили состояние железной дороги. Он работал восемь лет без остановки и до сих пор не сломался.) В то время пейджер был символом статуса, а мобильник размером с кирпич стоил более 20 000 юаней, да еще и за связь приходилось платить две-три тысячи юаней в месяц. А зарплата в то время — в моей относительно богатой индустрии — была чуть больше трехсот юаней. Да уж, как летит время!

Новое поколение китайских фантастов не в состоянии размышлять о прошлом фантастики — у нас его нет. Но сейчас, в последнюю ночь 2002 года, я попрошу вас не судить меня за этот нелепый внезапный порыв. Те из нас, кто родился в 1960-х, скорее всего, являются первым поколением фанатов фантастики, ведь до нас фантастика сначала относилась к научно-популярной литературе, а

до того — к традиционной литературе, и четко очерченного круга почитателей у нее не было. В «Шаровой молнии», еще одном моем романе, есть такой фрагмент: «От этого города веяло ностальгией, чего не бывает в древних городах с тысячелетней историей. Они слишком старые — настолько старые, что человек не ощущает связи с ними, настолько старые, что теряются все чувства. Однако вот такие молодые города навевают мысли о только что минувшей эпохе, о проведенных в них детстве и юности, о собственном прошлом, собственной истории».

Более десяти лет назад зимними ночами я сидел перед черно-белым монитором компьютера и писал «Эпоху Сверхновой» в программе *WordStar*, которая работала из-под DOS. За окном свистел ледяной ветер, однако мне было тепло, и я был весел. Хотя шансов опубликовать мою историю было мало, я настолько верил в китайскую фантастику, что после очередной ночи, проведенной за написанием романа, мне казалось, что солнце, которое встает над горами Тайханшань, — символ китайской фантастики. Но теперь, когда мой роман наконец-то выходит, я ощущаю глубокое опустошение. Недавно я увидел в интернете фотографию группы американских фанатов

фантастики. Возможно, кто-то из китайских фантастов посмотрит на этих сорока– или пятидесятилетних людей с завистью, но я почувствовал только разочарование. В мире фантастики, о котором мы когда-то мечтали, старые фанаты вымирают, а новые еще не родились. И это тоже символ фантастики — она постарела; точнее, старой стала та фантастика, которой восхищалось мое поколение. Появляется новая фантастика, и мы, конечно, прочтем ее и отчасти напишем сами, но она имеет очень мало отношения к тому, о чем мы, первое поколение китайских фанатов фантастики, вспоминаем с такой теплотой.

Уже поздно, через десять минут пробьет полночь. В 2002 году осталось всего десять минут. На самом деле рано или поздно наступает момент, когда у всего остается лишь десять минут… не только у текущего года, но у нас, Земли, Солнца и всей Вселенной — и, конечно, у фантастики, которой мы, первое поколение фанатов, так восхищаемся.

Я желаю китайской фантастике счастливого Нового года.

Опубликовано 20 января 2003 года на форуме «Научная фантастика» сервера университета Цинхуа

«Эпоха Сверхновой»
Послесловие

От моего дома до Пекина более тысячи километров, и в течение тридцати лет моей жизни поездка в Пекин на поезде занимала у меня более семи часов. Но пару лет назад я купил билет на футуристический поезд, максимальная скорость которого составляет 300 километров в час, и с удивлением смотрел на то, как мимо пролетают незнакомые пейзажи: поезд ехал по совершенно новому маршруту. До Пекина я добрался всего за два часа. Линия скоростной железной дороги появилась на окраине моего города, но я понятия не имел, когда начались и закончились работы: все произошло словно в одночасье. По пути поезд целых десять минут ехал по тоннелю со скоростью почти двести километров в час; позднее я узнал, что проехал через самый длинный железнодорожный тоннель в стране. Я помню, что в детстве строительство самого длинного железнодорожного тоннеля (который, возможно, в десять раз меньше этого) стало главной новостью в стране. А теперь про это вообще никто не знает.

Вот как быстро меняется Китай.

Повсюду, словно по волшебству, возникают небоскребы, гипермаркеты и заводы, но главные изменения невидимы: подключенная к интернету территория Китая быстро расширяется, и люди проводят в Сети, по крайней мере, половину свободного времени, если не больше.

Они взаимодействуют между собой, покупают на «Таобао» всевозможные товары, вплоть до хомячков, и огромные группы этих людей могут публично высказывать свое мнение о любых событиях, больших и малых; они формируют мощное общественное мнение, которое превосходит по уровню влияния традиционные СМИ, и быстро становятся крупной силой, от которой зависит будущее Китая. Сцена из «Эпохи Сверхновой», когда интернет и квантовый компьютер обеспечивают общенациональный диалог, в Китае уже фактически стала реальностью. Вчера я отправился в «Новый район Сюнъань» в округе Баодин и увидел новенький, еще строящийся город, где в супермаркетах нет продавцов, в гостиницах — персонала, а в большинстве машин на улицах нет водителей. Людей заменил искусственный интеллект.

Раньше в Китае не было ощущения будущего;

мы подсознательно ощущали, что сегодня — тот же день, что и вчера, а завтра будет таким же, как сегодня. В традиционной китайской культуре, в общем, нет такой концепции, как будущее.

Но сегодня главное качество Китая, которое бросается в глаза, — это его футуристичность. Все меняется с головокружительной скоростью; будущее, от которого захватывает дух, поднимается над горизонтом, словно солнце, — чарующее, однако наполненное ужасающей неопределенностью и опасностью. Все это — богатая почва для фантастики, которая в Китае внезапно оказалась в центре внимания; сегодня даже на слет фантастов, устроенный частными организациями, может приехать заместитель председателя КНР.

Первый вариант «Эпохи Сверхновой» был написан тридцать лет назад. Однажды ночью, когда я был в Пекине в командировке, мне приснился сон: бесконечное заснеженное поле; яростные порывы ветра, которые швыряют во все стороны завитки мелких снежинок, похожих на порох; какой-то объект над головой — может, Солнце, а может, другая звезда — сияет резким голубым светом, а небо циклически окрашивается в зловещие оттенки лилового и зеленого. По равнине, в этом призрачном голубом сиянии, маршировала

фаланга детей. На их головах были тугие белые повязки, а в руках винтовки со сверкающими штыками. Шагая вперед в плотном строю, дети пели неизвестную мне песню… Даже сейчас, когда я вспоминаю это жуткое видение, у меня замирает сердце. Я проснулся в холодном поту и уже не мог заснуть. В ту ночь концепция «Эпохи Сверхновой» обрела форму.

В то время даже я, писатель-фантаст, не поверил бы в то, что через тридцать лет Китай станет таким, как сейчас.

Тем не менее роман аккуратно изображает реакцию китайского народа на мир, который стал новым и становится еще более новым с каждым днем, реакцию на то время, когда старые верования рухнули, а новые еще не появились; он точно отражает состояние полного смятения, или, точнее, реакцию людей среднего возраста и пожилых — таких людей, как я сам. Новое поколение китайцев полностью интегрировано в этот мир; эти люди полностью освоились в эпохе информации. Они умело пользуются интернетом; учить их не нужно, и они быстро приняли его, словно он — неотъемлемая часть их тела. Для них мир и должен быть таким, а изменения являются чем-то самим собой разумеющимся; поместите

их в мир романа, и как только взрослые покинут его, молодежь адаптируется к нему еще быстрее.

Человек постоянно боится, что его бросят. Ты медленно идешь во тьме, держа за руки маму и папу, и, хотя ты их не видишь, их руки служат прочным якорем для твоей души. Внезапно руки разжимаются, и ты беспомощно ищешь их в темноте и кричишь от отчаяния, но бесконечная тьма поглощает твой голос… Скорее всего, каждый из нас когда-то видел подобный кошмар в детстве; вероятно, именно этого боится каждый ребенок.

И кроме того, это величайший страх человечества в целом, он занимает ключевое место в нашей духовной жизни. Глядя в бесконечный черный космос, человечество тщетно ищет пару несуществующих рук, но пока что мы не нашли ни одного следа других разумных существ. Мы сидим на планете, которая является не более чем пылинкой в космосе, а боги наших религий тем временем становятся все менее различимыми.

Поэтому наш мир уже принадлежит тем детям из романа: человечество — сирота, который не может найти руки родителей; его разум переполнен страхом и смятением, а искры наивности и буйства превращаются в пламя… Возможно,

нам повезет даже меньше, чем тем детям, ведь в нашей школе учить нас некому.

Учитывая все это, можно сказать, что история, рассказанная в этом романе, обыкновенная.

«Шаровая молния»
Послесловие

Ночью разразилась гроза. Когда на небе вспыхивали голубые дуги молний, можно было разглядеть отдельные капли дождя за окном. Пошел дождь, гром грохотал все сильнее, а молнии сверкали все ярче. После одной ослепительной вспышки под одним из деревьев материализовался оранжевый объект; он, словно привидение, поплыл по воздуху, освещая струи дождя своим оранжевым сиянием. Казалось, что звучит, словно флейта-сюнь. Меньше чем через двадцать секунд он исчез…

Это не фантастический рассказ, а картина, которую я увидел своими глазами летом 1982 года в городе Ханьдань, который находится в провинции Хэбэй. Это произошло в южной части улицы Чжунхуа, которая в те дни была настоящей окраиной — за ней уже начинались поля. В течение следующих двадцати лет я собрал самые удивительные идеи, связанные с шаровыми молниями.

В том же году я прочел две книги британского

писателя Артура Кларка — «2001: Космическая одиссея» и «Свидание с Рамой». Перевод двух этих романов на китайский ознаменовал собой появление в Китае современной западной фантастики; раньше в стране издавали только произведения Жюля Верна и Герберта Уэллса.

Мне повезло, что в моей жизни произошли два этих события, ведь шаровую молнию видел лишь один человек из ста (статистика приведена в статье «Китайского журнала о метеорологии», но я подозреваю, что этот процент слишком высок), а эти романы, скорее всего, читало менее десятой доли процента населения Китая. Эти книги стали фундаментом моей концепции научной фантастики и катализатором работы над моим циклом «Задача трех тел»; однако на «Шаровую молнию» они не повлияли. В 2003 году, когда я писал этот роман, «Задача трех тел» уже была почти завершена, но в то время мне казалось, что китайским читателям больше понравится такая книга, как «Шаровая молния».

Китайская фантастика появилась на свет более ста лет назад, в конце эпохи правления династии Цин, но в течение почти всей своей истории она развивалась в относительной изоляции, и в течение длительного периода времени была

полностью оторвана от современной западной научной фантастики. Благодаря этому китайская фантастика обрела уникальный стиль, и это отличие становится очевидным, если сравнить «Шаровую молнию» и цикл «Задача трех тел».

В тот период изоляции в китайской фантастике преобладали истории об изобретениях: авторы фокусировались на описаниях некоего футуристического устройства или прибора и строили предположения о том, какой немедленный положительный эффект он может создать. Однако они редко задумывались о более серьезном воздействии техники на общество, и еще меньше говорили о том, как сильно может измениться общество под воздействием технологий. То же самое можно сказать и о «Шаровой молнии»: появление такой мощной технологической силы наверняка сильно повлияло бы на политику, экономику и даже на культуру. Ни один из этих вопросов в книге не освещен.

Но это сходство с ранней китайской фантастикой является довольно поверхностным; по сути, эта история написана не в китайском стиле.

Возможно, описанная в книге шаровая молния напоминает футуристические устройства, но связанные с ней фантазии не встречаются ни в

одном произведении того периода.

И хотя действие романа разворачивается в Китае, который вполне реален, эти крошечные шаровые молнии, похоже, пытаются выйти за границы реальности; они словно мужской галстук, который ограничен своими физическими размерами, но обладает определенной степенью свободы в том, что касается цвета и узоров, и поэтому может выйти за пределы жесткой формулы делового костюма.

В каком-то смысле «Шаровая молния» является приквелом цикла «Задача трех тел», поскольку она завершается первым появлением инопланетян, которые в конце концов станут угрозой для человечества; в ней же есть и версия Дин И, который тоже появится в книгах цикла. В конце романа, когда люди обнаруживают таинственного, вездесущего наблюдателя, из-за которого шаровая молния утрачивает свое квантовое состояние, рассказчик — доктор Чэнь, замечает: «Если вам удастся доказать, что за нашей планетой присматривает сверхнаблюдатель, вся человеческая деятельность выглядит совершенно неразумной… воистину, наше общество окажется в квантовом состоянии, а сверхнаблюдатель заставит его вернуться в состояние

разумное».

Однако общество реагирует совсем не так, как предсказывал Чэнь, а все потому, что сверхнаблюдатель гораздо более зловещий, чем даже само человечество: в отличие от шаровой молнии, которая сосуществует с миром людей, инопланетный сверхнаблюдатель разрушит человеческое общество и поставит земную цивилизацию на грань уничтожения.

* * *

Через восемь лет после первой публикации этой книги, в июле 2012 года, в городе Ланьчжоу разразилась гроза; во время этой грозы группа исследователей Северо-Западного педагогического университета провела наблюдения за неожиданно появившейся шаровой молнией диаметром пять метров. Эта группа сделала первую видеозапись, на которой шаровая молния запечатлена с момента ее появления до момента исчезновения.

На самом деле шаровые молнии не такая уж редкость, и прогресс в их изучении заставляет предположить, что скоро их тайна будет разгадана. Ясно одно: научное объяснение данного феномена будет сильно отличаться от того, что

написано в этой книге. Писатели-фантасты могут рассматривать тему с разных углов, но всегда выбирают наименее вероятную версию. Из великого множества вариантов поведения инопланетных цивилизаций в цикле «Задача трех тел» я выбрал самый мрачный, самый катастрофический. То же самое можно сказать и об этом романе: в нем описан самый экстравагантный вариант, который также является самым интересным и романтичным. Это чистый плод воображения — закругленное пространство, наполненное энергией молнии, бесплотный пузырь, электрон размером с футбольный мяч. Мир, описанный в романе, — это серая реальность; знакомое серое небо и облака, серый пейзаж и небо, серые люди и жизнь, но внутри этого серого банального мира незаметно плывет что-то маленькое, сюрреалистичное, словно пылинка, выпавшая из сновидения. Эта пылинка заставляет нас задуматься о великих тайнах космоса, о возможности существования мира, который совсем не похож на наш.

И еще: обычно в реальности воплощаются самые невероятные варианты, так что — кто знает?

Интервью с Лю Цысинем
О «Шаровой молнии»

Репортер: Мы так рады, что вы согласились дать нам интервью. Вы получили уже пять наград «Млечный Путь», и теперь, познакомившись с «Шаровой молнией», многие читатели наверняка захотят узнать о «курице, которая снесла яйца», так сказать. Расскажите нам о том, как вы писали «Шаровую молнию».

Лю: Я позаимствовал идею «Шаровой молнии» из другого романа, который я не дописал; в нем шла речь о войне в ближайшем будущем. В том, что касается персонажей и сюжета, то с «Молнией» также связан рассказ «Заградительные помехи полного спектра», но по духу, по сути они разные: абсолютный идеализм и поклонение герою из «Помех» в «Молнии» почти исчезли, и их место заняло нечто более сложное и странное. Того, что имеет отношение к боевым действиям, в романе тоже мало, а то, что есть, отодвинуто на задний план.

На публикацию романа ушло четыре года, однако писал я его не очень долго — месяца

три. Больше всего времени рукопись провела у издателя. Один мой друг выложил в Сеть свою рецензию на роман, и это заставило читателей предположить, что произведение уже опубликовано. Но это было не так: роман вышел только сейчас, и он совсем не похож на раннюю версию, которую прочел мой друг.

Репортер: Каков ваш вердикт относительно романа? Считаете ли вы, что он отличается от более ранних ваших работ? Что, по-вашему, является критически важным для фантастических произведений?

Лю: «Шаровая молния» — относительно «чистая» научная фантастика и одно из самых «технологичных» произведений, которые я написал. Первый вариант романа был слегка перегружен описаниями техники, и многие из них пришлось вырезать.

По-моему, главное отличие «Шаровой молнии» от моих ранних работ состоит в том, что роман под завязку набит подробностями. И это не просто какой-то огромный каркас, на который натянуты масштабные полотна. Как я недавно написал в одной статье: «Мир романа богат не только макро-, но и микродеталями».

Мне кажется, что самое важное в больших

фантастических произведениях — это фантастическая фигура, то есть фигура, которая не является человеком — по крайней мере, в том смысле, в каком это трактует традиционная литература. В большом произведении, которое сильно оторвано от реальности, эта фигура может быть целым воображаемым миром; в работах, миры которых почти неотличимы от реальности, этой фигурой может быть воображаемый, пока неизвестный объект. «Шаровая молния» относится ко второй категории. В этом романе я сознательно пытаюсь проявить мою концепцию фантастики и создать не-человеческую, однако яркую фантастическую фигуру — то, что возможно только в фантастике.

Репортер: В начале романа вы говорите, что описание шаровой молнии основано на научных данных. Вы не боитесь, что эксперты или фанаты фантастики раскритикуют его?

Лю: Шаровая молния — загадка природы. Пока что у нас нет теории, которая объясняет ее, и мы не понимаем, как она возникает. У нее невероятно высокая внутренняя температура — десятки тысяч градусов, однако поверхность молнии прохладная. Самое удивительное — это избирательность, с какой она выделяет энергию. У нас есть великое множество сообщений от

людей, которые стали свидетелям невероятных событий, — например, того, как шаровая молния сожгла человека дотла, не повредив его одежду. Недавно русские ученые заявили о том, что им удалось создать шаровую молнию в лаборатории, однако вскоре они выяснили, что фактически они сделали каплю жидкости с электрическим зарядом на поверхности, а это не то же самое, что шаровая молния, которая возникает в природе. Как сказано в предисловии к роману, шаровая молния — это просто литературный образ, воплощение научно-фантастической эстетики; ее нельзя воспринимать как научное объяснение данного феномена. На самом деле мои собственные (наивные и дилетантские) мысли о шаровых молниях сильно отличаются от того, что написано в романе. Объяснение, приведенное в романе, я выбрал не потому, что оно самое логичное, а потому, что оно интригующее и романтичное.

Что же касается критики, то я повторю слова одного мастера фантастики: если вам нужны технические ошибки, то вы прибыли по адресу.

Репортер: В послесловии вы неоднократно упоминаете чудесные миры, созданные великими мастерами фантастики, и выражаете свою любовь к непротиворечивым воображаемым ми-

рам. Соответствует ли этому критерию «Шаровая молния»?

Лю: Если анализировать фантастические произведения (и особенно романы) на их соответствие реальности, то большинство из них можно поделить на две категории: они либо создают свои собственные, завершенные воображаемые миры, которые отчасти или полностью не связаны с реальным миром, или они зажигают искры фантастики в реальном мире — бросают алмазы в серый песок реальности, на фоне которой они сияют еще ярче. Такие произведения, как цикл «Академия» Айзека Азимова и «Дюна» Фрэнка Герберта, принадлежат к первой категории, а недавно вышедший роман «Радио Дарвина» Грега Бира относится ко второй. «Шаровая молния» тоже является сплавом фантастики и реальности. Как написано в послесловии: «Мир, описанный в романе, — это серая реальность; знакомое серое небо и облака, серый пейзаж и небо, серые люди и жизнь, но внутри этого серого банального мира незаметно плывет что-то маленькое, сюрреалистичное, словно пылинка, выпавшая из сновидения. Эта пылинка заставляет нас задуматься о великих тайнах космоса…»

Репортер: Ученые в вашей книге сильно от-

личаются от того, какими их представляют себе люди. У них есть определенная форма «безумия», и чем выше ее уровень, тем более талантливыми они являются. Например, главный герой «Шаровой молнии» несколько раз почти теряет свой статус, и в середине книги его почти заменяет Дин И, физик-бунтарь, который ранее играл второстепенную роль. Это скорее метафизический образ или философский?

Лю: В наше время число профессиональных исследователей сильно увеличилось, и, разумеется, большинство из них — обычные люди, однако среди них есть и всегда были эксцентричные гении. «Большая» литература невысоко ценит подобных персонажей, потому что они не являются типичными в мире, который она описывает. Но типичный мир фантастики и традиционной литературы сильно отличаются, и в первом такие фигуры могут существовать. Это практически данность, что в фантастике необычные люди появляются чаще, чем в традиционной литературе. Если говорить конкретно о Дин И из «Шаровой молнии», то совсем он не такой, как персонаж из «Я услышал это утром», — у него есть несколько реальных недостатков. И, кстати, главный герой романа — это *обычный* человек.

Репортер: Вас часто критикуют за то, что в ваших произведениях нет «настоящих людей». Критики говорят, что ваши персонажи, особенно женщины, — просто пустышки. Но Линь Юнь, героиня «Шаровой молнии», совсем другая.

Лю: На самом деле Линь Юнь тоже охарактеризована очень просто. Вам кажется, что она отличается от других персонажей, но лишь потому, что она — другой человек. Она — не героиня и не идеалистка, и, более того, можно сказать, что она — плохой человек. Тяжелые детство и юность сделали ее холодной, словно машина, а ее разум — слегка извращенным… Но, как я уже сказал, литературная фигура, которую я пытаюсь создать в романе, — не героиня, а шаровая молния.

Мне бы хотелось слегка отклониться от темы. Возможно, кто-то спросит, почему главная героиня ведет себя именно так, а не иначе. Возможно, кто-то поставит под сомнение ту роль, которую она играет в романе. Я как автор тоже искренне мечтаю о том, чтобы ее образ был недостоверным, но, к сожалению, это не так — реальность гораздо сложнее любых постулатов и теорий.

Репортер: Во многих ваших произведениях — например, в «Пылающих недрах» и в «Заградительных помехах полного спектра» — ощущаются

значительная доля реализма и патриотический пыл. Исключением не стала и «Шаровая молния». Как вы оцениваете этот аспект вашей работы? Это не странно — придерживаться националистических настроений в фантастике, жанре, который в целом продвигает общечеловеческие ценности?

Лю: По-моему, тут у вас инерция мышления. Возможно, в «Шаровой молнии» действительно есть «значительная доза реализма», о которой вы говорите, но в ней нет никакого «патриотического пыла» и вообще никаких намеков на национализм — и совершенно точно в романе нет исполнения желаний. Нельзя сказать, что Китай в романе одержал победу; он, как и весь остальной мир, столкнулся с макросинтезом, который является более страшной угрозой, чем война. Однако описания являются реалистичными, и характеристики главной героини отражают текущее состояние вооруженных сил. Но, как я уже говорил, все это сделано только для того, чтобы повысить уровень актуальности в романе.

Что же касается моих более ранних произведений, то ощущение реализма и патриотизма в них зависит от их темы. В «Поэтической туманности» и «Микро-эре» нет никакого реализма, а в «Пожирателе» и «Я услышал это утром» нет пат-

риотизма. Фантастика, как вы и сказали, — это литература пангуманизма, но это не значит, что национальная точка зрения ей противоречит. Неужели вы думаете, что человек, который предал своих во время войны в 1940-м, пожертвует собой ради спасения цивилизации в 2140-м?

Репортер: В прошлом вы говорили о макродеталях и о необходимости отделить фантастику от литературы, и это свидетельствует о том, что ваши представления о жанре сильно отличаются от мнения читателей. Если бы можно было удалить из уравнения рынок и читателей, какую фантастику вы бы писали?

Лю: Больше всего я хочу писать фантастику, которая дает свободу моему воображению и позволяет моим мыслям бродить по самому макроскопическому макромиру и самому микроскопическому микромиру. Сейчас я говорю именно о таких произведениях, как «Море сновидений» и «Поэтическая туманность». Если честно, то именно их я люблю больше всего. Сочинять подобные произведения — настоящее удовольствие, это «пикник на миллиард лет» (так называется книга о фантастике, которую написал Брайан Олдисс).

К сожалению, читатели такие работы не одоб-

ряют. Я уважаю их желания и больше писать произведения в этом цикле не буду. Однако подобные идеи постоянно возникают в моей голове и приносят мне огромное наслаждение. Для меня они — источник удивительных приключений, которые происходят в моем сознании. Я до сих пор считаю, что именно для этого нужна литература-фантазия, и в том числе фантастика.

Репортер: Последний вопрос. Что ждет китайский рынок фантастики? Появились ли у вас планы новых произведений, которые позволят вам и дальше оставаться лидером на рынке фантастики, вожаком фантастов?

Лю: Я просто инженер и писатель-фантаст; я живу в глуши, и у меня нет каких-то особых знаний о ситуации на рынке. В США эпоха журналов, печатавших фантастические рассказы, закончилась, и им на смену пришли романы. Возможно, китайская фантастика тоже пойдет по этому пути. Мне кажется, что рынок романов взлетит, если появится пара больших произведений, которые разойдутся тиражом в миллион экземпляров, а их киноадаптации принесут сотню миллионов юаней, или если по ним снимут хорошие сериалы, которые CCTV покажет в прайм-тайм. Пока что ни одного из этих «святых

Граалей» не видно.

Мои творческие планы… мы, писатели-дилетанты, не обладаем полной свободой действий. Все зависит от того, сколько свободного времени у меня будет — если много, то мне бы очень хотелось написать еще один роман; если нет, то я продолжу работать над малой и средней формой. И мне не кажется, что я вожак — немногочисленное сообщество китайских фантастов пока нельзя назвать стадом, и каждая из входящих в него овец обладает уникальными характеристиками. Настоящего лидера у нас еще нет — ни в том, что касается рынка, ни в том, что касается литературных тенденций. Мы можем лишь надеяться на то, что он (или она) скоро появится.

Опубликовано в июле 2004 года в «Туманности II», Сычуаньское издательство научной и технической литературы

Худшая из всех возможных Вселенных, лучшая из всех возможных Земель
«Задача трех тел» и китайская научная фантастика

Несколько лет назад в Китае вышел научно-фантастический роман под странным названием «Задача трех тел».

Он был частью трилогии под общим названием «В память о прошлом Земли». После выхода первого тома «Трех тел» (*примечание: официальное название первой книги — «Задача трех тел»*) последовали еще два — «Темный лес» и «Вечная жизнь Смерти». Однако «Тремя телами» китайские читатели обычно называют всю трилогию.

Научная фантастика — не тот жанр, который пользуется большим уважением в Китае. Критикам давно советуют не обращать внимания на эту категорию; фантастику считают частью детской литературы. Тема «Трех тел» — вторжение инопланетян на Землю — не является чем-то новым, но говорят о ней редко.

Поэтому для всех стало сюрпризом, что книга вызвала огромный интерес в Китае и стала пред-

метом дискуссий. Обсуждая «Три тела», люди потратили беспрецедентное для фантастического романа количество чернил и пикселей.

Я приведу несколько примеров. Основные потребители научной фантастики в Китае — это школьники и студенты. Однако «Трем телам» каким-то образом удалось вызвать интерес у специалистов из области информационных технологий; на интернет-форумах и других площадках люди спорили и обсуждали книгу (в частности, космическую теорию «Темного леса» — ответ на парадокс Ферми, а также вторжение инопланетян на Солнечную систему); в этом они увидели метафорическое изображение беспощадной конкуренции между китайскими интернет-компаниями. Затем «Три тела» привлекли внимание литературного мира, в котором всегда господствовал реализм. «Три тела» были похожи на чудовище, которое внезапно вырвалось на свободу; роман привел критиков в недоумение, но они чувствовали, что не могут от него отмахнуться.

«Три тела» повлияли в том числе на ученых и инженеров. Ли Мяо, космолог и специалист по теории струн, написал книгу под названием «Физика „Трех тел“». Роман полюбили многие авиаконструкторы, и авиакосмическое агентство

Китая даже попросило меня консультировать его (несмотря на тот факт, что в моем романе авиакосмическая индустрия представлена такой консервативной и закоснелой, что для продвижения новых идей офицер-экстремист был вынужден совершать массовые убийства). Подобная реакция, вероятно, хорошо знакома американским читателям (вспомним книгу «Физика „Звездного пути“» и регулярное общение ученых из НАСА с писателями-фантастами), но в Китае это нечто неслыханное, резко контрастирующее с официальной политикой подавления научной фантастики, которая действовала в 1980-х.

В Сети можно найти много песен, которые фанаты сочинили по «Трем телам»; читатели мечтают об экранизации, и некоторые даже создали фейковые ролики такого фильма на основе кадров из других кинолент. В *Sina Weibo* — китайском микроблогинговом сервисе, похожем на «Твиттер», многие пользователи назвали себя в честь персонажей «Трех тел» и комментируют текущие события так, как это сделали бы выбранные ими персонажи, тем самым расширяя сюжет романа. Из-за этого некоторые предположили, что общество «Земля — Трисолярис», вымышленная организация людей-предателей,

которая становится «пятой колонной» в ходе вторжения инопланетян, уже существует. Когда Национальное телевидение Китая, крупнейшая телевещательная корпорация страны, попыталось снять ток-шоу на тему научной фантастики, сто с лишним людей, присутствовавших в студии в качестве зрителей, начали скандировать цитату из романа «Задача трех тел»: «Уничтожить тиранию людей! Мир принадлежит Трисолярису!» Телеведущие были совершенно ошарашены и не знали, что делать.

Конечно, эти события — всего лишь очередная глава в истории китайской научной фантастики, которая началась сто лет назад.

Китайская фантастика родилась на рубеже двадцатого века, когда династия Цин балансировала на грани катастрофы. В то время китайские интеллектуалы были увлечены западной наукой и технологиями и считали, что только знания спасут страну от нищеты, слабости и общей отсталости. В то время было опубликовано много работ, популяризировавших науку, в том числе научно-фантастические произведения. Лян Цичао, знаменитый ученый и один из лидеров неудавшихся «Ста дней реформ» (11 июня — 21 сентября 1898 г.), написал фантастический рас-

сказ «Хроника будущего Нового Китая». В нем он изобразил Всемирную выставку в Шанхае — и эта фантазия была воплощена в жизнь лишь в 2010 году.

Китайская фантастика, как и большинство жанров литературного выражения, должна была служить практическим целям. На заре своего существования она стала инструментом пропаганды для тех, кто мечтал о сильном Китае, свободном от колониального гнета. Поэтому научно-фантастические произведения, опубликованные с конца правления династии Цин до начала республиканского периода, почти всегда изображали будущее, в котором Китай был сильной, преуспевающей и развитой страной, пользующейся уважением во всем мире.

После провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. фантастика превратилась в инструмент, популяризирующий научные знания, и была в основном ориентирована на детей. В большинстве произведений акцент делался на технологии, а не на гуманизм, в них действовали примитивные персонажи, а сами произведения были написаны простым и даже наивным языком. Лишь в немногих романах действие развивалось за орбитой Марса, и большинство

описывали лишь ближайшее будущее. В этих произведениях наука и технология всегда являлись силами добра, а технологическое будущее всегда было светлым.

В первые годы после коммунистической революции все аспекты жизни были пропитаны политикой и революционным пылом, и казалось, что даже сам воздух был наполнен пропагандой коммунистических идеалов. Учитывая этот контекст, можно было бы предположить, что научная фантастика того периода тоже будет наполнена описаниями коммунистических утопий. Но на самом деле ни одной работы подобного типа найти не удается. Практически ни в одном из произведений коммунизм не являлся главной темой, не было даже самых примитивных набросков, продвигающих эту концепцию.

К 1980-м годам, когда начались реформы Дэн Сяопина, влияние западной фантастики на китайскую стало более очевидным. Китайские писатели-фантасты и критики заспорили о том, что главное в научной фантастике — «наука» или «фантастика», и в конечном счете победу одержали литераторы. Эти дискуссии оказали огромное влияние на развитие китайской фантастики, и в каком-то смысле их можно считать

отложенной реакцией на движение «новой волны» на Западе. Фантастика наконец избавилась от необходимости быть просто инструментом для популяризации науки и теперь могла двигаться в новых направлениях.

Начиная с середины 1990-х начался ренессанс китайской фантастики, который продолжается по сей день. Новые писатели со свежими идеями мало связаны с прошлым веком, и по мере того как китайская фантастика становилась более разнообразной, она начала утрачивать свою отчетливую «китайскость». Современная китайская фантастика больше похожа на мировую, и теперь в ней можно легко найти, например, стили и темы, разработанные американскими писателями.

Интересно отметить, что связанный с наукой оптимизм, на котором строилась китайская фантастика прошлого века, почти полностью исчез. Современная фантастика отражает подозрения и тревогу, связанные с научно-техническим прогрессом, а будущее, изображенное в новых научно-фантастических произведениях, является мрачным и неопределенным. А если в каких произведениях и есть светлое будущее, к нему ведет весьма извилистый путь.

* * *

В момент выхода «Трех тел» атмосфера на китайском рынке научной фантастики была тревожной и подавленной. Многолетние усилия, направленные на маргинализацию фантастики, привели к тому, что ее читательская база уменьшилась и замкнулась в себе. Фанаты НФ представляли себя племенем на маленьком острове и считали, что чужаки их не понимают. Писатели прилагали все усилия, чтобы привлечь читателей, не относящихся к этому «племени», и им казалось, что они должны отказаться от «научно-фантастического фундаментализма» и повысить литературные качества и уровень реализма.

В первых двух частях «Трех тел» можно обнаружить усилия, предпринятые в этом направлении. Действие первого тома в основном разворачивается в эпоху «культурной революции», а во второй части в Китае будущего по-прежнему существуют социополитические институты, очень похожие на современные. Тем самым я пытался повысить у читателей ощущение реализма, дать фантастическим элементам фундамент в настоящем. В результате и мой издатель, и я мало

верили в успех третьей части. Сюжет продолжал развиваться, и его уже было невозможно привязать к современности, и мне пришлось описывать далекое будущее и далекие уголки космоса, а китайские читатели, по всеобщему мнению, подобными вещами не интересовались.

Мы с издателем подумали, что третий том не будет пользоваться успехом, и поэтому лучше не пытаться привлечь внимание читателей, которые не любят фантастику. Меня утешала мысль о том, что я напишу роман в жанре «чистой» фантастики, — ведь я считал себя хардкорным фанатом НФ. Так я написал третью часть цикла «для себя» и наполнил ее искусственными черными дырами, двумерными, многомерными и миниатюрными вселенными, а время действия продлил до тепловой смерти Вселенной.

И, к нашему полному удивлению, именно третья часть, написанная только для любителей фантастики, сделала популярной всю трилогию.

История с «Тремя телами» заставила писателей-фантастов и критиков заново оценить китайскую научную фантастику и Китай. Они поняли, что образ мышления китайских читателей изменился. По мере того как модернизация ускорилась, новое поколение, в отличие от своих родителей,

думало не только о настоящем; его интересовало будущее и космос. В настоящее время Китай отчасти похож на США «золотого века» американской фантастики, когда наука и технологии наполняли будущее ощущением чуда, создавали как великие кризисы, так и великие возможности. Это плодородная почва для роста и процветания научной фантастики.

* * *

Научная фантастика — литература возможностей, и Вселенная, в которой мы живем, тоже обладает бесконечными возможностями. Для людей одни вселенные лучше, чем другие, и «Три тела» показывают худшую из всех возможных вселенных — ту, в которой жизнь предельно мрачная и суровая.

Недавно канадский писатель Роберт Сойер, обсуждая «Три тела», связал мой выбор худшей из всех возможных вселенных с историческим опытом Китая и китайского народа. Он, канадец, утверждал, что с оптимизмом относится к будущим отношениям между людьми и инопланетянами.

Я не согласен с его анализом. В китайской фантастике прошлого века Вселенная — дру-

желюбное к людям место, а инопланетяне обычно являются друзьями или наставниками, обладающими бесконечным терпением и снисходительностью; они выводят нас, заблудших овечек, на истинный путь. В «Острове лунного света» Цзинь Тао, например, инопланетяне успокаивали людей, испытавших эмоциональную травму во время «культурной революции». В книге «Далекая любовь» Тун Эньчжена человека и инопланетянина связывают восхитительные романтические отношения. В произведении Чжэн Веньгуана «Отражения Земли» человечество показано настолько морально разложившимся, что добрые, высокоморальные инопланетяне испугались и были вынуждены бежать, несмотря на то что значительно превосходили землян по уровню развития технологий.

Но если оценить место, которое занимает цивилизация землян в этой Вселенной, люди кажутся гораздо больше похожими на коренных жителей канадских территорий до прибытия колонистов из Европы, чем на современных канадцев. Более пятисот лет назад сотни разных народов, относящихся к более чем десяти языковым группам, населяли земли от Ньюфаундленда до острова Ванкувер. Их опыт контакта с «инопланетной»

цивилизацией гораздо более похож на то, как это изображено в «Трех телах». Незабываемое описание этих событий приведено в эссе «Канадская история: взгляд коренного жителя» Джорджа Эрасмуса и Джо Сондерса.

В «Трех телах» я написал о худшей из всех возможных вселенных в надежде, что мы создадим лучшую из всех планет под названием Земля.

«Задача трех тел»
Послесловие к американскому изданию

Среди воспоминаний из детства в памяти четко отпечаталась одна ночь: я стоял на берегу пруда рядом с деревней где-то в округе Лошань в провинции Хэнань — там, где жили несколько поколений моих предков. Рядом со мной много людей — и взрослые, и дети. Вместе мы смотрим на чистое темное небо, по которому скользит звездочка.

Это был первый китайский спутник «Дунфан Хун-1». На календаре 25 апреля 1970 года, и мне тогда было семь лет.

Тринадцать лет прошло с тех пор, как в космос запустили спутник, и девять лет с того дня, как Землю покинул первый космонавт. Всего лишь за неделю до той ночи «Аполлон-13» вернулся из опасного путешествия на Луну.

Ничего не зная об этом, я смотрел на летящую звездочку, мое сердце было наполнено невыразимым любопытством и волнением. Кроме того, я прекрасно помню, что мне хотелось есть.

В то время в моей деревне, как и во всей округе, царила запредельная бедность, и постоянным спутником каждого ребенка был голод. Мне еще относительно повезло, ведь у меня была обувь, а большинство моих друзей были босы, и на нескольких детских ножках все еще виднелись незажившие следы обморожения. Позади нас стояли ветхие лачуги с соломенными крышами; из трещин в их стенах виднелся тусклый свет керосиновых ламп — электричество в деревню подвели только в восьмидесятых.

Взрослые сказали, что спутник не похож на самолет, потому что он летит высоко над Землей. В то время заводы еще не загрязнили воздух дымом и копотью, и звездное небо было особенно ясным, и Млечный Путь — четко виден. Мне казалось, что звезды на небе не дальше от нас, чем крошечный спутник, и поэтому я думал, что он летает между ними. Я даже встревожился, что он наткнется на одну из них.

Моих родителей со мной не было — они работали в угольной шахте, которая находилась в провинции Шаньси, более чем за тысячу километров от деревни. Несколькими годами ранее в районе шахты развернулись боевые действия между группировками, участвовавшими в «куль-

турной революции». Я помню стрельбу по ночам, проезжавшие по улицам грузовики, в которых сидели вооруженные винтовками люди с красными повязками на руках… Но в то время я был слишком мал, и поэтому не могу сказать, являются ли эти образы настоящими воспоминаниями, или картинами, которые я вообразил себе позже. Ясно одно: на шахте было слишком опасно, моих родителей тоже затронула «культурная революция», и поэтому им пришлось отправить меня в их родную деревню, в Хэнань. В тот день, когда по небу пролетел «Дунфан Хун-1», я уже прожил там более трех лет.

Прошло еще несколько лет, прежде чем я понял, какое расстояние разделяло спутник и звезды. В то время я читал простые научно-популярные книги из серии под названием «Сто тысяч почему». В книге, посвященной астрономии, я прочел, что такое световой год. Я уже узнал, что свет за секунду преодолевает расстояние, равное семи с половиной окружностям Земли, но никогда не думал о том, какое ужасное расстояние можно пересечь, двигаясь с такой скоростью в течение целого года. Я представлял себе луч света, который проходит сквозь холодный безмолвный космос со скоростью 300 000 километров в се-

кунду. С трудом воображая леденящие огромные просторы и глубину космоса, я чувствовал груз невероятного страха и благоговения и одновременно испытывал что-то похожее на эйфорию, вызванную наркотическим опьянением.

Тогда я понял, что обладаю особым талантом: масштабы и объекты, которые выходили за пределы человеческого восприятия — как в макро-, так и в микромире — и которые другим казались всего лишь абстрактными числами, в моем сознании принимали конкретные формы. Я мог прикоснуться к ним, почувствовать их точно так же, как другие могли прикоснуться к дереву или камню. Если речь заходит о радиусе Вселенной, равном 15 миллиардам световых лет, или о «струнах», которые на несколько порядков меньше, чем кварки, у большинства людей начинается ступор, но в моем сознании концепции светового года или нанометра создают живую, величественную картину в моем мозгу и пробуждают во мне невыразимый трепет и шок. Большинство людей не испытывает подобных ощущений, и я не знаю, повезло мне в этом или не повезло. Но мне ясно, что подобные ощущения сначала превратили меня в фаната фантастики, а затем в писателя-фантаста.

В тот же год, когда меня потрясла концепция светового года, недалеко от моей деревни произошло наводнение («Великое наводнение августа 75-го»). За один день в регионе Чжумадянь в Хэнани выпало рекордное количество осадков — 100,5 сантиметра. Пятьдесят восемь плотин обрушились, и началось наводнение, в ходе которого погибли 240 000 людей. Вскоре после того как вода спала, я вернулся в деревню и увидел в округе толпы беженцев. Мне показалось, что настал конец света.

Спутник, голод, звезды, керосиновые лампы, Млечный Путь, локальные гражданские войны «культурной революции», световой год, наводнение… все эти на первый взгляд не связанные друг с другом вещи объединились и образовали первую часть моей жизни, а также создали облик фантастики, которую я пишу сейчас.

Я, писатель-фантаст, который начинал как простой фанат фантастики, не использую свои произведения для того, чтобы как-то замаскировать критику реальности. Мне кажется, что величайшая притягательная сила фантастики связана с ее способностью создавать великое множество воображаемых миров. Я всегда считал, что самые великие и прекрасные истории в исто-

рии человечества не пели бродячие менестрели, о них не писали пьесы и романы — нет, эти истории нам рассказали ученые. Истории о науке гораздо более величественные, интересные, глубокомысленные, завораживающие, странные, жуткие, таинственные и даже трогательные по сравнению с теми, которые можно найти в художественной литературе. Однако эти чудесные истории скрыты в холодных уравнениях, и большинство людей не знает, как их прочитать.

Мифы разных народов о сотворении мира бледнеют по сравнению с величием Большого взрыва. Продолжающаяся уже три миллиарда лет история эволюции живых существ — от самокопирующихся молекул до нашей цивилизации — содержит в себе такие повороты сюжета и романтические темы, которых не найти ни в одной легенде или саге. А еще есть поэтический образ пространства-времени в теории относительности, чудный субатомный мир квантовой механики… все эти прекрасные научные истории обладают невероятной притягательностью. С помощью научной фантастики я стремлюсь с помощью силы воображения создать свои собственные миры, показать в этих мирах поэзию Природы и поведать романтические легенды о

Человеке и Вселенной.

Но я не могу уйти от реальности и отказаться от нее — точно так же, как не могу оторваться от своей тени. На каждом из нас реальность оставляет неизгладимый след. Эпоха заковывает в невидимые кандалы каждого, кто прожил ее, и я могу лишь плясать в своих цепях. В научной фантастике человечество часто представлено единой общностью. В данной книге человек по имени «человечество» сталкивается с катастрофой, и все, что он демонстрирует при этом, несомненно, берет свое начало в реальности, в которой я жил. Чудо фантастики заключается в том, что она, при наличии определенных условий, может превратить темные и жуткие черты нашего мира в светлые и праведные, и наоборот. Эта книга и ее два продолжения пытаются сделать именно это, но каким бы образом мое воображение ни искажало реальность, она никуда не девается.

Мне всегда казалось, что люди всегда будут больше всего бояться встречи с иной цивилизацией. Другие великие события — такие как изменения климата и экологические катастрофы, имеют определенную последовательность и «встроенные» периоды адаптации, однако контакт между человечеством и инопланетянами

может произойти в любой момент.

Возможно, через десять тысяч лет звездное небо, на которое смотрит человечество, останется пустым и безмолвным, но, быть может, однажды мы проснемся и увидим, что на орбите припарковался инопланетный космический корабль размером с Луну. Появление внеземного разума заставит человечество встретиться с Другим. Ранее человечеству как единому целому никогда не приходилось иметь дело с внешним партнером или противником. Появление этого Другого, или даже знание о том, что он существует, непредсказуемым образом повлияет на нашу цивилизацию.

Наивность и доброта человечества, выбравшегося на просторы Вселенной, поражают. На Земле люди могут высадиться на другом континенте и без колебаний уничтожить найденные там другие цивилизации с помощью войны и болезней. Но, глядя на звезды, они становятся сентиментальными и верят, что внеземные цивилизации должны быть связаны вселенскими, благородными законами морали, словно любовь и забота о других формах жизни является универсальным самоочевидным правилом поведения.

Лично мне кажется, что все должно быть с точ-

ностью до наоборот: давайте смотреть с добротой не на звезды, а на представителей человеческой расы на Земле и создадим доверие и понимание между разными народами и цивилизациями, которые являются частью человечества. Но в том, что касается Вселенной, которая находится за пределами Солнечной системы, мы всегда должны быть начеку, мы должны предполагать, что Другие действуют с самыми худшими намерениями. Для такой хрупкой цивилизации, как наша, это наиболее благоразумный план.

* * *

Я — фанат фантастики, она во многом определила мою жизнь, и значительная часть фантастики, которую я читаю, прибыла из Америки. Тот факт, что американские читатели теперь смогут получить удовольствие от моей книги, радует меня и приводит в трепет. Научная фантастика — это литература, которая принадлежит всему человечеству, и поэтому именно этот жанр должен быть наиболее доступным читателям из разных стран. Фантасты часто описывают день, когда человечество объединится и будет жить в гармонии, и, по-моему, для того, чтобы этот день настал, не нужно ждать, когда сюда прибудут

инопланетяне.

Я выражаю искреннюю благодарность Кену Лю, который перевел эту и третью часть цикла, а также Джоэлу Мартинсену, переводчику второго тома. Издание этой книги на английском языке появилось на свет благодаря их стараниям и заботе. Я благодарен Китайской корпорации по экспорту и импорту образовательной литературы (CEPIEC), издательству «Мир научной фантастики» и «Тор букс» — публикация этой книги стала возможной благодаря их вере и доверию.

28 декабря 2012 г.

«Темный лес»
По случаю завершения работы

Писать романы в свободное от работы время — настоящее приключение; ведь никогда не знаешь, какое препятствие ждет тебя в очередной раз. Помехи могут быть маленькие — например, срочные дела, или большие — например, уничтожение Земли. Прежде чем я приступил к работе над «Темным лесом», сочинение романов шло гладко, и даже возникало ощущение, что расписание помех составлено заранее, и что по расписанию они должны возникнуть уже после того, как я допишу роман. Но на этот раз все проблемы возникли в тот момент, когда работа над романом была в самом разгаре. Откладывать роман, а затем снова браться за него очень неприятно, и даже болезненно, но когда работа прерывается неоднократно — это просто ужасно. Роман «Темный лес», вторая часть цикла «Задача трех тел», был написан именно так. Я предполагал потратить на него четыре месяца, но он отнял у меня все девять.

Пока я работал над романом, больше всего

меня волновала роль личности в истории. Роль отдельного человека в научном прогрессе оценить легче. Возьмем, к примеру, законы природы — если бы их не открыл Ньютон, это сделал бы кто-то другой — Льютон, скажем, или Мьютон. Но в социологии или в истории это не так. Вот я написал в романе «Шаровая молния»:

«Жизнь — это серия случайностей, она целиком состоит из вероятностей и шансов. Она — словно веточка, плывущая по ручью, которая наткнулась на камень или попала в водоворот…» Таким образом, роль великих людей в истории всегда была покрыта тайной. Я также хочу процитировать то, что написал во второй части «Задачи трех тел»:

«– Вы на самом деле верите в решающую роль личности в истории?

— Ну, я думаю, что это теория, которую невозможно доказать или опровергнуть, разве что мы откатим время назад, убьем пару или дюжину выдающихся людей и посмотрим, что станет с историей. Разумеется, нельзя исключать варианта, что ход истории был определен теми реками, которые выкопали или запрудили эти личности.

— Но есть и другой вариант: эти ваши великие люди могут оказаться не более чем пловцами в

реке истории. Может быть, они оставили свои имена в истории из-за мировых рекордов, которые установили, или из-за почета и известности, которые заслужили, но на течение самой реки не оказали никакого влияния…»

На самом деле описать мир с низших слоев общества до вершин его пирамид, создать его четкую панораму — мечта каждого писателя, но добиться этой цели получается не у всех. Далеко не каждый из нас Толстой или Бальзак. Поэтому фантастика всегда создает воображаемую историю, рассказывает ее с точки зрения отдельных личностей и гигантов одновременно. Это можно найти повсюду, в том числе в «Академии» и «Дюне».

Но, возможно, вы заметили, что гиганты в фантастике — это символы. Например, главный герой второй части «Задачи трех тел» может символизировать группу людей, и, хотя они не восхищаются звездным небом и им плевать на мораль, это позволило им сбросить оковы, ограничивающие мышление, и познать истины Вселенной, и это знание помогло им применить оружие и выжить.

Смерть — это железная стена. Как я написал в «Блуждающей Земле»: «Эта стена бесконечно

высока и уходит бесконечно глубоко в землю. Она тянется бесконечно далеко вправо и влево».

Я могу лишь признать, что боюсь смерти, и верю, что хорошая смерть не лучше трудной жизни. Возможно, с точки зрения отдельного человека это прозвучит пошло, но для целой цивилизации это выглядит совсем по-другому. Возможно, люди отмахнутся от моих слов, пока будут оставаться на Земле, но когда они выйдут в космос, их мнение изменится.

Когда пишешь роман, проживаешь целую жизнь. Эти девять месяцев моей жизни уже позади. Когда я приступил к работе, была весна, очень холодная, и теперь на улице снова холодно. Возможно, Вселенная тоже живет такими циклами, пусть даже ее масштаб времени и больше в десять квинтиллионов раз.

Мне кажется, что именно писатель-фантаст — человек, который поистине счастлив, и что фантастика действительно позволяет нам не стареть.

9 ноября 2007 г.

Опубликовано в блоге автора на сайте sina.com.cn

Теория «темного леса»

Как старый любитель научной фантастики (я без колебаний готов причислить себя к первому поколению ее фанатов), я всегда верил, что во Вселенной существует великое множество разумных существ и цивилизаций. Если какие-то цивилизации знают про существование других цивилизаций и могут общаться с ними, значит, весьма вероятно, что существует космическое сообщество. На что оно похоже? Какие отношения складываются между видами разумных существ? Подобные вопросы всегда меня интересовали.

Обычно китайская фантастика смотрит на внеземные цивилизации сквозь розовые очки. Поэтому я — ради интереса — хочу сыграть роль бунтаря и представить худшую из всех возможных вселенных.

При изучении космических обществ у нас есть только одна точка отсчета — общество самих людей. На земле есть разные культуры, и каждая из них является запредельно комплексной; взаимодействия между этими культурами также сложные и запутанные, и они зависят от бесчисленного множества политических, экономиче-

ских и исторических факторов. И если просто сравнить космическое сообщество цивилизаций с человеческим обществом, будет сложно прийти к каким-то однозначным выводам.

Но однажды меня посетило вдохновение — на футбольном матче, на первом футбольном матче, который я смотрел на стадионе. Это произошло на пекинском Стадионе Трудящихся, когда китайская сборная играла против итальянской «Сампдории». В то время я только что устроился на работу и поэтому мог позволить себе только самые дешевые билеты. Сидя в самом последнем ряду, я смотрел на поле, которое раскинулось далеко внизу. До поля было так далеко, что игроки расплывались, словно в дымке. Я видел лишь постоянно изменяющуюся матрицу из двадцати трех движущихся точек (одной, особой точкой был футбольный мяч). Даже Гуллит, звезда того матча, для меня был всего лишь точкой. И хотя я пожалел о том, что не взял с собой бинокль, мне стало ясно, что передо мной четкая математическая структура.

Внезапно я понял, что звезды в космосе должны выглядеть точно так же.

Расстояние между звездами скрывает сложную структуру каждого цивилизованного мира.

Для таких наблюдателей, как мы, инопланетные цивилизации кажутся просто светящимися точками; особенности каждой цивилизации представлены в виде ограниченного числа параметров каждой точки. Таким образом, космическое общество цивилизаций тоже должно напоминать математическую структуру.

Если мы хотим изучать космическое сообщество цивилизаций с этой точки зрения, сначала нам нужно создать фундамент — систему аксиом, на основе которой мы будем делать умозаключения. Я предлагаю следующие аксиомы:

Первая: главная потребность цивилизации — выжить.

Вторая: цивилизация постоянно растет и расширяется, но объем вещества во Вселенной остается неизменным.

Первая аксиома, должно быть, соответствует действительности. Вторую часть второй аксиомы космология еще не доказала. Однако, по-моему, они вполне логичны и годятся для создания научно-фантастических миров.

Затем, основываясь на фактах, мы можем сделать три главных вывода.

Во-первых, общение между космическими цивилизациями — крайне сложный процесс,

и, в общем, невозможно понять, действует ли другая цивилизация с добрыми намерениями, поскольку:

А. При условии, что действуют известные нам законы физики, а расстояние между звездами огромно, общение между ними происходит с большой задержкой.

Б. Связь также осложняют огромные различия в биологии. На Земле живые существа делятся на царства, типы, классы, отряды, семейства, роды и виды. Чем выше иерархия, тем сильнее различия между организмами. Люди и существа, относящиеся к другим родам, совершенно не могут понять друг друга. Если представить подобную ситуацию в масштабах космоса и допустить существование неуглеродных организмов, то вполне возможно, что различия между инопланетянами и людьми больше, чем между существами, принадлежащими к разным царствам.

Во-вторых, возможно взрывное развитие технологий. Людям понадобилось 100 000 лет, чтобы перейти из каменного века в сельскохозяйственную эру, но эпоху паровых машин и век информации отделяют всего 200 лет. В любой момент времени в истории цивилизации может настать период быстрого развития технологий.

Таким образом, даже примитивные или зарождающиеся цивилизации могут представлять опасность.

В-третьих, поиск цивилизаций — обратимый процесс. Я прихожу к данному выводу на основе «принципа обратимости хода оптических лучей». Если одна цивилизация во Вселенной может обнаружить другую, значит, рано или поздно произойдет и обратное.

На основе моих аксиом и умозаключений можно сделать несколько простых выводов и создать модель космического сообщества цивилизаций. Я уже изложил свои соображения на этот счет в романе «Темный лес», второй книге цикла «Задача трех тел». Как я и надеялся, мне удалось создать худшую из возможных вселенных. Как можно увидеть из названия, моя вселенная невероятно мрачная, и в ней существует только один вид отношений: как только одна цивилизация обнаруживает другую, она всеми силами стремится ее уничтожить. Это не имеет ничего общего с этическими принципами самих цивилизаций; пока две предложенные мной аксиомы верны, все цивилизации неизбежно будут руководствоваться принципом «уничтожить остальных». Мои китайские читатели назвали это умозаключение

«теоремой темного леса».

С другой стороны, мой вывод, возможно, является самым мрачным объяснением парадокса Ферми: если какая-либо цивилизация заявит о себе, то будет уничтожена в мгновение ока. Вот почему во Вселенной царит абсолютная тишина.

Конечно, мой вывод — всего лишь одна из множества возможностей, которые может предложить фантастика. Сейчас мы все еще не в состоянии подтвердить или опровергнуть «теорему темного леса».

Научная фантастика в целом — это жанр, построенный на предположениях. Она перечисляет возможности, чтобы читатели могли насладиться ими и поразмышлять, и самыми завораживающими обычно являются наименее вероятные гипотезы. Однако в этой волшебной вселенной любая невозможная вещь может стать частью реальности. Как сказал один астрофизик: «У звезд есть одно свойство: если бы на самом деле они не существовали, это было бы очень легко доказать».

Поэтому я верю, что представлять себе худший из всех вариантов вселенных, по крайней мере, благоразумно.

Опубликовано в «Литературе Шаньси»
№ 2, 2015 г.

«Вечная жизнь Смерти»
По случаю завершения работы

Трилогия «Воспоминания о прошлом Земли» завершена. 880 000 иероглифов, настоящий кирпич.

В последнее время я постоянно получаю письма, эсэмэски и звонки — и все просят меня поскорее дописать третью книгу; в какой-то момент я начал чувствовать себя бедным крестьянином-арендатором Яном Байлао из народной пьесы «Седая девушка». В моих ушах постоянно звенят крики помещика: «Цысинь, если не вернешь долг до конца года, мы заберем твою дочь».

Учитывая все обстоятельства, можно сказать, что я дописал книгу довольно быстро. Вторая часть, «Темный лес», была опубликована в 2008 году, но затем по не зависящим от меня причинам я не смог работать над следующим романом в течение всего следующего года. «Вечную жизнь Смерти» я закончил приблизительно за год — очень быстро, если учесть, что у меня был годичный перерыв. Чтобы отшлифовать все 360 000 слов романа как следует, мне на самом деле по-

надобилось бы года три-четыре.

Мы постоянно требуем, чтобы товары были качественными, но как их производят? Если речь идет о романах, то для них нужно время. Конечно, есть и гении, которые могут сочинить классическое произведение с закрытыми глазами, но они появляются раз в сто лет. Обычным писателям вроде меня требуется гораздо больше времени; нам нужно строить миры, кирпич за кирпичом, и вести медленный, длительный внутренний диалог.

Но даже если бы читатели на меня не давили, я все равно не стал бы писать роман три-четыре года. Стремление получить удовольствие быстро — крайне важный фактор, и он действует и на меня. Писатели, которые способны так долго находиться в одиночестве, столь же редки, как и мужчины, которые могут не флиртовать в присутствии женщин.

Еще одна причина высокой скорости — мое собственное ощущение кризиса. Мне кажется, что мое творчество — это экскурсия по придуманным мной мирам. Я вожу эту группу туристов уже десять лет, но мы не посмотрели и половины достопримечательностей, не говоря уже о новых местах, которые только-только появились.

Это заставляет меня нервничать, ведь я знаю, что в любой момент может произойти что-то неожиданное — дорогу может затопить, а наш автобус могут захватить террористы. Я, заядлый читатель фантастики, понимаю, что мои страхи небеспочвенны.

Из всех неожиданных событий, которые могут прервать развитие китайской фантастики, наиболее тревожащим, скорее всего, являются массовые беспорядки. Однажды на конференции я сказал читателям, что фантастику создают беззаботные люди, у которых есть свободное время. Никто со мной не согласился, но это была правда. Вселенские катастрофы завораживают нас только в том случае, если наша жизнь тихая и стабильная. Более того, два из трех периодов расцвета китайской фантастики оборвались именно из-за волнений в обществе, ведь они смертельно опасны для данного жанра. Надеюсь, что это просто пустые страхи писателя-фантаста. Надеюсь, что времена мира и процветания продолжатся, ведь для фантастики они крайне благоприятны.

Но, в любом случае, мы — те, кто путешествует по стране фантастики, — должны ускорить шаг. В эту новую эпоху нам следует быть гедонистами. Как написано в «Вечной жизни Смерти»: «Здесь — одно мгновение; там — тысячелетия».

Опубликовано в блоге автора на сайте sina.com.cn
2 сентября 2010 г.

Восстановление доверия к научной фантастике
О «Вечной жизни Смерти»

До того как роман «Вечная жизнь Смерти», третий том «Задачи трех тел», вышел, мы с издателем не надеялись на эффект от него выше, чем от двух предыдущих томов трилогии. Для серий есть одно надежное правило: «продолжения становятся все менее популярнее первой части», поэтому мы выбрали стратегию «что хорошо началось, нужно хорошо закончить». Приступая к работе над третьей частью, я все прекрасно понимал и поэтому уже не особо рассчитывал на то, что книга заинтересует кого-то, кроме фанатов. На этот раз мне хотелось написать максимально «чистую» фантастику. Крайне позитивная реакция читателей на «Вечную жизнь Смерти» удивила всех, но я все равно не думал, что «Задача трех тел» ознаменует собой начало новой эры в китайской научной фантастике, ведь книга вышла совсем недавно, и невозможно было понять, произведет ли она какой-либо долгосрочный эффект. За китайской фантастикой я начал следить в 1970-х, и

в течение почти всего этого периода ее истории оставался пассивным наблюдателем, а активное участие в развитии жанра принял лишь в последней трети этого временного отрезка. Китайскую фантастику, опубликованную за эти тридцать лет «штурма и натиска», в общем, можно описать репликой из одного фильма Фэн Сяогана[79]: «она с криком бросилась в бой и яростно сражалась, но конец ее был печален, и сейчас о ней вспоминают только шепотом». Но я надеялся, что на сей раз все будет иначе.

«Вечная жизнь Смерти» стала таким приятным сюрпризом не потому, что привлекла внимание фанатов: это должно было произойти в любом случае, ведь эта книга — уже третья в серии. Но я совершенно точно не ожидал, что ею заинтересуются «обычные» читатели. Если бы это произошло с первым или вторым романом, это было бы не так приятно. По сравнению с другими частями «Задачи трех тел» «Вечная жизнь Смерти» содержит максимальное число фантастических элементов и является «технологической фантастикой» — или тем, что Ван Цзинькан называет «базовой» или «фундамен-

[79] Примечания: 79

Фэн Сяоган (р. 1958) — китайский кинорежиссер, сценарист, актер, многократный лауреат Азиатской кинопремии.

тальной» фантастикой… Короче говоря, это — научная фантастика, соответствующая самому радикальному определению жанра, которое придумали мы, его фанаты. И, по мнению инсайдеров в издательстве, «Вечная жизнь Смерти» обладала наименьшими шансами завоевать популярность у «нефанатов». Вот почему успех романа меня так приятно удивил.

Я обратил внимание на то, что читатели, не входящие в «тусовку», часто брались за третий роман, не ознакомившись с первыми двумя. На поздних этапах редактирования я составил глоссарий терминов из первых двух частей — в основном для того, чтобы объяснить такие новые слова, как «Отвернувшиеся» и «темный лес», но в окончательный вариант романа этот глоссарий не вошел. Поэтому человек, взявший в руки третий том, столкнется с большими трудностями, если он не читал предыдущие части. Я поговорил с двумя «обычными» читателями про их ощущения, и они сказали, что сюжет романа для них был неясен. Я спросил, почему они продолжили его читать, и они сказали, что их увлекли элементы научной фантастики.

Это очень меня порадовало.

Мы, фанаты фантастики, всегда жалели се-

бя, мы всегда считали, что живем на острове и чувствуем, что другим непонятен наш мир. Нам казалось, что все остальные считают нас детьми, которые не могут повзрослеть и цепляются за самые низкие и инфантильные образы из науки и литературы. Все зашло так далеко, что мы изолировались даже в рамках самой фантастики. Писатели и критики считают, что наше определение жанра слишком догматичное и узкое, что мы возводим барьеры, мешающие широкой публике принять фантастику. Дошло до того, что даже такой поклонник фантастики, как Адам Робертс[80], полагает, что фанаты научной фантастики в целом, а также их «догматичные и узкие» представления о фантастике приносят данному жанру больше вреда, чем пользы. О ценностях «кэмпбелловской» фантастики, которые нам дороги, постепенно забывают, и такой фанат, как я, гордящийся своим упрямством, начинаю сомневаться в них и думать о том, что они действительно утратили свою притягательность.

Но теперь стало ясно, что это не так. Классический стиль научной фантастики, образ которого фанаты хранили в своем сердце, до сих пор

[80] Примечания: 80

Адам Чарльз Робертс (р. 1965) — британский писатель-фантаст, сатирик, филолог и исследователь истории научной фантастики.

способен привлечь массового читателя; люди, живущие в новую эпоху, тоже могут ощутить красоту нашего мира. Мы не просто чудаки-затворники, и если кто-то называет нас «детьми», значит, мы «нормальные дети» (так Карл Маркс называл древнегреческую цивилизацию). Это заставляет меня вспомнить слова одного философа: «система принципов, какой бы старой она ни была, не утрачивает свою жизненную силу».

Какой путь выберет китайская фантастика? На этот вопрос нет простого ответа. Но можно сказать следующее: в фантастике есть определенные темы, обсуждение которых уже можно прекратить, потому что они стали уже избитыми еще в 1970-х, когда я только обратил свое внимание на фантастику. Если какой-то вопрос остается нерешенным в течение тридцати лет, то для науки его ценность возрастает. Но если такой вопрос остается нерешенным в литературе и, более того, если он никак не способствует ее развитию, то о нем можно забыть. К числу таких вопросов относятся следующие: что важнее для фантастики — наука или литература? Должен ли быть образ науки в фантастике позитивным или негативным? На самом деле все эти вопросы предлагают нам сделать ложный выбор, ведь

в одних произведениях важнее всего наука, а в других главную роль играют литературные качества. Есть оптимистичные произведения, которые описывают светлое будущее, построенное с помощью технологий, но есть и другие — они предупреждают о «темной стороне» технологий. Орсон Скотт Кард сказал, что каждая литературная форма — это клетка. Есть клетка «чистой» литературы, есть клетки для фантастики, детективов и сентиментальной прозы. Читатели и критики запирают писателей в разные клетки и теряют к ним интерес; тем временем писатели-фантасты нередко обнаруживают, что мир внутри их клетки больше того, который снаружи. Мне кажется, что Кард определил базовую сущность фантастики: она — литература, не имеющая общепринятого определения и четких границ, обладает большим пространством для развития. Оно настолько велико, что, по мнению некоторых, традиционная литература в жанре реализма является лишь подмножеством фантастики. Есть фантастика, которая описывает будущее, есть фантастика, которая описывает прошлое, и поэтому фантастика, посвященная настоящему, — это традиционная литература. Как бы то ни было, литература в жанре реализма,

конечно, не просто копирует реальность, а перерабатывает ее с помощью воображения.

Итак, есть ли у произведений, принадлежащих ко всем этим разным стилям и школам фантастики, хоть что-то общее? Мне кажется, что да, и самая важная общая черта — следующая: фантастика — литература содержания, а не формы. Сейчас традиционная литература становится все более стилизованной, и главное в ней — не то, что сказано, а как именно это сказано. Но для фантастики самое важное — что сказано. Некоторые критики полагают, что сейчас в традиционной литературе все имеющиеся сюжеты уже использованы, поэтому единственный путь, который позволяет двигаться вперед — это работа с формой. Но в фантастике сюжеты еще не скоро будут исчерпаны. Самое большое преимущество фантастики заключается в богатстве ее сюжетных ресурсов — ресурсов, которые постоянно восполняются благодаря успехам в науке. Например, любовь — тема, которую часто называют вечной, — в традиционной литературе представляет собой матрицу элементов, организованных в определенной комбинации, но в научной фантастике может быть третий пол, и даже больше полов, и в фантастических произведениях воз-

можна любовь между людьми и разумными машинами, или людьми и инопланетянами. Поэтому фантастика значительно превосходит остальные виды литературы по количеству ресурсов. Ей не нужно поспешно сворачивать на сложный путь стилизации.

Более важно то, чтобы в фантастике, в которой постоянно появляются все новые стили, оставались определенные элементы — на этом должна настаивать, по крайней мере, определенная часть писателей. Тот факт, что «классическая» научная фантастика пришла в упадок в США, не означает, что перед ней должны закрыть двери в Китае. Китайская фантастика все еще находится на раннем этапе развития, и читатели только-только начали ценить традиционную фантастику. Пройдет еще очень много времени, прежде чем у них возникнет проблема пресыщения. Мы живем в то время, когда фантастика и фэнтези начали объединяться, и в некоторых произведениях грань между этими жанрами уже размыта, но традиционная фантастика все еще существует. Более того, она продолжает оставаться фундаментом, краеугольным камнем жанра. Как точно выразился один писатель, есть рассвет и есть закат, но это не значит, что день и ночь —

это одно и то же. Вот урок, который мы извлекли из цикла «Задача трех тел».

Прямо сейчас величайшая опасность для фантастики — не гибель, а потеря курса и утрата концентрации. Фантастика проникла во все сферы жизни, и это по иронии судьбы заставляет фантастику как литературу поблекнуть. Поэтому мы должны еще упорнее отстаивать основные принципы научной фантастики и искать для нее новые темы.

7 марта 2012 г.
«Писательский бюллетень»
№ 2, 2012 г.

5
Взгляд на книжную полку

«Королевская битва» и «Неумолимое уравнение»

У тех, кто связан с научной фантастикой, есть одна не очень хорошая привычка — присваивать своему жанру произведения, которые получили широкую известность. Мы уже проделали это с романами Уильяма Голдинга «Повелитель мух» и «1984» Джорджа Оруэлла, а теперь я хотел бы экспроприировать еще одну работу: японский кинофильм «Королевская битва»[81].

Никто не назвал бы «Битву» фантастическим фильмом, но в нем действительно есть элементы жанра. Прежде всего, его действие разворачивается в выдуманном мире ближайшего будущего. Несомненно, найдутся люди, которые сочтут детали мира довольно реалистичными, но тем не менее очевидно, что его основные технологические особенности в настоящее время невозможны. Фантасты бы нашли в его мире изъяны. «Закон о реформе образования в новом тысячелетии» на-

[81] Примечания: 81

«Королевская битва» (2000), — японский художественный фильм режиссера Киндзи Фукасаку, снятый по одноименному роману Косюма Токаму. Фильм получил четыре награды Японской киноакадемии и был тепло принят кинокритиками и зрителями.

столько жесток, что по сравнению с ним Колизей Древнего Рима выглядит символом милосердия; ведь гладиаторы, по крайней мере, получали необходимую подготовку и снаряжение. Если в ближайшем будущем правительство какой-нибудь страны попытается возродить этот период истории, то сами его члены и создатели такого «Закона» быстро лишатся голов. Таким образом, мир «Королевской битвы» — вымышленный.

Невероятная притягательность «Королевской битвы» состоит в том, что это — великолепная аллегория человеческого общества. Фильм безжалостно срывает покровы, слой за слоем, со своего объекта, обнажая его фундаментальные свойства. Это очень похоже на то, чем занимаются естествоиспытатели, с той разницей, что для них объектом изучения является природа. Законы развития природы и человечества вечно скрыты за многочисленными слоями тумана; один из них — трение, существование которого полностью маскировало первый закон Ньютона, который теперь кажется нам таким простым. А вот сущность человеческого общества во многом скрыта за другим туманом — туманом чувств. Так же как энергия ускорительной установки сама по себе может разрушать субатомные частицы,

так и чрезвычайные обстоятельства сами по себе способны обнажать сущность человеческой культуры — и иногда для создания подобных обстоятельств необходимы методы научной фантастики. Разумеется, научные открытия нас восхищают, а вот откровения относительно законов общества, особенно когда они воплощены в литературе и изобразительных искусствах, заставляют многих нервничать.

Люди часто оказываются в ловушке чрезвычайных обстоятельств, подобных тем, которые изображены в «Королевской битве». Если наше жизненное пространство ограниченно, выживем ли мы, ликвидировав других, или умрем все вместе? На самом деле подобная дилемма сопровождает нас в течение всей жизни, хотя ставки — наша работа, наши романтические отношения — не являются вопросом жизни и смерти, и сам факт ее существования скрыт за вездесущей пеленой тумана любви и нежности. Серьезные социологические науки редко принимают в расчет человеческое тепло и доброту: примером тому служит экономика — она лишилась бы своего фундамента, если бы экономисты не исходили из того, что люди всегда действуют в своих интересах. Конечно, это не значит, что

«Королевская битва» — научное исследование; ясно, что Киндзи Фукасаку хотел выразить другие мысли. Однако с точки зрения ученого история, которую он рассказывает, — это «холодный» социологический эксперимент.

И это подводит нас к «Неумолимому уравнению» — классическому фантастическому произведению, мир которого, по сути, является таким же, как и в «Королевской битве». Единственное отличие состоит в том, что девушка из «Уравнения» добровольно идет на смерть, а вот девушки из «Королевской битвы», скорее всего, перерезали бы горло астронавту, выбросили его труп в космос и научились управлять кораблем. (Хотя, вероятно, сам астронавт перерезал бы глотку девушке.) Если социологи попытаются с помощью научных методов предсказать, как развивались бы события в этом миниатюрном мире, они ни за что не станут рассматривать вариант событий, который описан в рассказе; их мысли двинулись бы в том же направлении, что и сюжет фильма.

Еще один урок, который дает нам «Королевская битва», состоит в том, что доступность фантастики и вульгарность — не одно и то же. Стиль «Битвы» экстремален, и насилие в нем изобра-

жено реалистично, в мельчайших подробностях. (По слухам, режиссер, которому сейчас семьдесят с чем-то лет, пострадал во время Второй мировой войны.) Однако фильм нельзя назвать сложным: я уверен, что даже школьник без труда поймет все, что происходит на экране, хотя позволите ли вы ему смотреть «Королевскую битву» — это совсем другой вопрос. Насколько я помню, на обложке DVD-диска была большая метка с рейтингом «18+». По-моему, у детей должна быть возможность посмотреть этот фильм; ведь такие зрители, как я — «извращенцы», которых он завораживает, которые высоко ценят его жуткую красоту, — находятся в меньшинстве. Посмотрев его, большинство детей поймет, что такое настоящее насилие; возможно, они даже задумаются о том, что такое война, и в результате у нас будет больше пацифистов, чем кровожадных маньяков. Они также узнают несколько важных истин о людях. Возможно, именно в этом состояла цель режиссера, который снял эту картину. Кто-то в Сети выразил эту мысль лучше всех: «Киндзи Фукасаку агрессивен, потому что ему не все равно».

А теперь я скажу вам, зачем я написал это эссе: если честно, то я не собирался копировать «Королевскую битву» в «Эпохе Сверхновой», несмотря

на то, что отдельные детали сюжета в первой половине романа в точности повторяют события фильма. Роман был написан задолго до того, как фильм вышел в прокат, и эти материалы уже были в первом черновом варианте, но один редактор настоял на том, чтобы их вычеркнуть, и поэтому во второй они не попали. Они вернулись в третьей и четвертой версиях, хотя и в значительно «ослабленном» виде: бойня превратилась во что-то вроде игры. Дети, которые убивают друг друга в «Эпохе Сверхновой», моложе героев фильма, им всего одиннадцать-двенадцать лет; они, как и в фильме, сражаются за свою страну — и в первом черновике уровень жестокости был практически таким же, как и в фильме. У меня «холодный» взгляд на историю, но даже при этом мне было нелегко сочинять эту историю. Я помню, как у меня дрожала рука (в то время я еще не писал на компьютере). Были моменты, когда мне приходилось останавливаться и переписывать эпизоды. У романа возникли проблемы с публикацией, и в настоящий момент до его выхода очень далеко. Каждый редактор, который читал рукопись, требовал удалить сцены насилия или свести их к минимуму, и даже если эта книга выйдет, данные материалы в основном уже вы-

чищены в интересах «морали», а жаль.

Опубликовано 2 октября 2002 года
на форуме «Научная фантастика»
сервера университета Цинхуа

Научная фантастика, которая нам нужна
О «Черном солнце» Джека Уильямсона

Если вы хотите увидеть бесконечный сон, я могу вам кое-что посоветовать: зимней ночью (лучше всего, если это будет зима на севере Китая) придите в большой темный склад, пустой, похожий на пещеру, где нет отопления и все почти обледенело. Ложитесь на твердый деревянный настил и накройтесь чем-нибудь тонким — но холод не должен быть слишком сильным, ведь тогда вы не заснете. Сны, которые вы увидите в эту ночь, будут высочайшего качества, ведь сны, увиденные в холодной комнате, являются наиболее фантастическими. Более того, когда вы проснетесь, от холода вы не сможете четко отделить сон от реальности.

The Black Sun [«Черное солнце», 1994] — вот такой сон.

В этом сне вы стоите посреди черно-белой Вселенной. Белое у вас под ногами — бесконечная льдина, а черное — то, что у вас над головой, —

бездонные глубины космоса. Но еще там есть черное мертвое солнце, диск, который чернее неба, и на нем сияет только сеть красных трещин. Ваша маленькая группа ошеломленно бродит по льдине, а маленький черный камень позади вас управляет вашим сознанием, обрушивая на вас холодный свет звезд. Все вы видите черную башню, храм, который сохранился в неприкосновенности в течение триллиона лет, и с черных стен храма на вас смотрят желтые глаза странных зверей… Все это происходит в миллионе световых лет от Земли и через миллиарды лет в будущем. На Земле — планете, которая невообразимо далека от вас, человеческая цивилизация давно угасла. Возможно, самой планеты тоже уже нет. В этой холодной и одинокой Вселенной остались только вы — жалкая горстка, остатки расы людей, и вы бродите во снах по замерзшим морям под черным солнцем… Вот мир, который создал для нас Джек Уильямсон[82] — мир, который заставляет нас содрогнуться и тем не менее завораживает.

Почему мы читаем фантастику? Для обычного

[82] Примечания: 82

Джек Уильямсон (1908–2006) — американский классик научной фантастики, дебютировал в 1928 году, писал НФ, космическую оперу, фэнтези и иногда хоррор. В 1975 году признан Грандмастером жанра.

читателя это вопрос типа «сколько будет один плюс один?». Но для сообщества китайских фантастов это еще и своего рода нерешенная проблема Гольдбаха. Китайская фантастика похожа на дрожащий, мерцающий огонек; ее прерывистая история длится уже сто лет, и в течение этого времени на этот вопрос отвечали по-разному. И даже сейчас эта тема представляет интерес для сообщества. Это фундаментальный вопрос для фантастики, он — фундамент, на котором стоит этот жанр литературы. И хотя *The Black Sun* не дает четкого ответа на этот вопрос, данное произведение по-прежнему может многому нас научить.

Самый первый ответ на этот вопрос дал мастер Лу Синь[83]. Он верил, что фантастика поспособствует распространению науки в Китае и поможет одержать победу над невежеством. Разумеется, никто не будет отрицать, что это величайший уровень понимания, особенно если учесть обстоятельства того исторического периода. Оно, возможно, было более значимым, чем более подходящие ответы, которые были найдены позднее. И, более того, в то время вы-

[83] Примечания: 83

Лу Синь (1881–1936) — китайский писатель, признанный основоположник современной китайской литературы.

брать любую другую цель для фантастики было бы глупо и даже непростительно. Эта теория об исторической миссии фантастики просуществовала до 1950-х, после чего стала еще более строгой и утилитарной. Фантастика превратилась в инструмент, с помощью которого школьники и студенты изучают науку. Многие разделяют данное мнение даже сейчас. Но какие научные знания можно почерпнуть из *The Black Sun*?

Возможно, читатель и может что-то узнать, но данное произведение, скорее, не учит, а направляет его. Даже если мы посмотрим на него глазами не очень дотошного ученого… Корабль, который летит в виде квантовой волны и выходит из этого состояния, когда натыкается на гравитационное поле звезды; камни долголетия, которые также управляют мыслями — пусть даже мыслями существ другого вида и пусть даже после миллиардов лет, проведенных на планете под черным солнцем, — такие идеи не выдерживают никакой критики.

В 1980-х вопрос о том, почему мы читаем фантастику, наконец-то получил второй ответ: чтобы лучше понять общество, изображенное в научно-фантастических декорациях. *The Black Sun* во многом связано с природой человека и обще-

ства; космический корабль — это человеческое общество в миниатюре, где есть и эгоизм, и мелочность, и алчность, и коварство. В то же время по сравнению с Западной фантастикой 1990-х годов особенно примечательными являются персонажи этого произведения. Но если вы не забыли эту книгу спустя несколько десятилетий после того, как прочитали ее, то не из-за ее персонажей. Читателю, которому нужны яркие характеры, лучше купить полный комплект «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака. В том, что касается общества и человеческой природы, проза Бальзака глубже. Более того, вы, возможно, забудете всех персонажей *The Black Sun*, но вы точно запомните ощущение страха и изумления, которое вызвала у вас одинокая планета под черным солнцем.

Есть еще один ответ на вопрос «зачем читать фантастику?» — она помогает нам внутренне подготовиться к тому, что может произойти с человечеством в будущем. И если мы готовы, то можем предпринять меры заранее, или, по крайней мере, невозмутимо взглянуть в лицо катастрофы. В *The Black Sun* определенно описано будущее, и в нем определенно произошла катастрофа, но это будущее наступит лишь через миллиарды лет и в нескольких миллионах све-

товых лет отсюда. Мы знаем, что наше Солнце закончит свою жизнь совершенно иным образом. Если к тому моменту на Земле еще останется цивилизация, она погибнет в море огня, а не льда, так что катастрофа, описанная в *The Black Sun*, является слегка надуманной.

Почему же *The Black Sun* все равно нас очаровывает? Ответ очень прост: мы хотим отправиться в его мир. Мы хотим посетить планету, которую создал Джек Уильямсон, — планету под черным солнцем, от которой нас отделяет миллиард лет. Мы хотим взять черный камень долголетия, придуманный Уильямсоном, привязать его к голове и видеть сны, которые он посылает.

Иногда мы начинаем подозревать, что Бог — это писатель-фантаст, ведь задача фантастики — создать уникальный мир, даже если он существует только в нашем воображении. Более того, ранняя фантастика не пыталась создавать новые миры, а ограничивалась тем, что придумывала лишь определенные его элементы: их примером могут служить машины из романов Жюля Верна. Позднее фантастика развилась и перешла от создания машин к созданию миров; произошел скачок — писатели-фантасты превратились из инженеров в творцов. Но быть творцом нелегко:

воображаемые миры в классических научно-фантастических произведениях миров настолько редки, что их можно пересчитать на пальцах. «Большая литература» оставила нам персонажей — таких как Гамлет и Дон Кихот, а фантастика дала нам Галактическую империю Айзека Азимова, космический корабль из «Свидания с Рамой» Артура Ч. Кларка и пустынную планету Дюну Фрэнка Герберта. *The Black Sun* — не очень старая книга, и поэтому неизвестно, является ли ее мир классическим, но мы можем сказать, что он действительно поражает воображение.

Почему вы поднимаетесь на гору? Потому что она существует. Почему вы читаете фантастику? Потому что мир, описанный в фантастическом произведении, не существует! Да: воображаемые миры, созданные фантастами, притягивают нас благодаря чувству отчуждения, или, скорее, потому, что они далеко отстоят от реальности. В нашей серой повседневной действительности мы остро ощущаем, какой ограниченной и пресной является реальность; мы мечтаем размножиться в геометрической прогрессии, заполнить Вселенную, словно туман, ощутить тайны и красоту бесчисленного множества миров и прожить несколько жизней в разное время и в разных

местах. Только воображение и сны помогают нам отчасти воплотить это желание в жизнь. И это — одна из главных особенностей фантастики, которые делают ее столь притягательной.

Предыдущие теории фантастики делали акцент на двух пунктах, связанных с воображаемыми мирами. Во-первых, мир должен обладать внутренней логикой и сформировать полную и закрытую логическую систему. Это, по сути, работа ученого. Особенно наглядным примером является неевклидова геометрия: хотя она позднее получила широкое распространение в географии и теоретической физике, изначально ее создали математики, чтобы удовлетворить потребность в геометрическом мире. Во-вторых, воображаемый мир должен быть странным и экстраординарным, чтобы его непохожесть на реальный мир потрясла читателей. Многие классические фантастические произведения достигают двух этих целей, но их публикация в Китае прошла почти незамеченной — возможно, потому что эти работы — сознательно или нет — забыли о третьем условии: осознать расстояние между воображаемым миром и реальным.

Прежде всего, нужно объяснить, что в данном случае означает «расстояние»: это не физическое

расстояние, но, скорее, степень свободы и воображения. Сюжет «Звездных войн», возможно, разворачивался «давным-давно в далекой-далекой галактике», как написано в сценарии Джорджа Лукаса, но сам мир с его лазерными мечами и космическими кораблями фактически не отличается от Средневековья на Земле; поэтому мы можем сказать, что это — фантастика, которая недалеко отстоит от реальности. Хол Клемент[84] в рассказе «Критический фактор», практически неизвестном в Китае, описывает гипотетическую форму жизни — бесформенную, жидкую, живущую в почве и узнающую о силе тяготения, падая с потолка пещеры. Да, возможно, это существо жило на Земле, но если говорить о воображении, то оно очень далеко от нашей реальности.

Воображаемые миры научно-фантастических произведений не должны быть слишком похожи на реальный мир, иначе они потеряют свое обаяние и значимость. Но расстояние между воображаемым миром и реальностью не может быть слишком большим, ведь в этом случае читателю будет не за что «зацепиться». Создать воображаемый мир — все равно что запустить

[84] Примечания: 84

Хол Клемент (1922–2003) — американский писатель, поддерживал естественно-научное направление в «твердой» научной фантастике.

спутник: если скорость слишком мала, он упадет на Землю, но если она слишком велика, то он покинет орбиту и улетит в космос. Воображаемый мир может по-настоящему ожить только в том случае, если автор сохранит баланс между реальностью и воображением. И автору *The Black Sun* это удалось.

Когда мы анализируем элементы мира *The Black Sun*, мы видим, что они не так уж отличаются от элементов реального мира. Прежде всего, Черное солнце, похожее на кусок сгоревшего угля, можно сравнить с любой другой мертвой звездой — и оно является гораздо более понятным объектом, чем черная дыра. Вид ледяной поверхности звезды соответствует картинам, которые мы можем найти на полюсах Земли. Превращение людей в земноводных существ не покажется очень странным или необычным тому, кто живет на Земле… Все эти образы таковы, что читатель может заполнить их элементами реальности в своем сознании и тем самым создать рычаг реальности, который можно применять по необходимости. В результате читатель получает возможность гулять по воображаемому миру, не встречая препятствий на своем пути. Но поскольку мир, состоящий из этих элементов, все равно

достаточно далек от реальности, поскольку он вызывает у нас дрожь благодаря своей экстраординарности, мы чувствуем его просторы, его холод. Мало кто из китайских читателей может оценить эту особенность *The Black Sun*, потому что у них относительно небольшой опыт чтения фантастики.

Огонь китайской научной фантастики зажгли произведения Западных авторов. Любимые произведения китайских любителей фантастики — по-прежнему книги Западных писателей, но в последние годы ситуация начала меняться, и современная Западная (и особенно американская) фантастика начала вызывать в Китае прямо противоположные чувства. Прежде китайские читатели в основном читали Западную фантастику, опубликованную до 1960-х годов. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, китайские издатели перевели великое множество более современных произведений — в основном лучшие работы, вышедшие за последние годы в США. Китайские читатели с радостью бросились читать их, и в результате их счастье и энтузиазм немного поугасли. Эти истории в красивых обертках не волнуют людей так, как романы Жюля Верна, Герберта Уэллса, Айзека Азимова и Артура Ч. Кларка,

и не приносят такого удовольствия, потому что на этот раз читатели получили малопонятные аллюзии и обрывки снов, а также мрачные и туманные воображаемые миры. Такие книги, как «Всем стоять на Занзибаре» Джона Браннера, «Звездный прилив» Дэвида Брина и «Человек в высоком замке» Филипа К. Дика, сбили китайских читателей с толку и даже привели в ступор, и это, в свою очередь, навсегда отвратило многих от научной фантастики.

Но *The Black Sun* — исключение из правил; и хотя роман и был впервые опубликован в 1998 году, и поэтому его можно назвать «новой» книгой, он дарит нам такое же удовольствие, как и произведения «золотого века» фантастики, — удовольствие, по которому мы так скучали. Повествование течет гладко, язык романа — естественный, а образы — четкие и яркие, помогающие читателям без помех проникнуть в воображаемый мир.

The Black Sun заставляет нас задать вопрос: какая фантастика нужна нам сегодня? Китайское сообщество любителей фантастики до сих пор восхваляет американскую фантастику, считая ее стандартом литературной зрелости. Но лучшие фантастические произведения из Америки

невозможно продать в Китае, просто потому что уровень наших читателей крайне низкий. Возможно, американская молодежь тоже не понимает данные произведения; этим можно объяснить тот факт, почему столь малая ее часть читает фантастику. Но я не могу понять, почему китайские писатели так восхищаются тем, что американские читатели немного взрослее китайских, и почему они надеются, что китайские читатели рано или поздно станут похожими на американских. Возможно, они никогда не задумывались о том, что как только американские фанаты, которым сейчас больше сорока, вымрут (а это, вероятно, не займет много времени), их работы никто не будет читать! На самом деле нам следует радоваться, что нас читают молодые китайцы, однако об этом жалеют — и это само по себе достойно сожаления. Этим читателям нужна осмысленная, но при этом легкая для чтения фантастика — такая, как *The Black Sun*.

В прошлом году Джек Уильямсон вышел на сцену и принял кубок в виде ракеты — награду «Хьюго». Этот эквивалент Нобелевской премии он получил за «Перевоплощенную планету» — произведение, написанное в столь же ярком стиле, что и *The Black Sun*. Разумеется, все это произошло только в моем воображении: Уильямсон не мог прийти за наградой, ведь ему уже 90 лет. Это заставляет меня вспомнить чье-то высказывание: «Те, кто регулярно читает фантастику, часто выглядят моложе своих лет». Не удивляйтесь, если это свойственно и вам.

Опубликовано в «Многомерном пространстве» № 3, 2003 г.

Боги, возрожденные на границе фантастики
О «Князе Света» Роджера Желязны

Давайте начнем с панорамного кадра. Существует восхитительная разновидность фантастики под названием «стимпанк»; она показывает будущее не таким, каким мы представляем его сегодня, а таким, каким его видели люди, жившие в прошлом (обычно в конце XVIII — первой половине XIX века). В фильмах и сериалах, сделанных в этом жанре, мы видим огромные машины, источником энергии для которых служат паровые двигатели, а также ощетинившиеся стволами пушек дирижабли, покрытые запутанной сетью из медных трубок и оснащенные старомодными измерительными приборами. Наивное восхищение большими механизмами, характерное для «стимпанка», заставляет вспомнить о Жюле Верне и его эпохе; кроме того, «стимпанк» напоминает нам о том, насколько сильно люди того времени ошиблись в прогнозах, представляя себе будущее. Возможно, мы также заметим, что они поняли, какой силой обладает наука, но не сумели преду-

гадать, как будет выглядеть эта сила и какие формы она обретет. Техника в мире «стимпанка», несмотря на свою кажущуюся примитивность, делает приблизительно то же самое, что и наша, современная. И удивляет нас именно то, как тот мир отличается от нашего, словно первый из них — печальный, ностальгический сон.

Теперь вернемся в настоящее: насколько *мы* ошибаемся, создавая *наши* картины далекого будущего? Если современного человека забросить на 10 000 лет в будущее, каковы будут его первые впечатления? Подобные сценарии постоянно описываются в фантастической литературе, и воображаемые миры мы также видим в сериалах и фильмах: огромные компьютерные экраны, многочисленные летательные аппараты, которые сбиваются в стаи, словно саранча; башни, уходящие в облака… Но если бы нас отправили в *настоящее* далекое будущее, то, возможно, мы бы поняли, что все совсем не так. Скорее всего, что научно-фантастические романы, сериалы и фильмы не менее ошибочны, чем произведения в стиле «стимпанк». Все эти картины далекого будущего основаны на великом заблуждении, и оно заключается в том, что их создатели обращают внимание только на технологию. В настоящем

далеком будущем, возможно, никакой техники не будет, или техника, которой мы пользуемся сейчас, бесследно исчезнет, и на смену ей придут феномены, которые покажутся нам божественным вмешательством или магией. Будущее, отстоящее от нас на 100 000 лет, покажется нам не чужим миром людей, а чужим царством богов.

Я постоянно искал это чувство отчуждения, и в прошлом году ощутил его на горе Утайшань, в одном из многочисленных храмов, которые стоят на ней — там, где обитал Манджушри и восемь богов-ваджр. Вдыхая аромат благовоний, я внезапно понял, что, возможно, вижу то, каким нам покажется далекое будущее! Космология дхармических религий кажется гораздо более таинственной, а их сила — более трансцедентальной, чем у любой другой религии. Когда мы смотрим вверх на этих странных, священных идолов, мы чувствуем себя муравьями, которые смотрят на людей, и нас сбивают и пугают мысли о том, какой головокружительной, многослойной и сложной является система мира, в котором живут эти божества. Вызовите в себе подобное религиозное благоговение, и тогда точно не ошибетесь, воображая эмоции, которые вызовет у вас мир будущего.

Я только сейчас узнал о существовании романа, в котором изображен индуистский пантеон далекого будущего: это обладатель премии «Хьюго» за 1968 год — роман «Князь Света».

Открыв «Князя Света», мы сразу оказываемся в великолепном, украшенном драгоценными камнями дворце этого пантеона. Мы, сбитые с толку и напуганные, смотрим на то, как боги сражаются друг с другом и ухаживают за своими любовницами на небесах, на земле и между ними. Дворец богов висит где-то за пределами мира людей, которые созданы из праха и превратятся в прах; он находится там, где златокрылые гаруды отбрасывают огромные тени и где огненные колесницы с грохотом уносятся вдаль. А где-то внизу из небесной сокровищницы вылетают золотые лучи, освещая огромные поля, заваленные трупами. Даже сама проза насыщена божественностью — ее стиль возвышенный, величественный, столь же изысканный и непререкаемый, словно бог, который воспевает свою религию. (Кстати, перевод на китайский превосходен.)

«Князь Света» — это история о новом Прометее. В неизвестный момент времени, в мире, местоположение которого неизвестно, боги восседают в своем небесном дворце. Им принадлежит мо-

нополия на технологии, они скрывают их от людей, обреченных вечно оставаться на земле. С помощью Храмов технологий и Властителей Кармы, которые управляют реинкарнацией, они контролируют весь мир. Главный герой романа, Сэм (Сиддхартха?), бросает вызов богам и в ходе зрелищных сражений дарит людям огонь технологий.

Сюжет романа довольно прост, и, что примечательно, его мир описан крайне скупо: царство богов похоже на украшенный резьбой рельеф, на который мы смотрим сквозь завесу тумана — и именно эта неопределенность является самой интригующей чертой этого чудесного романа.

«Князь Света» в полной мере воссоздает систему мира индуизма: творец Брахма, разрушитель Шива, бог смерти Яма, бог огня Агни, защитник Вишну, ракшасы в подземном мире — вся компания тут. В мире книги, где летают золотые птицы-гаруды, ключевую роль также играют такие концепции, как карма и реинкарнация. Все очень сюрреалистично, в том числе потому, что своими корнями произведение уходит в архаику. Но гуляя по этому миру богов, который, как нам казалось, давно затерялся в потоке времени, мы внезапно начинаем подмечать кое-какие

странности:

Вернулся он с бутылкой. Еще не поглядев на наклейку, князь узнал форму бутылки.

— Бургундское! — воскликнул он.

— Точно, — сказал Хаукана. — С давно исчезнувшей Симлы.

Что такое «Симла» и где она находится — неизвестно, но мы точно знаем, что Бургундия — это винодельческий регион в центре Франции. С каких это пор в мире «Рамаяны» и «Махабхараты» есть Бургундия? Другой отрывок удивляет еще больше:

— Скажи, Дил, какую музыку ты играешь?

— Ту, что совсем не по нраву браминам, — ответил мальчик.

— Каков твой инструмент?

— Фортепиано, — сказал Дил.

— А ты можешь сыграть на каком-нибудь из этих? — он указал на оставленные музыкантами без присмотра на низенькой платформе у стены инструменты.

Мальчик присмотрелся к ним.

— Наверное, в случае необходимости я мог бы сыграть на флейте.

— Ты знаешь вальсы?

— Да.
— Не сыграешь ли ты мне «Голубой Дунай»?

Дальше в книге упоминается музыка времен Первой мировой, и даже такие термины, как «марксизм». Эти намеки бьют по нам, словно холодные капли дождя; они разрушают наш сон об архаике и заставляют заподозрить, что на самом деле этот золотой мир — просто фасад, и то, что скрыто за ним, возможно, шокирует нас еще сильнее. Когда мы натыкаемся на эти детали, мы осознаем, что мир богов существует не в далеком прошлом, но в далеком будущем. Обрывочные описания помогают в общих чертах представить себе историю этого мира: на некую планету с тремя лунами давным-давно приземлился человеческий космический корабль. Люди поработили ее местное население — существ, состоящих из чистой энергии, которые называются «ракшасы» (а также другие местные формы разумной жизни), — и с помощью магнитных полей заточили их в подземельях. Затем развитие технологий пошло разными путями, и в результате общество людей раскололось на мир богов и мир смертных. Разумеется, об этой истории упоминается лишь вскользь.

Сразу же возникает самый интригующий во-

прос: почему человечество решило в мельчайших подробностях воссоздать мир богов индуизма? О чем это говорит? Кроме того, возникает еще одна проблема: когда главный герой решает разрушить монополию богов на владение техникой, он не раскрывает людям ее секреты сразу, а начинает с того, что создает буддизм. Если сравнить все крупные религии, то именно христианство наиболее прочно связано с наукой — оно является не только ее великим антагонистом, но и культурной почвой, на которой выросла современная наука. Индуизм и буддизм, напротив, имеют мало общего с современной наукой. Но буддизм является ответвлением индуизма, и он стал лучше своего предка в двух основных аспектах: в нем появилась концепция равенства всех живых существ, которая, очевидно, мало связана с распространением технологий, а также доктрина взаимозависимого возникновения (у каждого нового феномена есть причина его возникновения; у каждого феномена, который перестал существовать, есть причина его исчезновения), и это делает невозможным существование бога (богов). Однако в мире романа «боги» все-таки существуют, и их существование является явно абсурдным. Зачем автор воскресил богов инду-

изма и заново создал буддизм? В чем состоит фундаментальная логика этого мира и что она подразумевает? Когда мы погружаемся в мир богов будущего, в сознании невольно появляется одно слово: реинкарнация. В «Князе Света» часто встречается реинкарнация с помощью технологий: в Палатах Кармы сознание человека может возродиться в другом теле — как человека, так и животного. Должны ли мы предположить, что сама история человечества — это крупномасштабная реинкарнация?

Еще одной примечательной особенностью книги является сплав божественности и технологий. Она изображает удивительный вид божественности, неотличимый от того, который можно увидеть в классических мифах индуизма, однако в романе нет недостатка и в технологиях. Легендарные золотые птицы-гаруды в полете наряду с технологическими громовыми колесницами, и мы прекрасно понимаем, что мир смертных поддерживает связь с небесными чертогами посредством радио. Брахма и другие боги пользуются хрустальными экранами; на небесах есть «психозонды», которые считывают мозговые волны; а в мире смертных есть наполненные техникой храмы, где верующие поклоняются богам

с помощью «молитвенных машин», которыми, очевидно, управляет компьютер. А Яма, бог смерти, — это ученый…

Это заставляет нас задать еще один интересный вопрос: как именно связаны между собой боги и техника в «Князе Света»? Самый простой ответ — никак: для богов техника — это всего лишь инструменты и игрушки. Но, несмотря на обилие элементов фэнтези в «Князе Света», на Западе этот роман всегда считали научной фантастикой, и мы тоже можем попытаться разглядеть взаимодействие между божественным и техникой через призму фантастики.

Прежде всего мы замечаем, что боги в книге значительно менее божественные, чем боги индуизма. Древние мифы гласят, что Брахма — бог творения. Он родился из яйца, которое расколол силой воли, и сотворил из двух его половин небо и землю. Он создал пять стихий — землю, воду, ветер, огонь и пустоту, — а также великое множество вещей, которыми наполнен мир. В легендах его называют «Творцом». Вишну — бог-хранитель, также известный как «Всеобъемлющий» и «Нараяна». Он всепроникающий и вездесущий; каждый раз, когда мир приближается к своему концу, Вишну проглатывает Вселенную, а затем

отдыхает на спине огромной змеи. Проснувшись, он создает новый мир из цветка лотоса. Шива — бог разрушения, своим танцем он может покорить мир и аскетов, которые противостоят ему. Боги «Князя Света» даже не приблизились к такому уровню могущества. Оцените следующий фрагмент:

Сэм так и сделал, а когда он опять посмотрел на экран, Брахма восседал на высоком троне, вырезанном из красного мрамора, над ним пламенел раскрытый зонт.

— Выглядит не слишком-то удобным, — заметил Сэм.

— Сиденье с поролоном, — улыбаясь, ответил бог. — Если хочешь, кури.

…забавный намек на то, что боги не всемогущи и обладают человеческими качествами. Боги «Князя Света» тоже проходят реинкарнацию, перенося свое сознание из одного тела в другое. Позднее в романе Брахму и весь остальной пантеон убивают, после чего их место с легкостью занимают другие. Это еще одно доказательство того, что сила богов в мире романа убывает. Мы вынуждены задать вопрос: является ли божественность в «Князе Света» всего лишь

технологией, достигшей вершины своего развития, настолько сложной, что она изменилась качественно? Может, технологии, о которых мы узнаем в книге, этот огонь, который главный герой похищает, чтобы помочь человечеству, — просто артефакты, оставшиеся после эволюции богов?

«Князь Света» дает нам шанс осмыслить два очень размытых образа: классическую божественность и технологическую божественность. Первая — божественность традиционных мифов и религии; вторая — высшая точка развития технологий. У них есть нечто общее: мы не можем знать, на какой теории основано их существование. В первом случае такой теории нет. Технобожественность основана на какой-то теории, но она настолько далеко от нас, смертных, что мы просто не можем постичь ее, точно так же, как Лю Бань, древний плотник и каменщик, ни за что не смог бы разобраться в большой интегральной микросхеме. По сравнению с классической технобожественность — экспансивная, изменчивая, и первая является подмножеством второй. Технобоги могли бы повторить все, что описано в мифах; по масштабам деятельности и по количеству использованной энергии они зна-

чительно превосходят богов древности. Радиус миров традиционной мифологии обычно меньше расстояния от Земли до Луны, а технобожества могут преодолеть даже два триллиона световых лет и выйти за пределы известной Вселенной.

Значит, именно здесь находится четкая граница, разделяющая царства фантастики и фэнтези, — но когда технологии теснят божественность, фантастика *превращается* в фэнтези. Высказывание Артура Ч. Кларка о технологии и магии в действительности обозначает пределы научной фантастики. Да, то, что описывается в современном фэнтези, по-прежнему в значительной мере соответствует классической модели божественности, однако в последнее время авторы все чаще изображают *теотехнологии* — такие, как «Золотое Облако», в котором находится сознание Сэма в «Князе Света».

Этот роман — величественное, вечное здание, построенное прямо на границе между двумя царствами художественной литературы — научной фантастики и фэнтези.

Опубликовано в «Мире научной фантастики» № 1, 2006 г.

Юность и мечты фантастики
Предисловие к «Хрустальному небу»
Чжао Хайхун

Несколько лет назад я вместе с группой писателей-фантастов отправился в таинственный город Кандин. Сильное впечатление на меня произвела одна из рек, которая течет по городу; я впервые увидел такой стремительный, но при этом чистый поток. Эта река казалась частью фантазии, особенно ночью. В тот день со мной была Чжао Хайхун, но я даже и не понимал, как на нее повлияло увиденное, — и лишь позднее я узнал, что образ этой реки остался с ней и в конце концов вырос в целый рассказ — «Река Кандина». В нем жизнь и судьба начинаются в этой реке, текут в разном времени и пространстве и в конце концов возвращаются обратно в реку, неотвратимую, словно сон. «Река Кандина» — один из тех рассказов, которые ты еще долго вспоминаешь, и это первый случай, когда я сам стал персонажем фантастического произведения. Идея Хайхун росла и росла, а затем превратилась в чудесную, чарующую книгу. Хотя персонажи и место

действия изменились, это по-прежнему по сути фантастика, и ее прекрасное, умиротворенное настроение осталось таким же, как и раньше. Это была книга «Хрустальное небо».

Когда я прочел книгу, в моем сознании возникла совершенно другая картина поездки. Утром мы уехали из Кандина и вскоре добрались до другой реки — Дадухэ. Хайхун в форме Красной армии стояла на металлическом мосту, который протянулся над рекой; ее красота и хладнокровие резко контрастировали с мутными, опасными водами реки. Да, возможно, форма была слишком чистой и отглаженной — ее нам выдали перед началом экскурсии, посвященной «Великому походу», — но все остальное выглядело очень жизненно, реалистично. Я не могу найти фотографию Чжао Хайхун, которую сделал в тот день, но ее образ четко отпечатался в моей памяти. Я тогда читал «Путешествия в четырех измерениях» Робина Ле Пойдвина, а в этой книге упоминается одна шокирующая теория: невозможно доказать, что прошлое существует, так как есть бесконечное число путей, которые могли привести к текущему состоянию, и прошлое, которое мы храним в памяти, необязательно соответствует действительности. Эта теория очень похожа на

идеи «Хрустального неба». Когда я прочел два этих произведения, мои воспоминания показались мне призрачными, и внезапно мне в голову пришла невероятная мысль: может, я читал про параллельную вселенную? Неужели в том мире мы — профессор литературы и эффектная студентка — были солдатами Красной армии? В кровавый период истории той параллельной вселенной сражалась ли за свои убеждения та писательница-фантастка, которая уверенно строила прекрасные воображаемые миры? Две жизни, невообразимо далекие друг от друга, тем не менее каким-то образом слились, и было сложно сказать, где реальный мир, а где фантазия — точно так же, как это произошло с главным героем «Хрустального неба».

Вот почему каждый раз, когда я вижу эту книгу, в моем сознании всплывают два образа, которые не может представить себе ни один другой читатель, — мост через бурные чистые воды реки в Кандине и солдат Красной армии, который стоит над рекой Дадухэ.

«Хрустальное небо» — первый фантастический роман Чжао Хайхун. У него сложная структура, его язык текучий и элегантный, и все произведение наполнено ощущением умиротворенности.

Но ни один из этих комплиментов не может по-настоящему описать чувства, которые вызывает у меня этот роман. Когда я закрыл книгу, мне в голову пришли два слова — «юность» и «мечты». Это фантазия о юности — да, в ней древние армии сражаются в долинах и лесах, но даже они яркие и призрачные, словно во сне. Но и мятежники в горной крепости, и генералы императора — это персонажи, которых придумало молодое воображение; в этой книге описаны мысли и действия современных людей. На самом деле не важно, насколько беспомощным и напуганным является протагонист в параллельной вселенной — даже если это Цин Су, — потому что все эти параллельные вселенные находятся в ее распоряжении. Да, у нее сохранились обрывочные воспоминания о том, как отец учил ее искусству войны, однако далеко не каждая современная девушка обладает подобной силой воли и стратегическим мышлением. Число параллельных вселенных бесконечно, и поэтому она всегда может найти ту, которая больше всего совпадает с ее мечтами. И, что более важно, судьба таких персонажей идеально подходит для юношеской фантастики. В противном случае нам бы казалось, что в ней что-то не так, что она, словно город в «Стране Чудес

без тормозов и Конце Света» Харуки Мураками, город существует только в нашем сознании.

«Дождь падает на траву и листья в конце лета, в начале осени; воздух наполнен запахом пареного гороха»: именно это ощущение молодости привлекает меня к данному роману. На самом деле все мы в какой-то момент жизни путешествовали по параллельным вселенным и перед нами пролетало бесконечное множество возможностей. Мы представляли себя другими людьми, мы проживали разные жизни в другом времени и пространстве. «Хрустальное небо» чудесным образом позволяет читателям совершить это юношеское путешествие.

Лично для меня самой запоминающейся частью романа являются живые, яркие описания школьной жизни. Годы, проведенные в школе, уже кажутся мне чем-то из параллельной вселенной, но они — просто ерунда по сравнению с путешествием сознания по множеству временных потоков и миров, по сравнению с многочисленными жизнями, которые проживает герой «Хрустального неба». Каждый из нас когда-то чувствовал себя так — или находился в таком состоянии, когда мы проводим больше времени в придуманных нами мирах, в мирах

«версии 2 в n-ной степени», чем в реальной жизни. Но затем эти квантовые миры обрушились, образовав данную реальность. Наши души устали, они застряли в первой версии мира, и у нас нет сил, чтобы продолжить путешествие. Если я не ошибся, то «Хрустальное небо» — своего рода пример научно-фантастической автобиографии.

Чжао Хайхун обладает чудесной способностью менять стили и регистры. Иногда в ее работах ощущается женская чувствительность и ясность ума — например, в «Министерстве любви»; иногда в них слышны ноты классической трагедии — как в «Иокасте»; иногда в них есть детально созданный мир, свойственный «твердой» фантастике, — как в «Мире». Но за всеми этими стилями скрывается тот же самый юный — но лишенный наивности и импульсивности — взгляд на мир, а сюжеты историй остаются элегантными и наполненными умиротворенностью. Хотя ее произведения содержат глубокие мысли о человеческой природе и о меланхолии судьбы, ее проза больше похожа на темное море, чем на бушующее пламя. Даже смерть — спокойная, печальная сила. Подобными настроениями наполнен весь роман.

Кстати, о юности: мне кажется, что она — дух

научной фантастики. «Золотой век» фантастики черпал энергию из своего стремления к будущему, к неизвестному. Но со временем подобные устремления угасли, и, несмотря на все усилия писателей, жанр постепенно пришел в упадок. Фантастика «новой волны» и киберпанк не смогли остановить данный процесс — по той простой причине, что утратили ощущение молодости. Фантастика — одна из самых чистых форм художественной литературы для юношества; если она утратит мечты и энергию молодости, то жанру не хватит жизненной силы. Взросление, овладение литературными методами, развитие модернистских и постмодернистких форм — ничто из этого не замаскирует устаревшие мысли; упавший метеорит можно забрать и изучить, но он больше не светится. Читатели научной фантастики в материковом Китае становятся моложе; китайские критики считают это признаком незрелости жанра, но мне кажется, что это — его величайшая надежда. Интерес юного поколения к Вселенной, их мечты о новых мирах — вот что способно вдохнуть жизнь в фантастику. Энергия молодежи будет подобна солнцу в восемь-девять — или даже шесть-семь часов утра. Такие работы, как «Хрустальное небо», дают нашей литературе

столь необходимую дозу жизненной силы.

Позвольте мне закончить этот текст словами, которые я написал для одного научно-фантастического произведения: параллельные вселенные — мощный источник утешения. Если каждое решение разделяет мир надвое, выбора больше нет: солнце больше не гаснет, когда ты закрываешь глаза ладонью. В этих мирах, разделенных непроницаемой пленкой времени и пространства, существуют все возможности, и поэтому в них больше нет ошибок и сожалений. Каждая боль — это тень счастья в другом мире. Если истинность подобного утешения будет доказана, кто знает, станет ли это хорошей или дурной вестью?

Предисловие к роману Чжао Хайхун «Хрустальное небо», Чжэцзянское юношеское и детское издательство, июнь 2011 г.

Путешествие в Америку Судного дня
О «Марсе над Америкой» Хань Суна

Я читаю фантастику уже более тридцати лет и пишу ее более десяти, и она приносит мне все меньше удовольствия. Каждый раз, когда я читаю художественную литературу, мне кажется, что я чувствую мысли автора; я проецирую на него свою душу и переписываю его произведение. Если автор пишет о себе, мне хорошо, но если он пишет о препятствиях и сложностях, если он в отчаянии, я также прекрасно это чувствую — особенно в тех случаях, когда стиль автора похож на мой собственный. Например, когда я читаю «Тау — ноль», я очень беспокоюсь о том, как Пол Андерсон проведет корабль мимо космической сингулярности (правда, он дал нам вполне логичное решение этой проблемы). В последние годы у меня возникает ощущение, словно я нахожусь рядом с автором, даже если читаю произведения, которые сильно отличаются от моих, — например, «Заводную» Паоло Бачигалупи; видя, как автор, словно профессиональный грузчик, укладывает все новые линии сюжета в штабеля, и, по

мере того как непрочитанная часть книги уменьшается, я все больше волнуюсь о том, как автор сведет все воедино, и собственно содержание книги отходит на второй план.

Подобное чтение — очень утомительный и неинтересный процесс. Я мечтаю о такой фантастике, которая вызовет у меня те же чувства, что и тридцать лет назад, и с этой задачей справляются произведения Хань Суна. Читая их, я не проникаю в сознание автора и не знаю, как он пишет. Его мир, как миры Артура Ч. Кларка и Айзека Азимова тридцать лет назад, остаются для меня закрытыми и таинственными, и я никогда не могу угадать, в каком направлении двинется его мысль в следующий миг. Я могу лишь следовать за ним, время от времени впитывая фрагменты его волшебного, странного мира.

Я не могу интерпретировать работы Хань Суна, ведь все поистине глубокие литературные произведения не поддаются интерпретации — примером тому может служить Кафка: большинство критиков в наше время признают, что его работы невозможно истолковать. Но все мы чувствуем, мы так много чувствуем.

Кстати, об интерпретации: может показаться, что «Марс над Америкой» Хань Суна довольно

легко истолковать: у него четкая структура, увлекательный сюжет, а события изложены последовательно. Однако эта доступность обманчива.

Проще всего интерпретировать «Марс над Америкой» как фантастику для патриотически настроенных читателей. В таком-то году Китай становится сильным и процветающим, а Соединенные Штаты переживают период упадка — стоит помнить о том, что роман был написан в то время, когда американцы бомбили посольство КНР в Белграде. Но подобная интерпретация, очевидно, является неверной. В романе почти нет описания Китая в будущем, но, судя по общим контурам, можно сказать, что Китай в то время очень силен, хотя и не является идеальным, а в чем-то его можно даже назвать аномальным обществом. Все находится под контролем правительства и искусственного интеллекта «Амандо». «Каждый из нас живет сам по себе. Большинство людей проводит всю свою жизнь в выданных государством информационных квартирах… Ни о чем беспокоиться не нужно — обо всем уже позаботились. В Китае все мы делаем, что скажут. Людям не нужно задумываться о смысле жизни — о нем думают только те, кто считает, что в жиз-

ни нет смысла. Какая глупость… Люди с малых лет проходят профессиональную подготовку, а затем занимаются только тем, чему их научили. Возможности играть у них нет». Есть одна подробность, которая упоминается лишь мельком, но на ней стоит остановиться: в Китае будущего есть «Бюро управления эмоциями», которое контролирует общество так же, как другие ведомства управляют погодой. Такая особенность, очевидно, может быть только в романе-антиутопии. Возвышение страны явно пошло не так, как задумывалось, и приняло уродливые формы.

Еще одна интерпретация заключается в том, что США в романе — это зеркальное отображение Китая, и что в этом зеркале показаны проблемы, сложности и кризисы самого Китая. На первый взгляд это логично. Название книги напоминает нам про «Красную звезду над Китаем», и многие подробности из жизни в США, описанные в книге, действительно выглядят списанными с настоящего Китая; например, та сцена, в которой казнят президента, напоминает массовые суды в эпоху «культурной революции» и аграрной реформы. Но если изучить США, о которых пишет Хань, будь то факторы, которые привели к упадку, или сцены апокалипсиса, найдется мало

примеров, которые похожи на то, что происходит в китайском обществе — как в настоящем, так и в ближайшем будущем. Эта Америка не является зеркальным отражением Китая и, вполне возможно, не является и самой Америкой, потому что американские культурные особенности в романе искажены разными интересными способами; например, один персонаж говорит, что создание США и все, что за этим последовало, имело только одну цель — достижение сексуальной свободы. А в самом конце другой персонаж, старый китаец, дает самый содержательный ответ: все зависит от капризов фортуны, и усиление и благополучие страны в настоящем означают, что впоследствии неизбежно наступит коллапс. «Марс над Америкой» — не метафорическое произведение, и его нельзя отнести к жанру критического реализма.

Таким образом, «Марс над Америкой», как и другие произведения Хань Суна, сложно интерпретировать, и мы должны ориентироваться на свои ощущения. Мы, словно главный герой, в страхе и смятении бродим по американскому континенту в тот момент, когда там настал конец света. В небе над нами светит огромный уродливый красный Марс, а мы выживаем в ходе потопа, бьемся с врагами среди городских развалин, обре-

таем новых друзей среди беженцев и взрослеем на полях сражений, заваленных трупами.

Хань Сун — писатель, который обгоняет свои истории. Он не плетется вслед за сюжетом, как мы, но летит над ним, находясь в своем собственном, странном и многообразном мире. В «Марсе над Америкой» Хань Сун пытается быть рассказчиком, и у него прекрасно это получается — он рассказывает увлекательную историю, но не смотрит на нас, завороженных слушателей; его взгляд бродит, словно во сне, по какому-то бесконечному и далекому краю. Именно там он видит свой мир. В его мире летают привидения и духи, а с поверхности Марса поднимаются алые столбы дыма. Высокий красный мост «Золотые Ворота» взмывает вверх, в туман. Поле боя, усеянное трупами, внезапно превращается в завораживающую, прекрасную картину. Реальность, прогнившая до основания, расцветает, словно самый очаровательный бутон…

Таков Хань Сун. Именно благодаря ему палитра китайской фантастики является такой разноцветной и насыщенной, благодаря ему научно-фантастическая литература обретает новое измерение. Кто-то сомневается в перспективах фантастики, но насчет Хань Суна я абсолютно спокоен. Даже если фантастика снова исчезнет, его произведения по-прежнему будут обладать непреодолимой жизненной силой.

Опубликовано в «Южном еженедельнике»
23 марта 2012 г.

Рэй Брэдбери
Вместо некролога

В начале 1950-х писатель-фантаст Рэй Брэдбери не был столь популярен, как сегодня, и когда он позвонил в местную пожарную часть, капитан, который взял трубку, не знал, насколько важен этот звонок. Брэдбери спросил, при какой температуре горит бумага, и капитан ответил: «451 градус по Фаренгейту». Так получил свое название роман «451 градус по Фаренгейту».

Этот роман-антиутопия рассказывает о ближайшем будущем, в котором книги запрещены правительством, и задача пожарных — не тушить пожары, а сжигать книги. Роман был опубликован в 1953 году и сразу же прославился. Многие критики анализировали его, и некоторые даже сравнивали его с романом Джорджа Оруэлла «1984».

Возможно, название романа и было тщательно продумано, однако его путь в свет во многом зависел от случайности. В начале 1950-х Брэдбери жил в Лос-Анджелесе, и так как у него был маленький ребенок, Брэдбери работал в полупод-

вальной кабинке в библиотеке Калифорнийского университета (UCLA), где арендовал пишущую машинку по десять центов за полчаса. В то время это была немалая сумма для Брэдбери, поэтому он писал быстро — так, словно от этого зависела его жизнь. Девять дней спустя первый вариант «451 градуса…» был готов, и Брэдбери потратил на него 9 долларов 80 центов.

Брэдбери не любил, когда его работу слишком строго анализировали, и подчеркивал, что этот роман — просто развлекательная история. На самом деле он вечно оставался ребенком в душе; он жил ради своих интересов и занимался своими хобби. Даже под конец жизни он жил в комнате, битком набитой игрушечными динозаврами и моделями роботов.

Рэй Брэдбери родился 22 августа 1920 года в штате Иллинойс. Его отец был чернорабочим, и вся семья жила в бедности. Брэдбери-старший часто рассказывал сыну страшные истории, а также говорил ему, что одну из его прапрабабок когда-то судили как ведьму. Его мать часто читала ему перед сном сказки братьев Гримм, «Волшебника из страны Оз» Фрэнка Баума и другие истории для детей. Многие сказки были страшными, и, возможно, именно поэтому до десяти лет Брэдбери

страдал от ночных кошмаров. Когда он просыпался, то по-прежнему ясно видел картины, которые видел во сне. Стремясь заглушить свой страх, он научился записывать свои сны и превращать их в рассказы.

В 1938 году Брэдбери закончил среднюю школу, и денег на то, чтобы заплатить за обучение в университете, у него не было. По вечерам он торговал на улице газетами, а дни проводил в библиотеке, читая произведения Эдгара Аллана По, Жюля Верна и Эрнеста Хемингуэя. Он также начал публиковать свои работы и стал активно участвовать в жизни «Лос-Анджелесского общества научных фантазий». Он обращался к таким писателям, как Генри Каттнер, прося у них совета по писательскому мастерству, и придумывал способы, которые заставили бы этих мастеров прочитать его рукописи.

За работой несколько лет пролетели как один день, и оказалось, что они были потрачены не зря: в ноябре 1941 года в фантастическом журнале *Super Science Stories* вышел его первый рассказ — «Маятник», и за него Рэй Брэдбери получил свой первый гонорар — 15 долларов. Другие фантасты, возможно, не сочли бы это особым успехом, но Брэдбери решил, что это настоящее

достижение, прорыв, и вскоре после этого стал профессиональным писателем. Его путь был долгим и трудным, но Брэдбери не забывал о своей мечте; он упорно трудился, и его усилия оправдались: в 1947 году вышел рассказ «Возвращение», который стал первым крупным успехом в его писательской карьере. Этот рассказ был одним из лучших произведений года и помог Брэдбери выиграть премию О'Генри.

Когда к Рэю Брэдбери пришла известность, его стали считать восходящей звездой фантастики. Но он был против этого и неоднократно подчеркивал, что не позволит повесить на себя ярлык писателя-фантаста. К фантастике он относил только свой роман «451 градус по Фаренгейту». Брэдбери никогда не демонстрировал особых познаний в области науки и технологий, но всегда делал акцент на самой истории, и именно благодаря этому методу он стал популярен и сделал фантастику частью традиционной литературы.

Возможно, Брэдбери и не обладал такими познаниями, как Артур Ч. Кларк, но он мог объединить хороший сюжет с внутренним миром персонажа и наполнить историю мощным ощущением фантастического. Про движение «новой волны» тоже можно сказать, что оно познако-

мило с фантастикой широкие круги читателей, однако произведения Брэдбери, отличавшиеся совершенно иной поэтичностью и эстетикой, были логичными и понятными — в них нет обрывочности и неопределенности, характерных для постмодернизма «новой волны».

«Марсианские хроники», вышедшие в 1950 году, — одна из наиболее известных работ Брэдбери. В «Хрониках» на Марсе, о котором пишет Брэдбери, есть пригодная для дыхания атмосфера, сеть каналов, и там можно обнаружить останки пропавших марсиан и руины их древних городов. Эти истории даже на тот момент не соответствовали накопленным научным данным, но по-прежнему демонстрировали невероятную красоту фантастики. В одном из рассказов две семьи, которые пытаются покинуть Землю во время ядерной войны, летят на Марс. Это полет в один конец. Когда связь с Землей обрывается, взрослые показывают детям свои изображения и говорят детям: марсиане — это мы.

После многолетних трудов Рэй Брэдбери не только стал успешным писателем-фантастом, но и завоевал признание в мире традиционной литературы. Однако многие «хардкорные» фанаты фантастики отвернулись от него. Они верили, что

Брэдбери — фантаст, но он никогда не проявлял особого интереса к новым технологиям и явно был консерватором.

Рэй Брэдбери настороженно относился к будущему и предвидел, что развитие науки может представлять опасность для людей. Возможно, это было связано с пророческими кошмарами, которые он видел в детстве. Он не умел водить машину и никогда не летал на самолете. В Лос-Анджелесе Брэдбери чаще всего можно было встретить в книжном магазине, а рядом с магазином, скорее всего у столба, стоял его старый велосипед. Когда в мире начался бум электронных книг, он их не принял, считая, что они, в отличие от бумажных, «не дышат». Лишь в 2011 году он, после долгих уговоров, разрешил опубликовать «451 градус по Фаренгейту» в электронном виде.

5 июня 2012 года Рэй Брэдбери скончался. Последний, после Артура Ч. Кларка, из великих мастеров «золотого века» фантастики тихо покинул этот мир. Мы по-прежнему надеемся, что в Китае появится свой Брэдбери, но ему, несомненно, придется пройти еще более трудный путь.

Опубликовано в журнале «Финансы и экономика»
1 июля 2012 г.

Великолепная карта облачности Вселенной
О «Скрытой реальности» Брайана Грина

Траектория цивилизации отражает процесс, в ходе которого человечество обращает свой взор все дальше и дальше. По мере того как поле зрения людей увеличивается, повышается и их уровень знаний о Вселенной.

В детстве я жил в горах Тайханшань, и в то время далекий горный хребет постоянно вызывал у меня ощущение чуда. Когда я смотрел на него, то невольно думал о том, что там, за ним. Постепенно я начал представлять себе, что за горами находится волшебный мир. Для меня те горы были границей мира, и, полагаю, в древности люди ощущали то же самое. Для них одна долина, возможно, была целым миром.

В мифах и легендах разных народов можно встретить похожий сюжет о Всемирном потопе, и поэтому многие считают, что человечество действительно пережило великий потоп. Однако это, возможно, является подменой понятий: в ми-

фологии концепция «мира» резко отличается от современной. Самый знаменитый потоп описан в Библии; в ней утверждается, что под воду ушел весь мир, однако «мир» в контексте Библии более или менее ограничен Средиземноморьем. Таким образом, вполне вероятно, что великий потоп был *региональным* потопом. Даже если версии о том, как Черное море слилось со Средиземным, верны, масштабы потопа все равно довольно сильно отличаются от того, что мы назвали бы «Всемирным потопом» сегодня.

Постепенно в поле зрения человечества оказалась вся планета Земля, а затем и звезды. Однако довольно долго Вселенная в представлении людей состояла только из Солнечной системы, на границах которой находились Сатурн и Нептун. Значительный шаг вперед человечество совершило в конце XVII века, открыв звездный параллакс, после чего границы видимой Вселенной значительно расширились. Однако лишь в начале XX века ученые поняли, что Вселенная не заканчивается на Млечном Пути. Теперь масштабы видимой Вселенной превышают десять миллиардов световых лет. Однако теория о параллельной вселенной утверждает, что даже наши недавние открытия, которые сделали Вселенную

столь огромной и сложной для понимания, — всего лишь капля в океане.

Мы уже знакомы с теориями о мультивселенной, но в основном наши познания о ней связаны с миром квантовой физики. Однако в данной книге автор описывает до девяти возможных версий параллельных вселенных, и большинство из этих версий незнакомо обычному читателю. И самую популярную теорию из квантовой физики он приберег напоследок.

Среди этих девяти теорий самой простой является так называемая теория «лоскутного одеяла». Уже давно была высказана мысль о том, что Вселенная бесконечна, а в бесконечной Вселенной зоны, находящиеся далеко друг от друга, неизбежно сформируют бесконечные параллельные вселенные. Самый потрясающий вывод состоит в том, что число способов, с помощью которых элементарные частицы объединяются друг с другом, конечно; значит, если число параллельных вселенных бесконечно, то где-то должна быть под-вселенная, в которой частицы находятся в той же самой комбинации, что и в нашей, не говоря уже о том, что число *таких* под-вселенных тоже бесконечно. Следовательно, возможно, что существует бесконечное число копий нашей

Вселенной. Если рассматривать все теории через призму математики, то для нас, обычных мыслителей, теория «лоскутного одеяла» — самая легкая для понимания.

С другой стороны, наиболее философская теория называется «Окончательная мультивселенная». Она предполагает, что все возможные законы и параметры существуют и могут образовывать свои собственные вселенные, в том числе те, которые невозможно рассчитать и описать с помощью математики. Можно сказать, что эта теория связана с бесконечностью бесконечностей. Окончательная мультивселенная подрывает философский фундамент теории познания в целом: в основе научных исследований лежит мотив — объяснить, почему законы и параметры Вселенной являются такими, какие они есть, однако теория окончательной мультивселенной утверждает, что все возможности существуют — в обувном магазине есть ботинки всех размеров, и среди них наверняка найдутся те, которые нам впору. Поэтому весь смысл научных исследований, — процесс, фундаментально связанный с открытиями и выводами, — будет значительно подорван.

Помимо двух видов параллельных вселенных,

которые я упомянул, в книге описаны и другие их модели, построенные на основе самых современных физических и космологических теорий, в том числе теории струн. Более того, в книге обсуждаются виртуальные вселенные, созданные с помощью компьютеров.

Я всегда верил, что самые удивительные и вечные сюжеты в человеческой истории не поют бродячие барды, о них не пишут пьесы и романы, но о них рассказывают ученые. В том, что касается величия, блеска, сложности, увлекательности, таинственности, романтичности и сентиментальности, истории о науке значительно превосходят то, что можно увидеть в художественной литературе. Данная книга — еще одно доказательство того, что мои убеждения верны. Я получил от этой книги такое же удовольствие, как и от чтения фантастики, от которой я фанатею. Однако сила воображения авторов, масштаб явлений, которые описаны в книге, а также полное безумие, которое она воплощает собой, таковы, что в фантастике их аналогов просто нет. Например, в теории струн есть 10^{500} форм многомерного пространства, которые создают точно такое же число параллельных вселенных, однако сумма всех элементарных частиц в нашей

Вселенной составляет всего 10^{34}. Окончательная мультивселенная, которая включает в себя все возможности, наверняка превосходит самые великие замыслы писателей-фантастов. Читая эту книгу, я постоянно чувствовал, что мой мозг снова и снова взрывается, потрясение накатывало на меня волна за волной. Столкнувшись с масштабными, глубокими идеями автора и его безграничным воображением, я оказался на седьмом небе от счастья. Однако нужно отметить и тот факт, что книга состоит не только из домыслов. Каждая теория о параллельных вселенных, которая представлена в книге, является результатом строгих научных умозаключений, и у каждой есть прочный теоретический и математический фундамент — и в этом фантастика тоже не может с ней состязаться. Таким образом, наука — не оковы для воображения, но, скорее, крылья и источник вдохновения. Изначально книга называлась «Карта облачности Вселенной»; лично мне это название кажется более подходящим, ведь когда мы стоим перед этой восхитительной картой облаков, которой является данная книга, мы чувствуем, как границы нашего разума расширяются до максимума. Мы, словно боги, возносимся над бесконечным временем и пространством.

Современная наука, и в частности физика, развилась до такой степени, что теперь считается чем-то эзотерическим. Мир, который представлен в самых современных теориях, уже значительно превосходит наши повседневные ощущения; малопонятный математический язык, которым описывают данные теории, усиливает кашу, возникающую в голове, пугая обычных читателей. Однако Грин обладает великим талантом — он не только четко и ясно объясняет самые запутанные теории, но при этом пишет в элегантном и ярком стиле. Его предыдущая работа, посвященная теории струн, «Ткань космоса», обладает теми же свойствами и является самым понятным введением в современную теоретическую физику, в том числе теорию относительности, квантовую механику и теорию струн. Перевод этой книги на китайский также великолепен. Переводчики явно продемонстрировали профессиональное, глубокое понимание теоретической физики и космологии, тщательно сохранили смысл оригинала. Эта книга может считаться примером высокого уровня передачи научной информации.

Я испытываю смешанные чувства относительно передачи научной информации. Прикладная

наука и технология славятся своей практической значимостью, но мне кажется, что людям нужно обращать больше внимания на фундаментальные научные теории и то, что находится на передовом крае их развития, поскольку вместе они представляют наиболее современную концепцию Вселенной и природы. Если человек с рождения до смерти ни разу не выходил из своего дома, значит, он прожил весьма жалкую жизнь. То же самое можно сказать и о нас: если мы стремительно проживаем наш короткий век, ничего не зная о макро– и микромире, которые находятся за пределами нашего поля зрения, и тратим наше время лишь на работу и на банальные повседневные дела, то мы фактически не выходим из нашего *духовного* дома. И это действительно достойно сожаления.

В прошлом новейшие теории фундаментальной науки — от гелиоцентрической теории Коперника до классической механики Ньютона и теории эволюции Дарвина — обладали колоссальным влиянием на общество и на интеллектуальное развитие людей. Однако подобное влияние постепенно исчезло. Фундаментальные науки, и особенно теоретическая физика, стали эксклюзивным достоянием обитателей башни

из слоновой кости, эзотерическими темами, которые понятны лишь немногим. В результате расстояние между ними и обществом, между ними и нашей повседневной жизнью продолжало увеличиваться. Если бы меня заставили указать критическую точку, то я бы сказал, что появление квантовой физики увеличило пропасть между народом, теоретической физикой и космологией. По сравнению с классическими теориями, основанными на детерминизме, и в том числе с теорией относительности, изучение физики после появления квантовой механики привело к появлению совершенно новой философской концепции, которая действительно сложна для восприятия. Это особенно заметно, если речь идет о китайских читателях, которых давно учат совершенно конкретному виду философии. В результате возникает вызывающий тревогу феномен: наука и технология быстро развиваются, каждый день меняя жизнь человека, однако современная картина мира остается скрытой за завесой тайны. Обычные люди и ученые видят мир по-разному; разрыв между их воззрениями продолжает расти, но общество по-прежнему продолжает использовать классическую модель Вселенной. Этот когнитивный разрыв, по-моему,

может стать главным препятствием на пути общественного прогресса.

Например, современная физика и космология показывают нам невероятно огромную Вселенную; появление теории о параллельных вселенных, вне зависимости от того, какая из гипотез о мультивселенных окажется реальностью, увеличивает чудовищно огромный космос еще на несколько порядков, создавая новое бесконечное множество копий неисследованных частей Вселенной. Контраст между размерами Вселенной и размерами людей просто потрясает; он призывает человечество ответить на вызов, выйти из пыльной колыбели под названием «Земля», исследовать просторы Вселенной и постараться заполнить ее. Это не только задача цивилизации, но также суть жизни. Однако сейчас люди по-прежнему цепляются за устаревшую версию Вселенной и живут в своей антропоцентрической иллюзии.

Увеличивающаяся дистанция между фундаментальными науками и обычными людьми угрожает загнать человечество, погруженное в технологический комфорт, обратно в век невежества. Наше общество отчаянно нуждается во втором научном просвещении. И такие книги, как «Скрытая реальность. Параллельные миры и глубинные законы космоса», играют невероятно важную роль в данном процессе.

18 марта 2013 г.
Предисловие к книге Брайана Грина «Скрытая реальность. Параллельные миры и глубинные законы космоса»

Зачем мы шли сюда три миллиарда лет?
Предисловие к книге «Привет! У нас свидание с космосом!» Чжао Яна

Чуть более серьезное и пристальное изучение «науки об успехе» показывает, что большинство тайных путей, которые ведут к «храму успеха», на самом деле не являются очень эффективными. Это связано с распространенной тенденцией выделять одного или в лучшем случае нескольких человек, которые достигли успеха, используя эти методы, и в то же время игнорировать огромное число других людей, которые действовали точно так же, но потерпели неудачу. Однако мне кажется, что более надежный путь к успеху действительно существует: исследования показали, что если человек выбрал для себя высокую цель и продолжает двигаться к ней в течение нескольких лет, то он с большей вероятностью достигнет ее. О том же говорит популярная теория «10 000 часов»: она гласит, что для достижения мастерства в той или иной сфере необходимо работать в течение 10 000 часов.

Я как писатель-фантаст склонен считать человечество некой общностью. В коллективном бессознательном фантастов «люди» рассматриваются отдельным типичным человеком. Естественно, нам хочется узнать, как этот человек мог бы добиться успеха во Вселенной. Мы не случайно полагаем, что для победы (или, по крайней мере, для выживания) на космическом уровне нужно установить высокую цель и упорно двигаться к ней. Мы должны рассмотреть два вопроса: что такое цель и насколько она амбициозна?

Вопрос о цели человечества может показаться запутанным, однако нам несложно получить довольно конкретный ответ на него. Если мы зададим этот вопрос шести миллиардам жителей Земли, то большинство ответов, в общем, будет выглядеть так: экономическое благополучие, демократические институты, счастливая жизнь, в которой удовлетворены как физические, так и духовные потребности.

Обратите внимание, что в этой дискуссии есть скрытое допущение: говоря об «обществе» или «мире», мы автоматически предполагаем, что речь идет о планете Земля. Ученые, политики и обычные люди, говоря про общество и мир,

редко думают о том, что находится за орбитой Луны. Таким образом, мы можем свести общие устремления людей к одной фразе: «хорошая жизнь на Земле».

Чтобы рассмотреть наши вопросы — и, в частности, *насколько амбициозной* является цель, — мы прежде всего должны установить точку отсчета. В эпоху сельского хозяйства у обычного крестьянина, который жил в далекой, изолированной деревне, цель, скорее всего, состояла в том, чтобы возделать клочок земли, доставшийся ему по наследству от предков, согреть свою постель зимой, жениться и родить троих детей. Конечно, данная точка отсчета задает довольно низкую планку для современных людей, которые, очевидно, презирают и жалеют пастуха, цель которого — пасти овец, жениться, родить детей, научить детей пасти овец.

Теперь давайте проведем сравнение. Ради удобства подсчетов я предлагаю ввести концепцию «индекс целей»: отношение радиуса области, в которой человеку комфортно жить, к радиусу «самого большого мира», который находится в его досягаемости. Позднее я расскажу об этом более подробно.

Прежде всего определим индекс цели нашего

крестьянина. Каков радиус его жизненной зоны? Он соответствует скромным целям человека и поэтому должен быть более или менее равен расстоянию между деревней, в которой живет крестьянин, и полем, которое он обрабатывает. Этот параметр варьируется в зависимости от того, где именно он живет, но в среднем равен двум километрам. А каков максимальный радиус мира — дистанция, которую он физически может преодолеть? В соответствии с культурной средой, в которой он живет, он может узнать от деревенского учителя или путника, что живет на огромной сфере под названием «планета Земля», и это — самый большой мир, который находится в пределах его досягаемости. Половина длины окружности в области экватора составляет 20 000 километров. Следовательно, его индекс цели равен 2:20 000, или 0,0001.

Теперь обратим наш взор на человека, чей радиус жилой зоны равен радиусу самого большого мира, который находится в досягаемости крестьянина. Этот радиус равен половине длины окружности Земли в районе экватора — 20 000 километров. Радиус Вселенной, о которой знает этот человек, приблизительно равен 15 миллиардам световых лет. Однако из-за текущих физических

и технологических ограничений человек не может добраться до звезд, которые находятся за пределами Солнечной системы; возможно, ему никогда это не удастся. Самая удаленная точка Солнечной системы — Облако Оорта — находится приблизительно в одном световом годе от Солнца. Космическому кораблю, движущемуся с максимальной скоростью, которую позволяют развить современные технологии, понадобится более 20 000 лет на то, чтобы долететь до Облака Оорта. Поэтому мы ограничим нашу зону внешней частью пояса Койпера Солнечной системы, достичь которой вполне возможно. Среднее расстояние от Солнца до пояса Койпера составляет 20 миллиардов километров; космический зонд «Вояджер-1» уже пролетел 15 миллиардов километров, и это означает, что человек вполне может оказаться там. Таким образом, индекс цели данного человека равен 20000:20000000000, или 0,000001.

Сравнив два этих значения, мы увидим, что индекс цели у этого человека составляет всего 1 % от индекса крестьянина. Иными словами, цель крестьянина — такого незначительного и жалкого в глазах современных людей — в сто раз больше, чем цель всего человечества.

Эта скромная цель гораздо рациональнее, если взглянуть на нее в контексте. В прошлом люди страдали от голода, болезней, смуты и войны; в течение долгого времени выживала лишь половина новорожденных, и лишь около половины из этих выживших доживала до 15-летнего возраста. Много веков люди жили в бедности и страдали от голода. Даже я в детстве часто недоедал, а ведь моя семья уже находилась в довольно привилегированном положении. Поэтому, если вспомнить об историческом контексте, вполне понятно, почему величайшая цель человека состояла в том, чтобы обеспечить себе пропитание и комфорт.

Сейчас все по-другому. Большинство людей, обеспечив себя всем необходимым, стремятся удовлетворить свои эмоциональные потребности и занимаются саморазвитием. Да, около десяти процентов населения планеты до сих пор страдает от голода и у него нет доступа к медицинской помощи, но при этом современная цивилизация с беспрецедентной скоростью снижает уровень бедности. Нам все еще нужно многое сделать, но день, когда мы сможем ликвидировать бедность (в ее традиционном понимании), уже не слишком далек. С другой стороны, социальный прогресс позволил людям покинуть эру вар-

варства и хаоса, и все больше людей начинают разделять универсальные ценности гуманизма. Следовательно, вероятность начала мировой войны быстро уменьшается. Короче говоря, люди перешли к оседлой жизни впервые с тех пор, как 200 000 лет назад покинули Африку.

На древней Земле первые самовоспроизводящиеся органические молекулы родились в мутных океанах, в которые ударила молния. Спустя более чем три миллиарда лет эволюции наконец появилась первая цивилизация разумных существ. Когда мы оглядываемся назад и смотрим на невероятно долгий и сложный путь, который мы преодолели, нас переполняют чувства. Пора задать себе вопрос: зачем мы здесь?

Иными словами, людям стоит подумать о более амбициозных общих устремлениях. Разумеется, мы можем черпать вдохновение в науке и религии, но мне кажется, что самое большое и очевидное откровение находится прямо перед нами: размер видимой Вселенной составляет 15 миллиардов световых лет, а Вселенной, до которой можно добраться, — 20 миллиардов световых лет, однако мы зажаты в зоне радиусом всего 20 000 километров. Земля — полная энергии пылинка, но огромный космос, в котором она

находится, пуст; он — словно небоскреб, жильцы которого теснятся в чулане в одном из подземных складов. Это мощное откровение висит над нашими головами; оглушающий, но при этом безмолвный призыв к действию сопровождает человечество в течение всей его истории. Три миллиарда лет назад океан подарил откровение самокопирующимся органическим молекулам, а то откровение, с которым мы столкнулись сейчас, уже объявило о главной миссии человеческой цивилизации.

Конечно, мы знаем, что пустые разговоры, которые не подкреплены ничем, кроме ораторского пыла, вряд ли произведут впечатление на людей. Они живут в своей естественной среде — на Земле — и в настолько комфортных условиях, что богатство и удовольствия заботят их больше, чем успех в космических масштабах. Следовательно, если мы взглянем на эту миссию под другим углом, то обнаружим ее практическое значение: от нее зависит не только комфорт землян, но также их выживание.

Биосфера Земли — нестабильная, динамическая закрытая система; срок ее существования, как и у всех живых организмов, конечен, и доказательством тому является экспериментальный

проект «Биосфера-2», который осуществили США в пустыне штата Аризона. Мы не можем оценить старение биосферы Земли, просто потому что она значительно больше «Биосферы-2», площадь которой меньше одного гектара. Жизнь Земли измеряется геологическими эпохами. Да, она длинная, но и она неизбежно подойдет к концу. Экология Земли похожа на водоворот или отдельную волну в реке времени, и ее динамическое равновесие может в любой момент нарушиться, значительно измениться или рухнуть.

Например, если уровень моря поднимется или опустится на двенадцать метров, это станет катастрофой для хрупкого человеческого общества. В первом случае, насколько всем известно, прибрежные города и экономические зоны будут затоплены, и массовая миграция людей вглубь континентов приведет к невообразимому росту напряжения в обществе и коллапсу экономики. Во втором случае уровень моря снизится, и это даже более пугающее событие, поскольку его причиной станет увеличение материковых ледников в связи с глобальным похолоданием. Экстремальные изменения климата обрушат мировое сельское хозяйство, и две трети населения планеты умрут от голода, прежде чем система

снова придет в равновесие.

Однако люди редко думают о том, что всего за 20 000 лет уровень моря поднялся не на 12 метров, а на 120 — 20 000 лет назад, во время последнего ледникового периода, уровень моря был на 120 метров ниже, чем сейчас. Таким образом, даже человек, не обладающий даром предвидения, может понять: Земля — лишь временное жилище для людей. Будущее человечества связано с космосом.

Учитывая все вышеизложенное, я считаю, что нам следует снова подчеркнуть значимость космических исследований.

Для обычного человека важно то, как подобные исследования усиливают его страну и способствуют экономическому развитию. Ему нужна возможность более точно предсказывать погоду, создавать системы глобального позиционирования, увеличивать пропускную способность систем связи, выращивать в космосе огромные или, наоборот, маленькие помидоры… однако это никоим образом не является истинными задачами, которые стоят перед исследователями космоса.

Если мы считаем человечество кочевниками, которые плывут по длинной реке времени, то-

гда шесть миллиардов человек, входящих в это сообщество, можно поделить на три категории: большинство находится в середине и плывет по течению. Часть людей находится на периферии и активно защищает сообщество от внешних угроз. Наконец, впереди есть небольшая группа людей, которые сражаются за самое великое дело. Они смело идут туда, куда еще не ступала нога человека, и каждый их шаг — это самый первый шаг по неизвестной территории. Они смело идут вперед, невзирая на препятствия и опасности, чтобы расширить жизненное пространство для людей, которых они возглавляют. Вот идеальный образ для исследований космоса.

В знаменитом советском фильме «Укрощение огня»[85] один генерал жалуется политическому лидеру, что ученые «думают только об исследовании Вселенной, а не об интересах страны». Страны, о которой говорил генерал, как и ее национальных интересов, уже нет, и они представляют интерес только для историков. Однако достижения людей, исследовавших космос, не исчезли даже после распада Советского Союза. Че-

[85] Примечания: 85

«Укрощение огня» (1972) — художественный фильм режиссера Д. Храбровицкого, посвящен становлению советского ракетостроения, снят на основе биографии С. Королёва.

рез десять тысяч лет, возможно, ни один ребенок не спросит: «Дедушка, в какой стране впервые построили социализм?» Но какой-то ребенок наверняка задаст вопрос: «Дедушка, кто первым отправил людей в космос?»

На самом деле многие мои друзья, которые работают в аэрокосмической индустрии, до сих пор не понимают, насколько важна их работа. Их повседневная жизнь наполнена такими же горестями и радостями, как и наша. Но чем больше ученых и граждан страны, которые не осознают важность космических исследований, тем больше духовное богатство, которое мы теряем.

«Привет! У нас свидание с космосом!» — книга, которая заново знакомит нас с аэрокосмической индустрией. В этой книге речь идет о таких темах, как космические города, исследование планет, космические челноки, космические электростанции, космическая пища и психология астронавтов, и в ней освещены почти все аспекты космической индустрии. Подробная информация и яркий, образный язык создают величественную картину освоения космоса.

Но мы не должны забывать, что главная особенность этой книги — это ее «будущее время».

Недавно кто-то предположил, что развитие и

распространение информационных технологий создали иллюзию прогресса общества в целом. На самом деле после 1960-х годов человечество совершило мало значительных прорывов в области технологий, если не считать достижений в сфере информации, и это особенно заметно в аэрокосмической промышленности. За несколько десятилетий, которые прошли после высадки на Луну, основные аэрокосмические технологии, в том числе двигательные системы, почти не изменились — мы всего лишь «отшлифовали» то, что уже создано. Автор книги прекрасно это понимает, и поэтому не только описывает современное состояние аэрокосмической индустрии, но и говорит о том, какой она может и должна быть. Именно такая точка зрения отделяет эту книгу от остальных работ на ту же тему. Сделанные в ней предсказания относительно аэрокосмической технологии будущего — не научная фантастика, а, скорее, правдоподобные умозаключения, основанные на прочном научном фундаменте. Эта книга даже предлагает научные объяснения мечтам о космосе, которые я описал в романе «Задача трех тел».

Книга «Привет! У нас свидание с космосом!» показывает нам, что превращение всей Солнечной системы в дом для людей, который в сто тысяч раз больше, чем Земля, — не просто мечта или иллюзия, а цель, которая достижима как в теории, так и на практике. Если мы хотим, чтобы у человечества появилась более великая общая цель, более сложная, чем «еда, убежище и размножение», тогда эта книга поможет нам открыть глаза и расширить сознание. Она обеспечит научный фундамент для нашей мечты о космосе и поддержит нас в нашем стремлении выйти в огромные просторы. Вот что больше всего привлекает меня в «космическом будущем времени».

Янцюань,
17 декабря 2012 г.
Опубликовано в книге Чжао Яна «Привет! У нас свидание с космосом!»,
издательство университета Цинхуа,
июль 2013 г.

Драгоценный опыт апокалипсиса
Предисловие к «Побегу из родной Вселенной» Ван Цзинькана

Человечеству постоянно угрожают самые разные катастрофы. В 2012 году вышел целый спецвыпуск известного европейского научного журнала *Science & Vie*, посвященный двадцати версиям апокалипсиса. Если классифицировать их в соответствии с масштабами, то все можно поделить на три категории: локальные катастрофы, цивилизационные катастрофы и апокалиптические катастрофы. Локальная катастрофа влияет только на небольшую часть человечества, живущую в какой-то местности. Цивилизационные катастрофы затрагивают человечество в целом и могут привести к деградации или исчезновению цивилизации, однако числа выживших будет достаточно для того, чтобы восстановить ее или создать новую. Наконец, венец всех катастроф — апокалиптическая катастрофа, в результате которой люди как биологический вид исчезнут с лица Земли.

Пока что подавляющее большинство ката-

строф, в том числе такие природные катаклизмы, как землетрясения и эпидемии, а также антропогенные — такие, как войны и теракты, были локальными. Каждая такая катастрофа — это трагедия, однако они воздействуют на ограниченную область: обычно ее площадь меньше десяти % общей площади суши, а ее воздействие на человечество также ограниченно, поскольку число пострадавших редко превышает 300 миллионов человек.

Оглядываясь назад, можно сказать, что человечество почти ни разу не сталкивалось с цивилизационными катастрофами. В истории есть два случая, которые можно с натяжкой отнести к цивилизационным катастрофам: эпидемия чумы в Европе в 1438 году и Вторая мировая война. Однако оба события даже не повлияли на человечество в цивилизационных масштабах. От чумы погибла треть населения Европы, однако остальной мир от нее не пострадал. Как описано в романе Кима Стэнли Робинсона «Годы риса и соли», даже если бы от чумы погибли все европейцы, цивилизация в остальных частях света продолжила бы развиваться. Вторая мировая война шла почти по всему миру, и равной ей не было ни по масштабам боевых действий, ни

по числу жертв. Однако благодаря тому, что она проходила еще до изобретения атомных бомб, разрушительная мощь примененного оружия была ограничена определенными технологическими рамками: общий эквивалентный вес динамита, использованного в ходе Второй мировой, составил пять миллионов тонн — десять процентов самой большой ядерной бомбы, созданной после войны. Человеческая цивилизация выжила бы в любом случае, вне зависимости от того, кто победил. Единственная настоящая цивилизационная катастрофа, которая едва не произошла, была связана с ядерным противостоянием между НАТО и странами Варшавского договора в прошлом веке. Если бы началась полномасштабная ядерная война, ее разрушительной мощности оказалось бы достаточно для того, чтобы уничтожить человеческую цивилизацию. Теперь, когда это темное зловещее облако рассеялось, нам нужно восстановить хотя бы немного едва не исчезнувшей веры в человеческий разум.

Апокалиптических катастроф в истории человечества еще не было; нет и очевидных признаков того, что она неумолимо надвигается. Мы можем быть относительно уверены в том, что произошедшая на Земле катастрофа не станет причиной

апокалипсиса. Все сценарии, которые можем себе представить — деградация окружающей среды, новый ледниковый период, природная или антропогенная мировая пандемия и т. д., — скорее всего, приведут лишь к резкому падению численности населения или регрессу цивилизации, но не уничтожат человечество целиком. Полагаясь на унаследованные знания и технологии, выжившие постепенно приспособятся к миру, который сложится после катастрофы, и продолжат строить цивилизацию.

Апокалиптическая катастрофа может прийти только из космоса.

Вселенная полна великих сил, которые находятся за пределами нашего воображения; часть из них мы видим, но едва можем понять, а часть вообще не способны распознать. Эти силы могут в мгновение ока создавать звезды и уничтожать планеты. Наша планета — всего лишь пылинка во Вселенной, настолько маленькая в масштабах Вселенной, что нами можно полностью пренебречь. Если Земля вдруг исчезнет, на нашу Солнечную систему это повлияет лишь одним образом: орбиты оставшихся семи планет, на которых больше не воздействует Земля, изменятся, и в основном это скажется на планетах с

небольшой массой, похожих на Землю, — таких, как Меркурий, Венера и Марс. С другой стороны, орбиты массивных планет, похожих на Юпитер, останутся почти такими же, как и раньше. Апокалиптическая катастрофа приведет к полному нашему исчезновению, но для наблюдателя, находящегося в системе Проксимы Центавра, соседки Солнечной системы, уничтожение Земли будет эквивалентно сгоранию мотылька в пламени свечи в десятках тысяч километров от наблюдателя. Он вообще ничего не заметит. Даже на Юпитере будет сложно заметить какие-либо значительные изменения в Солнечной системе — просто исчезнет яркая точка, расположенная в той же стороне, что и Солнце.

Угрозы, надвигающиеся из космоса, предсказать сложнее, чем все остальные. На современном уровне развития нам крайне трудно прогнозировать крупномасштабные катастрофы — такие, как внезапные солнечные катаклизмы и взрывы Сверхновых. Другой вид катастроф абсолютно невозможно предсказать именно из-за самой природы законов физики. Если космическая катастрофа движется к Земле со скоростью света, то, поскольку во Вселенной не существует других сигналов, которые превышают скорость света,

«ранние симптомы» катастрофы доберутся до нашей планеты не раньше, чем сама катастрофа; иными словами, для нас катастрофа находится в «темной зоне», и поэтому мы не в состоянии предсказать ее появление.

Как любовь является вечной, повторяющейся темой в «большой литературе», так и апокалиптическая катастрофа нашла свое место в фантастике. «Побег из родной Вселенной» — произведение, в котором к Земле приближается апокалиптическая катастрофа из космоса.

В том, что касается масштабов, «Побег из родной Вселенной» — крайне амбициозная работа. В ней источником опасности является вся Вселенная; это означает, что Земле грозит уничтожение. По сравнению с другими книгами на данную тему книга отличается сеттингом: в большинстве фантастических произведений о катастрофах апокалипсис обрушивается на людей, словно *deus ex machina*, и все становится очевидным с самого начала; однако в «Побеге из родной Вселенной» он происходит постепенно, и это гораздо более реалистично. Роман описывает — на разных уровнях и с разных точек зрения — то, как люди постепенно узнают тайну; сюжет углубляется в подробности и хитросплетения

этой тайны. Персонажи видят искру надежды посреди отчаяния, а затем на них обрушиваются еще большие бедствия, надежды рушатся, и постепенно надвигается трагический финал. Роман устраивает читателям эмоциональные качели, то даря им надежду, то отнимая ее. Он дает им ощущения апокалипсиса, которые можно встретить только в фантастике. Вместе с тем космическая катастрофа в «Побеге…», в отличие от катастроф в других фантастических произведениях, является совершенно новой и основана на знаниях современной физики и космологии; описывая ее, автор не только демонстрирует общее представление об эволюции Вселенной, но и рассказывает о главных тайнах пространства-времени. Воображение автора бесконечно, и его дополняют невероятная проницательность и глубина философских размышлений.

Ван Цзинькан однажды сказал, что молодые фантасты смотрят на будущее из будущего, писатели среднего возраста — из реальности, а он сам смотрит на будущее из истории. Это заявление точно характеризует принципы, которыми Ван Цзинькан руководствовался, когда писал свои книги, и в том числе «Побег…». «Побег…», позволяющий взглянуть на будущее через призму

истории, отличается невероятной целостностью и глубиной мысли. Ван представляет себе человеческую катастрофу, смотрит на нее издали, рационально, и описывает то, как общество отреагирует на апокалипсис. Общее название цикла произведений Вана — «Жить» — указывает на то, что главной задачей человечества Ван считает выживание. Чтобы добиться этой цели, общество, которому грозит уничтожение, продвигает ценности и моральный кодекс, которые совместимы с апокалипсисом. Яйцерождение у людей, полигамия, крайние случаи автократии… нормы поведения и институты, неприемлемые в традиционном обществе, становятся обоснованными в контексте мира Вана.

Не так давно Китай посетил канадский фантаст Роберт Сойер. Когда он говорил о мрачной и суровой китайской фантастике, описывающей апокалипсис, ему казалось, что такой ее сделала историческая травма. С другой стороны, он, канадец, воплощает собой оптимистический подход к судьбе человечества во Вселенной. Я полностью согласен с ним в том, что шрамы истории неизбежно проявляются в наших представлениях о будущем. Однако если мы посмотрим на статус цивилизации землян во Вселенной, то увидим,

что человечество больше похоже не на современных канадцев, а на аборигенов, которые жили в Канаде пятьсот лет назад, еще до прибытия европейских поселенцев. В то время Канаду населяли сотни племен, состоявшие из разных этнических групп и представлявшие, по крайней мере, десять языковых семей, и их территория простиралась от Ньюфаундленда до острова Ванкувер. Если в то время писатель-фантаст из числа коренных жителей попытался бы представить себе будущее этих племен с тем же оптимизмом, которым мы обладаем сейчас, то задним числом мы могли бы сказать, что он был настроен *слишком* оптимистично. Недавно вышедшая книга Джорджа Эрасмуса и Джо Сандерса *Canadian History: An Aboriginal Perspective* [«История Канады: точка зрения коренного жителя»], которая привлекла к себе большое внимание, четко и детально иллюстрирует мою точку зрения.

В произведениях Ван Цзинькана определенно содержатся отголоски китайской культуры — даже в тех, где он описывает будущее и апокалипсис; именно потому что он рисует картины будущего, глядя на него через призму истории. Хотя «Побег из родной Вселенной» смело ломает традиционные этические нормы, фундаменталь-

ные моральные принципы, но идеи, лежащие в его основе, по-прежнему очень китайские, и это видно по мыслям и действиям главных героев — например, по отсылке к китайской аллегории «человек, который беспокоится о том, что падает небо». Эта книга оставляет читателя наедине с важной мыслью: обладают ли восточноазиатская культура и мораль, и в том числе китайская, более высокими шансами на выживание, чем западные?

Разумеется, «Побег из родной Вселенной» демонстрирует всего одну вероятность; ведь очарование фантастики в том, что она дает читателю самые разные варианты будущего. Мы мечтаем увидеть другие произведения, в которых описан более оптимистический взгляд на апокалипсис и которые рисуют совершенно иной сценарий — возможно, тот, в котором людям удается сохранить свои традиции и ценности.

А теперь вернемся к теме космических катастроф. Не важно, рассматриваем ли их с точки зрения теории или практики, человеческое общество в любом случае не готово к непредсказуемым угрозам, которые надвигаются из космоса. Изучением апокалипсиса в основном занимаются те, кто связан с религией, а на радаре ученых

этой темы нет. Мыслители посвящают свои философские труды настоящему и его линейному продолжению в будущем, но редко обращают внимание на такие внезапные изменения, как апокалипсис. Поэтому ни в эпоху Просвещения, ни в наши дни мыслители не уделяют внимание политике, экономике, законам, этике и культуре человеческого общества во времена апокалипсиса.

Апокалиптические катастрофы не упомянуты почти ни в одной конституции и ни в одном кодексе законов. Очевидно, это серьезный пробел в конституциональной системе. Я обсуждал эту проблему с одним ученым, и он утверждал, что существующая юридическая система уже создает относительно хорошо развитую структуру для противодействия катастрофам. Однако мне кажется, что этот ученый не заметил разницы между локальной, цивилизационной и апокалиптической катастрофами. Самое большое отличие заключается в том, что после локальной катастрофы пострадавшие могут рассчитывать на помощь прибывших издалека спасателей. При этом спасатели обычно обладают большими возможностями — общество фактически тратит все свои ресурсы, чтобы спасти малую часть населе-

ния, которая сильно пострадала. Однако в случае катастрофы, которая влияет на всю цивилизацию, или апокалипсиса, в опасности окажется все человечество, поэтому рассчитывать на спасение со стороны уже не приходится. Следовательно, уже существующие юридические системы и моральные кодексы утратят актуальность. И вот мой главный вопрос: что, если ресурсов всего общества хватит для выживания лишь части населения? Современные юридические системы и моральные кодексы не проливают свет на этот вопрос. Разумеется, сложно обсуждать этот вопрос в контексте существующих социальных ценностей, поскольку это неизбежно приведет к скандалу: можно спасти часть населения или можно сохранить верность ценностям гуманизма и позволить погибнуть всем. Руководствуясь фактами и логикой, мы можем спорить о том, какой вариант является правильным, но какой бы вариант мы ни выбрали в итоге, мы должны принимать решение, руководствуясь четкими юридическими и этическими правилами — такую ответственность накладывает на себя цивилизованный мир. В противном случае, когда настанет апокалипсис, мы застрянем в состоянии страха и смятения. А когда мир наконец

погрузится в хаос, люди уже утратят и чувство собственного достоинства, и свое будущее.

В свете данной дискуссии потрясающие ощущения, созданные «Побегом из родной Вселенной», снова показывают нам, насколько уникальным является жанр научной фантастики.

Янцюань,
20 ноября 2013 г.
Опубликовано в 2013 г. в книге Ван Цзинькана «Побег из родной Вселенной», Сычуаньское издательство научной и технической литературы, 2013 г.

Поэтическая фантастика
О Кене Лю

Когда рассказ «Бумажный зверинец» получил премию «Хьюго» в 2012 году, мне захотелось подарить Кену Лю целый комплект бумажных зверинцев. Впоследствии я выяснил, что создание оригами из бумаги поистине чудесное искусство, таящее в себе множество сюрпризов. Между процессом складывания бумаги и конечным продуктом обычно нет никакой очевидной связи: после серии сложных и необъяснимых движений бумага становится совершенно бесформенной, но затем ее просто выворачивают наизнанку, и она внезапно оживает, словно по волшебству. Помните, как в детстве мама учила вас делать бумажный кораблик? Это классический пример. Таким образом, человек, создающий бумажные зверинцы, должен обладать невероятным пространственным воображением. Я думал о том, можно ли применить при создании изделий из бумаги какой-нибудь математический язык — например, топологию. В Китае есть много превосходных мастеров, которые делают ре-

алистичные и хрупкие бумажные зверинцы, выдающиеся образцы дизайна. К сожалению, эти произведения искусства крайне непрочные, и поэтому я мог бы подарить Кену Лю только небольшой и простой зверинец — такой, какой Лю мог бы унести с собой и где-то хранить. Разглядывая подарки, купленные для него, я с трудом мог поверить в то, что эти изумительные фигуры созданы просто из сложенного листа бумаги без дополнительных разрезов. Я с трудом удержался от того, чтобы не развернуть их и не изучить их структуру.

Для меня создание бумажных фигур — вид искусства, который создает красоту из математической точности и рациональности. То же самое можно сказать о фантастике Кена Лю.

В основе литературы лежит эстетика, которую можно назвать «поэтичностью». В научной фантастике есть два вида поэтичности: один из них является врожденным качеством литературы, а другой — особенностью фантастики как жанра.

Фантастика, как один из видов литературы, играет в той же «песочнице», что и другие жанры, и поэтому должна воплощать в себе литературную поэтичность, которая возникает при изображении людей. Отношения между людьми, между

человеком и обществом и между человеком и эпохой составляют основную часть литературы. Современная литература, в частности, фокусируется на внутреннем мире человека, на сознании и духовности, создавая сложные, многомерные картины выражения жизни и человечности, — и это является неотъемлемой частью литературной поэтичности.

С другой стороны, поэтичность научной фантастики в основном связана с изучением отношений между человеком и технологиями, человеком и Вселенной, а также между человеком и природой. Научная фантастика разворачивается в воображении, созданном с помощью науки, и в ее основании находится придуманный писателем мир. Благодаря воображению фантастика создает мир, который является нереальным, но не сверхъестественным. В «большой» литературе основной объект поэтичности — «персонажи», но в фантастике они до какой-то степени заменены «миром»; и в фантастике среда обитания и виды живых существ могут существовать в качестве независимых литературных фигур. Воображение и креативность, проявленные при их создании, являются важными компонентами поэтичности фантастики. Фантастика создает историю

о реальных людях в нереальном мире. Таким образом, человечность в фантастике — еще один критически важный фактор в поэтичности научной фантастики. Поэтичность фантастики уникальна и не встречается в других жанрах. По сравнению с литературной поэтичностью, поэтичность фантастики более тесно связана с технологией и природой, она отражает суровость, отражая твердость и непреодолимость законов природы. Более того, эстетические качества науки — непротиворечивость и гармония логики, симметрия, простота и новизна, — которые редко встречаются в «большой» литературе, также вносят большой вклад в поэтичность фантастики.

Поэтичность «обычной» литературы и фантастики по-разному используют эстетику: поэтому они редко сосуществуют в одном и том же произведении и, возможно, даже нейтрализуют друг друга. В классических фантастических произведениях один из видов поэтичности обычно доведен до совершенства. Например, традиционная «кэмпбелловская» фантастика — такая, как произведения Артура Ч. Кларка и Айзека Азимова, — наполнена поэтичностью фантастики, а работы Рэя Брэдбери являются классическими примерами литературной поэтичности.

Однако Кен Лю, писатель-фантаст, который встречается один на миллион, добился невозможного: он объединил оба вида поэтичности.

Произведения Кена Лю — восхитительные и уникальные. Например, «Некоторые способы изготовления книг разумными расами Вселенной» — это серия чудесных рассказов, в которых описаны разные способы, с помощью которых разные космические цивилизации записывают и усваивают информацию; у кого-то есть мозги, сделанные из текущей воды, а другие считывают со всего, что есть во Вселенной, в том числе в черных дырах. Эта волшебная история о космических цивилизациях и культурах открывает нам глаза на мир. *The People of Pele* [«Народ Пеле»] рассказывает о кристаллической форме жизни, которая резко отличается от тех, что известны нам. Состав и эволюция подобных форм жизни переворачивают с ног на голову наши представления о биологии и значительно расширяют наше воображение. Я могу с уверенностью заявить, что в этом произведении описан необычный образ внеземных существ, который я когда-либо видел.

Другие работы Кена Лю наполнены размышлениями об отношениях человека с технологиями

и Вселенной. Стоит остановиться на рассказе «Исчисляемый»: эта история о математике, которая описывает разные виды бесконечностей и тем самым показывает нам математический мир, который из однообразной последовательности чисел превращается в огромный и глубокий объект, похожий на звездное небо. Числа, которые мы встречаем в повседневной жизни, — всего лишь вершина айсберга. Если мы заново изучим жизнь, глядя на нее через эту великую призму математики, то почувствуем, что наше понимание жизни всегда было частичным и ограниченным. Именно благодаря потрясающему воображению и глубокой перспективе Кен Лю может использовать поэтичность научной фантастики.

Если описывать литературные качества произведений Кена Лю, нет более точного определения, чем «поэтичные». Когда читаешь его работы, возникает особое ощущение умиротворения и мягкости, которую редко встретишь в фантастике. Его текст — словно спокойное озеро, в котором отражаются все цвета жизни в мире быстро изменяющихся технологий, а также все печали и радости Вселенной. Я, конечно, не хочу сказать, что автор — хладнокровный наблюдатель, который не сочувствует героям своих историй. Мы

как читатели чувствуем, что автор постоянно симпатизирует тому, что находится рядом с ним. Его сюжеты, такие нежные и хрупкие, отсекают весь шум, связанный с технологиями, и оставляют нам умиротворяющую поэтичность, которая задевает самые нежные струны нашей души. Нежная и спокойная поэтичность видна даже в рассказе «Моно-но аварэ», в котором изображен апокалипсис, и в рассказе «Волны», посвященном великому пути эволюции, по которому идет раса людей.

Если мы говорим о литературной поэтичности в произведениях Кена Лю, нельзя обойти вопрос о том, как он использует элементы азиатской культуры. Я не хочу преувеличивать влияние китайской и азиатской культуры на его произведения — более того, корни его произведений глубоко уходят в американскую культуру, а азиатские элементы являются проявлением разнообразия американской культуры, а также обширных познаний самого Лю. Как сказал автор в интервью: «Моя работа *отличается* от произведений других американских писателей только в том смысле, в каком каждый американец отличается от всех остальных американцев, ведь такие индивидуальные отличия были неотъемлемой

чертой американца еще в те времена, когда страну посетил Алексис де Токвиль»[86]. В повести «Все разнообразие вкусов» китайская и американская культуры, вместо того чтобы противостоять друг другу, дополняют друг друга. Главный герой, который прибыл из истории Китая, говорит, что он теперь будет рассказывать не о том, как был китайцем, но о том, как он стал американцем. Но азиатская культура все равно играет важную роль в творчестве Кена Лю. Например, в «Моно-но аварэ» ментальность и поведение людей, столкнувшихся с апокалипсисом, самопожертвование главного героя и его семьи характерны для азиатской культуры. Если не считать рассказов «Все разнообразие вкусов» и «Бумажный зверинец», в которых отсылки к азиатской культуре очевидны, в остальных произведениях они довольно тонкие, на уровне оттенков. Умиротворяющая поэтичность, деликатность и нежность, которую Кен Лю демонстрирует в своих произведениях, очень сильно напоминают азиатскую культуру.

Фантастика Кена Лю — идеальное сочетание фантастической и литературной поэтичности; в ней технология уже не является чем-то хо-

[86] Примечания: 86

Цитата из https://amazingstories.com/2014/12/interview-ken-liu-english-version/

лодным, твердым и презираемым, она — часть повседневной жизни, часть человечества. Техника стремительно и необратимо изменяет нашу жизнь; в ходе этого процесса, какой бы выбор мы ни сделали, наша жизнь обретет незнакомый облик, и это вызовет у нас невыразимо сложные чувства и ощущения. В рассказе «Волны» люди эволюционируют, превращаются из смертных из плоти и крови в полубогов, но даже когда им приходится принимать сложные решения, они по-прежнему сохраняют в себе искру человечности и чувство собственного достоинства. Я не хочу сказать, что Кен Лю отвергает технологический прогресс; он, скорее, трезво смотрит на жизнь, которую изменили высокие технологии, и на непростой выбор, который предстоит сделать людям. В рассказе *Arc* [«Дуга»], посвященном бессмертию, один из персонажей заявляет о том, что выражение «смерть придает смысл жизни» — это ложь. Тем не менее главный герой, устав от бессмертия, выбирает старение и смерть, чтобы избавиться от оков времени. В «Моно-но аварэ» изображен апокалипсис, часто встречающаяся тема в фантастике, однако здесь он представлен в виде лирического стихотворения. Темы мрака, спасения и жертв наполнены поэтичностью. «На-

род Пеле» является воплощением еще одного вида поэтичности: в этом рассказе люди начинают новую жизнь на новой планете, но им приходится сосуществовать с невероятной, но артистически прекрасной иной формой жизни, и это говорит нам о том, что Вселенная хранит в себе бесконечные возможности для жизни и живых существ. В «Послании» инопланетяне пытались предупредить всех о высоком радиоактивном фоне; они потерпели неудачу, но воздвигнутый ими знак поражает воображение своим изяществом и величием. Самое поучительное изображение жизни можно найти в «Исчисляемом»: мы сталкиваемся с математической сущностью матери-природы, абсолютно непостижимой для нас, и наша собственная жизнь тоже существует на уровне, который находится за пределами нашего воображения. «Жизнь», которую может постичь наш рациональный разум, состоит лишь из нескольких верхушек айсберга, торчащих из воды, а его основная масса остается невидимой. Мир, состоящий из чисел, выходит за границы чувств и разума — какая ошеломляющая, пугающая картина!

Я, если честно, не обратил особого внимания на работы Кена Лю, когда впервые наткнулся

на них, — именно в тот период моей жизни я как читатель впал в летаргическое состояние и искал в произведениях только то, что шокирует и пробирает до костей. Однако затем все изменилось. Если каждое фантастическое произведение было бы музыкальной пьесой, то постепенно я бы обнаружил, что все остальные песни уходят на второй план, но мелодия Кена Лю не исчезает, а с каждым днем звучит все более отчетливо. Затем я нашел все произведения Кена Лю, с жадностью проглотил их и понял, что научная фантастика — это не только креативность и увлекательные сюжеты, но также элегантность, глубина и поэтичность.

Хочу заметить, что произведения Кена Лю, в которых безупречно интегрирована поэтичность фантастики и литературная поэтичность, являются уникальными и абсолютно незаменимыми.

22 декабря 2014 г.

Опубликовано в книге Кена Лю «В петле», Сычуаньское издательство научной и технической литературы, март 2015 г.

Поденка в море звезд
Предисловие к «Году Страшного суда»
Хэ Си

В мгновение ока над озером появилось плотное, размытое облако.

Поденки!

Эти существа, такие хрупкие и уязвимые, отчаянно пытались вырваться из воды, они раскрывали крылья и взмывали в небо. Они сбивались в группы, толкались, даже давили друг друга… у поденки было только одно устремление — взлететь в небо. У поденки была только одна судьба — танцевать, словно бесплотная частица пыли и дыма.

Сумерки неумолимо надвигались…

Произошла одна ошибка, затем другая. Тела поденок, похожие на пыльные снежинки, падали, словно капли дождя, который постепенно усиливается. Одни висели на ветвях деревьев, другие приземлялись на кончики травинок, они плавали на поверхности воды, становясь кормом для рыб… По мере того как на этой стороне Земли начиналась ночь, все вокруг поденок уже погру-

зилось в вечную тьму. Ни одна из них не увидит новый рассвет.

Это — удивительное описание поденок из «Года Страшного суда». Крошечных насекомых с невероятно коротким сроком жизни, которые рождаются утром и умирают ночью, давно оплакивают поэты. Однако человечество уже поняло, что в масштабах природы судьбы людей и поденок не так уж отличаются.

Продолжительность жизни человека составляет приблизительно восемьдесят лет, то есть она с самого начала невелика. Даже если мы путешествуем со скоростью света, то за жизнь сможем преодолеть расстояние в восемьдесят световых лет. За это время континенты едва сдвигаются на метр, а в ходе эволюции видимые изменения проявляются приблизительно через 20 000 лет. По сравнению с таким сроком восемьдесят лет — всего лишь миг. В какой-то степени судьба людей даже более прискорбна, чем судьба поденок, — ведь мы, в отличие от них, осознаем свою незначительность.

У нас есть довольно веская причина задать вопрос «тому самому»: почему мы созданы такими? «Тот самый» может быть Богом, всемогущим творцом для теистов, или законами природы для

атеистов. Почему жизнь человека так коротка? Наиболее вероятный ответ из тех, которые у нас есть сейчас, — это эволюция. Продолжающийся цикл жизни и смерти приводит к возникновению естественного отбора; смерть и рождение индивидуумов позволяют человечеству продолжать свою эволюцию. Сейчас мы не можем быть уверены в том, есть ли другие причины или нет. Кроме того, на Земле существует несколько почти бессмертных видов — таких, как бессмертная медуза *Turritopsis nutricula*, но подавляющее большинство живых организмов живет так же, как и поденки.

Контраст между короткой жизнью одного человека и долгой историей человечества привел к появлению довольно резко отличающихся друг от друга мнений относительно выживания индивидуума и вида в целом: жизнь одного человека коротка и конечна, а вот вид может быть бессмертен. Пока что назовем данную концепцию «иллюзией вида».

Иллюзия вида особенно четко проявляется в китайской культуре. Концепция Армагеддона, или Конца света, есть у авраамических религий, но у китайцев ее нет. Китайская культура подсознательно верит в то, что она бессмертна.

Если мы устремим взгляд в прошлое, то увидим, что раньше иллюзия вида даже больше соответствовала интуиции людей, чем сейчас. Как на востоке, так и на западе в ту долгую эпоху, когда прогресс практически отсутствовал, а иногда даже сменялся регрессом, отдельному человеку было сложно увидеть, как его жизнь и мир могут измениться. В течение всей жизни он фактически снова и снова проживал один и тот же день. Один правитель мог захватить чужие владения, но, в общем, менялось только название царства, а земля, структура и социальная система оставались неизменными.

Но после промышленной революции «иллюзия вида» рухнула. Время перестало быть спокойным озером и превратилось в бурный поток. Эволюция цивилизации приобрела совершенно определенное, новое свойство — направленность. То, что прошло, отныне останется в прошлом и никогда не повторится. Появление направленности намекает на существование конечной точки. Современная наука также доказывает, что апокалипсис действительно существует. Солнце постоянно изменяется — несмотря на то, что мы не можем заметить эти изменения невооруженным взглядом, — и после кажущегося

бесконечным, но все-таки имеющего определенную продолжительность периода времени оно умрет. Что же касается Вселенной в целом, то хотя космология еще и не определила, является ли расширение Вселенной закрытым или открытым, оба варианта так или иначе ведут к концу: Вселенная, если она постоянно расширяется, порвет всю материю на части и превратится в холодную, мертвую ночь; с другой стороны, если Вселенная сжимается под действием силы гравитации, она уничтожит все, схлопнувшись в новую сингулярность. Теперь мы понимаем, что у каждого вида и цивилизации, как и у любого отдельного человека, есть и начало, и неизбежный конец.

Появление современной науки нанесло серьезный удар по китайской иллюзии вида, однако она сохранилась в литературе. Писатели постоянно сожалеют о том, что жизнь человека коротка, однако никогда не пытаются поговорить о конце вида и цивилизации. Даже китайская научная фантастика попала в эту ловушку: с самого момента своего возникновения в конце эпохи династии Цин и начале республиканского периода она с неохотой изображает апокалипсис. После создания нового Китая тема апокалипсиса в литературе стала табуированной: считалось,

что ее отличают пессимизм и декадентство, свойственные капиталистической культуре. Однако люди часто забывали о том, что диалектический материализм, распространенное философское учение того времени, признавал концепцию апокалипсиса, или конца, был признан с философской точки зрения; когда человек старшего поколения говорил о старении, болезнях и смерти, он всегда добавлял: «Я — материалист», и в его голосе слышались ноты оптимизма и широты взглядов.

Новое поколение китайских фантастов начало осторожно приближаться к теме апокалипсиса, особенно в последние годы. Возьмем, к примеру, романы последних лет — мой цикл «Задача трех тел», «Побег из родной Вселенной» Ван Цзинкана, а также «Год Страшного суда» Хэ Си: в каждом из них есть тема апокалипсиса. Мы видим, что, по крайней мере, фантасты решили всерьез поговорить об этой тяжелой и великой теме.

В нашей жизни «год» — важная концепция. Это единица времени, которая определяется через астрономический цикл вращения Земли вокруг Солнца; она также подразумевает конец человека, поскольку жизнь человека обычно короче 100 лет. В китайской легенде «год» — чудовище,

которое пожирает жизнь, и в каком-то смысле это действительно так.

Для вида или цивилизации, как и сказано в романе Хэ Си, есть «год Страшного суда». Это не просто единица времени, но также жуткий намек: по сравнению с обычным годом «год Страшного суда» в миллион раз длиннее и в миллиарды раз больше. Он более жесток по отношению к виду, чем год — к отдельному человеку, потому что большинство видов едва могут пережить один «год Страшного суда», не говоря уже о сотне.

Действие романа в основном происходит в Китае. Китайская культура, которая никогда не разрабатывала концепцию надвигающегося конца света, наконец-то столкнулась с приближением апокалипсиса. В книге изображены самые разные аспекты жизни — сложный социальный фон, политика, экономика, армия и религия. Ван Цзинкан в предисловии к «Году Страшного суда» пишет:

«Автор обладает обширными познаниями в самых разных областях — в том числе в религии, истории, астрономии и фольклоре. Основываясь на фактах, Хэ Си рисует такую убедительную картину апокалипсиса, что я не могу отличить правду от вымысла. Главную подсказку он спря-

тал очень тщательно, и с помощью дедукции, основанной на теории и фактах, он постепенно подводит читателей к последнему откровению — спокойному и рациональному, но при этом увлекательному. Кроме того, он постоянно усиливает напряжение благодаря предзнаменованиям».

С другой стороны, Хань Сун говорит следующее:

«В произведении меня удивило огромное количество знаний: оно содержит информацию о биологии, экологии, теоретической физике, астрофизике, космологии, астрономии, метеорологии, математике, нейробиологии, компьютерных науках, психологии, истории, политологии, религии… Автор демонстрирует глубокий уровень понимания в каждой из этих областей и предлагает свой, уникальный взгляд на мир. Это очень похоже на работу, которую проделал Сакё Комацу, когда писал “Гибель Дракона”. В то же время история увлекает читателя, и по уровню саспенса ее можно сравнить с триллерами Дэна Брауна. Примечательно, что автор “Года Страшного суда” не проповедует национализм и тоталитаризм, а поддерживает ценности гуманизма и сочувствует обитателям созданного им мира. Фактически

он хочет показать, что люди — всего лишь поденки во Вселенной. Кое-кто утверждает, что научная фантастика уже исчерпала все темы. Однако, прочитав “Год Страшного суда”, понимаешь, что нам еще многое предстоит исследовать и открыть и что мы должны стремиться найти “ответ”. Другие говорят, что современные люди никогда не превзойдут наших предков в том, что касается философии, что в литературе они могут придумать новую форму или метод, но не новые темы и философские вопросы. “Год Страшного суда” показывает нам, что китайские фантасты упорно работают над новыми философскими темами и уже достигли немалых успехов. Они не просто обсуждают старые проблемы, но предлагают новые и сложные мысленные эксперименты. Тем же занимается Лю Цысинь в романе “Темный лес”, второй книге цикла “Задача трех тел”».

Как я уже сказал в предисловии к роману Хэ Си, мы можем наслаждаться невероятным уровнем воображения и креативности в одном фантастическом произведении, обдумывать философские проблемы во втором и погружаться в увлекательный сюжет третьего. Однако Хэ Си — единственный писатель, книги которого дают нам все три эти возможности одновременно. Это

особенно верно для «Года Страшного суда» — его первого романа, в котором сливаются все эти элементы, объединить которые фантастика обычно не может.

В «Годе Страшного суда», первом романе в серии, главный герой узнает о надвигающемся кризисе. История развивается, мы открываем слой за слоем, многочисленные сюжетные линии тесно связаны между собой, и уровень эмоционального напряжения весьма высок. Мир романа тщательно проработан, логичен и наполнен техническими подробностями; с другой стороны, он выходит за рамки воображения.

Комментаторы часто говорят, что главное отличие фантастики от традиционной литературы состоит в том, что в фантастике целый вид или цивилизация могут быть изображены как отдельные существа. Чтобы отличать виды друг от друга, автор обычно вводит в произведения несколько биологических видов, в том числе инопланетных. Но хотя в романе «Год Страшного суда» человечество, похоже, является единственным видом разумных существ, у читателя постоянно создается ощущение того, что человечество является единым целым. В книге много сложных, многогранных персонажей: ученые,

политики, солдаты, обычные люди, католические священники и буддийские жрецы — все они есть в книге. Однако мы чувствуем, что глаза, которые смотрят на этот мир, принадлежат не этим людям, а находятся где-то высоко в небесах. Этот наблюдатель видит Землю и человеческую цивилизацию целиком. Его глаза вглядываются в бесконечное время, смотрят как на момент зарождения жизни, так и на далекое будущее. Они продолжают наблюдать за нами, смотреть на год Страшного суда, осмыслить который отдельный человек не в состоянии.

Если человек знает, что рано или поздно он умрет, его ценности будут отличаться от ценностей того, кто считает себя бессмертным. То же можно сказать и о цивилизации. Прочитав роман «Год Страшного суда» и снова посмотрев на небо, мы увидим огромную тень, которой год Страшного суда накрыл море звезд. Тогда мы расширим наши представления о жизни, станем мерить ее не годами, а годами Страшного суда, и, не боясь за свою душу, смело посмотрим в лицо апокалипсису.

Янцюань,
15 июня 2015 г.
Опубликовано в книге Хэ Си «Год

Страшного суда», Сычуаньское издательство художественной литературы, октябрь 2015 г.

Третье измерение Хань Суна

Мне кажется, что фантастика должна заставлять человека чувствовать, а не думать, ведь художественная литература — это литература чувств. Кто-то в Сети заявил о том, что современная фантастика «отказывается думать», хотя, скорее всего, это следовало бы читать как «отказывается чувствовать». Немногие фантастические произведения действительно вызывают у читателей какие-либо чувства, и к числу таких работ относятся и произведения Хань Суна. Я что-то чувствовал, когда читал «Космическое надгробие» и «Бегство с Горы тревог», но эти чувства не были очень сильными. Эти тексты, скорее, вызывали те же ощущения, что и острое лезвие, которое делает неглубокий разрез в твоей коже. Поначалу рану почти не замечаешь, но она, в общем, так и не заживает. Читая эту книгу, я словно втираю в рану пригоршню соли — и это чувство совсем не похоже на то, первое ощущение. Фантастика уже давно не вызывала у меня подобных переживаний.

Хань Сун ни на кого не похож. Говоря словами У Яня, он — «единственный и неповторимый». Я

всегда думал о том, чем он выделяется, и теперь мне стало ясно: он ощущает на одно измерение больше, чем все мы, и, следовательно, в его фантастике тоже на одно измерение больше, чем в нашей. Хань Сун сочиняет трехмерную фантастику, в то время как наша — двухмерная. Думая о двух измерениях, мы представляем себе плоскую поверхность, лист бумаги для сочинения, в клеточку… и да, написанное на нем сочинение — это двухмерная фантастика. Конечно, качество таких сочинений варьирует, но все они — двухмерные. Как далеко ни простиралась бы плоскость, даже самый маленький трехмерный куб всегда будет просторнее, чем она.

Если писатель-фантаст или читатель фантастики может изложить смысл произведения в нескольких предложениях, значит, оно плохо написано; если произведение, написанное в жанре фантастики, заставляет кровь в жилах читателя вскипать от ярости, значит, в большинстве случаев это произведение свернуло куда-то не туда. Данные феномены характерны для двухмерной фантастики, и, к сожалению, они присутствуют и прекрасно заметны во всех моих произведениях.

Кто-то утверждает, что Хань Сун похож на Ни Куана, хотя на самом деле в мире фантастики

они находятся на противоположных полюсах: Хань Сун — самый глубокий, Ни Куан — самый поверхностный; у Хань Суна десять глаз, у Ни Куана — один; Хань Сун — трехмерный, Ни Куан — одномерный… они, словно верхняя и нижняя части молитвенного барабана, которые являются зеркальными отражениями друг друга, настолько противоположны, что действительно кажутся похожими.

Я не собираюсь ругать Ни Куана в данной статье. Я согласен с одним моим сетевым знакомым, который сказал, что победителей не судят. Я повторю то, что уже говорил: ни один китаец не распространил огонь фантастики так далеко, как он. А вот в работы Хань Суна каждый должен погрузиться сам, каждый должен увидеть их своими глазами. Когда фанатам фантастики исполнится тридцать пять, наши одномерные веревки с узелками и двухмерные сочинения, какими бы хорошими они ни были, уже не смогут их привлечь. Для этого понадобится трехмерная фантастика.

Хань Суна я видел всего однажды и сказал ему только одну фразу: «Давайте как-нибудь поболтаем!» Это было в начале ноября прошлого года — в кафетерии Пекинского педагогического уни-

верситета. Когда я прибыл туда, он уже собирался уходить. Лучше всего я запомнил его сумку — на первый взгляд могло показаться, что он подобрал ее на свалке, но, вполне возможно, что это была люксовая вещь из дорогого бутика. Его произведения точно такие же.

У меня такое чувство, словно Хань Сун сам не подозревает о том, что у него есть дополнительное измерение или восемь дополнительных глаз. Наличие этих глаз не ощущается ни в его «Манифесте о воображении», ни в работах, которые он выпустил под псевдонимом; похоже, они работают только в произведениях, опубликованных под его собственным именем. Он выбрал не одну и не две, а целых четыре моих работы для сборника «Лучшая китайская фантастика 2001», что и лестно, и удивительно одновременно, — куда смотрели еще восемь его глаз? Я спрашиваю не из ложной скромности: по-моему, такой человек, как он, человек, который ощущает третье измерение, должен быть не слишком высокого мнения о моей строго плоской, двухмерной фантастике.

Вполне естественно, что такие трехмерные фантастические произведения остаются недооцененными; для жанра это не является трагедией. Более того, даже если выпустить их в США, нет никаких гарантий, что там они найдут много читателей. Нам, двухмерным созданиям, не стоит чувствовать себя существами второго сорта — сравнивая двухмерную фантастику с сочинениями, я не хочу никого оскорбить. Есть хорошие сочинения, а есть плохие. В прошлом году сочинение «Смерть рыжего кролика», написанное школьником на вступительных экзаменах, получило максимальную оценку и стало чем-то вроде национальной сенсации. Двухмерные существа не могут выйти за пределы своего мира и оказаться в третьем измерении, но нам все равно следует стараться и писать хорошие сочинения в нашем двухмерном мире, ведь если китайская фантастика — это пирамида, тогда наши сочинения, хотя и плоские, складываются, формируя широкий и толстый фундамент. Только когда он станет достаточно прочным и высоким, весь мир сможет увидеть трехмерную верхушку пирамиды.

Опубликовано в «Многомерном пространстве» № 3, 2002 г.

Современная американская фантастика
Взгляд через призму двух премий

«Небьюла» и «Хьюго» — главные мировые премии, которыми награждают произведения в жанре фантастики; первую присуждают критики, вторую — читатели. После того как появилось движение «новой волны», Западная научная фантастика стала более разнообразной, и премии «Небьюла» и «Хьюго» последних лет прекрасно это отображают. Если взглянуть на номинантов и победителей, можно заметить следующие тенденции:

1. **Идеи традиционной научной фантастики** по-прежнему обладают большим влиянием. Большая часть работ, номинированных или награжденных за последние два года, имеет явное технологическое «ядро» — быть может, в них и нет стандартного сюжета в стиле Кэмпбелла, но в их основе по-прежнему лежат традиционные идеи о технологиях. Просто современные научные теории значительно превзошли абстракции «золотого века» 1930-х — 1940-х годов, и техноло-

гии, описанные в новых произведениях, стали еще более таинственными, чем в «традиционных» работах. Например, в рассказе Стивена Бакстера *The Gravity Mine* [«Гравитационная шахта»], получившем в 2001 году премию «Хьюго», описана жизнь человечества во Вселенной, которая близка к тепловой смерти — моменту, когда материя и энергия исчезнут. Люди сливаются воедино, образуя реку, состоящую из энергии; они вращаются со скоростью света вокруг, и лишь отдельные части волны ненадолго обретают индивидуальность. В конце индивид по имени Анлик выращивает новую жизнь на обнаженных частицах, которые вибрируют среди сингулярностей рядом с остатками черной дыры. В рассказе изображен роскошный, огромный космос, и благодаря ему произведение превращается в научно-фантастическую версию Книги Бытия. В повести Теда Чана «История твоей жизни», получившей «Небьюлу» в предыдущем году, описана наука, созданная формой жизни, которая может видеть одновременно все сегменты времени: и прошлое, и будущее. В этой истории определенно есть богатый материал, основанный на технологиях; его так много, что требуется диаграмма, помогающая его объяснить; а части,

в которых идет речь о лингвистическом обмене с инопланетянами, содержат восхитительно точный текст, похожий на диссертацию по лингвистике. Различные догадки в области физики также описаны строго, но при этом еще и очень стильно. Повесть Майкла А. Бурштейна *Reality Check* [«Проверка на практике»], в 2000 году номинированная на премию «Небьюла», рассказывает о том, как ускоритель высокоэнергетических частиц открывает врата в параллельный мир; в этом произведении также нет недостатка в технологиях. Рассказ Стивена Бакстера «На линии Ориона», номинант на «Хьюго» в этом году, который также получил награду «Выбор читателей» журнала *Asimov Science Fiction*, — типичная «твердая» научная фантастика о том, как цивилизация на холодной планете меняет фундаментальную константу Вселенной, тем самым мешая человечеству добраться до другого рукава галактики Млечного Пути. О том, какой становится материя после изменения фундаментальной константы, очень интересно читать.

Еще одно проявление идей традиционной фантастики: в большинстве произведений все еще использованы классические методы повествования, эти работы написаны простым языком, и

их персонажи испытывают искренние чувства. Одним из таких произведений является повесть «История твоей жизни»; эта работа написана на высоком уровне литературного мастерства и содержит уникальные и глубокие мысли о времени, судьбе и жизни. Прочитав это произведение, мы долго обдумываем его, и оно вызывает в нас удивление и тревогу. Его язык обладает элегантной простотой; несмотря на то, что в истории пересекаются элементы пространства и времени, сюжет течет естественно, словно в стихотворении, наполненном яркими образами.

2. **Внимание к проблемам общества,** сильное чувство предназначения и ответственности. За последние два года многие произведения-номинанты посвящены реалистичным проблемам общества; эти произведения создают четкий образ будущего человеческого общества. Например, в рассказе *Hothouse Flowers* [«Тепличные цветы»] Майка Резника, номинанте на премию «Хьюго» 2000 года, автор рисует внутреннее состояние работника дома престарелых, чтобы создать жуткую картину стареющего общества, в котором люди живут сотни лет. Повесть Л. Тиммел Дюшам *Living Trust* [«Доверительный фонд»], выдвинутая на премию «Небьюла» в 2000 году, посвящена

социальным проблемам, которые возникают, когда новейшие достижения науки, продлевающие жизнь, оказываются под контролем самых богатых людей мира. А история Элинор Арнасон *Stellar Harvest* [«Звездный урожай»], номинированная на премию «Хьюго» 2000 года, рассказана от лица женщины, которая использует супермедиа, чтобы снимать в космосе голографические фильмы, посвященные проблемам этнонационализма и шовинизма. В произведении Лесли Уот *The Cost of Doing Business* [«Издержки бизнеса»], получившем премию «Небьюла» 2000 года в категории «Лучший рассказ», история человека, работающего «суррогатной жертвой», использована для того, чтобы показать кошмарный сценарий развития общества с запредельным уровнем коммерциализации. Среди этих работ наибольшее впечатление производит рассказ Майкла А. Бурштейна *Kaddish for the last survivor* [«Каддиш для последнего выжившего»], номинант на «Хьюго» 2001 года; в нем описано общество будущего, в котором холокост практически забыт, и последняя пережившая холокост женщина записывает свои воспоминания на чип, чтобы передать их своей дочери. Это возвышенная, глубокая и очень трогательная история. Рассказ

Кристин Кэтрин Раш *Millennium Babies* [«Дети нового тысячелетия»], получивший «Хьюго» 2001 года, — уникальное произведение в жанре социальной фантастики; в нем рассказывается о том, как на рубеже тысячелетия люди спешат зачать ребенка так, чтобы он родился до Нового года. Тридцать лет спустя один социолог изучает родившихся детей и выясняет, что дети, которые родились чуть позже полуночи, были фактически брошены своими родителями — и духовно, и физически, потому что таким образом родители стремились выиграть крупный приз, а дети в результате их разочаровали. Впоследствии жизнь этих детей стала абсолютно печальной и жалкой. В рассказе четко подмечены определенные черты общества, и он содержит глубокие мысли, заставляющие читателя не раз грустно вздохнуть. Вместе с тем есть и другой вид произведений, в которых акцент сделан на политику. К их числу относится короткая повесть «Такламакан» Брюса Стерлинга, номинированная на премию «Небьюла»[87]: это мрачная, пропитанная антикитайскими настроениями история о подземных испытаниях ядерного оружия, которые проводят-

[87] Примечания: 87

Рассказ не получил «Небьюлу», но зато получил премии «Хьюго» и «Локус».

ся в какой-то пещере в западной части Китая. В этих злобных нападках на этнонациональную политику Китайской Народной Республики мы видим знакомое влияние идеологии «холодной войны».

Нам всегда казалось, что Западная фантастика, пришедшая на смену «новой волне», редко обращает внимание на то, что не имеет отношения к науке или литературе, — что искусство это не более чем способ применить воображение и выразить свою индивидуальность. Но это не так. В сообществе китайских любителей фантастики время от времени появляются люди, требующие, чтобы мы писали что-нибудь «полегче». Если честно, мы так и сделали, и в результате наша фантастика по сравнению с американской кажется легкой, словно перышко, но теперь она насквозь пропитана «снами о лунах над заснеженными равнинами и о цветах на ветру». Что за чушь!

3. **Тенденция к разнообразию** сильна как никогда. Помимо уже представленных работ, которые являются более традиционными, большую часть номинантов составляют произведения, написанные в авангардистском стиле, мало-

понятным языком, — такие, как «Маки» Терри Биссона, обладатель «Небьюлы» 2000 года. Другие произведения полностью вышли за наши представления о научной фантастике; примером может служить номинант «Небьюлы» 2000 года — рассказ Брюса Холланда Роджерса «Мертвый мальчик стучит в окно»[88] — рассказ о ребенке, который умирает сразу после рождения и становится посланцем между мирами света и тьмы. *Flower Kiss* [«Поцелуй цветов»] Констанции Эш, еще одна работа 2000 года, — это история о маленькой девочке, которая побеждает злую мачеху с помощью магии; фактически это средневековая сказка. Еще один номинант на «Хьюго» 2001 года, *Redchapel* [«Редчепел»] Майка Резника — произведение в жанре альтернативной истории; в нем бывший президент США Теодор Рузвельт расследует убийство в Англии. Эта история похожа на рассказы про Шерлока Холмса, однако в ней много странных знаков и символов, которые поймет только американец; слишком много отсылок к реалиям американского общества и политики XIX и XX веков, о которых не знает китайский читатель. Но главным сюрпризом для

[88] Примечания: 88
Премия Брэма Стокера 1998 года.

китайских фанатов фантастики стал тот факт, что «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» получил премию «Хьюго» в категории «Лучший сценарий»! Но то, что произведения в жанре альтернативной фантастики признаны и включены в список, не означает, что они столь же многочисленные, как произведения, написанные в традиционном стиле. И это важный урок для китайских писателей-фантастов и критиков: идеи научной фантастики действительно могут расцветать, словно сто цветов, и ограничиваться каким-то одним определением точно не стоит, поскольку при этом ты воистину «замыкаешься в своем коконе, словно шелкопряд».

Опубликовано 15 февраля 2003 г. на форуме «Научная фантастика» сервера университета Цинхуа

Несколько книг на моем пути в фантастике

Книги влияют на человека самими разными способами, но самые важные — те, которые влияют на его жизненный путь. Я как писатель-фантаст просто хочу рассказать о тех книгах, которые привели меня в научную фантастику.

Произведения Жюля Верна о машинах. Фантастику Жюля Верна можно, в общем, поделить на две большие группы, в зависимости от того, что в них описывается: первая группа — истории о научных исследованиях, вторая — истории о больших машинах. Произведения второй группы более «научные»; к ним можно отнести «20 000 лье под водой», «Плавучий остров» и «Из пушки на Луну». В машинах, которые появляются в этих историях, использованы паровые двигатели и примитивная электротехника XVIII и XIX веков. Грубая и примитивная техника является символом «детского» этапа в истории современных технологий, и их детская невинность добавляет произведениям определенную эстетику. Главное в этих чудесах техники — то наивное

удовольствие, которое люди получают, впервые увидев их. Это ощущение — плодородная почва, на которой растет научная фантастика. Люди по-прежнему наслаждаются видом больших машин, и доказательством этого являются мотивы стимпанка, которые появились в фантастике в последнее время. Такая фантастика показывает нам не то будущее, которое представляем себе мы, современные люди, но то, каким его видели наши предки в XIX веке. В фильмах, снятых в жанре «стимпанк», мы видим большие паровые машины, примитивные летательные аппараты, похожие на железные крейсера, торчащие во все стороны медные трубки и старомодные инструменты. Стимпанк — это сиквел эпохи больших машин, которые воображал Жюль Верн. Он не только позволяет нам полюбоваться на большие машины, но и вызывает и теплое чувство ностальгии.

«2001: Космическая одиссея» Артура Ч. Кларка относится к совершенно другому жанру фантастики. Это тоже технологическая фантастика, но она тем не менее находится на противоположном полюсе того типа фантастики, который включает в себя машины Жюля Верна. Верн пишет о технологиях, которые лишь на шаг

опережают современные ему, а Кларк описывает время и пространство, которые сошлись, образовав идеальный чистый мир. Я прочел этот роман в начале 1980-х, и для меня он стал первым произведением, которое так хорошо и так быстро описывало всю историю — от их появления до гибели (или вознесения). Это яркая, резкая, живая фантастика, а от взгляда на мир с точки зрения Бога я едва не задохнулся от шока. Книга «2001: Космическая одиссея» позволила мне познакомиться с совершенно другим литературным стилем — таким, который обладает и философской абстрактной трансцендентальностью, и роскошным литературным языком. Оба этих качества позволяют описать самое большое существо во Вселенной, которое мы не можем ни ощутить, ни представить себе.

«Свидание с Рамой» Артура Ч. Кларка — пример того, какой силой обладает фантаст, создающий миры. Все произведение — словно генеральный план для творца; оно показывает нам чужой мир фантазий, в котором каждый кирпич уложен с восхитительной тщательностью. В этом романе, как и в «Космической одиссее», инопланетяне так и не появляются, но сам вымышленный мир способен завладеть нашим воображением.

Если истории Верна заставили меня полюбить фантастику, то именно книги Кларка побудили меня сделать первые шаги к написанию своих произведений в жанре фантастики.

Три антиутопии — «1984» Джорджа Оруэлла, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и «Мы» Евгения Замятина находятся на периферии фантастики как жанра, но я увидел в них еще одно свойство фантастических произведений, а именно способность отражать реальность и вмешиваться в нее так, как современная проза в жанре реализма никогда не сможет делать. «1984» не занимает высоких позиций в мире литературы; его влияние в основном ограничено сферами политики и социологии. В этом году на конвенте в городе Чэнду несколько писателей даже заявили о том, что именно благодаря роману «1984» тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год не стал воплощением дистопии Оруэлла. Это, несомненно, преувеличение, но фантастика не только позволяет людям насладиться плодами воображения, но и обладает реальной силой, недоступной другим литературным формам. В ходе моей дискуссии с профессором Цзян Сяоюанем мы оба заявили о том, что в «1984» более светлый мир, чем в двух других антиутопиях, потому что

в этой книге человеческая природа подавлена, но, по крайней мере, все еще существует. В мирах двух других романов человеческая природа растворилась в технологиях. В литературе реализма такую тьму выразить невозможно.

Если говорить о качестве прозы, то «Война и мир» Толстого и «Война и память» Германа Вука не находятся на одном уровне, но в данном случае я фокусируюсь на ситуацию с высоты птичьего полета, который характерен для обоих произведений. Оба автора создают панораму войны. В отличие от лирической и восхитительной литературы, которая следует за нитями отдельных чувств, подобные шедевры помогают нам осознать существование человечества как единого целого, и именно в этом и заключается перспектива фантастики.

«Путеводитель по науке» Айзека Азимова — это огромная штука, похожая на каталог, но я никогда не видел еще одной столь же системной работы, доступным языком объясняющей основы современной науки. «Космос» и «Драконы Эдема» Карла Сагана — еще два научно-популярных произведения, которые прибыли в Китай относительно рано, и хотя они выглядят немного устаревшими в свете более новых и свежих

теорий, они все равно смотрят на науку через призму эстетики. Сегодня подобный метод не кажется необычным, но в начале 1980-х это реально открыло мой «третий глаз» и заставило его обратить внимание на науку.

Самая замечательная особенность «Эгоистичного гена» Ричарда Докинза — это его холодность, абсолютно ледяное спокойствие, с которым он описывает основные качества жизни. Даже если его выводы необязательно верны, он сообщает нам нечто важное: то, что мы не способны осознать, в чем состоит окончательная цель жизни в целом, человеческой жизни, мира и Вселенной. А «Освобождение животных» Питера Сингера, напротив, призывает нас подарить мир и любовь всем существам, а не только людям, и это точно так же заставляет нас взглянуть на человеческую цивилизацию с таких высот, о существовании которых мы и не подозревали. С какой стороны ни посмотри, обе эти книги очень даже относятся к фантастике.

Но самые научно-фантастические книги — это «Первые три минуты» Стивена Вайнберга, а также *Last Three Minutes* [«Последние три минуты»] Пола Дэвиса. Вайнберг невероятно поэтическим языком описывает два предельных состояния

Вселенной — рождение и гибель. Эти события очень далеки от реальности нашего современного мира, но, возможно, действительно имели место. Притягательность научной и научно-фантастической литературы заключается в том, что они могут переместить нас во время, в котором мы никогда не будем жить, и в те места, до которых мы никогда не доберемся. Мы должны признать, что в этом отношении наука добилась бóльших успехов, чем фантастика. Каждая страна в мире использует самые смелые и самые величественные идеи, чтобы создать мифы о своем становлении, но ни один из них не является столь же величественным и шокирующим, как теория Большого взрыва в современной космологии. Эволюция живых существ столь романтична и наполнена такими поворотами сюжета, что по сравнению с ней истории о том, как Бог и Нюйва создали мир, кажутся плоскими и пресными.

Кроме того, еще есть общая теория относительности, с почти поэтическими представлениями о времени и пространстве, и микроскопический мир квантовой физики, похожий на джинна из бутылки. Эти миры, созданные наукой, не просто сложны для понимания — они недоступны для понимания. Авторы мифов и легенд никогда бы не смогли создать подобные образы. Но воображение и красота науки заперты внутри холодных и жестоких уравнений, и, чтобы увидеть их свет, обычным людям приходится напрягать все силы. Но как только красота науки разворачивается перед людьми, она способна растрогать их и очистить их души, и в каких-то аспектах превосходит красоту традиционной литературы. Фантастика — это мост, ведущий к красоте науки. Она выпускает красоту из научных уравнений и снимает с нее завесу, чтобы ее могли увидеть все.

Опубликовано в «Южном еженедельнике»
13 декабря 2009 г.

Рекомендованные произведения в жанре фантастики

Каждый месяц в этой колонке публикуется список произведений, объединенных какой-либо темой. Рекомендации делятся на три списка — «Желторотик», «Яркая звезда» и «Прах».

«Желторотик»

По сравнению с произведениями, относящимися к другим жанрам литературы, число опубликованных в Китае фантастических романов (в том числе в переводах) невелико, поэтому я с определенной неохотой делю рекомендации на категории. Их я в основном разделяю по стилю.

Ранняя научная фантастика в основном относится к классу «Желторотик», ведь технологии, описанные в произведениях того времени, теперь являются общеизвестными, поэтому «порог понимания» в данном случае ниже. В то же время фантастические произведения раннего периода, по сравнению с современной фантастикой, на которую повлияли модернизм и постмодернизм, написаны четким и ясным языком; их авторы

прежде всего стремились рассказать интересную историю.

1. Жюль Верн «20 000 лье под водой, «Из пушки на Луну» и «Плавучий остров».

Научно-фантастические романы Жюля Верна не были полностью отделены от европейских приключенческих романов, но самые завораживающие элементы научной фантастики уже в них присутствуют, и наука и технологии играют в них весьма важную роль, а главным объектом являются отношения между человеком и природой, а не между людьми. Хотя техника, которая описана в них, из фантастической стала частью реальности, истории не утратили своего очарования. Следует заметить, что произведения Верна написаны в уникальном стиле, и подобных им в фантастике не встречается.

2. Герберт Уэллс «Машина времени», «Война миров» и «Человек-невидимка».

Социальное измерение произведений Герберта Уэллса гораздо более сложное, чем у Жюля Верна, и в то же время Уэллс отвергает оптимизм Верна, связанный с развитием технологий: будущее вызывает у него тревогу. Уэллс, по сравнению с Верном, сильно повлиял на развитие научной фантастики во всем мире. В его произведениях

впервые описаны инопланетяне, путешествия во времени и биотехнология.

«Яркая звезда»

Если вы добрались до этого уровня, значит, у вас уже есть четкое представление о рамках жанра фантастики. У каждого произведения есть свой словарь и стиль, а различия между произведениями разных видов являются значительными. Читатели уровня «Яркая звезда», скорее всего, уже понимают, какие именно произведения им нравятся, поэтому ниже мы приводим представителей трех разных стилей:

1. Артур Ч. Кларк «Фонтаны рая».

Классическое фантастическое произведение, в основе которого лежат технологии. Стиль называют «кэмпбелловским», и «фантастикой» массовый читатель до сих пор считает именно такие произведения.

2. Рэй Брэдбери «Марсианские хроники».

Роман «литературной» фантастики, но в нем нет запутанности и авангардистских приемов, характерных для «новой волны». Эта книга покажет вам, какой прекрасной и поэтичной может быть фантастика.

3. Джордж Оруэлл «1984».

Научная фантастика, основанная на социологии. В этом романе подробно описана одна из возможных форм общества будущего.

«Прах»

Если честно, я не очень понимаю смысл этого названия — мне ясно лишь то, что в данной категории объединены какие-то альтернативные, авангардные и сложные для понимания произведения. Научная фантастика — это массовая литература, и в ней не должно быть много подобного добра. Часто произведение может показаться непонятным из-за культурных различий.

1. Ким Стэнли Робинсон «Красный Марс», «Голубой Марс» и «Зеленый Марс».

Один из самых «твердых» образцов «твердой фантастики». Это своего рода мемуары человека, который стал свидетелем суперинженерного проекта. Эти романы повествуют о том, как человечество открывает для себя новую планету.

2. Филип К. Дик «Человек в высоком замке».

Классика альтернативной истории. Сюжет скрыт завесой тайны, тщательно прописан и рассказан с невероятной сдержанностью. Мир романа открывается постепенно, почти незамет-

но для читателя.

3. Конни Уиллис «Книга Страшного суда».

Классическое произведение, посвященное путешествиям во времени, обладатель премий «Небьюла» и «Хьюго». История разворачивается медленно, сюжет крайне фрагментирован, однако создает напряжение, задевающее струны души читателя. Эта история связана с эпидемией чумы 1348 года, в ходе которой человечество оказалось практически на грани вымирания.

4. Роберт Хайнлайн «Чужак в стране чужой».

Роман, который в свое время обожало бесчисленное множество молодых людей, пусть даже все они жили в странах Запада. Для того чтобы ощутить очарование этой книги, необходимо преодолеть не только культурные барьеры, но и большое число догм.

5. Томас Пинчон «Радуга тяготения».

Традиционная литература имеет привычку красть все, что плохо лежит. Когда поборники «серьезных» книг видят выдающийся образчик фантастики, они похищают его и объявляют мейнстримом. Научная фантастика уже очень долго считается второсортным или даже третьесортным жанром. Но теперь мы повторим этот фокус: мы позаимствуем кусочек «большой»

литературы и перенесем его в фантастику. Это произведение многие называли шедевром современной «Большой литературы», но на самом деле его содержание очень даже фантастическое: сложный сюжет, похожий на галлюцинацию, включает в себя физику, ракетостроение, высшую математику, психологию, а также другие элементы науки и технологии. Однако постмодернистский стиль, похожий на сбивчивое, малопонятное бормотание спящего человека, а также большой объем книги — восемьсот страниц — станут большим испытанием для читателя. Другие классические произведения, которые можно вернуть в фантастику, — это романы «Повелитель мух» и «Заводной апельсин».

6. Хань Сун «Алый океан».

Роскошная и жуткая эпическая история с беспрецедентным новым измерением и взглядом с высоты птичьего полета на прошлое, настоящее и будущее человечества. Ощущения от данной работы выходят за рамки воображения.

Опубликовано в «Пекинской юношеской ежедневной газете»
6 июля 2012 г.

Письмо для моей дочери
Вместо послесловия

Моя милая дочь,

Возможно, это письмо ты никогда не получишь. Я кладу его в банковскую ячейку — с инструкцией передать его тебе через двести лет после моей смерти. И все же я верю, что у тебя есть шанс его прочитать.

Полагаю, что ты открыла конверт? Когда он окажется у тебя в руках, бумага, наверное, уже станет редкостью, и люди уже давно перестанут писать ручкой по бумаге. Ты увидишь слова на этом листе бумаги лет через двести после того, как твой папа покинул этот мир и затерялся в долгой ночи времени. Я не знаю, как изменится человеческая память за эти два века, однако вряд ли можно надеяться, что ты хотя бы запомнишь мое лицо.

Но если ты читаешь этот текст, значит, по крайней мере одно из моих предсказаний сбылось: при жизни твоего поколения человечество победило смерть. Сейчас, когда я пишу это письмо, кое-кто утверждает, что уже родились первые

люди, которые будут жить вечно. И я в числе тех, кто в это верит. Не могу сказать, как вам всем это удалось — возможно, вы нашли «рубильник», который запускает старение и смерть, и отключили его, отредактировав нужные гены. А может, вы научились переводить память в цифровой формат, а затем выкладывать ее в Сеть и скачивать по мере необходимости, и тело теперь является лишь одним из многих контейнеров для сознания, и по мере старения тела можно менять… Я могу придумать еще много вариантов, но ясно одно: какие бы повороты ни произошли в жизни, ты — по-прежнему ты. И если учесть, что впереди у тебя долгое будущее, то ты, наверное, все еще считаешь себя ребенком.

То, что ты получила это письмо, также говорит нам о том, что банк — или, по крайней мере, сервис по хранению ценностей — работает нормально. Это подсказывает мне, что за эти двести лет общество не пережило крупных потрясений. Об этом приятно думать, ведь если это действительно так, то, возможно, сбудутся и другие мои предсказания. Вскоре после твоего рождения я снабдил мой роман этим посвящением: «Моей дочери. Пусть она живет в мире радости». Я верю, что теперь твой мир действительно наполнен

радостью.

Где ты прочла мое письмо? Дома? Я так хочу узнать, какой вид открывается из твоего окна. Но ведь окна тебе не нужны: ты, скорее всего, можешь увидеть мир и без них! В твою суперинформационную эпоху все материальные объекты могут стать экранами — в том числе стены твоего дома. Ты можешь в любой момент убрать стены и оказаться в любой обстановке…

Возможно, мои слова покажутся тебе нелепыми — столь же нелепыми, как слова человека, который живет в эпоху династии Цин и пытается описать жизнь в двадцать первом веке. Но тебе следует знать, что развитие мира ускоряется, и за двести лет, которые пройдут после XXI века, новые технологии, возможно, превзойдут все достижения человечества за предыдущие две тысячи лет. На самом деле я, скорее, похож на человека, похож даже не на него, а на человека из эпохи Сражающихся царств, который пытается представить себе XXI век. Должно быть, я не обладаю достаточно богатым воображением, чтобы создать картину твоей реальности. Но поскольку я писатель-фантаст, я должен приложить все усилия, и тогда, возможно, мне удастся отчасти вообразить фантастическую новую реальность, в

которой ты оказалась.

Ну ладно. Может, ты так и не прочла это письмо. Возможно, оно в руках другого человека и этот человек сейчас очень, очень далеко. И этот человек читает письмо. Но тебе кажется, что ты читаешь его. Ты чувствуешь текстуру бумаги, слабый запах чернил, которым уже несколько столетий… Потому что в твою эпоху интернет соединяет не только компьютеры, но и сознание людей. Когда эпоха информации достигнет своего пика, наверняка появится интерфейс, который свяжет сознание разных людей напрямую. Твоим детям больше не придется делать сложные домашние задания, ведь традиционного обучения уже нет: любой может получить все знания и ощущения, просто подключившись к Сети. Такой мир выходит за пределы моего воображения! Поэтому я перехожу к более понятной для меня теме.

Я думаю о детях. Ты читаешь это письмо вместе со своими детьми? Остались ли дети в вашем обществе долгожителей? Думаю, да. К тому времени, когда ты будешь это читать, в пространстве, поддерживающем жизнь людей, уже не будет недостатка, ведь Солнечная система так богата ресурсами. Если Земля может обеспечить мил-

лиард человек, то ресурсов Солнечной системы хватит на сто тысяч таких планет, как Земля. Все вы наверняка уже начали строить новые миры в космосе.

Должно быть, вокруг твоего дома много свободного пространства; на зеленом естественном ландшафте стоят редкие постройки. Вероятно, урбанизация была лишь недолгим этапом в истории. Развитие информационных сетей, возможно, «размыло» города — настолько, что они вообще исчезли. Люди снова стали единым целым с природой. Но размеры виртуальных городов в интернете, должно быть, увеличились, а плотность населения в них повысилась. Ты в любое время можешь оказаться прямо посреди торгового центра.

На что похоже небо в вашем мире? Небо — самый постоянный элемент человеческого мира, но мне кажется, что в ваше время оно должно сильно измениться. Кроме Солнца, Луны и звезд, в ночном небе, похоже, можно увидеть еще кое-что: недавно появившееся еле заметное кольцо, которое образовали переместившиеся в космос электростанции, заводы и штаб-квартиры компаний. С поверхности Земли это кольцо едва можно разглядеть; оно — словно роскошное ожерелье,

протянувшееся по небу. Оно состоит из небесных городов. Я даже могу представить себе их названия: Новый Пекин, Новый Шанхай, Новый Нью-Йорк и так далее.

Возможно, ты уже не на Земле. Возможно, ты живешь в небесном городе или где-то еще дальше. Я представляю тебя на Марсе, в городе, накрытом огромным, прозрачным защитным куполом, вокруг которого раскинулась бесконечная красная пустыня. Видишь ночное небо за пределами купола? Посмотри на голубую звезду. Ты родом оттуда. Двести лет назад вся твоя семья жила там.

Чем ты занимаешься? Уверен, в твое время работает лишь небольшое число людей, и при этом их деятельность никак не связана с необходимостью прокормить себя. Но в вашем мире наверняка остались сложные и опасные задачи, выполнять которые должны люди. Возьмем, к примеру, Марс. Вряд ли вам удалось терраформировать его за двести лет, поэтому работа в марсианской пустыне должна быть очень тяжелой. В то же время на огненных шахтах Меркурия, под серными дождями Венеры и в опасном поясе астероидов, в замерзших океанах лун Юпитера и даже на окраинах Солнечной системы, в

холодном, пустом космосе за пределами орбиты Нептуна работает бесчисленное множество людей. Ты, разумеется, имеешь право выбирать свою судьбу, но если ты принадлежишь к числу этих людей, то я тобой горжусь.

Одна работа, которую я всегда представлял себе, наверное, стала частью реальности. Эта работа, которая сложнее всех остальных, работа, для которой нужен запредельный уровень самопожертвования, — исследование Вселенной и звезд. Я верю: к тому моменту, когда ты прочтешь это письмо, к звездным системам уже отправятся первые корабли, а другие будут готовиться к запуску. Для тех, кто отправляется к звездам, это всегда путь в один конец. Хотя все вы живете долго, эти полеты будут длиться еще дольше — тысячу, а может, даже десять тысяч лет. Я не желаю тебе всю жизнь провести на корабле, но верю, что такая миссия тебя привлекает. Потому что ты — моя дочь.

Довольна ли ты своей эпохой? У каждой эры есть источники негатива. Я не могу знать, что именно злит и раздражает тех, кто живет в ваше время, но могу предположить, что именно вас уже не задевает. Прежде всего, вам уже не нужно спешить и перенапрягаться. Бедность, должно

быть, уже стала древним, непонятным словом. Вы раскрыли тайну жизни, и болезни остались в прошлом. Войн и несправедливости в твоем мире больше нет… Но мне кажется, что разочарования не исчезли и в вашем мире иногда может даже возникнуть великая опасность или кризис, но представить их себе я не могу — с тем же успехом человек, живший в эпоху Сражающихся царств, мог бы вообразить себе парниковый эффект. Позволь мне рассказать тебе о моем самом большом опасении.

Вы уже встретили ИХ?

Ты понимаешь, о ком я. Встреча человечества с НИМИ, возможно, произойдет лишь через десять тысяч лет. Но, с другой стороны, она может произойти уже завтра, и это самый большой фактор неопределенности для человечества. Я написал научно-фантастический роман о человечестве и о НИХ — роман, который, разумеется, уже давно забыли. Но я верю, что ты еще помнишь его, поэтому наверняка поймешь, что именно я больше всего хочу узнать о будущем. Вы уже встретили ИХ? Я не могу услышать твои слова, но все равно прошу тебя ответить. Достаточно просто сказать «да» или «нет».

Милая дочь, уже поздно. На дворе ночь. Ты крепко спишь в своей комнате. В моем времени тебе тринадцать лет. Слушая, как за окном шумит летний дождь, я снова вспоминаю день, когда ты родилась. Ты сразу открыла глаза, свои ясные глазки, и с любопытством посмотрела на мир. Когда я увидел это, мое сердце растаяло. Это был тридцать первый день пятого месяца первого года двадцать первого века, накануне Дня детей. А теперь твой папа стоит на противоположном берегу реки времени; сейчас ночь, идет дождь, и все это происходит двести лет назад в твоем прошлом. Желаю тебе всегда быть счастливой, словно ребенок!

Папа
24 мая 2013 г.
Первая публикация – в «Пекинских новостях», 1 июня 2013 г.